

ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ

**СПЕЦНАЗ
ГРУ
ЭЛИТА ЭЛИТ**

МИХАИЛ БОЛТУНОВ

Annotation

Новая книга военного журналиста Михаила Болтунова расскажет о героях из спецназа ГРУ. Их жизнь до сих пор проходит под грифом «Совершенно секретно», но автор располагает уникальной информацией и охотно делится ею с читателем.

Исследование охватывает огромный период. Это подразделение смогло вместить в себя всю военную историю XX века. Сколько было войн — столько и воевали: в Гражданскую, в финскую, на Халхин-Голе, в Великую Отечественную и многочисленных локальных конфликтах «холодной войны», в «горячих точках» после развала Советского Союза. И, несмотря на весь этот ад, они победили, потому что была у этих людей великая вера в Отечество.

-
- [Михаил Болтунов](#)
    -
    - [Через две войны...](#)
    - [Эдельвейсы для капитана](#)
    - [«Данила»-мастер](#)
    - [Майор Перов из рода Стрельцовых](#)
    - [«Это жизнь, браток...»](#)
    - [Последний бой Олега Ильина](#)
    - [Эта тяжелая мужская работа](#)
    - [«Он вчера не вернулся из боя...»](#)
    - [Четвертый день рождения полковника Бочарова](#)
    - [Командировка на войну](#)
    - [Владимир Ульянов по прозвищу Ленин](#)
    - [«Последний из могикан» группы «А»](#)
    - [«...в смерть твою поверить невозможно»](#)
    - [Прощай, мой муж](#)
    - [Три боя Виктора Карпухина](#)
    - [Служу Отечеству](#)
    - [Наш командир боевой](#)
-

Михаил Болтунов

Спецназ ГРУ. Элита элит

Дорогие читатели!

Как вы начинаете свой будничным, рабочий день? Станный вопрос, не правда ли? Встаете и, как миллионы соотечественников, спешите на работу или учебу. И это вполне нормально, пусть и обыденно.

Но есть среди нас люди, которые каждое утро, а если необходимо, и каждую ночь, собираются и идут... воевать. С террористами. Они, к сожалению, не перевелись ни в нашей стране, ни вообще в мире.

Правда, эту войну с террором в прессе и на телевидении называют по-разному, но всякий раз весьма политкорректно: «наведением конституционного порядка», «контртеррористической операцией», «борьбой с незаконными вооруженными формированиями». Тут уж, как говорят в народе, хоть горшком назови. Однако война — она и есть война. С кровью, болью, ранеными, искалеченными, убитыми, с трагедиями для людей, семей, народов.

Война с терроризмом стала для большинства россиян некоей фантомной болью. Вроде и нет ее, а болит, нудит, беспокоит. То и дело приходят быстрые сообщения, мелькают короткие сюжеты по телевидению: взрыв, очередной теракт, нападение из-за угла, убийство. Вот в очередной раз банда террористов сделала кровавую вылазку, напала на полицейских в Грозном, захватила дом печати. Была уничтожена. Есть убитые и раненые.

Да, время от времени террористы стараются взорвать этот мир. Выходит, война с террором на самом деле не фантом, а реальность. Пусть не хочется в это верить. Да что там верить, и думать об этом не хочется.

Вот и получается, что нам помыслить о той войне тяжело, а им идти в бой, под огонь террористов, под пули и гранаты. Кто они, эти люди? Наши люди. Лучшие люди России. Честные и мужественные сыны Отчизны. Те, кто первым встал на пути террора и не сходит с него до сих пор. Они — профессионалы сил специального назначения. Пока что у них, к сожалению, всегда есть работа.

Я дружен с ними более четверти века, знаю об их делах не понаслышке, и, поверьте, за эти годы жизнь их мало изменилась. Они по-прежнему на войне. Иначе сегодня нельзя.

Современный терроризм кровав и жесток. Это беда вселенского масштаба, не признающая ни границ, ни стран, ни континентов. И только профессионалы сил специального назначения способны противостоять ему.

О них, донкихотах современности, их тяжелой службе и героических делах — эта книга.

С уважением автор.

Через две войны...

*Каких друзей война мне подарила?
Да тех, кого потом назад взяла...*

Стихи неизвестного автора

Начало апреля в горах Чечни было неустойчивым и капризным. Свирепые ветра вперемешку с дождем сменялись вязким туманом. Туман окутывал все вокруг и, казалось, залезал в душу. Но проходил час-другой, лес на склонах гор очищался, становился прозрачен и гулок. Солнце, полетному яркое, цепкое, катилось по склонам, выжигая тени.

Группа бойцов спецподразделения «Вымпел» готовилась из базового лагеря выйти в дозор, чтобы провести разведку местности и противника. После высадки из вертолетов, на третий день пути, они подошли к предполагаемой базе боевиков. Теперь оставался последний этап — проверить правильность оперативных данных, вскрыть координаты базы и уничтожить ее.

Отдел полковника Алексея Баландина находился на Северном Кавказе уже полтора месяца. Бойцы порядком устали. Хотелось домой, вернуться в мирную, спокойную жизнь, к семьям, к женам, детям. Отдохнуть, восстановиться... Но командировку продлили. Что поделаешь, такое бывает. Конечно, никто по этому поводу восторгов не высказывал, но и трагедии не делал. Надо — значит, надо. В конечном итоге без надобности никто не собирался держать сотрудников в этих горах.

Отправляя дозорную группу, полковник Баландин пошел их проводить. Как скажет потом командир дозора: «Алексей Васильевич — начальник отдела, полковник, да и возраст у него приличный, он не должен постоянно с нами ходить на такие задания. Но он ходил. Не мог зама послать или издали контролировать. Такой был человек. Такой у него характер. И потому, высылая группу, пошел проводить нас до рубежей охранения».

Самое трагичное состоит в том, что на малом кусочке горной земли, где через несколько минут подорвется Баландин, до него топталось немало людей — командир отделения, наблюдатель из охранения, который сидел здесь же у дерева, саперы, проверявшие местность. Каждый из них мог

подорваться. Но подорвался самый старший и самый опытный. Что ж, на войне как на войне...

Для Алексея Васильевича Баландина это была вторая война.

* * *

Первая началась в январе 1985 года. В своем дневнике, который он начал вести в 16 лет, еще в школе, лейтенант Баландин коротко записал — *«15 декабря 1984 года. Вызвал командир полка, сообщил про Афган»*. И больше ничего, ни словечка, ни запятой. Как переживал Алексей это сообщение, теперь уже никто не узнает.

Следующая запись сделана 19 января 1985 года. Рядом с датой всего одно слово. Те, кто бывал «за речкой», знает — слово это бьет по нервам покруче выстрела: *«Кабул»*.

Через три дня новая строка в дневнике: *«Кандагар. Десантно-штурмовой батальон»*. Через три недели: *«Первый бой с духами»*.

Вообще два с половиной года войны у командира разведвзвода Алексея Баландина укладываются всего в одну страничку его дневника. Думаю, стоит ее привести полностью.

Итак, после первого боя с духами, через месяц, в марте 1985 года он отметил: *«С 15 по 18 марта находился на гауптвахте в Кандагаре»*. Что тут скажешь, боевой офицер, случается и такое: между боями отдохнул на гауптвахте.

«2 июля 1985 года — ранен осколком в лицо».

«2 августа получил звание старшего лейтенанта». *«С 18 по 21 августа на гауптвахте в Кандагаре»*. А вот это уже объяснимо и понятно: звезды на погоны не падают сами. Они зарабатываются потом, а порою и кровью. И не обмыть их по-настоящему, по-офицерски, — «западло». Это подтвердит вам каждый, кто служил.

«17 февраля 1986 года стал членом КПСС». *«С 28 февраля по 2 марта командовал ротой, результаты хорошие»*.

«11 августа получил орден Красной Звезды».

Казалось бы, полгода прошли что надо, одни радостные события. Во всяком случае, судя по дневнику Алексея. Но не забудем, он... на войне.

И уже следующая запись холодит душу.

«25 декабря 1986 года — 19:30 — ранен». И дальше читаешь и понимаешь — ранен серьезно. *«5 января 1987 года — Ташкент»*. С царапиной из Афгана в Ташкент не отправляли.

Последняя военная строка: *«17 января 1987 года — второй орденом Красной Звезды».*

Да, надо признать, Алексей Васильевич Баландин был не очень разговорчив. Даже наедине с собой, со своим дневником. Хотя, начиная вести его еще мальчишкой, юнцом, он считал, что *«эта тетрадка поможет лучше узнать себя».* Задавал весьма непростые вопросы: *«Какой же я на самом деле?».*

А ведь и вправду, какой он был на самом деле — Алексей Баландин?

«Да обычный мальчишка, — рассказывает брат Алексея Владимир Баландин. — Нас в семье трое — старшая сестра Ирина и мы с Лешей, погодки. Я родился в 1960 году, он в 1961-м.

Отец служил в дивизии Дзержинского сверхсрочником, потом прапорщиком. Мама работала на первом часовом заводе в Москве. Жили в Балашихе.

Нельзя сказать, что в школе мы с Лехой балбесами были. Математику не любили. А так в основном четверки, тройки.

Хулиганить времени не было. Родители с шестого класса отдали нас в детско-юношескую спортивную школу при литейно-механическом заводе. Тренер у нас Валентина Владимировна, строгая, а главное — очень увлеченная своим делом. Помню, где мы только не тренировались: на стадионе братьев Знаменских, на „Динамо“ и в Крытом Манеже. Всюду таскала нас, возилась с нами, программы индивидуальных тренировок разрабатывала.

Леха специализировался в беге на четыреста метров, у меня — полторы тысячи. На соревнованиях боролись, побеждали. По первому взрослому спортивному разряду выполнили. Потом это здорово Алексею в военном училище помогло. Он даже чемпионом Московского округа по офицерскому многоборью стал».

Действительно, летом 1981-го курсант высшего общевойскового военного училища им. Верховного Совета РСФСР Алексей Баландин победит на окружной олимпиаде. И это будет важный шаг в его непростом курсантском становлении. Немного позже он запишет в дневнике: *«Первая встреча с солдатами лицом к лицу... Да, я стеснительный при знакомствах и трудно схожусь с новыми людьми, но на занятиях в войсках мне кое-что удалось, чувствовал себя уверенно и голос не дрожал. Ну, что, получится из тебя офицер?»*

А ведь всего год назад у него были сомнения, да еще какие. Дневниковые страницы заполнены ими.

«Да, я уже настоящий курсант, — пишет Алексей в октябре 1979 года

после поступления в училище. — Но служба пока не очень, с ротным дела обстоят хреново. Вот пишу, а сам стою в наряде. Ротный „нарядил“.

Как-то мы здесь работали, развели костер, я смотрел на огонь, и такая таска меня взяла, думаю, зачем тебе это надо, сидел бы дома. Но „слабинка“ быстро прошла. А вообще училище мне нравится. Хотя что будет дальше, не знаю...»

А дальше он просто работал. Уцепившись зубами, как бы ни было трудно. Алексей помнил, как с первого раза не прошел в училище. Ох, обидно было, тяжело, слезы душат. Схватив дневник и, запершись в комнате, записал: «Даю себе клятву! Кровь из носа, но в училище поступлю. Точка! 2 ноября 1977 года».

Через пять лет, на стажировке в гвардейском учебном мотострелковом полку, перед нами предстанет совсем другой человек.

В апреле 1982 года, на третьем курсе, Баландин так оценит себя:

«Нахожусь на стаже в Риге. Командую уверенно. При проведении занятий чувствую себя достаточно подготовленным.

Теория теорией, но на практике понял: после окончания училища по прибытии в войска надо начинать работу прежде всего с сержантским составом».

Через год с небольшим жизнь предоставит ему такую возможность. Уже лейтенантом приедет он в Южную группу войск, в Венгрию, в 201-й танковый полк, где будет назначен командиром разведывательного взвода. Кстати говоря, с этих пор вся его дальнейшая служба будет проходить в разведподразделениях.

23 августа 1983 года в дневнике появится такое признание:

«Прибыл в ЮГВ. В основном все нормально. Тянет домой, в Россию. Дома осталась куча дел.

Командую взводом, подчиненные ребята обленившиеся и распустившиеся».

6 марта 1984 года следующая запись:

«Стою в карауле. Вот уже полгода командую взводом. Чувствую себя уверенно».

Трудно сказать, возможно, эту уверенность Алексея прочувствовал не только он сам, но и его командование. К тому же в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане всегда была нехватка командиров разведвзводов. Словом, лейтенант был срочно вызван к командиру полка.

Обычно офицеры-холостяки служили в группах войск по три года, но командировка Баландина в ЮГВ длилась менее полутора лет. Почему?

Теперь уже вряд ли кто-либо сможет ответить на этот вопрос. Не исключено, что он сам согласился поехать в Афган. Бывало тогда и такое. Офицеры добровольно писали рапорта с просьбой отправить их «за речку». Иногда это делалось, как говорили в ту пору, добровольно-принудительно. То есть когда от предложения трудно было отказаться. Но, так или иначе, в начале 1985 года лейтенант Баландин угодил на свою первую войну.

«...Кабул! Вы знаете, что такое Кабул? — спрашивает у меня полковник запаса Михаил Рыков. Он служил в Афганистане в одной роте с Алексеем Баландиным. — Неважно, зима или лето, но это всегда солнце. Рокот транспортных самолетов, которые взлетают, садятся. Их сопровождают „вертушки“. Они обеспечивают взлет и посадку. Поднимаются вместе с самолетом и барражируют, пока борт набирает высоту.

Когда ты выходишь из самолета, первым делом видишь каких-то лысых мужчин в джинсах, с автоматами через плечо, с магазинами, перевязанными синей изолентой. Такие бывалые ребята, герои.

Куда-то бегут солдаты. Они почему-то должны обязательно бежать. Звучат команды. Где-то вдалеке слышится рокот стрельбы, и ты даже видишь трассеры от пуль.

Что это вам напоминает? Конечно же, Голливуд. Помните броское начало голливудских боевиков? Солнце, рокот самолетов, команды, топот десятков ног. Это и есть запах войны, считают голливудские режиссеры. Это, конечно, не совсем так, или, вернее, совсем не так, но нам пришлось окунуться в подобную атмосферу, прибывая в Афганистан. Окунался и Баландин, и я, и сотни, тысячи других ребят.

Алексей прибыл „за речку“ на год раньше меня. Служил командиром разведзвезда в 70-й отдельной гвардейской мотострелковой бригаде, которая дислоцировалась в Кандагаре».

Что ж, год войны — срок немалый. Ротным у Алексея был Вадим Якуба. В 1986 году — у Якубы замена в Союз. Первый кандидат на должность ротного — Баландин. Но в феврале того же 1986 года из Закавказского военного округа по прямой замене прибывает старший лейтенант Михаил Рыков. Однако о какой прямой замене могла идти речь, ежели офицеров в разведроту, а тем более на разведроту, из Союза не брали. Только с опытом и, как тогда по праву считали, только «фронтовиков». Такова была годами устоявшаяся традиция. Но у Рыкова приказ, назначение на разведроту.

Попытались Михаила уговорить, объяснить, предлагали роту в десантно-штурмовом батальоне, да тот уперся. Я, мол, на Кавказе

разведротой командовал и здесь буду командовать. Разумеется, бумаги, врученные в отделе кадров штаба округа, подтверждали — Рыков идет вместо Якубы. Так, сам того не желая, Михаил перешел дорогу Баландину.

На первый непосвященный взгляд, странный спор. Рота — она и в Африке рота. Ан нет. И вот как объясняет эту метаморфозу сам Рыков.

«Сейчас, с годами, думаешь: ну какая разница, разведрота, не разведрота. Но тогда мы были молодыми. Да еще на войне. И командир разведроты — это фигура, что-то типа Рэмбо на территории Кандагарской губернии. Если солдат-разведчик с наглым взглядом есть уже нечто крутое, то о его командире и говорить не приходится. И вот это место, которое должен был занять Леша Баландин, занял я.

Потом часто ставил себя на место Алексея. Не дай Бог. Точно пошел бы к начальнику разведки, а то и к комбригу. Стучал бы в полосатую грудь кулаком и требовал, мол, я весь такой заслуженный, кровь проливший за Родину, наград у меня немерено, а тут какого-то дурака из Союза прислали.

Леша оказался мудрее меня. Он никуда не ходил. В грудь кулаком не бил. Понимаю, в душе ему было горько, но этого он никогда не показывал. Баландин как делал, так и продолжал делать свое дело. Кстати, делал он его всегда неторопливо, спокойно, я бы сказал, даже как-то лениво, без излишнего служебного рвения. Помните, как в той старой поговорке: „От службы не бегал, но и на службу не напрашивался“. Так вот, это про Леху.

На войне излишнее рвение чревато. Был у нас в бригаде один ротный, который, как в сорок первом, солдат чуть ли не в атаку под душманские пули поднимал. Так вот, Алексей никогда не геройствовал. Солдат берег. Что характерно: на солдат никогда не орал. Не слышал я от него нашего извечного военного: „Эй, боец! Иди сюда!“ Он командовал, как говорил, как дышал.

Думаю, и потом в „Вымпеле“ он был таким же. Если хотите, это его, баландинский, стиль руководства».

* * *

...Закончил первую свою войну комвзвода разведки Алексей Баландин 25 декабря 1986 года. Известно даже время, помните, помечено в дневнике — 19:30. Ранение в руку: повреждено сухожилие, затронут нерв, разорвана мышца. Его привезли в Ташкент, оттуда в Самару, в госпиталь Приволжского военного округа. Сделали три операции. Предлагали

уволиться из армии по ранению. Только куда ж ему без армии.

Здесь, в госпитале в Самаре, Алексей Баландин встретил свою любовь, медицинскую сестру Машу.

Рассказывает Мария Баландина:

«Я работала в 358-м самарском окружном госпитале медсестрой. Из Афганиста к нам шли борты. Порою по 80 человек встречали. Мы выезжали к самолету, принимали раненых: этот легкий, тот тяжелый... Кому перевязку, кому капельницу...»

Алексей был ранен в руку. Я встречала этот борт, помню, как он вышел, рука перевязана.

Работала в травматологии, у нас тяжелые больные. Палаты все заняты, раненые в коридоре лежали. И одна дежурная медсестра на отделение.

Мы тогда, случалось, сутками работали, иногда не выходя из госпиталя.

Алексей, хоть и был офицером, старшим лейтенантом, почему-то попал в 13-ю солдатскую палату. Он же, как человек скромный, не возмущался — положили, и лежит, не возражает. А я, помнится, на дежурстве его историю болезни, листаю и думаю: „Странно, а чего это у нас офицер с бойцами лежит?“

Подсказала начальнику отделения. Перевели его в другую палату.

Он перенес несколько операций, осложнение было. Но ничего, выкарабкались.

А однажды как-то стала замечать, что в мое дежурство бойцы ведут себя потише: слушаются, не куролесят, в одиннадцать часов — отбой. Другие медсестры на пятиминутке жалуются, а у меня начальник отделения спрашивает: „Как дела, Маша?“. „Нормально“, — отвечаю. Только потом поняла, что это Алексей помогает мне поддерживать дисциплину в отделении.

Вот с этого, собственно, и начались наши отношения, которые закончились свадьбой».

...Когда старший лейтенант Баландин выписался из госпиталя, ему вручили предписание прибыть для дальнейшего прохождения службы в Киевский военный округ. Но округ велик, и место Алексею определили в полку, который был развернут у города Артемовска, что в Донецкой области. Баландин возглавил роту.

В первом письме, которое получила от него Маша, он так описал свое житье-бытье:

«Извини, что долго не писал, не было постоянного места

жительства. Теперь вот устроился. Попал служить в город Артемовск. Вернее, это не город, а деревня.

Общежития здесь нет, поэтому живу у бабули, квартиру снимаю. Почти все время на службе, ухожу рано, прихожу поздно.

Делал снимок руки, кость пока не срослась, так что хожу в гипсе. Жаль, но в баню в гипсе не пойдешь».

Его письма не отличались особым разнообразием. Да и о чем таком веселом мог написать любимой женщине ротный в забытом Богом гарнизоне. Какая жизнь — такие и письма.

«Здравствуй, Маша! У меня все нормально, работаю, да по вечерам печку топлю. Надо где-то дрова доставать, а то скоро холода начнутся. Хотели квартирой меня осчастливить, когда новый дом сдавали, да выяснилось в последний момент, что я холостяк. Отложили решение до лучших времен. Сказали, когда женишься, дадим в другом доме. Его должны скоро сдать».

В последнем письме перед свадьбой Алексей признался:

«Новогодние праздники я отметил по-офицерски, то есть стоял в карауле. Пришел домой, а тут твое письмо! Единственное светлое пятно в моей темной жизни».

Судя по всему, это светлое пятно Алексею хотелось превратить в нечто большее. И потому в начале 1988 года он улетел к Маше в Самару, 28 января у них состоялась свадьба.

Вот как о тех днях вспоминает Мария Баландина:

«Знаете, жизнь есть жизнь, у нас в госпитале многие медсестры дружили с ребятами, которые лечились здесь, но в результате остались ни с чем. Я, признаться, тоже сильно не надеялась. А чем я лучше других.

А тут Алексей приехал, встретил меня у госпиталя и предложил погулять. Пошли гулять. Проходим мимо ЗАГСа, а он новый, только что открыли. Алексей говорит: „Давай зайдем“. Я ему: „А что там делать?“. „Ну, просто зайдем“. Зашли.

Он попросил бланки заявлений. Смотрю, пишет: „Баландин, Баландина“. Спрашиваю: „Слушай, а ты меня спросил?“. Он улыбается: „А ты что, против?“ „Да нет, не против“.

И дальше заполняет. Я все не унимаюсь: „А ты хоть любишь меня?“. Вздыхнул мой будущий муж и сказал, как отрезал: „Не любил бы — не женился бы“.

В общем, подали заявление. Думала, нам, как обычно, месяц дадут на проверку чувств. Но на следующий день Алексей вновь встречается меня у госпиталя и объявляет: «Завтра регистрация брака». Как завтра? Ужас.

У меня ни платья, ни туфель. И денег нет, чтобы их купить.

Но ничего, справились мы с этими трудностями. Как пошутил Алексей: „Полчаса позора, зато счастье на всю жизнь“».

Насчет полчаса позора не знаю, но то, что он счастье Маше подарил на всю оставшуюся жизнь, — это факт. Через год у них родился сын, а зимой 1990 года Алексея Баландина перевели в Сибирский военный округ, точнее, в Новосибирскую область, в Новосибирский район, в деревню Ярково. Там, собственно, и был развернут полк, в котором предстояло служить.

Первое свое письмо с нового места службы он начнет как обычно:

«Дорогие мои! У меня все нормально. Добрался до места назначения. Здесь поле, недалеко полигон, в 400 м проходит дорога в Новосибирск. До города 25 км. Автобусы проходящие.

Сам городок — пять домов пятиэтажек, гостиница и малюсенький магазин. Детский садик в деревне Ярково, правда, он колхозный и детей военных туда не берут.

Я устроился в общежитие, питаюсь в столовой, принимаю роту. Так что все нормально. Как там у вас дела, денег, небось, нет? Если что, занимай. Как только получу — вышлю.

Погода — снег с дождем, ветер, грязь. Готовься, Маша, к зимовке, теплые вещи детские возьми, шубы, валенки обязательно.

Продукты здесь по талонам».

Вот такая армейская реальность начала 90-х годов прошлого столетия.

Ротному командиру Баландину с семьей отвели две комнаты в общежитии, но им вполне хватало одной. В Сибири холода за -40 градусов, а батареи в доме практически не работали. Одну комнату пришлось закрыть. Маша устроила там естественный холодильник. Как-то в Самаре родственники закололи поросенка и снабдили их мясом. Так вот мясо целый месяц в этой комнате хранилось, не размораживалось.

Алексей своими руками соорудил самодельный обогреватель, так и спасались. Сегодня, когда она вспоминает ту пору, в дрожь бросает: как выжили?

Кроме холодов в эти годы свалилась другая напасть: офицерам перестали платить денежное довольствие. Задерживали порою по три-четыре месяца.

...Два с половиной года отслужил в Сибири Баландин, а в 1993-м поступил в академию им. М. В. Фрунзе на командный факультет.

По окончании академии его назначили начальником штаба полка в Приволжский военный округ. Алексей получил звание подполковника и достаточно высокую армейскую должность. С начштаба до командира

полка, как известно, один шаг. Однако шаг этот для Баландина оказался тяжелым. Жена Мария так вспоминает впечатления мужа от новой должности: «Он приехал из своего полка недовольный, расстроенный, плевался: „Не моя работа. Это бумажная, кабинетная работа“».

Ну что ж из того, что кабинетная, бумажная, потерпел бы годок-другой, глядишь, и полк бы возглавил. Но Баландин терпеть не мог.

* * *

В марте 1997 года он был уже назначен в «Вымпел». Спецподразделение в ту пору переживало не лучшие времена. Позади оказался бурный 1993 год, переподчинение Министерству внутренних дел, переименование, исход из группы многих опытных сотрудников, наконец, возвращение «Вымпела» обратно в Федеральную службу безопасности.

Алексей Баландин пришелся весьма ко двору. За спиной почти двадцатилетний стаж армейской службы, высшее командное училище, военная академия, опыт руководства разведподразделениями, в том числе и в боевой обстановке в Афганистане. Два ордена Красной Звезды говорили сами за себя.

Назначили вчерашнего начштаба полка... начальником отделения. Конечно, не тысяча человек в подчинении, как в полку, а всего десяток с небольшим офицеров. Но зато каких офицеров! И опять же служба такая, что в кабинете не засидишься. Как пел шуточный персонаж в одном из советских фильмов: «Работа-то на воздухе, работа-то с людьми».

Но шутки шутками, а Алексей Васильевич не мог не понимать, куда он идет служить. Название организации говорило само за себя — антитеррористический центр. Потом его переименоуют в Центр специального назначения, но суть от этого не изменится. Иными словами, из тихого Приволжского округа он вновь попал в окопы, на передний край, на войну. Войну с терроризмом.

Жена, конечно, заметила, что после поездки на собеседование в эту непонятную «воинскую часть» муж сиял, как медный пятак, но значения этому не придавала. Тем более Алексей очень убедительно рассказывал ей, что это обычная база хранения оружия, служба тихая, мирная... Будут, конечно, командировки. Наподобие тех, в которые он ездил прежде, когда возглавлял караулы, сопровождая поезда с различными военными грузами.

Из женского любопытства она все-таки попыталась проверить эту информацию. Как-то не вязался характер ее мужа с тихим сидением на

оружейном складе. То он буквально впадал в уныние от штабной службы в полку, а теперь необычайно радовался должности кладовщика.

Она в ту пору, пока Алексей учился в академии, работала в штабе Московского военного округа, носила на подпись документы начальнику штаба. Решила хоть разок воспользоваться служебным положением. Номер части, куда шел служить муж, у нее был, позвонила в мобуправление, попросила расшифровать. Те через полчаса перезвонили, и, что называется, развели руками: «Маш, а у нас нет открытого наименования. Просто войсковая часть ФСБ».

«Ну и база», — удивилась Мария. Вечером вновь взялась за мужа, но тот твердо стоял на своем: «База — она и есть база, и больше рассказывать нечего».

И она, откровенно говоря, поверила. Тем более что база эта стояла в Балашихе, родном городе Алексея. Потому и радуется мужик: служба, родители, брат, сестра, все родственники рядом. Ну, а коли ему хорошо, то и ей отрада. Чего еще желать.

Так она и пребывала в счастливом неведении, пока не пришел сентябрь 1997 года. Помнится, они тогда гуляли на свадьбе. Алексей был весел, смеялся, хохмил, и только когда вышли на перекур, сказал: «Маш, поехали домой».

Она удивилась: «Да что ты, свадьба в разгаре. Молодые обидятся».

Он умолк и тихо сказал: «Мне завтра в командировку».

Мария ахнула: «Как в командировку? Ты чего же молчал? И куда?».

Алексей произнес одно слово: «Ханкала». Она поначалу даже не сообразила, какая Ханкала. Это Грозный тогда на слуху был, а Ханкала... Впрочем, вскоре до нее дошло.

И опять, возвращаясь из командировок, он ее успокаивал, уговаривал, рассказывал всякие небылицы, и только когда в отделе появилась первая потеря, погиб прекрасный парень Андрей Чирихин, Маша поняла, на какой базе «загорает» муж.

А Алексей Баландин тем временем рос в должности: стал заместителем начальника отдела, потом начальником.

Каким он был командиром? Ведь подразделение, которым руководил Баландин, полностью офицерское. У каждого свой характер, привычки, семейные проблемы. И все это накладывается на службу. Тут сформировать команду на командировку — и то немалое искусство. Ведь выезд подразделения антитеррора — это не прогулка в горы. Это командировка на войну. И дело не в том, что его подчиненные не готовы к выполнению боевой задачи. Они готовы всегда. Но жизнь есть жизнь — у одного больна

мать, у другого рождает жена, у третьего — ребенок-грудничок, у четвертого оперируют отца. Есть и другие проблемы, порою не такие экстремальные, но тоже крайне важные для человека. И вот все их надо учесть, обговорить, отладить. Чтобы по чести и совести, без громких конфликтов и обид.

Баландину это удавалось.

Но надо признать, бесконфликтно сформировать группу сотрудников для командировки — всего лишь первый, малый шаг. Все остальное и главное там — выполнить приказ и сохранить людей.

Казалось бы, две основные задачи, но как жестоко порой они вступают в противоречие друг с другом. Как часто обретает силу закона не такая уж редкая армейская команда: выполнить во что бы то ни стало. Сегодня она может звучать по-иному, обретая более мягкие интонации, но существо ее остается прежним, как и сотни лет назад: вставать и идти под стрелы, под мечи, под пули, под осколки гранат.

И, кажется, тут нет альтернативы.

Действительно, как сказал заместитель Баландина Герой России полковник Вячеслав Алексеевич Бочаров: *«Вопрос, выполнять или не выполнять задачу, перед нами не стоит. Однозначно — выполнять. Но как ее выполнять — надо думать командиру».*

Алексей Васильевич думал. И не только думал, но и обладал твердым характером, когда отстаивал свои решения.

Рассказывает врач подразделения:

«Мы действовали в районе селения Кака-Шура. Было 20 марта. Обстановка сложилась крайне тяжелая. Боевики засели на хорошо оборудованной базе, в глубине пещеры у них находился снайпер. Сильный снайпер, профессионал по кличке Якут. Потом о нем писали в газетах, были сюжеты по телевидению.

Штурмовало эту базу подразделение внутренних войск. У них — серьезные потери. Офицеров отстреливал Якут. Словом, базу взять не удавалось.

И вот мы прибыли туда. А там — генералы МВДшные командуют. А у нас Алексей Васильевич всего лишь полковник.

Сижу, помнится, у дерева, радиостанция наша рядом, готовлюсь к атаке, рюкзачок сбросил, и своим медицинским умом понимаю: укрепились духи капитально, все у них пристреляно, если пойдём, потери сто процентов будут.

Думаю, ну, если я, медик, понимаю, должны же это понимать генералы из МВД. А они, возможно, и понимают, но задачу-то выполнять надо. И вот слышу, как по радиостанции Баландину отдают приказ:

„Вперед! Захватить высоту!“.

Алексей Васильевич выдержал паузу и объяснил тому, кто командовал, что без перегруппировки сил, проведения артподготовки своих людей не поведет. И что вы думаете, генералы начали подтягивать минометы».

«Знаете, он любил повторять, — продолжает рассказ доктора его коллега по подразделению „Вымпел“. — Успех операции не в количестве потерь, а в их отсутствии. Бывало, поставит задачу, посмотрит в глаза и скажет: „Без милитаризма“ Отвечаю, мол, Васильевич, понятно, а он еще раз: „Ты понял меня? Аккуратно, без милитаризма“

Так вот, в операции у Кака-Шуры, после того как в подразделении внутренних войск погибло несколько человек, посылать людей на штурм базы смысла не было. Тем более мы только подтянулись. Надо собрать разведданные, обнаружить огневые точки, нанести поражение противнику, а уже потом продвигаться вперед.

Так и сделали. Сами провели разведку, определились, откуда боевики стреляют. Развернули на огневой позиции минометный взвод. Начали вести планомерный обстрел. Долбали их целый день.

Потом привлекли авиацию. Самолеты отработали по позициям боевиков. А мы применили старую армейскую тактическую хитрость. Духи ведь знают: пока минометы стреляют, атаковать их не будут, кто же под свои разрывы полезет, — и сидят в укрытиях, ждут. Но на этот раз минометы работали непрерывно, пока наши метров на 500–800 не подползли.

Потом мы и нахлобучили духов со всей пролетарской ненавистью. Последним ликвидировали Якута.

И ни одной потери с нашей стороны. А теперь ответьте на вопрос: а что, если бы Баландин не выдержал давления сверху и бросил своих людей в атаку? Думаю, ответ ясен.

Вот таким командиром был Алексей Васильевич».

Кстати говоря, отдел, которым руководил полковник Баландин, стал в «Вымпеле» своего рода кузницей командных кадров. Не называя фамилий (они хорошо известны в подразделении), отметим: почти все заместители начальников отделов «родом» из «баландинского» отдела. Есть и начальник отдела, некоторые ушли в центральный аппарат и работают ныне на Лубянке. А это, как говорится, дорогого стоит.

Сослуживец по отделу, друг Баландина, Герой России Вячеслав Алексеевич Бочаров вспоминает:

«Я пришел в антитеррористический центр в 1998 году. Был назначен заместителем начальника отдела. Алексей Васильевич служил в этом

отделе начальником отделения. То есть был моим подчиненным. Через некоторое время он также стал заместителем начальника отдела. У нас два зама.

Потом, когда вопрос встал, кого назначить начальником отдела, я на эту должность не претендовал. Ведь я недавно пришел в подразделение, а Алексей Васильевич уже здесь служил, имел опыт работы. Его и назначили начальником отдела.

Хотя он младше меня на шесть лет, я был полковником, а Баландин подполковником, у нас сложились самые добрые, дружеские отношения. За двенадцать лет совместной службы никакие сложности не поколебали нашей дружбы. Служили, как говорится, душа в душу.

Алексей Васильевич был не только верным, надежным человеком в дружбе, но и обладал высокими профессиональными качествами как офицер и руководитель. Он никогда не боялся взять ответственность на себя.

22 июня 2004 года произошло нападение боевиков на Назрань. Отдел находился в двух местах: одна часть в Ханкале — мне пришлось командовать этими людьми; вторую группу возглавлял Баландин, и она работала во Владикавказе.

Нас подняли по тревоге ближе к полуночи, срочно выехали на аэродром и, как говорят, колеса в воздух. В полете узнаем некоторую скупую информацию: нападение боевиков на город, большие потери среди личного состава МВД, много убитых, раненых. Группа Баландина ведет бой.

Когда мы прибыли к месту боестолкновения, практически все наши сотрудники имели ранения, а трое ребят — Дудкин, Черныш и Жидков — погибли. Был ранен в ногу и Баландин.

Мне с трудом удалось уговорить его отправиться в госпиталь.

Надо прямо сказать, что тогда в Назрани группа из 16 человек под командой Баландина выполнила задачу, которую не могло решить ни одно военизированное подразделение, находящееся там».

* * *

...Последним дозорную группу догонял доктор. Пока он укладывал свои медицинские пакеты, отделения ушли вперед. Проходя мимо, увидел, как улыбнулся и кивнул ему начальник отдела: «В группе досмотра доктора нет. Ты уж постарайся там на два отделения. А вернетесь, чайку попьем.»

Доктор краем глаза заметил, как махнул ему вслед рукой Баландин. На душе было тихо и спокойно. Простые, добрые, привычные слова. Словно отец или старший брат провожал в дорогу.

Он едва успел спуститься метров на десять вниз, как прозвучал взрыв. Дикий, раздирающий тишину взрыв.

Доктор пригнулся, почувствовал, как тугим ударом заложило левое ухо, оглянулся и увидел страшную картину: окровавленный полковник Баландин скатывался навстречу ему с горы.

Потом на месте подрыва вымпеловцы обнаружит большую воронку: скорее всего полуторалитровая пластиковая бутылка с взрывчаткой была закопана в грунт. Взрыватель, батарейка, замыкатель, наверх выведена игла от шприца. Без сомнения — давняя закладка. Но поди ж ты, сработала.

Шок был от взрыва, от ранения, но главное — от того, что случилось это с их командиром. Самым знающим и умелым, который десять лет водил их по этим проклятым горам, берег, защищал. Он всегда знал ответы на самые трудные, тяжелые, опасные вопросы. И как бы ни было сложно, они верили, Васильевич всегда с ними. А теперь он сам, беспомощный и окровавленный, лежал у их ног.

Ранение оказалось чудовищным. Кто-то из командиров крикнул: «Стоять всем на месте!». Следовало прийти в себя, понять, что взорвалось. Доктор был рядом с Баландиным, ему со всех сторон полетели индивидуальные перевязочные пакеты.

Одна нога Алексея Васильевича — множественные осколочные ранения, переломаны кости, другая... А другой, по сути, нет. Травматическая ампутация конечности. Кроме того — осколочные ранения брюшной полости, лица, повреждена левая рука.

Пришел в себя второй доктор, стал помогать. Наложили жгуты, забинтовали. Поставили капельницу. Вкололи промедол.

Баландин был в сознании, сокрушался: «Надо же, столько боев, а из-за какой хреновины.»

Его успокаивали, как могли. Саперы еще раз проверили местность. Бойцы стали мастерить носилки, приготовили спальник, укрытие.

Погода, как назло, начинала портиться. Пошел дождь. Тучи напоздали из горных распадков.

Алексея Васильевича укрыли, дали попить. Бойцы все время прислушивались — вертолет вскоре должен появиться над местом их базирования.

Начали пилить деревья, чтобы вертушка могла опустить лебедку. А деревья вокруг — не наши русские березы или осины, а твердые буки.

Сменяя друг друга, пилили, валили деревья, оттаскивали в сторону — расширяли площадку.

И вот, наконец, над головой шум винтов. Но пилот не видит земли. Сигнальные ракеты не помогают. Их не видно уже на вытянутой руке.

Заместитель начальника отдела ведет переговоры с пилотом. Но тот бессилён. Иногда не выдерживают нервы, и тогда слышатся настойчивое: «Дайте мне телефон, я сам поговорю с пилотом. Что это за всепогодная авиация. Мы же его потеряем».

Товарища пытаются успокоить. Ну, какой смысл наезжать на летчика. Он и сам не рад. Объясняет по связи: «У меня на борту десять человек. Экипаж, реанимационная бригада, охранение. Мне что, всех угробить? Ну не вижу я земли. Не могу зайти».

Вертушка улетела.

Теперь выход один — Алексея Васильевича выносить. Район эвакуации выбран, там будет ждать техника. Прикинули по карте, до района восемь км по прямой. А по горам? Да еще в сумерках, в непогоду. Но другого не дано.

Перед началом движения решили перекурить. Попросил и Баландин. Прикурили сигарету, он сделал затяжку, долгую, жадную.

— Будешь еще? — спросил командир отделения.

Алексей Васильевич затянулся еще раз на полные легкие, выпустил дым и сказал:

— Все, бросил. Последний раз покурил...

Кто знает, может в эту минуту вспомнил Алексей Васильевич свои шутки-прибаутки насчет курения. Он время от времени обещал жене бросить курить. У нее даже этакий клятвенный лист хранился, где собственной рукой он писал обещания.

Начат этот семейный документ был еще в далеком 1988 году: «Я, любящий муж Баландин А. В., — писал Алексей, — обязуюсь в честь дня 8 марта и на дальнейшую совместную жизнь бросить курить не только сигареты, но в рот не брать папиросы, махорку и сигары. Старший лейтенант Баландин. 6.03.1988 года».

Следующая запись была сделана 9 мая того же года: «Курить бросаю в честь дня рождения любимой жены. Старший лейтенант Баландин».

А вот уже капитан Баландин 3.10.1988 года пообещал совсем другое: «Курить брошу, как только рак на горе свистнет».

Вот, видимо, теперь и свистнул этот рак.

...В путь двинулись в 14:50. А в 16 часов в горах уже темнеет.

Головной дозор выбирал маршрут. Ребята несли носилки, меняясь по

очереди. Несли бережно, старались не трясти. Где-то носилки поднимали на вытянутые руки, а иногда опускали их как можно ниже.

Пошли не по гребню, где петляет минированная тропа. Двигались траверсом, спускаясь в долину.

Неотступно рядом с Баландиным — доктор. Он держал капельницу, контролировал пульс, давление.

Примерно через час пути по команде передали: «Стой». Состояние Алексея Васильевича стало ухудшаться.

Вновь вызвали вертолет. Опять прилетел, тарахтит за тучами. Летчик докладывает: «Ребята, ничего не вижу».

Пошел снег. Доктор под светом зажигалки поставил капельницу, вколол обезболивающее. Сердце забило сильнее, давление подскочило, раненый открыл глаза. И снова в дорогу.

Еще минут через сорок пути доктор подал команду. Носилки опустили. Врач опустился на колени. Баландин тихо спросил: «Ну что, наверное, это все?». Подошли бойцы, обступили командира. Сознание его медленно угасало.

— Ребята, уважайте друг друга... — сказал командир.

Он уходил смиренно и мужественно.

Светила луна. Падал снег. Молчали чужие горы.

Доктор поежился, повел плечами. В эту минуту ему пришла мысль: «Страшно умирать вот так: лес, ночь, Чечня, снег. Не попрощаться с близкими, родными, полностью осознавая, что ты умираешь».

Врач смахнул снежинки с лица командира. Снежинки падали и таяли на щеках. Но в один момент они перестали таять.

Алексей Васильевич Баландин ушел.

Эдельвейсы для капитана

Рано утром начальник заставы Траян Мереуца спешил на смену наряда. Пограничники ждали его у офицерского блиндажа.

— Сегодня день рождения у капитана Мясникова, — обратились они. — Хотим его поздравить.

Михаил Мясников был заместителем у Мереуцы. Они вместе учились в Голицынской высшем военном пограничном училище. После выпуска судьба разбросала их, и вот несколько месяцев назад опять свела на этой Богом забытой заставе на стыке Чечни, Ингушетии и Грузии.

— Информация точна и верна. Михаил Анатольевич появился на свет сегодня, 23 апреля.

— А у нас для него подарок, — сияли бойцы. — Торт!

— Знаю я ваш торт. Обмазали печенье сгущенкой и выложили пирамидкой.

— Ну что вы, товарищ капитан, — обиделись пограничники, — а дипломированного кондитера зачем в штате держим?

Действительно, его заставе несказанно повезло: к ним, видимо, по недогляду кадровиков, попал служить повар-кондитер. И уж торты он пек отменные, даже при их скудных пищевых ресурсах. Выходит, постарался и на сей раз.

— Да-а, — мечтательно улыбнулся начальник заставы, — торт — это замечательный подарок! Думаю, капитану Мясникову он понравится. Молодцы, хорошо придумали!

— Но это только полподарка, — сказал кто-то из пограничников.

— Даже так? — с недоверием спросил Мереуца, видя, как переминаются бойцы с ноги на ногу. — Что ж, выкладывайте.

— Мы хотим ему клумбу эдельвейсов подарить!

Начальник заставы от удивления только глазами захолопал.

— Товарищи пограничники, вы же не первый день службу в горах несете. Пора бы знать, эдельвейсы на клумбах не растут.

Бойцы широко заулыбались.

— В том весь и прикол. Один цветок или даже букет дарить не имеет смысла. А мы ходим в горы, на границу, накопаем эдельвейсов вместе с дерном и соорудим вот тут целую клумбу.

И они указали место, где рядом с офицерским блиндажом на столбе висела тарелка «НТВ плюс», затянутая маскировочной сеткой.

— Представляете, товарищ капитан встает после службы, выходит из блиндажа, а тут эдельвейсы цветут. Здорово!

Как тут было не согласиться начальнику заставы: действительно здорово!

— Только вот без вашего разрешения не можем, — замялись пограничники.

— Да уж, — сказал Мереуца, — сами знаете, на границу имеет право выходить только пограничный наряд.

Бойцы с надеждой смотрели на начальника заставы. Они верили, он должен найти выход.

— И потому, — отдал команду капитан, — старшим наряда назначаю старшину заставы. Всем соответственно экипироваться, надеть бронежилеты, получить оружие, боеприпасы, а цинки для эдельвейсов, надеюсь, вы и сами не забудете.

...Через полчаса наряд «охотников за эдельвейсами» направился в горы. Вернувшись на заставу, бойцы высадили цветы вокруг «НТВшной» мачты. Только вот досада — эдельвейсов для оформления клумбы не хватило. Пришлось совершить еще один поход в горы.

Солнце уже стояло в зените, когда вторую партию эдельвейсов доставили на заставу. Вскоре работы по оформлению клумбы были закончены. И как раз вовремя. Из офицерского блиндажа вышел виновник торжества — капитан Михаил Мясников. Он поздно ночью вернулся из наряда, отоспался и решил взглянуть на белый свет.

Застава уже замерла в строю, прозвучала команда: «Смирно! Равнение на новорожденного!». Мясников принял торт, а потом его подвели к клумбе.

Яркое апрельское солнце играло на улыбающихся лицах бойцов. Белоснежные цветки эдельвейсов, словно серебряные звезды, упали из поднебесья на каменистый кусочек горной земли. Капитан Мясников, как замороженный, смотрел на эти серебряные брызги и ничего не мог сказать. Перехватило горло. Откровенно говоря, подарками он не был обделен. За двадцать шесть лет ему дарили много чего. Но чтобы такое? Капитан был тронут до глубины души.

Поведавший мне эту историю начальник заставы Траян Васильевич Мереуца сказал: *«Вот так любили Михаила солдаты»*. Он замолчал, вспоминая, видимо, о своем однокурснике и сослуживце, а потом добавил: *«Впрочем, эта любовь была взаимной»*.

Увидев мой вопросительный взгляд, Траян Васильевич пояснил:

«Михаил очень заботился о солдатах. Он, как наседка, оберегал их.»

Понимаю, возможно, кто-то и не согласится с подобным отношением к бойцам, мол, офицер, замначальника заставы... Есть устав, дисциплина. Скажу сразу: все было честь по чести. И устав соблюдался, и дисциплина. Но только ли в них дело. Вот пример. Когда к нам на заставу пришел Мясников, он меня в первый же день спрашивает: „Что так неактивно живет застава вне службы?“. Ну, я только развел руками: делаю, что могу. По максимуму заполняю свободное время обустройством и бытом. Пришли-то на пустое место, жили в палатках. Скинулись с зарплаты, купили бензиновый агрегат, стиральную машину, тарелку „НТВ плюс“, телевизоры. Чтоб не ходить по колено в грязи, засыпали плац щебенкой. Путь от блиндажа до столовой прикрыли каменной стеной с бойницами для ведения огня.

Михаил прав, сутки были похожи друг на друга как две капли воды: служба, немного отдыха, остальное время — обустройство. На следующий день то же самое. И это сильно утомляло. Мясников тогда неожиданно предложил: „А давай спортзал сделаем“.

Я, конечно, двумя руками „за“ но у нас же ничего нет. Тут ведь хоть какие-то спортивные снаряды нужны.

„Ну, я подумаю“, — сказал Мясников и уже часа через два пришел с предложением. Спортзал устроить в развалинах старой крепости, которая располагалась рядом с заставой. Там, во всяком случае, стены остались. А штангу, гантели, сказал он, сделаем сами.

И он сделал. На металлические трубы надел выпиленные из бревна чурки, зафиксировал их веревками. Получилась первая штанга. А самое главное — своей идеей создания спортзала он зажег бойцов. Через двое суток смотрю, а пограничников из свободной смены, которые обычно кучковались у телевизора, нет. Исчезли куда-то.

Пошел в крепость. А там почти вся свободная смена. Спортзал вскоре уже не вмещал желающих. Пришлось Мясникову составлять график посещения спортзала.

Подчеркну только, что спортзалов не было нигде, даже в управлении погранотряда. Так что бойцы на Михаила смотрели как на авторитетного и очень заботливого командира.

Или вот еще случай. Мы возвращаемся из боевого разведдозора. Прошли не один километр по горам. Остается последний подъем. Бойцы устали, еле тащат ноги, отстают. Михаил молча подходит к пограничнику и забирает у одного бронежилет, у другого — автомат. И вот, когда возвращались на заставу, на Мясникове кроме своего оружия, „броника“, было еще четыре автомата. И это при том, что у него

старая травма колена. Он, когда ходил, ставил ступню внутрь, косолапил, чтобы боль перераспределить.

Кстати, в том дозоре вместе с нами был еще один, правда, прикомандированный офицер. Так вот, я ему персонально давал задание помочь бойцам. Не помог. Люди разные.

Поэтому на нашей заставе, когда предстояло идти в разведдозор, шел либо я, как начальник, либо мой заместитель — капитан Мясников. Альтернативы не существовало. Больше не на кого было опереться. Хотя на заставе находились еще несколько прикомандированных офицеров».

Траян Мереуца знал, что говорил. Казалось бы, какое это имеет значение — прикомандированный офицер или штатный, задачи одни и те же, и ответственность тоже. Иначе зачем он нужен, такой офицер? Место в блиндаже занимать? И если он во время горного перехода молодому солдату не помог, то какой толк от него в бою? Вот потому и ходили в боевой разведдозор Мереуца да Мясников. Когда вместе, когда по отдельности. Ибо не забудем — шел 2001 год, застава располагалась на территории Чечни, в руках офицеров была не только безопасность границы, но и жизни бойцов.

Вскоре сама действительность подтвердила правоту Мереуцы и Мясникова. Как-то одному из тех самых прикомандированных офицеров по острой необходимости руководство погранотряда разрешило выбраться во Владикавказ.

Сделать это было крайне сложно, ибо застава высокогорная, дорог к ней нет, сообщение только по воздуху. Но раз уж случилась такая оказия, начальник заставы попросил этого офицера отправить матери в Кишинев денежный перевод. Тот согласился.

Траян Васильевич снабдил его адресом, деньгами. Сам же написал маме письмо, мол, отправил тебе денежный перевод. Месяца через два пришел из Молдавии ответ: деньги мама не получила.

Разумеется, Мереуца, получив подобное сообщение, вызвал к себе офицера. Тот поначалу упирался, но потом признался: деньги пропил, прогулял, перевод не отправил.

В общем, начальник заставы признания добился, но что дальше делать с этим признанием, откровенно говоря, не знал. Дать подлецу по физиономии вполне поделом, да не хотелось устраивать мордобой на заставе. Призывать к совести такого человека — бесполезно.

Думали, ломали голову вместе с замом Мясниковым. И вот тогда Михаил предложил:

— А что, если мы на заставе проведем офицерское собрание. И

обсудим этот поступок.

Выпускники 1996 года, они только отдаленно слышали, что когда-то в Советской Армии были офицерские собрания и суды офицерской чести, и, кстати говоря, весьма эффективно работали. Но как-то будет теперь? Однако Михаил настаивал. Решили попробовать.

Вскоре в блиндаже собрались все шестеро офицеров заставы. Первым выступил капитан Мясников. Его поддержали остальные. Виновник признался во всем, просил у начальника заставы прощения, тут же написал докладную записку о том, что денежные средства готов вернуть в полном объеме.

Вот такая весьма неприглядная история. Но она была. А слов, как говорится, из песни не выбросишь.

...Летом 2001 года капитан Мясников, отслужив сполна свой пятилетний контракт, подал рапорт на увольнение из погранвойск. За пять лет он послужил на заставах — в Дагестане, в Чечне, был в составе отдельной группы специальной разведки, участвовал в боестолкновениях, получил контузию, попав под удар своей же авиации.

«Я уйду в спецназ»

Михаил Мясников любил пошутить. Его друзья и близкие до сих пор вспоминают смешные истории из мишиного детства. Некоторые из них стали уже нарицательными.

Так, когда Миша был еще мальчишкой, они набедокурили с другом. Прихватил их какой-то незнакомый дядька, но Мишке удалось улизнуть, а дружок остался в «плону».

Мишка с волнением и досадой наблюдал из близлежащих кустов, как извивался в крепких руках взрослого мужика его друг, но помочь ничем не мог. Мужик, в свою очередь, грозился оборвать уши озорникам и отвести «плененного» к родителям. Потряхивая мальчишку за шкуру, он добивался имени и фамилии захваченного.

Дружок несколько минут крепился, потом сдался:

— М-миша меня зовут, М-мясников, — жалобно пролепетал он, к искреннему удивлению и негодованию друга.

С тех пор среди друзей и сослуживцев Михаила так и повелось: ежели кто «накосячил», а тем паче подставил товарища, его укоризненно спрашивали:

— Ну и кто ты после этого?

Виновник, приняв позу испуганного дружка детства, жалобно блеял:

— М-миша М-мясников!..

Впрочем, в этот раз Михаил совсем не шутил. Встретившись с любимой девушкой Леной, он признался:

— Увольняюсь с прежней работы.

Лена только улыбнулась. Миша работал в «Газпроме», получал большую зарплату и, как ей казалось, был вполне удовлетворен жизнью. Стало быть, в очередной раз решил разыграть ее.

— С такой работы не уходят... — усомнилась Лена.

Михаил остановился, развернул ее к себе и, глядя в глаза, сказал:

— Лен, я вполне серьезно. Ухожу из тихой заводи с большой зарплатой на опасную и низкооплачиваемую работу.

— А куда, можно спросить? — недоверчивая улыбка еще играла на губах девушки.

И тогда она впервые услышала это короткое, как выстрел, слово: *спецназ*.

— Я ухожу в спецназ!

Это название ей, человеку сугубо гражданскому, ровным счетом ничего не говорило. Постигать его непростой смысл Лена начнет позже, когда станет женой офицера того самого спецназа, будет собирать мужа в командировки на Кавказ, не спать ночами, ждать звонка, но самое страшное — хоронить мишиных друзей. Стоять бок о бок с ним у их могилы. Сначала Илью Мареева, потом Сашу Курманова...

Но все это будет потом. А теперь, слушая Мишин голос и глядя в его непривычно серьезное лицо, она, откровенно говоря, не знала, как реагировать на такое заявление. Дело у них уже шло к свадьбе. Она любила этого человека и воспринимала как будущего мужа, отца их детей, и подобное заявление выбило Лену из привычной колеи.

Что и говорить, такое известие выбило бы из колеи любого. Ну, скажите, какой нормальный человек откажется от солидной зарплаты и сам добровольно уйдет из «Газпрома»? И куда уйдет? Туда, где опасно, где стреляют?

Оказывается, есть такие люди. И один из них, ее любимый мужчина, стоял сейчас перед Леной.

— Ну что ж, — сказала она с пониманием, — в спецназ так в спецназ.

И увидела, как засверкали, засветились от счастья его глаза.

Эту же весть, примерно теми же словами, Михаил сообщил и родителям, приехав в родной городок Сельцо, что на Брянщине.

Отец и мать выслушали сына стоически. Ничего не сказали. Потому

что понимали — говорить бесполезно. Можно было попытаться переубедить старшего сына, Николая, или младшего, Александра, но спорить со средним и братья не стоит. Ничего не получится. Испытано многократно. Такой уж у него характер — твердый, бескомпромиссный, прямой. Кто ему люб, пришелся по душе, — в доску расшибется, поможет, подскажет, защитит. Кто же не приглянулся, не его, как говорят, поля ягода, — близко к себе не подпустит.

Мама, Татьяна Николаевна, из-за жесткости его характера много переживала. Видела: у сына нет полутонов, только черное или белое, плохое и хорошее. Пыталась вразумить. Однако ничего из этого не вышло. Таким он был, таким и остался: категоричным и самостоятельным.

С будущей профессией Михаил определился еще в 7-м классе, когда большинство об этом и не задумывается. И определился вполне основательно, раз и навсегда.

Одноклассник Игорь Борисов так и сказал: *«Он единственный из нас, кто наперед знал, кем станет в будущем».*

«Михаил нас всех старался увлечь спортом, — вспоминает другой его товарищ по школе Валерий Истратов, — как-то уговорил полкласса ехать в Бордовичи, чтобы научиться прыгать с парашютом. И ведь поехали, прыгали. Только для нас это было развлечением, а для него — еще одним шагом к цели».

Михаил не только занимался спортом — бегал, плавал, осваивал парашютную подготовку. Это как раз таки объяснимо: без крепкой физической подготовки будущему офицеру никуда. Но он увлекался, казалось бы, делами весьма далекими от военной профессии. Например, вместе с братом Николаем они сами ловили и коллекционировали бабочек. Татьяна Николаевна помнит до сих пор, с каким увлечением рассказывали ей сыновья о ночных бабочках, но особенно гордились коллекцией бабочек редких.

Потом братья собирали различные камни, минералы. Занимались в местном Доме культуры в секции моделирования. Правда, Николаю больше нравилось своими руками мастерить самолеты, а Михаилу — корабли, катера.

В школе старший брат любил математику, а средний — литературу. Он даже втайне от родителей писал стихи.

Николай Мясников, хоть и не мечтал, но тоже стал офицером. Ныне уже носит погоны подполковника, служит в Главном управлении кадров. Но шел он к своей армейской карьере как бы кружным путем, долгим и запутанным: учился в Брянском институте транспортного машиностроения,

после окончания вуза служил солдатом-срочником, заключил контракт, и только потом ему было присвоено офицерское звание. Он боевой офицер, дважды побывал в Чечне, но настоящим военным в их семье считает брата Михаила.

Николай рассказывал, что у родителей сохранилась старая магнитофонная запись, где они еще детьми на каком-то из праздников демонстрируют свои таланты. Коля, как и положено прилежным мальчикам, читает стишок, а Михаил повторяет одно любимое слово: «Солдаты, солдаты...»

Так он и стал солдатом. Разумеется, в высоком понимании этого слова. После окончания школы подал документы в Голицынское высшее военное пограничное училище и, несмотря на большой конкурс, поступил.

Мама вспоминает: когда уезжал в Москву, не разрешил даже проводить его на вокзал. Простились у дома. «Никаких писем, никаких телеграмм, — сказал он. — Поступлю — сообщу, не поступлю — вернусь».

Не вернулся. Поступил. Прислал короткую телеграмму: «Зачислен. Приезжайте на присягу».

На первых же каникулах сказал маме: «Думаю, что закончу училище с красным дипломом». Татьяне Николаевне, откровенно говоря, не понравилось такое бахвальство. Отучился всего ничего, а уже на красный диплом замахивается. Спросила, откуда такая самоуверенность.

Михаил лукаво посмотрел на мать:

— Мам, ты же знаешь, как я лес люблю: грибы, ягоды, рыбалка.

— При чем тут лес? — удивилась Татьяна Николаевна, не чувствуя подвоха.

— У нас в училище порядок такой: кто плохо сдал экзамены или тем паче чего-то не сдал, отпуск проводит в сокращенном режиме. А мне это надо?

Он весело расхохотался.

Шутка ли это была очередная или сын сказал всерьез, хоть и с хохотком, но все отпуска Михаил гулял в полном объеме, а на выпуске и вправду получил красный диплом.

Перед окончанием училища, когда он гостил в родном доме, отец с матерью намекнули ему: мол, учишься на отлично, значит, за тобой право выбора места службы. Очень уж хотелось им, чтобы сын служил поближе.

— Да я уже давно выбрал, — ответил он.

— Ну, так скажи, если не секрет, — переглянулись родители.

— Какой секрет. Для меня, краснодипломника, забронировано два лучших места — либо таджикская граница, либо Северный Кавказ.

Так оно, в сущности, и случилось. Лейтенант Михаил Мясников попал служить на высокогорную заставу в районе населенного пункта Ахты, что в Дагестане. Был назначен заместителем командира заставы. Его учительница Светлана Константиновна Апатова после гибели Михаила напишет стихи в память о нем. Там будут такие строчки:

Учился мужеству, отваге,
На деле, а не на бумаге...

Это как раз о тех пяти «пограничных» годах.

«Дорогая моя Елена Викторовна!»

Тот вечер накануне отъезда Михаила в командировку Елена Мясникова помнит, словно это было вчера. Она вся на нервах, нелады на работе, ночами сидела-высиживала, писала документы. Чтобы как-то занять мужа, предложила посмотреть кинофильм об адмирале Колчаке. Он только что появился на дисках.

Михаил действительно фильм включил и стал требовать к себе жену:
— Лен, полежи со мной. Давай вместе фильм посмотрим.

Она отнекивалась, сколько могла, потом плюнула на документацию и подкатилась к мужу под бок. Так они вместе и смотрели фильм.

Вдруг он обнял ее и говорит словами из кинокартины:

— Дорогая моя Елена Викторовна! Я вас люблю. Я хочу, чтобы вы это знали...

Михаил не был человеком сентиментальным. А тут он сказал эти слова с такой нежностью, что у Лены сами собой покатались слезы. Обескураженный, он стал успокаивать ее, уговаривать. Но она плакала и не могла остановиться. Теперь-то Лена понимает, что это были последние слова любви ее мужа перед гибелью. Умом она тогда не осознала, да и осознать не могла, а вот душа уже болела и плакала.

Потом, 6 декабря, по телевизору Елена увидит телевизионный сюжет из Дагестана — бой, стрельба, взрывы. И внизу экрана бегущая строка: в ходе спецоперации погиб один сотрудник спецназа ФСБ. И словно удар в сердце. «Миша. Погиб Миша.»

Оперативно-боевое мероприятие по уничтожению террористов готовилось вначале по другой схеме. Это потом бойцы «Вымпела» получат

приказ надеть боевую экипировку, взять щиты, а поначалу действовать должны были в штатской одежде. Вся подготовка шла в расчете на внезапность. Но от подобного сценария все-таки отказались. И, видимо, это было правильное решение.

Однако поначалу, когда бойцы, одетые в штатскую одежду, собрались, чтобы выехать по указанному адресу, к Михаилу Мясникову подошел сотрудник. Назовем его Максимом.

Михаил похлопал его по груди, удивился:

— Где защита?

— Так сказали налегке, вот я и не надел бронежилет.

Мясников вздохнул и укоризненно посмотрел на Максима.

— Ну и дурак.

Прозвучало это весьма убедительно. Через несколько минут Макс уже стоял рядом с другими бойцами, надев под «гражданку» бронежилет.

Потом поступила новая команда, и вскоре группа была готова к выезду. Колонна машин вышла в город.

Террористы засели в гостинице, которая стояла у дороги. К ней, как принято на Кавказе, примыкала заправочная станция, небольшой магазин. Номера для проживания располагались на втором этаже. В одном из них и скрывались бандиты. Точное число их никто не знал. Назывались цифры от двух до шести человек. Разумеется, хорошо вооружены и агрессивно настроены.

Подполковнику Мясникову было поручено командовать двумя боевыми тройками. «Вымпеловцы» быстро поднялись на второй этаж: перед ними лежал узкий длинный коридор и три двери. За которой из них укрылись террористы?

Оказалось, они прятались в самой дальней комнате. При попытке вскрыть двери и проникнуть в номер террористы открыли огонь из автоматов и стали забрасывать бойцов спецподразделения гранатами.

Судя по всему, запас боеприпасов у бандитов был немалый: они не жалели ни патронов, ни гранат.

Среди штурмующих появились первые раненые. «Занимайтесь ранеными», — скомандовал подполковник Мясников.

Раненых вынесли в комнату, взяли под контроль коридор. Боевики тем временем забрасывали «вымпеловцев» гранатами.

Рассказывает участник боя, сотрудник спецподразделения «Вымпел» Максим Б.

«Словом, в этом узком, длинном десятиметровом коридоре разгорелся гранатный бой. Михаил Мясников организовал вынос раненого. „Вы

эвакуируйте раненого, — приказал он. — Ты прикрываешь. Ты простреливаешь коридор“. Все было четко и ясно. Эвакуация прошла нормально.

Но в этой маленькой комнате нас оставалось шестеро. Михаил сидел у двери, почти в коридоре, я стоял у косяка.

Гранату, которая прилетела от террористов, Мясников взял на себя. Осколки пришлись в него и в щит. Если бы граната взорвалась в комнате, раненых было бы сколько, что штурм попросту захлебнулся бы.

Мы вытащили Михаила на улицу. Раны оказались смертельными».

...С тех пор, как погиб Михаил, прошло почти три года, а Лена все слышит его далекий голос и ласковые, нежные слова:

— Дорогая моя Елена Викторовна! Я вас люблю. Я хочу, чтобы вы это знали.

«Данила»-мастер

«Кто сыт, тот гибнет», — любил повторять сотрудник «Альфы» майор Юрий Данилин. Он так и жил, как говорил. Вряд ли его можно было представить сытым и сонным. У него всегда хватало дел и забот.

В первую чеченскую кампанию его, старшего опера, назначили нештатным начальником продслужбы. То есть, выполнив задачу вместе со всеми, он обязан был накормить своих голодных товарищей. Известно, что на сухом пайке долго не протянешь, а чеченский рынок в ту пору — место опасное, да и купить там особенно нечего. Выехать — тоже целая проблема: бронетехника нужна, сопровождение. Магазинов в разрушенных городах днем с огнем не сыщешь.

Тем не менее в группе еда была всегда. И для своих, и для гостей. Юрий Николаевич ударить лицом в грязь не мог. Какая бы трудная задача ни стояла, как бы ни устали бойцы, «поляна» для гостей — прежде всего. Накормить, обогреть...

«Как правило, — вспоминает сослуживец Данилина Олег П., — нас сопровождают солдаты: порою десантники, иногда из внутренних войск. Словом, приезжаем на базу, все устали, хочется поскорее помыться, переодеться, перекусить. Но Юра в первую очередь бежит солдатам ужин организовать, их накормить.

Кто бы к нам ни заглядывал — спецназовцы-ГРУшники, летчики, десантники, — стол всегда накрыт, Данилин с улыбкой встречает гостей. Все по-доброму, по-человечески.

Он умел работать с деньгами. Мог собрать продукты. Я бы сказал, ювелирно собрать продукты, когда их попросту не было».

Близкие друзья и подчиненные втихаря звали его «Данилой». В том не было ничего панибратского, скорее это прозвище, производное от фамилии, несло в себе нечто домашнее, семейное. И хоть до 37 лет ходил он в заядлых холостяках, но в родном подразделении прослыл человеком, который дорожит своей воинской семьей.

Он был прост в общении. «Мягких» слов не подбирал. «Из человеческих отношений, — как сказал один сотрудник, знавший его многие годы, — выгоды не делал». Говорил, что думал. Если уверен в своей правоте, мог отстоять ее перед любым начальником. Даже если знал, что она заведомо не понравится старшему по должности и званию.

Пришедшему в подразделение с достаточно высокой должности

офицеру морской пехоты Юра «залепил» в день знакомства:

— Ну и что ты, старый, приперся? Прослужишь еще пяток лет, и сколько тебе будет? Сорок один? Как среди молодых станешь себя чувствовать?

Морпех так описывает свои ощущения после этих слов Данилина.

«Я вижу человека в первый раз, и, разумеется, услышав такое, сразу напрягся. Думаю, ну все, с этим мужиком у меня будут проблемы. Но оказалось все наоборот, он стал моим другом».

Со временем всякий, кто общался с Данилиным, понимал, что прямота и порою резкость в словах — не от желания обидеть, а от искренности и открытости, я бы сказал, от «распахнутости» души.

Юре можно было позвонить в три часа ночи и попросить о помощи.

«Помню, поздно вечером, — рассказывал мне один из сотрудников группы „А“, — я подвозил знакомых за кольцевую дорогу. Не довез, автомобиль сломался. Стоим на Рязанке, три часа ночи. А завтра утром на службу, заступать на дежурство.

Ну кому я нужен со своими проблемами среди ночи? Звоню Юре, ввожу в ситуацию. Следует непереводаемая игра слов, потом, когда пар выпущен, спрашивает: „Михалыч, ты где находишься?“. Объясняю. Слышу в телефоне уверенный Юрин голос: „Держись, сейчас прыгаю в машину и к тебе“

В четыре часа он подъехал. Подцепили мою машину, отбуксировали, а в восемь, как положено, заступили на дежурство.

Вот тогда я и подумал, как важно, когда есть человек, которому можно позвонить в три часа ночи».

Юрий был всегда внимателен к людям.

Так случилось, что один из его друзей оказался в подразделении на дежурстве, когда другие сотрудники группы действовали в «Норд-Осте». Разумеется, кто не попал на операцию, были расстроены, в чем-то даже обижены: вроде как не доверяют им. Хотя каждый понимает: боец группы находится там, где ему прикажут. И на дежурстве кому-то надо быть. И тем не менее...

Возвратились после «Норд-Оста» сотрудники, Юрий разыскал друга:

— Ты чего скис, нос повесил? — спрашивает.

— Не знаешь что ли. Вы там, а мы.

В общем, поговорили и разошлись. Казалось бы, ничего особенного не произошло. Но Данилин думал иначе.

Через несколько дней бойцы, принимавшие участие в штурме театрального центра на Дубровке, решили собраться своим кругом,

посидеть, обсудить тонкости прошедшей операции. И Юра решил взять на эти посиделки друга. Тот отказывался, мол, не место мне там, я не участвовал, буду сидеть, хлопать глазами.

Однако Данилин не послушался. Взял такси и приехал на квартиру к другу. Как тот ни упирался, настоял на своем, забрал его с собой. Друг посидел с участниками штурма, пообщался, а потом они поехали к Юрию домой. Сели на кухне, раскрыли бутылочку коньячку и опять поговорили о «Норд-Осте».

«В общем, раскачал он меня, и на душе как-то легче стало, — признался потом друг. — А знаете, жена у него была тогда на девятом месяце беременности. И ничего, понимание полное».

Но бывали случаи, когда Данилин напрочь отказывался понимать даже близких друзей, не говоря уже о сослуживцах или подчиненных. Он, к примеру, не допускал мысли, что по каким-то причинам можно не приехать на могилу погибшего товарища.

— Почему ты не приехал? — напористо наступал Юрий.

И когда тот пытался объяснить, мол, были уважительные причины, Данилин отказывался принимать объяснения. Он считал, что память о павших сослуживцах — свята.

Что поделаешь, сегодня бойцы группы «А» постоянно на войне. И потому, видимо, время от времени заходят между ними разговоры о гибели. Как рассказали мне товарищи Юрия перед его последней командировкой, зашел у них на дежурстве такой разговор. Даже спор разгорелся. Кто-то сказал, что, видимо, не стоит приходить всей толпой на похороны, мешать родственникам прощаться. Данилин не согласился.

— Как это так, вместе служили, они тебя уважали, пришли проводить в последний путь и вроде помешали.

А вскоре в последний путь провожали Юрия. И тогда все пришли, как он и хотел. Их было много в тот скорбный день, бойцов группы «А», у гроба своего товарища. Не хватало в их крепкой шеренге только его — Героя России, майора Юрия Данилина.

Братья

...20 октября 1965 года в московской семье Данилиных родилась двойня, мальчики. Старшего назвали Юрием, а того, который появился на две минуты позже, — Анатолием.

Однако уже в школе Анатолий обогнал в росте брата и стал вроде как

за главного. Его всюду принимали без проблем: в спортивные секции по легкой атлетике, по гимнастике. А позже он туда приводил Юрку. Толя, позанимавшись каким-то видом спорта, вскоре терял интерес к занятиям, а Юра, наоборот, оказался терпеливым, упорным, настойчивым. Практически всюду он обходил брата, добивался лучших результатов. Например, в русских народных танцах так преуспел, что руководитель студии, встречаясь с родителями, настаивал отдать Юрку в институт культуры. Уверял, что из него вырастет большой артист.

Но карьера артиста-танцора не прельщала Юрия Данилина. После окончания школы братья пошли учиться в училище связи, которое располагалось на Таганке. Закончили его вполне успешно, а тут и время подошло в армии служить.

В те годы не принято было бегать от армии, считалось позором, коли парень увильнул от службы. Да и в мыслях такого не держали — увиливать.

Юрия и Анатолия Данилиных, как братьев-двойняшек, в армию забрали вместе, в одну часть. Сначала в учебку в Актюбинск, а потом на Крайний Север, на мыс Шмидта. Тогда и увидели братья, какой он на самом деле — край света.

Их воинская часть официально именовалась Центром дальней связи «Рубин», а на солдатском языке — просто «точкой». Народу на «точке» — всего тридцать человек. Десять офицеров да двадцать солдат. Несколько щитовых домиков, накрытых общей крышей, кунги по четыре кровати в каждом и... антенны.

Огромные, взметнувшиеся ввысь на сорок метров красавицы антенны. И на них огоньки спартаковские, вперемешку, красные с белым.

Командиры, говоря о важности их службы, упирали на то, что в случае войны и нападения на Советский Союз именно им предстоит сообщить в Москву о страшной беде.

Беды, к счастью, не случилось. Две зимы со снегом под крышу и морозом в 50 градусов пролетели быстро. И вот он, радостный дембель. А за ним неизбежные размышления: что делать дальше? Куда податься?

Юра решил вернуться в Москву, а Анатолий — уйти в «загранку», устроиться на торговое судно, и, прощай, столица.

Однако с заграничьем не вышло, и он, приехав домой, устроился в булочную грузчиком. Решил подумать, осмотреться.

Юрий пошел работать по специальности — на телефонный узел. Однажды он признался брату:

— Ты помнишь, когда мы демобилизовались и пришли в военкомат,

там офицер из КГБ с нами беседовал...

— Помню.

— Я позвонил ему. Завтра иду на собеседование.

— Ну, удачи тебе, Юрок.

Так определился в жизни Юрий. А Анатолий все еще размышлял. В связь его не тянуло, хотя и училище, и армейский опыт за плечами были. Но не хотел, не лежала душа. Однако понимал и другое: не жизнь же ему куковать в этой булочной.

А Юрий тем временем прошел строгие кагэбэшные проверки и был принят в Комитет государственной безопасности. Как позже он расскажет брату, в 15-е управление, в оперативно-постовую службу.

Что там была за служба, Юрка особо не распространялся. С другой стороны, и Анатолий с расспросами не лез, понимал: секретность, безопасность. Словом, считал: о чем можно сказать, брат и сам расскажет.

Не будем забывать, это было время, когда КГБ боялись и уважали. Были, конечно, и те, что ненавидели. Но братьям Данилиным Комитет государственной безопасности ненавидеть было не за что. Вышли они из рабочей семьи, отец работал на ЗИЛе, мама — на заводе «Стройдеталь».

Всего добивались своими руками — уважения в коллективе за честный труд, сначала комнаты в коммуналке, потом квартиры. Словом, обычная советская семья — работали, растили детей.

Теперь один из них, Юрий, уже определился: он был прапорщиком КГБ.

Однажды и Анатолий разыскал телефон, который дал офицер госбезопасности в военкомате. Позвонил. Ему сказали: приезжайте. Поначалу подумал, что это, как у Юры, 15-е управление, оказалось — 7-е. Но тогда он ничего этого не знал.

Анатолия выслушали, долго беседовали с ним, расспрашивали, а потом сказали, что пригласят вновь.

Но прошел месяц, другой, третий, — казалось, о нем забыли. Однако он терпеливо ждал. По Юрке знал, что проверяют долго. Не такая это простая организация, чтобы пороть горячку.

Настоящая, боевая работа

Однако прошли долгие месяцы, и 9 мая 1988 года стал его первым рабочим днем в 7-м управлении КГБ. Начался он необычно. Во всяком случае, не так, представлял начало своей службы прапорщик Анатолий

Данилин. Ждал каких-то инструктажей, изучения обязанностей или чего-нибудь в этом роде. Но заместитель начальника отдела по политчасти Олег Балашов сказал совсем иное.

«Сегодня едем на кладбище, где похоронены погибшие сотрудники группы „А“».

Прапорщику Данилину стало как-то не по себе. Он старался не смотреть в глаза замполиту. Ему казалось, что только он один, к стыду своему, не знает, что это за группа «А».

У входа на кладбище их встретил подтянутый, худощавый человек, вместо руки — протез. Оказалось, это полковник Валерий Емышев, участник штурма дворца Амина в Афганистане. Там он был тяжело ранен в руку.

«Наша БМП остановилась на углу дворца, — рассказал Емышев. — Мы выскочили. Перед нами освещенный прожекторами дворец. Боевые машины газуют. И под прикрытием брони двигаемся вперед.

Бежим. Темно, ничего не видно, только пули свистят вокруг.

Над входом во дворец козырек, колоннада по кругу. Вбежали внутрь...»

Емышев говорил о том, как они шли на штурм, как его ранило, как погибли бойцы «Альфы» Дмитрий Волков и Геннадий Зудин, у могилы которых и стояли молодые сотрудники КГБ.

Так вот оказывается, какое героическое подразделение входит в их 7-е управление. Рассказ полковника Валерия Емышева поразил молодого прапорщика. Вот где настоящая, боевая работа.

Позже он узнает, что их замполит, полковник Балашов, тоже в прошлом «альфовец», а потом откроется вся удивительная история группы «А»: контртеррористическая операция в городе Сарапул в 1981 году, освобождение заложников в захваченном самолете в Тбилиси в 1983-м.

Теперь он знал твердо — его место там, в легендарной группе «Альфа». И он попадет туда, чего бы это ему ни стоило.

Постепенно узнавая, как живут, служат, тренируются бойцы антитеррористического подразделения, Анатолий Данилин только утверждался в своем желании. Теперь уже служба в 6-м отделе «семерки» казалась ему скучной и кислой: ну что тут интересного — проверить документы, пропустить, опять проверить, опять пропустить.

Да, без их пропускного режима тоже никуда, это важное и нужное дело, но есть для этого другие люди. Им нравится такая служба, ему — нет.

Однако он прекрасно понимал, что просто так в «Альфу» не придешь, не скажешь: «Возьмите меня». А кто ты, парень? Что знаешь, что умеешь?

И Анатолий тренировался. Служил в 6-м отделе, хорошо служил. Нравится, не нравится — это в душе, на качество службы душевные переживания не должны влиять.

Серьезно занялся плаванием, подводным спортом. Делал это с прицелом на будущее, знал — водолазы в «Альфе» нужны.

И только через два года упорных тренировок пришел к полковнику Балашову. Тот выслушал. Жаль было ему терять хорошего сотрудника, но понял парня замполит.

— Добро, — сказал тогда Балашов, — я порекомендую тебя.

А когда Анатолия уже вызвали в кадры, там он случайно познакомился с опытным сотрудником группы «А» Владимиром Тарасенко.

Тот задал вопрос, к которому уже был готов Данилин:

— А что ты можешь?

— Плаванием занимаюсь...

— Водолаз?

— Да, водолаз.

— Это хорошо, есть у нас такое подразделение, — сказал Тарасенко и хитро сощурился: — А с парашютом прыгаешь?

— Да я и без парашюта прыгну...

Так Анатолий Данилин попал в подразделение своей мечты.

А как же Юрий? Мы все о брате да о брате, а о нем, что же, забыли? Нет, не забыли. Специально сделали отступление, иначе было бы неясно, как Юрий оказался в «Альфе».

Теперь, надеюсь, ты уже догадываешься, дорогой читатель, как дальше развивались события. Помнишь детство, юность двух братьев? Анатолий попал в секцию легкой атлетики и привел туда Юрия, потом, придя в гимнастику, предложил тренеру кандидатуру брата. Так было и с русскими народными танцами.

Анатолий и сейчас не мог бросить брата.

Вот как об этом вспоминает он сам:

«Прошел год моей службы в „Альфе“ и я понял: Юрку надо вытаскивать из 15-го управления. Иначе он захиреет.

Там же обычная постовая работа. Сидишь и сидишь. Я прошел это в „семерке“ Начинаешь медленно тупеть.

Словом, рассказал Юрке об „Альфе“ обратился к руководству. Проверили его, решили взять. И он пришел в первый отдел группы в начале 1993 года».

Через одиннадцать лет на похоронах брата Анатолий скажет: «Несмотря ни на что, ни на минуту не пожалел и, уверен, не пожалею, что

привел Юру в подразделение. Это была его судьба. Это была истинно его работа».

Его судьба, его дело

По службе, по жизни, по духу братья Данилины были близки. Но по характеру — разные. Им даже нравились каждому свои виды спорта. Юрка любил футбол, хоккей, а Толя — бег на длинные дистанции, плавание.

Когда Юрий пришел в «Альфу», Анатолий попробовал его в подводном плавании и понял — не его дело. Там, под водой, в полной темноте и безмолвии, надо долго терпеть, работать не торопясь, размеренно. А у Юрия взрывной характер. Он живой, шустрый, усидеть на месте не может.

Не получилось из него и снайпера. Там тоже надо другой характер иметь.

«Ему, — сказал Анатолий Данилин, — лучше автомат, а с автоматом вперед. Юру посылали на опасные, сложные операции, потому что он отчаянный, смелый. У него кураж был. Мог пойти на любое дело. Всегда на взводе, в готовности. Вспыхивал, как спичка. Ребята его любили».

Братья служили хоть и в одном подразделении, но в разных отделах. А потому и командировки в Чечню у них шли, как правило, порознь. Один улетал, другой прилетал.

Юрий вылетал в Буденновск, когда Басаев захватил там больницу, а Анатолий в это время работал в Чечне. Обстановка там была сложная, бойцы находились в Грозном, в аэропорту, и сообщения о захвате слушали по радио. Хотя рвались помочь своим: как говорили, нам до Буденновска рукой подать, гору перемахнуть — и там. Однако руководство посчитало, что их место здесь. И, возможно, было право.

В «Норд-Осте» они оказались вдвоем, правда, работали на разных направлениях и встретились только в зале. Юра тогда вынес много заложников. Как сказал кто-то о нем, вспоминая «Норд-Ост», «он жилистый и целеустремленный».

Весной, в апреле 2004 года, предстояла очередная командировка в Чечню. Должен был лететь второй отдел и вместе с ним Юра.

Ничего не предвещало беды. И даже дурной знак — птицу, бьющуюся в стекло, — Анатолий никак не связывал с командировкой брата.

А случилось это утром, когда он выезжал на своей машине на службу. Ворона, казалось бы, до этого спокойно сидящая на дереве, сорвалась с ветки и ударилась в лобовое стекло. Тогда он подумал о старых, больных родственниках, и вспомнил маму. И точно такую же ворону.

Было это за год до смерти мамы. Прилетела ворона и села на форточку их окна, стала клювом стучать в стекло.

Мама, войдя в комнату и увидев птицу, побледнела и сказала, что это плохая примета.

Анатолий нарезал колбасы и протянул ладонь к вороне. Она пощипала ладонь, но к колбасе не притронулась, улетела.

А вскоре заболела мама, и через год ее не стало.

Вот с такими тяжелыми мыслями приехал он на службу. А там, как обычно, заботы, хлопоты, закрутило, завертело, забылась ворона, а вместе с ней и плохая примета.

«Юра погиб...»

8 апреля 2004 года бойцы группы «Альфа» и «Вымпел» отработали по одному из «адресов» в городе Грозном. Но квартира оказалась пустой. Значит, террорист находится в другом месте — на равнинной части, в станции Шелковской, в Наурском районе.

Ехали около двух часов. Перед станицей старший группы получил уточнение задачи. Теперь известен был дом, где находится бандит.

А бандит-то не простой. Абу Бакар Висимбаев, по кличке «одноглазый Бакар», был ближайшим подручным Басаева. Он отвечал за подготовку террористок-«шахидок», лично подбирал их для акции в театральном центре на Дубровке.

В свое время он прошел обучение диверсионному делу в одном из лагерей Хаттаба под Сержень-Юртом.

После того как Абу Бакар доказал свою преданность кровавыми делами, его к себе в охранники взял Басаев. Через год «одноглазый» уже руководил собственной бандой.

В знак особого доверия Басаев поручил ему вербовку и подготовку «черных вдов» для совершения теракта в «Норд-Осте».

Абу Бакар причастен к организации двух терактов с использованием смертниц — взрыва на религиозном празднике в селении Илисхан-Юрт, когда целью «шахидок» был Ахмат Кадыров, а также в селе Знаменское.

«Одноглазый», по оперативным данным, оказался причастным и

к взрыву автобуса с персоналом базы ВВС, а также на территории военного госпиталя.

Уничтожить его было делом чести бойцов спецподразделений «Альфы» и «Вымпела».

Таким образом, сотрудники спецназа знали адрес, где находился террорист, однако на этом, собственно, и заканчивались все сведения. Каков был дом, в котором предстояло взять «одноглазого», расположение комнат, подходы к нему — это оставалось неизвестным.

Но делать нечего, приказ надо выполнять. Когда подъехали, оказалось, что дом выходил окнами на проезжую дорогу. Одна часть была недостроена, здесь лишь возвышался фундамент примерно полметра высотой и одна стена, сложенная из белой саманной глины.

Окна фасадной части были застеклены, остальные — закрыты полиэтиленовой пленкой.

По боевому расчету первым в дом входил Дмитрий Е. со щитом. Потом еще несколько сотрудников. Юрий Данилин шел четвертым.

Бойцы «Вымпела» блокировали двор и контролировали двери и окна дома.

«Вход осуществляли в том порядке, как нам было доведено по боевому расчету, — рассказывает сотрудник группы „А“ Алексей О. — Я непосредственно шел за Юрием Николаевичем Данилиным. Войдя, остановились. Оказались в кухне. Там никого не было.

Мы с Максимом Ш. остались здесь. Следовало провести досмотр и контролировать помещение.

„Щит“ Дмитрий Е. двинулся дальше. В следующей комнате находились две женщины, ребенок и молодой мужчина. Осмотрели, они оказались без оружия.

Данилин в это время оглядел помещение. Большая комната заканчивалась дверью-распашонкой. Когда Дмитрий Е. подошел к двери, она распахнулась, и террорист открыл стрельбу. Бойцы ответили огнем.

В этот момент Юра Данилин повернулся ко мне и тихо так, спокойно сказал: „Я ранен“.

„Юр, — ответил я, — ты быстро уходи“. Он пошел, пошел и стал медленно падать.

Мне удалось крикнуть ребятам: „Данила ранен, примите его“. Макс сразу же сделал ему укол, перетащил Юрия к выходу. Здесь я поднял Данилу, а он уже без сознания, кровь изо рта. Опустили его на землю, стали раздевать, чтобы найти рану.

Когда раздели, нашел пулю. Она из тела выпала мне на ладонь. В

горячке сначала даже не понял, что пуля вышла наконечником в мою сторону. То есть, она прошла через все тело.

Получилось так, что Юрий стоял боком, здесь же люди, их надо было контролировать. Единственная пуля ударила в бок и прошла через сердце. Вторая попала в голень, но там даже кость не была задета».

Практически в это же время в Москве в расположении группы «А» стало известно, что ранен Юра Данилин. Кто-то из штурмовой группы накануне говорил с подразделением и не выключил трубку телефона.

Ребята слышали шум боя, выстрелы и крик Алексея: «Данила ранен...»

Эту весть передали брату Анатолию Данилину. А позже к нему в кабинет пришел начальник отдела. Анатолий поднялся ему навстречу, чувствуя, как холодеет все внутри.

— Юра погиб, — произнес начальник.

На этой Земле они всегда были вдвоем. Теперь он остался один.

Майор Перов из рода Стрельцовых

У начальника оперативной группы спецподразделения «Альфа» майора Александра Перова родословная самая что ни на есть военная. И фамилия военная. Потому как вовсе он не Перов, а Стрельцов.

Нет, Александр не менял фамилию, с такой он родился. Но виновата во всем его прабабка — Анна Афанасьевна. Боевая была прабабка. Захотела себя увековечить и настояла, чтобы в семье несколько детей взяли ее, девичью фамилию — Перова. С тех пор некоторые Стрельцовы стали Перовыми.

А вообще, по преданию, деревню Михаленино, прежде Колпаково, основал еще в XVII веке неизвестный стрелец. Отсюда и род Стрельцовых пошел.

Оба деда Александра воевали в Первую мировую, побывали в германском плену.

Дед Антон получил тяжелое ранение и стал инвалидом. Деду Федору повезло больше. Перед революцией он окончил школу прапорщиков, получил погоны и выходное пособие 500 золотых рублей. Сумма по тем временам немалая.

Федор, уважавший родителей, приехал в деревню, и первым делом со своего выходного, прапорщического пособия накрыл крышу отцовского дома. Кстати, крыша та цела по сей день. Под этой счастливой крышей вырастут дети и внуки рода Стрельцовых-Перовых.

Дед Федор после революции добровольно вступил в Красную Армию. В Великую Отечественную защищал Москву.

После войны дед Антон умер, и в семье «главным дедом» по праву считался Федор.

Сын Антона, Валентин, пошел по военной стезе. С одной стороны, видимо, сказался пример дяди, с другой — жизненные обстоятельства. В семье кроме Валентина было еще несколько детей. Жили трудно и, конечно, мать одна тянула, как могла, большую семью.

Отслужив срочную службу, Валентин подал документы в военное училище. Как ни крути, а здесь кормили, одевали, обували, учили. Да и хорошо, крепко учили, ведь Валентин стал курсантом Московского высшего общевойскового военного училища. Их в ту пору иначе их и не называли, как курсанты-кремлевцы. Это известное на всю страну училище выросло из кремлевских курсов.

После окончания Московского ВОКУ лейтенант Валентин Перов попадет служить во вновь создаваемые войска специального назначения Главного разведывательного управления.

В те годы спецназ, по сути, начинал с нуля. Не было отработанной методики боевой и специальной подготовки, тактики, отсутствовало спецоборудование, оружие, техника.

Валентин Антонович, как истинный офицер-спецназовец, порядком помотался с семьей по гарнизонам. Служил в Рязани, в Череповце, в Группе Советских войск в Германии, учился в академии имени М. В. Фрунзе в Москве.

После выпуска был назначен на должность начальника штаба 4-й отдельной бригады специального назначения, которая дислоцировалась в г. Вильянди, что в Эстонии.

Позже ушел на преподавательскую работу в академию имени М. В. Фрунзе, вел там группу офицеров-спецназовцев.

По примеру отца после окончания школы в Ленинградское высшее общевойсковое военное училище поступил старший сын Перовых — Алексей.

В это время младшему, Александру Перову, было всего пять лет.

Приезжая в курсантские, а потом и в офицерские отпуска, Алексей старался побольше побыть с братом. Иного времени для общения у них просто не было. Он, как некогда отец, теперь сам мотался по гарнизонам, а о младшем в семье узнавал чаще из родительских писем, несчастных звонков по телефону, да в отпусках.

Александр с раннего детства был парнем с характером. Алексей до сих пор вспоминает, как однажды, еще в Эстонии, ехали они всей семьей на автомашине. Отец — за рулем, он — рядом, мама с Сашей, которому еще не исполнилось двух лет, на заднем сиденье.

Сашка очень любил сосать пустышку. И отучить его никак не удавалось. А тут тишина, еле слышно урчит мотор, и младший брат усиленно посвистывает, причмокивая соской.

Отец слушал, слушал этот свист и причмокивание, да стал стыдить Сашку, мол, большой мальчик уже, богатырь, а соску все бросить не можешь. Экий позор.

Отца поддержал и Алексей. Оглянувшись, он укоризненно смотрел на брата.

Тот насупился, опустил глаза. Причмокивание прекратилось. Все ждали.

Сашка вздохнул, словно прощаясь с соской, вытащил ее изо рта и

выбросил в открытое окно автомобиля. И никогда больше ее не просил.

С годами он становился все более самостоятельным. Рано увлекся спортом, особенно любил лыжи. С четвертого класса, с одиннадцати лет, участвовал в лыжных соревнованиях. Уже в пятом классе выполнил норму первого взрослого разряда по лыжным гонкам.

В школе учился хорошо, без троек. Любил точные науки.

Всегда стремился быть впереди. Но это уж их фамильная черта.

Как-то в очередных отпусках — Алексей в офицерском, а Александр уже в курсантском (он учился, как и отец, в Московском ВОКУ) — встретившись в родном доме, поспорили, кто быстрее переплывет приток Волги, реку Ветлугу. А река немаленькая, от берега до берега метров семьдесят, не меньше. Что ж, спор есть спор.

Бросились братья в воду и поплыли. Так вышло, что победил старший. Он первым осилил реку. Александр расстроился. Ох, не любил проигрывать, даже старшему брату.

После этого неделю из реки не вылезал, тренировался, хотел взять реванш.

Был не по годам самостоятельным. В юности одежду, обувь выбирал и покупал сам, без помощи родителей.

Как-то летом предстояло ему поехать в спортивный лагерь. Мать, конечно, решила побаловать сына — пожарила курицу, наготовила бутербродов. Однако Сашка ничего не взял, все оставил дома, дескать, в лагере ребята будут смеяться над «маменькиным сынком».

Пошел в магазин, накупил плавленых сырков. Так и поехал.

К окончанию школы и сомнений не было никаких — Александр станет военным, офицером, как дед Федор, как отец и старший брат. Впрочем, в семье никто и не возражал.

В училище, в соответствии с семейной традицией, он тоже был в числе лучших: в спорте, в учебе, в дисциплине.

По-прежнему любил лыжи, участвовал в соревнованиях. Увлекся каратэ.

А примерно за год до выпуска «заболел» «Альфой». Его товарищ-старшекурсник попал в группу «А» и теперь при каждой встрече рассказывал об этом легендарном подразделении.

Он был в восторге от системы подготовки бойцов, от микроклимата в группе, дружеских отношений, взаимовыручки и поддержки. Этим восторгом «заразился» и Александр. О чем-то другом уже и не мечтал.

Попросил товарища порекомендовать его руководству подразделения.

Как известно, в группе «А» к таким рекомендациям относятся

серьезно. Ведь не на теплое местечко устраивают парня, а на боевую, можно сказать, фронтową работу. В общем, изучили, проверили, протестировали Александра Перова, и по выпуску из училища молодой лейтенант получил распределение в группу «А».

Теперь со старшим братом они чаще встречаются в командировках в Чечне, чем в отпусках. Алексей служит в оперативном управлении штаба Северо-Кавказского военного округа, хорошо знает обстановку и помогает брату и его сослуживцам. Он вводит их в боевую ситуацию, высказывает свои соображения о перспективах развития оперативной обстановки.

Так Александр начинал постигать основы антитерроризма.

«Перов, — говорит о нем начальник отдела полковник Валерий К., — был воспитан в старых традициях офицерской семьи. Отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь, не боявшийся никакой работы.

Серьезно занимался спортом. Входил в состав всех сборных от отдельской до сборной Центра специального назначения.

Только пришел, не успел осмотреться в подразделении, его послали на первенство ФСБ по лыжам. Он выиграл первенство.

Силен был в кроссе. Хорошо стрелял, стал чемпионом в стрельбе из пистолета Марголина. В двоеборье выполнил мастерский результат.

По службе шел достаточно стабильно. Незадолго до Беслана его повысили в должности, назначили начальником опергруппы».

Его первый командир группы Игорь В., под крылом которого молодой лейтенант начинал набираться опыта, отмечал, что у Перова было важное для бойца качество — наблюдательность. Он грамотно и точно подмечал тонкости, нюансы обстановки.

Во время спецоперации в Комсомольском, когда бои с бандой Гелаева шли почти две недели, и первые десять дней были особенно тяжелыми, поскольку огневой контакт осуществлялся в непосредственной близости с противником, роль наблюдателя многократно возрастала. Этим наблюдателем в группе снайперов и был Александр Перов. Он умел определить по второстепенным, косвенным признакам, где, на каком из объектов находится противник.

«Разумеется, я ему подсказывал, — признается Игорь В. — „Обрати на это внимание, обрати на то внимание“. И он быстро совершенствовался. Дополнял своим пониманием обстановки.

Была зима, холодно. И вдруг идет дымок не из трубы дома, не из окна, а совсем из другого, неожиданного места. Заметил. Молодец.

Менее разрушенные здания, двор, расположенный так, что противник имеет возможность скрытого передвижения. Углядел. Доложил. Да,

верно. Это дает нам возможность занять более выгодную позицию для нанесения огневого поражения, позволяет контролировать территорию».

Во время службы в группе «А» Александр Перов заинтересовался и освоил минно-подрывное дело. В Чечню выезжал уже в качестве подрывника.

Каждое утро там у него начиналось одинаково. Собирался, брал с собой людей, и они выходили, проверяли минные заграждения. Ползли в гору метров на пятьсот и обратно.

Когда бойцы работали ночью, он всегда шел впереди, разгораживал проходы, искал мины.

Был у него товарищ в первом отделении — Максим К., тоже подрывник. Он в своем отделении проводил занятия, Александр — в своем, втором. Проводят, но одним ухом слушают соседа. Потом, после окончания занятия, друг другу разбор устраивают.

Соревновались, на спор ставили имитационные мины-ловушки, заграждения, и — вперед, чья возьмет.

В «Норд-Осте» Александр Перов действовал в своей группе, но с «подрывной» задачей. Он должен был сделать пролом в металлической двери, которая выходила в смотровую яму в зале театрального центра на Дубровке.

Однако обстановка в ходе боя изменилась, и командир принял решение: дверь не взрывать, поскольку штурмовые группы уже прорвались в зал и была вероятность поражения своих.

Бойцы изменили направление движения и иным путем прорвались в зал.

В Беслане все оказалось намного сложнее. Вот как об этом рассказывает командир штурмовой группы Игорь В.:

«С майором Александром Перовым в тот день мы были на рекогносцировке. Изучили объект, направление движения нашей группы при действии по команде „Штурм“.

Вообще к делу подходили с особой тщательностью. Изучали схему здания, особенно ту часть, куда должны были проникнуть, выбить террористов и закрепиться.

Путь наш проходил через столовую, где мы в последующем и встретили ожесточенное сопротивление бандитов.

Александра хоть и назначили незадолго до этих событий начальником группы, но он должен был исполнять обязанности подрывника. Лучшее него с этим делом вряд ли бы кто справился.

Его задача — проделывать проходы минно-взрывным способом.

Словом, мы возвратились с рекогносцировки, я доложил руководству о ее результатах, переоделся, потому что был в пыли и грязи, и тут прозвучал взрыв.

Сразу же понеслись доклады наших наблюдателей, снайперов.

Машинально глянул на часы, было где-то 13:08 или 13:09. Дал команду своей группе быстро экипироваться, вооружиться.

В 13:20 моя группа уже находилась у пятиэтажек, где располагались снайперы. Они вступили в огневой контакт с противником.

Мы выдвинулись на исходный рубеж.

Перов заранее получил необходимое количество взрывчатых веществ для проделывания проходов.

Дальше действовали так: проделали проход в возможных минных заграждениях и вышли к зданию столовой. Здесь была металлическая дверь, ею и занимался Александр.

Потом проникли в здание...

А дальше начался жестокий бой. Террористы постоянно перемещались. Они вели плотный огонь. Бойцы «Альфы» и «Вымпела» уничтожили одного «духа», другого, в туалете прикончили третьего. Но тут же был убит и боец «Вымпела».

Иногда спецназовцам везло. Сразили террориста, а у него в руке граната с выдернутой чекой. Обычно рука разжимается, и тогда — взрыв, жертвы. Но тут бандит упал и, к счастью, не разжал руку.

Однако так везло не всегда.

«Олег Лоськов, — вспоминает начальник отдела Валерий К., — погиб сразу. Схватил ребенка, начал его вытаскивать. Здесь боевики открыли яростный огонь. Он стал разворачиваться, закрывая ребенка, и его сразили. Я посмотрел, у него глаза сразу остыли. Ребятам сказал: „Тяжело ранен, вытаскиваем быстро“. Хотя понимал: он уже „двухсотый“. Пули попали в грудь, в сердце.

Что же касается гибели Перова, то там сложилась следующая ситуация. Он спас своих товарищей от гибели.

Александр прикрывал нас, а террорист неожиданно „выкатился“ с противоположной стороны. Соседи не дошли до своей зоны зачистки, и бандит открыл огонь в спину сотрудникам. Тут уже некогда искать укрытие, по сути, это была огневая дуэль. Саша развернулся и сколько мог, стоя, вел огонь по террористу. Уничтожил его и сам получил тяжелые

ранения».

Таков был последний бой майора Александра Перова, за который ему присвоят звание Героя России посмертно.

А закончить свое повествование о потомственном военном, о потомственном спецназовце Саше Перове хотелось бы рассказом об одном происшествии.

Случилось это в Москве, вечером, на улице Марии Ульяновой. Александр ехал на машине со службы домой. Устал, желание было одно: скорее переступить порог родного дома, обнять жену, взять на руки крохотного сына.

Движение достаточно интенсивное, и вдруг из крайнего правого ряда иномарка сделала резкий разворот, промчалась перед его машиной. Александр дал по тормозам, столкновения удалось избежать. «Ну что за идиот», — выругался про себя Перов.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что эта же «сумасшедшая» иномарка догоняет его сзади.

Когда на этот раз иномарка подрезала его машину, он затормозил, остановился у обочины, вылез из кабины.

Из иномарки вышли трое. В руках у одного из них Перов увидел бейсбольную битую. «Ребята основательно подготовились», — подумал он.

По говору и самоуверенному гоготанию стало ясно — перед ним кавказцы. Нахальные, самоуверенные, хамоватые. Словом, хозяева жизни.

Они видели, что Перов один, безоружный, и втроем смело двинулись навстречу.

Кавказцы право успели разок зацепить Перова битой, на большее им не хватило времени. Удары Александра свалили их наземь, и нападавшие быстро ретировались. Он успел запомнить номер их машины.

Наутро обратились в милицию, «пробили» номер; машина оказалась в угоне. Теперь оставалось выяснить, кто эти трое. На МВД надежды не было, и ребята-альфовцы сами занялись поиском бандитов. «Отработали» район, где произошло нападение. Вышли на одного из троих нападавших. У него рука была в гипсе. Оказывается, в драке Александр сломал ему руку.

С помощью найденного бандита удалось разыскать оставшихся двоих. Они работали в автосервисе на Коровинском шоссе.

Один из них находился в розыске за разбой.

Так бандиты угодили за решетку. Что ж, туда им и дорога. Примечательно другое: все трое нападавших оказались... осетинами.

Вот она, трагическая гримаса судьбы — настанет час, и майор Александр Перов отдаст свою жизнь, спасая осетинских детей.

Когда один из командиров группы «А» рассказывал мне этот случай, я обратил внимание на странное совпадение. Он лишь горько улыбнулся: *«Мы никогда не проводим таких параллелей»*. И это правда. Тем и сильна легендарная группа «Альфа» и ее мужественные бойцы.

«Это жизнь, браток...»

Стоял январь. В Санкт-Петербурге было холодно и промозгло. Ольга Васильевна Дудкина в то утро вернулась домой уставшая. Она работала в аэропорту «Пулково-1» контролером. Смена выдалась обычная, только что ночная. Но ей не привыкать. Уж не первый год приходится проводить ночи на рабочем месте. И вроде ничего. А тут — то ли погода, то ли конец недели. Накопилась усталость...

Решила прилечь. Казалось, и не уснула вовсе, забылась в какой-то полудреме, полусне.

Вдруг телефонный звонок. Вскочила, добежала до телефона, схватила трубку. И явственно, четко услышала голос младшего сына Вити, Витеньки: «Привет, мамка!».

Он с детства звал ее «мамкой». Не мамой, не мамочкой, а именно мамкой. Может, кому-то со стороны это слово и резанет слух, но только не ей. Как и во многих семьях, у них был свой, только им, Дудкиным понятный язык общения, и обращение «мамка» звучало для нее лучшей музыкой. К тому же Виктор умел вложить в это слово столько любви и нежности, что у матери замирало сердце.

Вот и теперь сердце чуть не выскочило из груди, она хотела крикнуть ему: «Витенька», позвать его, но не успела. Сын только и сказал две фразы: «Привет, мамка! Поздравляю тебя с днем рождения!..» И дальше гудки, гудки.

Ольга Васильевна испуганно вскочила на кровати и проснулась. Она была в спальне, в руке — ни трубки, ни телефона. И только в ушах звенел веселый Витин голос: «Привет, мамка!».

Она разрыдалась. В спальню на шум прибежал муж, обнял за плечи:

— Ты чего, мать?

— Меня Витя поздравил с днем рождения.

Евгений Филиппович стал успокаивать жену, но та не могла сдержать рыданий. Она вспомнила все до мельчайших подробностей... Нет, не как он погиб. Это она знала только по рассказам его друзей, принимавших участие в том бою. Она вспомнила, как он родился.

Служили они тогда в Прибалтике, в Латвии. Вернее, служил Евгений Филиппович, а они при нем, как семья офицера-пограничника — жена, старший сын Толя, которому исполнилось всего два с небольшим годика.

И вот у них появился новый член семьи, младший. Поначалу хотели

назвать его Володей. Бабушка прислала телеграмму, настаивала на Володе. Так и сяк примеряли к нему это имя — не подходит. Она еще тогда сказала мужу: «Посмотри, какой он красивый, гордый. Назовем его Виктор. Победитель будет».

Евгений Филиппович, еще раз придирчиво поглядев на сына, с женой согласился. Так Дудкин-младший стал победителем.

Рос он ребенком веселым, общительным и добрым. С детсадовских времен ни отец, ни мать не могут припомнить, чтобы Виктор с кем-то конфликтовал. Умел жить в ладу с окружающими людьми.

В школу, в первый класс его не брали. Маленький, щупленький, но учиться хотел, к школе готовился. Пришлось родителям идти в районный отдел образования, доказывать, что сын может, способен. Доказали. И вправду, учился Виктор хорошо. Очень старался, много читал. Все прочитанное принимал близко к сердцу. Мать порой даже пугалась из-за этого. Помнится, прочитал книжку Владимира Короленко «Дети подземелья» и расстроился до слез. Жалко стало бедных детей.

Он и потом через всю жизнь пронесет эту обостренную чувствительность к людям, к людскому горю, несчастьям.

Однажды, будучи в Петербурге, он забрал отца после смены в аэропорту. Ехали поздно вечером на автомашине и вдруг на перекресте улиц Дальневосточной и Коллонтай увидели стоящий трамвай. Горел зеленый свет, но трамвай не двигался. На обочине разглядели лежавшую женщину. Виктор сразу среагировал, они остановились. Но дозвониться по мобильнику до «Скорой помощи» почему-то не удавалось. Связь прерывалась.

Он позвонил домой, матери, объяснил ситуацию, попросил вызвать «Скорую». Ольга Васильевна засомневалась:

— Сынок, может она пьяная?..

— Мамка, какая разница, это человек... — услышала в трубке.

Она тут же набрала телефон «Скорой помощи», пересказала ситуацию, назвала перекресток, а оператор переспрашивает:

— Кто звонит, кому плохо?

И тогда мать ответила словами сына:

— К сожалению, не знаю ни фамилии, ни имени. Да и какое это имеет значение — человеку плохо.

«Знаете, — скажет потом Ольга Васильевна, — он хоть и сын наш младшенький, а учил нас быть добрее, человечнее, не черстветь душой».

После окончания 8-го класса сначала старший сын Дудкиных — Анатолий поступил в Ленинградское суворовское военное училище, а через

два года и Виктор.

Он как-то позвонил из суворовского училища и спрашивает: «Мамка, как дома?». Ольга Васильевна все сразу поняла. Поговорила, успокоила Виктора, рассказала, что с отцом все время думают о нем. А когда в конце разговора сказала: «Ну, сынок, пока.», он ей признался: «Знаешь, мамка, я помню каждый гвоздь на стене в нашем доме. Все-все помню.» Ребенок еще, мальчишка, он очень скучал по дому.

Он вырастет, а трогательное отношение к родному дому у него останется на всю жизнь. Нет, родители не понуждали их, не заставляли, как это нередко бывает, идти в суворовцы, выбирать военную профессию. «Не помню случая, — вспоминает Анатолий Дудкин, — чтобы родители говорили, что ты должен избрать эту профессию, стать тем-то. Они с детства, аккуратно, умело подвели нас к осознанному выбору будущей мужской профессии». Так что иного пути братья Дудкины себе не представляли.

Еще в 3-м классе десятилетним мальчишкой Анатолию задали обычное школьное сочинение на тему: «Кем ты хочешь стать?». Он написал: морским пехотинцем. Через пять лет, уже в 8-м классе, на этот вопрос ответил так же, только уже конкретизировал: «Офицером морской пехоты».

Младший брат был под стать старшему. Он не просто мечтал стать офицером, но упорно готовился к этому.

Хотел быть ловким, сильным. Мечтал заняться тяжелой атлетикой. В районе, где они жили, работала такая секция, но для взрослых, юношей туда не брали. А вот его взяли. И он, единственный из пацанов, таскал железки вместе со взрослыми.

По выпуску из суворовского Анатолий стал курсантом Московского высшего пограничного училища. Когда он перешел на 3-й курс, в списках первокурсников появилась фамилия его младшего брата.

А вот лейтенантами они стали практически вместе, в один год.

В середине 90-х, когда офицеров в погранвойсках катастрофически не хватало, было принято решение осуществить выпуск по сокращенной программе, после окончания 3-го курса. Разумеется, с присвоением лейтенантского звания.

Виктор высказал желание уйти служить в войска на два года раньше. Молодого лейтенанта Дудкина направили в Северо-Кавказский регион.

Правда, попал он служить совсем не в спецназ и даже не в боевое подразделение, а в самое что ни на есть тыловое — командиром строительного взвода. В погранвойсках всегда много строили, и работы

было хоть отбавляй. Виктор не испугался этой весьма далекой от его «спецназовской» мечты должности.

Самое интересное, когда он стал «пробиваться» в «Вымпел», воинская профессия Виктора не испугала командиров спецподразделения. «Строитель так строитель, — пошутил один из сотрудников. — Главное, чтобы человек был хороший».

Разумеется, в понятие «хороший человек» вымпеловцы вкладывают многое: характер, коммуникабельность, психологическую устойчивость, поведение в бою, разумеется, высокую физическую подготовленность и еще многое другое.

«Нам ведь не пыль с пирогов сдувать, а в бой идти вместе с этим человеком. Отсюда и требования. Высокие ли они? Судите сами. Если на кону стоит собственная жизнь и жизнь товарищей, кто же будет поблажки делать», — признался командир подразделения, который в свое время брал к себе комвзвода строительных частей погранвойск лейтенанта Виктора Дудкина.

...Теперь уже вряд ли удастся выяснить, когда у него зародилась мечта попасть в подразделение специального назначения «Вымпел». Ни мать с отцом, ни брат точно этого не знают.

Однажды он объявил в семье, что хочет в спецназ. Отец, Евгений Филиппович, офицер-пограничник, ясно представлял себе, что это значит. С матерью они пытались отговорить Виктора, но он твердо стоял на своем.

В 1997 году Виктор Дудкин стал оперуполномоченным отряда «Вымпел». Когда мать спросила, трудно ли попасть в этот отряд, он ответил: «Из сотни берут одного.»

Виктор гордился принадлежностью к легендарному спецподразделению.

«Это был его выбор, — сказал брат Виктора Анатолий Дудкин, майор погранвойск, который служит на контрольно-пропускном пункте „Выборг“. — Его заветное желание попасть в „Вымпел“. Он всю жизнь стремился быть сильным, отважным, грамотным офицером.

Знаете, в новой команде „Вымпела“ Виктор оказался среди своих, близких ему по духу людей. Несмотря на все сложности походной жизни, опасности войны, он был счастлив. Многие приобрел, многому научился. Но никогда не кичился своими знаниями, умением. Не стремился показать свое превосходство, ничего не выставлял напоказ.

Был прост. Но всегда сохранял достоинство. Если ему по какой-то причине не нравился человек, просто уходил от него. И в то же время мог высказать правду в лицо. Не боялся.

Человек он был компанейский, с веселым нравом. На все случаи жизни у него свои смешные истории, анекдоты.

Ценил дружбу. Его любили родные, друзья. Жил по принципу: если не я, то кто. Это его кредо».

Так что и подразделение обрело в Дудкине надежного бойца, доброго товарища, человека веселого, юморного, неунывающего.

В отделе Дудкина прозвали «Малышом», оттого что росточка он был небольшого. Однако к нему в полной мере относится поговорка: «Мал золотник, да дорог».

Теперь, когда его нет, это ощущается с особой силой.

* * *

...Так уж получается, что вот уже много лет «Вымпел» живет на войне. А на войне жить тяжело. Для души тяжело и для тела. Бытовые условия — полевые, походные, пища, что называется, фронтовая, далека от домашних разносолов, любимая жена, дети далече — все это создает сложный психологический фон. Но самая главная тяжесть войны — это близость смерти. На войне она самая верная спутница. Словно тень в ясный день, следует неотступно по пятам бойца. Каждый чувствует ее присутствие.

Давит ли это на психику? Еще как. Кому же хочется умирать, оставив жену вдовой, детей сиротами. В мирное-то время. Ведь официально войны у нас нет, просто идет антитеррористическая операция в далекой Чечне. Большинство обывателей и знать не хотят, где эта Чечня и что там происходит.

Это в сорок первом вся страна поднималась на Великую, священную. Теперь все по-другому. Тоже, как ни крути, фактор, не прибавляющий настроения.

Так что на чеченской войне не до веселья. А ведь еще Александр Твардовский писал:

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

Нельзя сказать, что Виктор Дудкин был в своем подразделении этаким Васей Теркиным, но, пожалуй, многое от него почерпнул. Любил шутку, за словом в карман не лез, в разговоре мог вставить дельное, не пустое слово. А главное — на мир смотрел светло и чисто.

В одной из командировок в Чечню стояли они под Хатунями. Жили в палатке. Осень, грязь... Спать, откровенно говоря, было не на чем. И тогда кто-то из ребят раздобыл носилки. Обычные носилки, на которых таскают раненых и убитых.

На них и спали. Виктор Дудкин лежал на первых от входа носилках.

Зашли к ним как-то в палатку гости, спецназовцы из 45-го полка ВДВ. Как гостей не усадить, не угостить? Стали предлагать присесть, а те с недоверием отказались: «Вы что, мужики, спать на носилках — плохая примета».

Вымпеловцы только руками развели, мол, кресел нет, ребята, а Дудкин рассмеялся: «Да я уже пятый день ногами к выходу сплю, и ничего, нормально».

Что и говорить: умел Виктор подбросить веселую нотку даже в весьма минорное настроение.

Ну, да ладно носилки, можно сказать, это предрассудки, а вот шутить после падения вертолета, в салоне которого сам находился, мог действительно только неунывающий «Мальш».

«В мае 2000 года, — рассказывает сослуживец Дудкина Сергей В., — мы возвращались после выполнения боевой задачи. Дело было под вечер. Долго ждали вертолет.

В группировке у нас много добрых знакомых, предлагали остаться, заночевать, но вертолет все-таки прилетел.

В нашем отделе ребята суеверные, обычно перед полетом не фотографируются, а тут ни с того ни с сего встали в кружок и „щелкнулись“.

Погрузились, значит, полетели. Случилось все под Ведено. О том, что произошло, рассказывал командир экипажа, с которым мы в госпитале в Моздоке в одной палате лежали.

Оказывается, вертолет уже практически до места назначения долетел, и тут приказ командиру: из-под Ведено забрать раненого. Пошли забирать. Считай, дошли, заходим на посадку, и вдруг машину стало закручивать.

Один из наших, глядя в иллюминатор, сказал: „Ну, все, падаем...“

Ударилась о землю. Нас вытащили, кто больше пострадал, кто меньше, а у Дудкина ни синяка, ни царапины.

Когда его спросили, мол, как ты удачно приземлился, „Мальш“ со свойственным ему юмором ответил: „Все тяжелые, я легкий. Пока все падали, я парил в невесомости“».

До сих пор в их кабинете в управлении «В» Центра специального назначения на стене висит фотография обломков того рухнувшего наземь вертолета. Только чудо могло спасти бойцов «Вымпела» от гибели. И оно случилось. Однако много чудес не бывает. Даже на войне.

* * *

Эту белую лошадь майор Виктор Дудкин увидел за три дня до гибели. Никто не увидел, а он разглядел. Пробурчал себе под нос: «Задолбали меня эти кони».

— Ты про что, Витя? — спросил кто-то из бойцов. Он указал в поле. И тут у всех округлились глаза. Действительно, белый конь без седока, без привязи, мчался по полю. Бойцы заговорили о чем-то другом, пытаясь отвлечь Виктора, а он, как зачарованный, смотрел на скакуна, провожая его долгим взглядом.

О чем он думал в эту минуту? Кто знает? Может, вспомнил, что ходит по Чечне среди русских бойцов не то легенда, не то поверье: якобы увидеть белую лошадь, которая скачет без седока, — все равно что увидеть собственную смерть.

Кто-то вдруг сказал, что и перед падением вертолета Виктор тоже видел лошадь. И ничего. Пронесло.

Прошел день, другой, третий... А ночью на 22 июня 2004 года бандиты напали на город Назрань. Среди жизненно важных объектов блокированным оказалось и здание управления ФСБ. Там базировался отдел сопровождения оперативных мероприятий. Полтора десятка сотрудников были окружены. Их забрасывали гранатами, поливали из пулеметов.

Сотрудники отдела вступили в бой, но силы были неравны. И тогда руководство отдало приказ: бойцам «Вымпела» выдвинуться из Владикавказа, где они базировались, в Назрань и оказать помощь осажденным.

Две небольшие группы бойцов — одна на БТР-80, вторая на автомобиле «Газель» — поспешили в захваченный город.

На въезде в Назрань по небольшой колонне был открыт огонь. Командир подал командиру «К машине», все спешили и передвигались в

пешем порядке.

Группа, в составе которой действовал майор Виктор Дудкин, двигалась в головном дозоре. Бойцы уже находились в районе центрального рынка, недалеко от здания МВД Ингушетии, когда по ним открыли шквальный огонь. Такому же интенсивному обстрелу подверглась и основная группа, которая передвигалась на бронетранспортере.

Бандиты устроили классическую засаду в городе, желая одним ударом уничтожить как головной дозор, так и ядро основной группы. Однако не вышло. «Вымпеловцы» вступили в противоборство и в течение часа уничтожили огневые точки террористов.

Однако бандиты яростно атаквали. Головной дозор в составе пяти человек двигался вдоль улицы. Справа и слева типичные для Ингушетии высокие, двухметровые кирпичные заборы. Впереди — ярко освещенный витриной магазина кусочек улицы. Два сотрудника уже успели проскочить этот опасный пятачок, третьему — Андрею Чернышу — не повезло. Его «взяли в вилку»: очередь впереди, очередь сзади и удар по нему. Андрей, мощный, двухметровый мужик, рухнул на спину.

В это время командир головного дозора услышал крик майора Дудкина:

— Прикрывай!

И увидел, как метнулся Виктор к распластанному на асфальте Чернышу.

«Пока я расстреливал магазин, — расскажет потом Павел Б., — Виктор был жив и бежал спасать Андрея. Когда менял магазин, он уже добежал и упал рядом с ним.

С той стороны к ним пытался подойти еще один наш сотрудник Николай, с этой я, пока не понял: если сделаю еще попытку, буду лежать там третьим.

Место хорошо освещено, но, чтобы погасить витрину, надо было опять же выйти под огонь боевиков.

Позже много раз, анализируя ситуацию, приходил к выводу: не каждый способен под кинжальным огнем подняться, как Виктор, и броситься на помощь товарищу.

Мы переговаривались с ним по рации. В эти тяжелые минуты я начинал нервничать, но он „остудил“ меня своими сообщениями по рации. Наверное, я должен был его поддержать. Но вышло наоборот. Спокойным голосом „Малыш“ доложил: „Андрюха — 200, я — 300“.

Одна из пуль попала ему в область крестца, в нервнососудистый пучок. Он доложил мне по рации: „Уменя нет ног“. Виктор не чувствовал

ног.

Андрей Черныш, ростом под два метра, здоровый мужик, но Дудкин не задумываясь кинулся его вытаскивать».

...Около часа длился бой. К головному дозору подошла основная группа и прикрыла Черныша и Дудкина броней БТРа. Бойцы «Вымпела» подняли Черныша, чтобы погрузить в бронетранспортер. Доктор подразделения начал оказывать первую помощь Дудкину. Виктор был еще жив.

В этот момент две гранаты из РПГ, выпущенные террористами, ударили в боковую и лобовую броню боевой машины, следом заговорили пулеметы. Врач прикрыл своим телом Дудкина, и граната, пробив борт, ударила ему слева, в подмышку. Остальные бойцы получили осколочно-пулевые ранения.

В ходе боя к основной группе присоединились четверо наших пограничников, среди которых тоже был тяжелораненый.

Посоветовавшись, решили: те, кто способен передвигаться, эвакуируются к тыловому дозору, к «Газели», те, кто может вести боевые действия, — остаются на месте.

В это время бандиты, заметив отходящую группу спецназовцев, решили, что на поле боя никого не осталось, и перебежками двинулись туда. На самом деле семеро бойцов остались на прежнем месте и ожидали террористов.

Боевики уже показались, до них оставалось метров десять — пятнадцать, и в это время в кармане начальника отдела сработал мобильный телефон. Зазвучал гимн Советского Союза. Вот уж воистину на войне от комичного до трагического один шаг!

Пришлось боевиков забросать гранатами. Все равно им не удалось уйти.

А Виктор Дудкин жил еще некоторое время, но спасти его не удалось.

* * *

Один из его товарищей по подразделению сказал мне: *«Знаете, у меня воспоминания о Викторе вызывают самые теплые эмоции: таким солнечным парнем он был! В грязи, в дерьме, грубо говоря, в холоде, одна шоколадка на троих, а вода из лужи, и он никогда не унывал, не падал духом. И нам не давал унывать».*

Говорят, что любимой присказкой «Малыша» была фраза: «Это жизнь,

браток, она жестче». Он произносил ее, когда кто-то начинал жаловаться. Но сам жаловаться не любил.

Любил совсем другое. Отца с матерью очень любил. Ольга Васильевна вспоминает:

«Когда приезжал домой, обнимал нас, садился близко, нежно брал руки в свои крепкие ладони и просил: „Ну, мамка, расскажи...“

Подарки дарил. Как-то пошли вместе в магазин, а он: „Папа, вот этот галстук больше тебе подойдет. Давай-ка я тебе куплю...“ Он покупает и, как малое дитя, радуется подарку. Отец порою мечтал: „Надо подсобрать денег да краски хорошие купить“. Знаете, он рисует, а краски нынче дороги. Так Витя на 50-летие отцу удивительные краски купил. Сказал: „Живите, мои родные в радость, а я вам всегда помогу“».

Однако тут, судя по всему, сын унаследовал родительские черты. Мать с отцом с малых лет радовали сыновей подарками. Разумеется, это были скромные, недорогие вещи. Главное — внимание и любовь к детям, считали Дудкины-старшие, а не стоимость подаренного.

Помнится, однажды Евгений Филиппович подарил сыновьям к празднику альбомы для фотографий. Виктору достался альбом со звездой Героя на обложке. Тогда отец не придавал этому значения. Случайность. Какие были альбомы в магазине, такие и купил. Но тот, что со звездой, достался именно Виктору.

Сын погладил ладонью обложку.

— Золотая звезда, папа. Такие Героям вручают?

— Такие, сынок, — ответил отец и на годы забыл об этом случае.

А когда Виктору за мужество и героизм посмертно присвоили звание Героя России, вдруг неожиданно всплыл, выкатился из уголков памяти тот давний разговор, подарок, и его сын, глядящий на золотую звезду на обложке альбома.

Случайность ли это или мистика? А может, судьба уже тогда подавала знаки, да они не заметили, не осознали.

Хотя справедливости ради надо сказать: Виктор Дудкин, как бы это поточнее выразиться, спокойно относился и к званиям, и к наградам. Он так однажды и сказал брату, когда тот заметил, что догнал, мол, меня в звании, хоть и младше по возрасту: «Знаешь, я честно делаю свое дело, а за званиями, наградами не гонюсь. Заметят — хорошо, не заметят — не это важно».

Действительно, для него было важно другое.

Как-то мама Виктора приехала в дом отдыха в Троицке. Сын часто навещал ее, а потом устроил матери экскурсию по Москве и пригласил в

ресторан. Когда подошел официант, Виктор широко улыбнулся: «Это моя мама! Несите-ка всего понемножку». И стал перечислять блюда.

Ольга Васильевна испуганно прошептала: «Сынок, зачем мне столько?!». «Хочу, мамка, чтобы ты испробовала много вкусенького», — ответил он.

А после ресторана хитро спросил: «Мамка, ты не устала? У нас еще одно мероприятие». Оказывается, вместе с Дудкиными в Риге служили Артюшины. Они дружили семьями. Теперь Артюшины жили в Москве. Виктор отыскал их и устроил маме встречу со старыми друзьями. Хорошая получилась встреча. Вот такой подарок.

...Да, мать вспомнила все. Начинался ее день рождения. Первый день рождения без Виктора. Они присели с мужем на кухне. Евгений Филиппович разлил по бокалам вино.

— За тебя, мать!..

А мать все слушала, не зазвонит ли телефон. Умом понимала — нет ее Витеньки, погиб он, — а сердце все надеялось, что вновь раздастся в трубке веселый голос сына:

— Привет, мамка! С днем рождения тебя!

Последний бой Олега Ильина

1

Подполковник Олег Ильин возвратился из Чечни за две недели до бесланских событий. Командировка на Северный Кавказ была долгая, напряженная... Бойцы устали. Казалось, теперь самое время отдохнуть, отоспаться, побыть с семьей, только вот не получалось. Приходилось ездить на объект, в подразделение: то отчет составлять, то писать представления на награждение.

31 августа он сказал жене: «Все, я в отпуске. Завтра старшего отправлю в школу, младшего в сад, и ложусь спать».

Однако не получилось. Утром позвонил на службу, оказалось, можно получить отпускные. А деньги нужны позарез: через день-другой они с женой Аней собирались махнуть к друзьям в Мурманск. Начинался благословенный период времени, называемый отпуском.

Машину он уже подремонтировал, оставалось забросить кое-какие вещички и, как в песне поется: «На три дня, на три дня вы забудьте про меня».

Но пока надо было заехать в родную Балашиху, на объект, и расписаться в финансовой ведомости.

Они поехали вместе, поскольку Анна служила вместе с ним в «Вымпеле» и ей тоже причитались отпускные.

Деньги супруги Ильины получили, но вместо отпускного напутствия Олега вызвал к себе командир и объявил о захвате террористами школы в Беслане.

«А если бы вы уехали в Мурманск?» — спросил я позже Анну Ильину. Она, не задумываясь, ответила: «Отпуск? О чем вы говорите? Олег вернулся бы с полдороги, узнай о захвате».

Так он оказался в Беслане. Разумеется, не один, а со своим отделением в составе спецподразделения «Вымпел», убывшего к месту событий.

Аня осталась дома, с детьми. Об отпуске теперь только приходилось мечтать.

В отпуск они поедут позже, намного позже, уже без мужа и отца. Олег всегда мечтал отвезти их в горы, научить кататься ее, сыновей на лыжах, на сноуборде. Аня отвечала, что отдых на горнолыжном курорте не по их

офицерской зарплате. Но Олег не соглашался, говорил: «Надо мечтать, и все исполнится».

Сам он очень любил горы. Возвращаясь из командировок, куда сотрудники «Вымпела» выезжали на горную подготовку, с упоением рассказывал об Эльбрусе.

После его гибели Аня исполнила мечту мужа: взяла сыновей, и они поехали на Эльбрус. «Увидела всю эту красоту и поняла, почему Олег так любил горы, — скажет она, — а я ревновала его к горам».

Однако ничего этого Анна Ильина тогда еще не знала, да и знать не могла. Собрала мужа в дорогу, попрощалась. Все как обычно, не в первый ведь раз. Правда, Олег показался ей каким-то тихим, уставшим, что ли. Она так и подумала: отдохнуть, отойти от прежней командировки не успел.

Обычно, когда муж уезжал на подобного рода мероприятия — теракты, захваты, в их доме устанавливалась традиция — Анна телевизор не смотрела.

3 сентября с утра она себя почувствовала плохо, разболелась голова. Отпросилась со службы, пришла домой. За день до этого заболел старший сын Григорий. Дала ему лекарства и, когда он уснул, прилегла сама. Задремала. Вдруг телефонный звонок. В трубке — голос родственницы:

— Аня, ты телевизор смотришь?

— Нет...

— Ну и правильно, не смотри.

Перебросились еще фразой-другой, на том и закончился разговор. Однако уснуть опять не смогла, со страшной силой тянуло включить телевизор. Прежде никогда с ней такого не было. Долго боролась с собой, потом сдалась, включила. И уже не смогла оторваться от экрана. Показывали штурм школы в Беслане спецподразделениями «Альфа» и «Вымпел». Где-то там ее Олег.

Еще не было никаких известий: ни хороших, ни дурных, — а ей становилось все хуже.

Звонили подруги, жены офицеров, мужья которых находились в Беслане. Все успокаивали друг друга, говорили, что все будет хорошо.

Вечером она заставила себя выйти на улицу, в магазин. Знакомые спрашивали, как дела. Она лишь пожимала плечами, не зная, что ответить.

А потом было самое страшное. Вовсе обессиленная дурным предчувствием, она сидела на кухне. Старший, больной сын спал, младший смотрел телевизор, и у нее не хватило сил уложить его в постель.

Позвонили, дверь открыл младший Сережа и прибежал на кухню:

— Мама, к тебе из части приехали...

На пороге стояли начальник отдела, еще один офицер. «Я сразу все поняла, — признается потом Аня, — хотела только одного: услышать, что он ранен». Но услышала совсем другое: «Крепись, Олег погиб».

А ведь как она просила его быть осторожным. Он лишь улыбался, успокаивал: «Ты же знаешь, я хитрый, никуда сломя голову не поеду. Людей и себя берегу.»

Не сберег.

2

Олег Ильин пришел в «Вымпел» в мае 1995 года. Элитное некогда подразделение Первого Главного управления (внешней разведки) КГБ переживало тяжелые времена. Полтора года назад, после событий октября 1993 года, оно, по сути, было «разгромлено». За отказ идти штурмовать Белый Дом Борис Ельцин и его окружение расправилось с бойцами отряда специального подразделения: «Вымпел» передали в систему МВД.

Мне рассказывал тогдашний командир «Вымпела» генерал Дмитрий Герасимов, что не мог поверить этим, казалось, невероятным слухам. Ведь в группу собирали лучших из лучших оперативников КГБ, готовившихся для работы за рубежом, владеющих иностранными языками, высокопрофессиональных спецов, — словом, гордость внешней разведки. И вдруг этих людей в милиционеры? Быть этого не может.

Оказалось, в нашей стране все может быть. И генерал Герасимов это понял, когда ему вручили приказ, что в системе госбезопасности больше не существует специального подразделения «Вымпел».

Через несколько дней у КПП выстроилась вереница иномарок. Коммерсанты, в отличие от государственных мужей, по достоинству оценили профессионализм сотрудников спецподразделения.

В общем, из 700 бойцов и командиров в «Вымпеле» осталось 117 человек. Некоторые уволились со службы, приняв предложения коммерческих структур, иные ушли в другие службы ФСБ.

Новое руководство стало перед проблемой — следовало начинать заново строить подразделение. Стали строить. Тогда, как говорят, было не до жиру. Брали людей из разных структур, в том числе и из милицеских подразделений. Как оказалось потом, далеко не самых лучших. Они привносили свои «ментовские» привычки, менталитет, которые не всегда вписывались в традиции «Вымпела». Приходилось со временем освобождаться от таких «подарков».

Искали людей и в системе Министерства обороны. В особенности среди спецназовцев ГРУ, десантников.

Однажды офицеры из «Вымпела» приехали к десантникам в Медвежьи Озера. Посидели, пообщались, познакомились. Некоторые из «межвежьеозерцев» выразили желание перейти служить в подразделение.

Правда, на той встрече не присутствовал командир роты связи капитан Олег Ильин. О приезде «покупателей» из «Вымпела» узнал случайно от своих товарищей-десантников. К тому времени один его знакомый, тоже десантник, уже ушел в «Вымпел». Олег к нему: мол, замолви словечко. Тот доложил руководству. Познакомились, проверили, изучили... и в мае 1995 года Ильин был зачислен в подразделение.

В отличие от некоторых «проходняков», которые попадали в «Вымпел» в те годы, чтобы «засветиться» и потом всю жизнь козырять, мол, служил в легендарном спецназе, Ильин пришел в подразделение надолго, навсегда. И не «светиться», зарабатывать дешевый авторитет, а работать.

Судьба отвела ему девять лет жизни, девять лет службы в «Вымпеле».

Какими они были, эти годы, для Олега Ильина? Каким он был в эти годы?

3

После зачисления в штат подразделения Ильин оказывается в 4-м отделе, в горном отделении. Не забудем: после «разгрома» «Вымпела» прошло всего полтора года. Отдел, в котором теперь служит Олег, находится в стадии становления. Все подразделение методом проб и ошибок пытается найти наиболее оптимальную тактику применения.

Проходят занятия, учения — полевые, тактико-специальные. Лучшие, самые здоровые силы группы «Вымпел» пытаются сплотить коллектив, жить единой семьей. Осознавая, что сложные боевые задачи под силу только крепкому, сильному, профессиональному спецподразделению.

Олег Ильин, как всегда, очень энергичен, инициативен. Некоторые даже поглядывают на него с настороженностью. Вот, мол, какой, всюду хочет успеть.

И он успевает. С головой окунается в проблемы горного отделения. Первым делом исследует экипировку горных бойцов. На слово не верит никому, какими бы громкими «брендами» не прикрывались фирмы. Натягивает куртку и залезает под душ, потом приходит к руководству: «Это

обмундирование не годится, протекают швы.» Берет спальный мешок и вместо теплой кровати под боком у жены проводит ночь на улице, проверяя на себе качество «спальника».

Он встречается с представителями фирм-производителей, выходит на ведущих альпинистов страны.

«Когда у нас появлялись определенные образцы обмундирования, — рассказывает начальник отдела группы „Вымпел“ полковник Александр Б., — Олег начинал их испытывать, проверять и делал свои заключения: в этой экипировке сотрудник проживет в горах полчаса, а в другой — сутки. И аргументированно доказывал.

Помню, когда мы начинали, у нас были первые горные ботинки коричневого цвета. Они, конечно, лучше армейских, но все равно не то. Ильин доказал, что им можно найти замену.

Многие вещи добывал для отдела лично. Какие у нас были „спальники“ раньше, а какие достал он! Олег вышел на специалистов, наладил с ними контакт, провел анализ, и в результате прекрасными „спальниками“ обеспечено не только его отделение, но и все остальные. А ведь он не был альпинистом, горником до прихода в „Вымпел“».

И так в каждом деле, за которое брался Олег Ильин. Он доходил до сути, изучал его, становился спецом экстра-класса.

Взять те же парапланы. До того времени, как Олег стал заниматься ими, в подразделении были парапланы, на которых, как сказал один из командиров «Вымпела», «можно разве что с небольшой горки съехать». Он же выдвинул весьма дельное предложение — головной дозор в горной местности выдвигается на... парапланах. И в самом деле, поднялся на полторы тысячи метров и передавай нужную развединформацию. Попробуй достань такого разведчика.

Предложение это по определенным причинам принято не было, но он всегда был уверен: признание такого тактического приема — дело времени. Возможно, он прав, кто знает?

Многие офицеры и до сих пор помнят, как испытывал Олег мотодельтаплан, по утрам летал над территорией части.

Разумеется, будучи человеком неугомонным, упрямым в достижении своей цели, кое-кому он не давал спокойно жить. В буквальном смысле «доставал» своими рацпредложениями. Его часто можно было видеть в отделе материально-технического обеспечения. Олег спорил, требовал. Не всем это нравилось. Но он думал не о косых взглядах и испорченных отношениях с «МТОшниками», а о деле.

В результате кадровых перестановок вышло так, что Ильин оказался в

другом отделе. И здесь он нашел приложение своей энергии.

«С приходом Олега, — признался один из руководителей отдела, — мы создали группу нештатных водолазов. А ведь до него только задумывали, планировали ее организовать. Он пришел и добился своего. Не будем забывать: для этого нужно время и большое желание. Человек, задумавший что-то новое, всегда сталкивается с какими-то административными барьерами. Иной предложит раз, два — и махнет рукой. А Олег все доводил до конца».

Думается, никому не надо доказывать важность огневой подготовки для бойцов спецподразделения. И тем не менее мне встречались командиры, которые считали, что стрельбы по несколько раз в месяц — это вполне приемлемый максимум для поддержания огневого мастерства. Тем более если стреляли уже не новички, а офицеры с опытом.

К счастью, в отделе, где служил Ильин, так не считали. Как сказал полковник Александр Б.: *«Сотрудник должен заниматься огневой подготовкой каждый день. Только тогда он становится настоящим профессионалом».* Однако при такой интенсивности занятий своей базы не хватало. Первым, кто внес дельное предложение, был Ильин. Он решил выйти на другие стрельбища, тир. Стали выезжать туда, тренироваться. Как итог — уровень подготовки значительно возрос.

Откровенно говоря, Олег был тем человеком, которому до всего было дело.

«У нас есть занятия, — рассказывает сослуживец Ильина Николай В., — на которых мы отрабатываем, например, проникновение в помещение по веревке. Речь идет об альпинистской подготовке.

Вот ситуация: надо договориться о привлечении вертолета, чтобы организовать спуск на веревке. А просто так, по первому звонку вертолет никто не даст.

Олег умел правильно, грамотно подготовить документы, все обосновать, и смотришь, у нас есть вертолет для проведения занятий.

Из других отделов ребята приходят, спрашивают: „Где это вы да как вертолет взяли?“.

А мы их к Ильину отправили, мол, он содержит вертолетную эскадрилью».

Так подполковник Олег Ильин осваивал сам и учил своих подчиненных осваивать горную, воздушно-десантную, водолазную, огневую, тактико-специальную подготовку.

А вскоре накопленное мастерство и профессионализм проверит война, бой. В Первомайском, в Чечне, в «Норд-Осте».

...Первой боевой операцией Ильина мог стать Буденновск. Но «старички» поберегли молодежь, Ильина в командировку не взяли. Олег только что пришел в подразделение, и капитану предстояло многому научиться. Теперь-то он это понимает, а тогда было обидно. «Ничего, — успокаивали их „деды“, — войны и терактов на ваш век хватит».

Так оно и получилось. Прошло еще полгода после Буденновска, и Радуев захватил больницу в Кизляре.

Первоначально было известно, что три сотни боевиков, вооруженные стрелковым оружием, атаковали вертолетную площадку г. Кизляра, уничтожили две «вертушки» и топливозаправщик, захватили жилой дом. Они расстреливают и берут в заложники мирных жителей. Потом доходят до местной больницы и тоже захватывают ее. А в больнице — старики, женщины-роженицы, дети.

Генерал Герасимов, бывший командир «Вымпела», участник тех событий, однажды признался: *«Там, в Первомайском, был натюрморт спецподразделений — 24 сотрудника управления спецопераций, часть „Альфы“ поскольку в такой напряженный момент нельзя было оставить без прикрытия Москву, и небольшая по числу „Вега“».*

В составе этой небольшой по числу «Веги» и находился, в сущности, еще начинающий боец группы антитеррора Олег Ильин.

Там он шел вместе со всеми на штурм села Первомайское, которое террористы превратили в хорошо оборудованный опорный пункт. Запомнился дикий январский холод, снег с дождем, бандиты, засевшие в теплых домах, сказки президента Бориса Ельцина о 38 снайперах и, конечно же, пулеметный и автоматный огонь по наступающим.

Таким было его первое боевое крещение и первая награда — медаль «За отвагу».

Потом был орден Мужества в 1999 году, позже, через год, — медали ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени с изображением мечей и, наконец, орден «За военные заслуги».

Награды говорят сами за себя. Начиная с 1999 года Ильин получал государственные награды практически каждый год.

Выезжая в Чечню, он действовал так же энергично и инициативно, как и в мирное время на учениях, занятиях. Ведь там тоже можно работать по-разному: есть оперативная информация — действуем, нет — ждем.

Но Олег Ильин не мог сидеть и ждать. Он добывал эту информацию

сам со своими ребятами, искал новые, более эффективные схемы воздействия на террористов.

Вот как вспоминает об одной из командировок в Чечню начальник отдела подразделения «Вымпел» полковник Александр Б.

«Наш отдел, в состав которого входило и отделение Ильина, работал в Веденском районе. Там мы применили иную, непривычную схему действий — создали своеобразную пограничную зону, в которую входило пять сел. Постоянно контролировали въезд, выезд, анализировали, кто выезжает, кто въезжает. Если в селе появлялся новый человек, который не фиксировался на КПП, значит, он спустился с гор. Сразу возникал вопрос: что это за человек?»

Придумали с Олегом и новую поисковую схему. Она оказалась довольно эффективной.

Для начала навели порядок в селе. Там до этого улицы не имели названий, дома — нумерации. Мы вместе с местной властью повесили таблички с названиями улиц, номера домов. Попросили, как положено, завести домовые книги, вписать всех живущих родственников.

Пособники бандитов хитрили, разумеется, кого-то не вписывали в книгу. Стало быть, мы знали: в этой семье может появиться неожиданный „гость“.

Олег сумел установить хороший контакт с местным населением.

И как результат — за сравнительно короткую командировку изъято 70 единиц огнестрельного оружия, схроны вскрывались один за другим».

Как-то Ильин со своими ребятами приехал по «адресу», однако нужного чеченца там не оказалось. Где он, никто сказать не мог. Предупредили брата и главу администрации о том, чтобы отсутствующий заглянул к «вымпеловцам».

Он вскоре появился, стал рассказывать, что он мирный житель, строитель. «Если ты мирный житель-созидатель, — спросил его Олег, — зачем вертолет обстрелял?» «Строитель» сразу сник, понял, что в руках офицеров есть надежная оперативная информация.

После разговора «строитель» принес снаряды, которые закопал в огороде, сдал оружие.

«Такая информация, — сказал один из сослуживцев Ильина, — сама в руки не приходит, надо пахать, чтобы ее добыть».

Однако командировки в Чечню — это не только оперативная, профилактическая деятельность, выезды по «адресам», но и самая что ни на есть боевая, если так можно выразиться, фронтовая работа. Что я имею в виду? Прежде всего, жестокие боестолкновения с бандами террористов.

Об одном таком столкновении и хочется рассказать.

...Разведгруппа под руководством подполковника Ильина находилась в поиске семь суток. Стояло лето, но погода была осенняя — холодно, постоянно шел дождь, под ногами непролазная грязь.

Когда дождь утихал, над землей висел густой туман. Вырытый окоп сразу по колено заполняла вода.

На одной из точек, в засаде, бойцы Ильина провели трое суток — бандиты не появились. Вскоре поступил приказ сменить дислокацию, переместиться в другой квадрат. Прошла оперативная информация, что там должна появиться банда террористов.

Ильин вошел в заданный район. Они осмотрели участок местности, закрепились на господствующих высотах. Хотя было крайне сложно спрогнозировать, каким маршрутом пойдут бандиты.

И тем не менее интуиция Олега не подвела. Террористы вышли прямо на него.

Ночью, в тумане их удалось обнаружить заранее. Передвигались они осторожно, грамотно, впереди — головной дозор. Боевики головного дозора по тропе на высоту не пошли. Выключив фонарики, стали огибать вершину по кругу. Вскоре они оказались с другой стороны «вымпеловской» засады.

Складывалась весьма сложная тактическая обстановка. Теперь уже бойцы засады оказались окруженными с обеих сторон. Куда сосредоточивать огонь? Если по основной группе боевиков, то их головной дозор ударит с тыла. Распылять огонь небольшой группы в разные стороны тоже не имело смысла. Бандитов было в два раза больше.

Напряжение росло. Решение должен был принять командир. Однако он терпеливо ждал.

В это время основная группа террористов тоже начала огибать высоту. И тут они почему-то решили выйти на вершину. Развернулись и цепью, осторожно стали приближаться к позициям наших бойцов.

Темно, видимость плохая, слышался только хруст валежника под ногами бандитов. Ильин подпустил их метров на семь, и «вымпеловцы» почти в упор открыли огонь.

Было убито четверо боевиков, судя по следам крови, многие ранены. В группе Ильина ранены два человека. Одного из боя вытащил сам командир.

Надо отдать должное: подполковник Олег Ильин умел ориентироваться в сложной боевой обстановке, принимал грамотные и взвешенные решения.

Вот как он действовал во время событий в «Норд-Осте». *«При подходе*

к зданию театрального Центра на Дубровке, — вспоминает боец „Вымпела“ Владимир К., — на нашем пути был освещенный участок — 1-я Дубровская улица. А мы должны преодолеть мост и выйти к Институту человека. Тут по нам и ударили из автоматов с третьего этажа. Удалось укрыться за бетонными ограждениями. Можно было, конечно, попытаться прорваться, но это не лучший выход.

Олег Ильин с ребятами находился в разведдозоре. Быстро послал двух человек на доразведку, они нашли новый безопасный маршрут, и группа перебежками покинула опасное место и вышла на рубеж штурма „Норд-Оста“».

Теперь и командиры, и сослуживцы, вспоминая о нем, говорят, что Олег Ильин — это огромная потеря в коллективе и заменить его в полной мере пока некем.

Вот лишь некоторые отзывы о нем.

«Он знал, кого и куда поставить, как действовать в сложной ситуации. Просчитывал все варианты».

«Есть люди, которые сами знают, опыт имеют, а передать другому не могут. Он мог, умел...»

«Стоит, к примеру, сложная боевая задача. Олег эту задачу каждому разъяснит, растолкует, разложит по полочкам. Каждому своя полочка. Смотришь, любо-дорого, все готовы, ничего не забыли, ничего не упустили».

«Ильин был человек легкий на подъем, взрывной. Быстро мог вывести из состояния апатии, оцепенения. Ускорителем был, скажем так».

Прекрасные слова, что говорить. Однако из всего предыдущего повествования можно сделать вывод: мол, Олег Ильин кроме службы ничего не знал, этакий прожженный вояка, влюбленный в профессию. Многие из его товарищей так и говорили: он круглые сутки думал о работе, о службе. Но лучше всех, на мой взгляд, сказала его жена, Аня, сама прапорщик, в прошлом десантник, имеющая за плечами десятки парашютных прыжков: «Знаете, это правда — он был предан работе и вместе с тем был предан семье».

С будущей женой они познакомились в родной десантной части в Медвежьих Озерах. Аня была единственной женщиной в батальоне, а Олег — командовал сначала взводом, потом ротой связи. Вместе

выезжали на парашютные прыжки, там и присмотрелись друг к другу.

Вскоре поженились. У обоих это был второй брак. Сына Анны от первого брака он принял как своего, родного. Хотя относился к нему требовательно, а порою и жестко. Воспитывал мужчину, защитника.

Младший, Сережа, родился в 1998 году. Он был любимый, желанный. Однако, положив жену в роддом, Олег «вылизал», вычистил квартиру и уехал в командировку. Тогда Аня крепко обиделась, но теперь понимает: он не мог не поехать, это была знаковая командировка.

Правда, забрать ее из роддома с маленьким сынишкой он все-таки успел.

Теперь она запуталась в его командировках, сколько их было за эти девять лет. Помнит только, что пропустил он всего одну, когда лег на операцию по поводу язвы желудка.

Зато когда возвращался из дальних странствий, он полностью принадлежал жене и сыновьям. Аню, например, терпеливо учил водить машину. И когда она въехала в столб и готова была расплакаться с досады, долго смеялся и успокаивал: мол, что расстроилась, это же железо. И добавлял: «А водить ты машину научишься классно, поверь мне».

После «Норд-Оста» им дали, наконец, квартиру. Олег сам, своими руками делал ремонт, благоустраивал ее.

Любил сыновей. Сегодня Аня говорит, что у нее никогда не было сомнений относительно их будущего. Она знала: Олег не оставит их.

Из-за вечной занятости на службе Олега и ее самой в доме они не могли завести какую-либо живность, собаку, например. Но однажды, приехав с учений, Олег привез в сумке нечто крохотное и едва живое. Сбежалась вся семья.

Он показал животное маленькому сыну.

— Кто это такой?

— Мышка, — ответил тот.

— Нет, — смеется папа.

— Крыска.

— Нет... Это бельчонок.

Отказывается, они нашли его в лесу, брошенного, еле живого. У него не было еще зубов, и сыновья кормили бельчонок из пипетки, потом, когда он подрос, давали ему орехи, грибы-шампиньоны.

А когда бельчонок вырос в пушистую белку, выпустили его на волю, в лес.

В их семье и до сих пор хранится фотография — Олег лежит на диване, а на груди у него играет белка.

После гибели Ильина одна из газет, раздобыв у кого-то из сослуживцев эту фотографию, опубликовала ее. Фото и вправду симпатичное. Однако Аня считает, что оно не понравилось бы Олегу. Он бы сказал: «Ведь люди подумают, что я валяюсь на диване».

Да, действительно, спецназовец Олег Ильин диван не уважал. Уважал спорт, свою боевую профессию, беспокойную и опасную жизнь сотрудника подразделения антитеррора.

Может быть, поэтому судьба распорядилась так, что умер этот целеустремленный, смелый человек не в собственной постели, а в бою, защищая бесланских детей.

6

Последний бой подполковника Олега Ильина. Каким он был?
Пусть о нем расскажут его боевые товарищи, которые шли с ним бок о бок.

Александр Б.:

«В Беслане Олег Ильин находился в одной группе со мной, которой была поставлена задача провести разведку на местности. Мы с ним излазили все, но самый лучший безопасный маршрут выдвижения выбрали. Ведь прежде, чем штурмовать объект, захваченный террористами, до него надо дойти.

В дальнейшем Олег получил задачу провести окончательную доразведку, то есть промерить все дистанции, вплоть до каждого окна, из которого вели огонь террористы.

Потом согласовали наш план с приданной бронетехникой 58-й армии.

Он руководил группой сотрудников в составе 5 человек.

Происходит взрыв в захваченной школе. Об этом мне докладывает снайпер. Я подаю команду „Тревога!“. Пока мы прибежали из штаба, группа Ильина уже вступила в бой, прикрывая выбегающих из здания заложников. Они вели огонь по окнам, чтобы подавить террористов, которые расстреливали детей.

Вскоре подтянули бронетехнику. Бандиты стали стрелять по БТРах из гранатометов.

Вот тут Ильин и Пудовкин получили ранения. Олегу осколок угодил в лицо, а Денису разбило приклад снайперской винтовки. Я предложил им выйти из боя, но они наотрез отказались, попросили оставить их.

После этого террористы стали перемещать заложников в классы на

первом этаже и в столовую.

После того, как поступил приказ на штурм, Ильин руководил передовой группой. Его бойцы стали проникать в помещение через окно. А здесь — сильный пулеметный огонь, коридор школы простреливался.

Мы поднялись на второй этаж. Террористы стали оттягиваться. Наши шли двумя подгруппами. Олег двигался впереди».

Денис Т.:

«Второй этаж зачистили весь и сконцентрировались на самом опасном направлении — лестнице. Вышли на лестничную площадку. Вроде никого, внизу, правда, слышались какие-то перемещения. Но мы не могли стрелять или забрасывать гранатами: а если там свои?»

А „духи“ пошли на прорыв через эту лестницу. Они метнули гранаты и бегом вверх.

Мы открыли по ним огонь, а они не падают. Всаживаешь 2–3 пули в бандита, а он бежит».

Александр Б.:

«У убитых потом обнаружили вколотые в вену катетеры для внутривенных инъекций, закрытые пробкой. Представляете, в бою трудно попасть шприцем, так у них уже иголка вставлена в вену, закрыта и примотана к руке. Для того чтобы быстро ввести наркотик.

Словом, они пытались прорваться через наши боевые порядки».

Денис Т.:

«Впереди бежал пулеметчик. Он вел огонь, а в другой руке у него граната. В него всадили две пули, а он все двигался. Потом наш снайпер наконец прикончил его. Но он успел ранить нашего сотрудника в колено.

Мы заняли оборону. Вбегает второй бандит, снайпер кладет и его.

После этого они остановились на лестнице и стали забрасывать нас гранатами. Нам уходить некуда. Если побегут, будем стрелять в упор.

Они кидают гранаты и вперед. В этот момент мы уничтожаем троих террористов, но еще трое прорываются в актовЫй зал.

А у нас ситуация такова — раненый сотрудник, и трое бандюг прорвались, по сути, в наш тыл. Надо эвакуировать раненого. Но делать этого нельзя, следует сначала добить террористов.

Разбились на две двойки и пошли по разным сторонам вперед. Олег двигался первым вдоль противоположной стены.

Тем временем „дух“, как оказалось потом, затаился на лестничной клетке. Он струсил и не побежал за остальными».

Александр Б.:

«Олег Ильин, подойдя к углу, практически лоб в лоб столкнулся с

террористом. Они начали стрелять друг в друга. Если бы пули попали в бронежилет, это бы спасло Ильина, но они пошли снизу, под шлем, в незащищенные места.

Получилось так, что Олег Ильин фактически закрыл собой группу, приняв основной удар на себя. Это был ближний бой на расстоянии штыкового удара».

...Когда это случилось и командиру передали, что Ильин «двухсотый», он не верил. Олег был одним из опытейших бойцов. Однако бой есть бой. Видимо, неспроста написал поэт: «Последний бой — он трудный самый.»

Эта тяжелая мужская работа

В тот день капитан Дмитрий Разумовский не мог найти себе места. Он то метался по квартире, то вдруг застывал, обхватив голову руками, вперив взгляд в одну точку. Жена Дмитрия, Эрика, с тревогой следила за мужем.

Час назад в новостях по телевизору показали сожженную 12-ю заставу Московского погранотряда. Всю ночь горстка пограничников отражала яростные атаки моджахедов. Погибло семеро ребят! Слава Токарев, Коля Смирнов, Сергей Пеньков... Всех их он прекрасно знал. Не раз прикрывали друг друга в бою. И вот теперь их нет.

А он здесь, в отпуске, в отцовском доме, в тихом мирном Ульяновске.

Диктор телевидения заявил, что мы и впредь будем давать жесткий отпор провокациям. Хотелось спросить: всякий раз такой ценой?

Год с небольшим назад, в июле 1993-го погибли 25 российских пограничников на этой же 12-й заставе. Вместе с ними был убит его друг, начальник заставы Михаил Майборода. Теперь вот еще семеро. Не слишком ли дорогая плата?

Да, спросить нужно, только кто же услышит, кто ответит капитану с далекой таджикско-афганской границы?

А что, если в газету написать про весь этот бардак, в «Известия» или в «Комсомолку»? Но тогда уж точно не простят. «Ну и хрен с ними, — в сердцах сказал себе капитан, — сколько же ребята будут гибнуть по дурости, по предательству». Уж он-то на все это за четыре года службы на границе вдоволь нагляделся.

Вспомнился разговор с офицером Андреем Мерзликиным за неделю до первого нападения на 12-ю заставу.

— Не врублюсь, что творится, Дима, — сказал тогда Андрей. — На «Турге» «духи» засели, а нам их трогать не дают.

— То есть как не дают? — удивился Разумовский.

— Говорят, они нас от «вовчиков» оберегают.

— «Духи» оберегают? Ты не перегрелся, Андрей?

— Да я-то не перегрелся, — обиделся Мерзликин. — Это кто-то сверху у нас температурит. Видать, в бреду такие приказы отдает.

Мерзликин оказался прав. «Духи» месяц наблюдали за заставой, готовились, а потом ударили. Тот неизвестный, кто отдавал приказ не трогать «духов», не пострадал, разумеется. Пострадали пограничники. 25 погибших.

Ну и что же? Пошумели, поговорили, ноту протеста послали и потихоньку, помаленьку забыли павших. Теперь вот новые жертвы, новая кровь... Доколе, хочется узнать?

...В тот вечер он вытащил обычную школьную тетрадку и сел писать.

«Здравствуйте, пишет вам капитан российских пограничных войск в Таджикистане, начальник заставы десантно-штурмовой маневренной группы Московского пограничного отряда.

Пишу вам с болью в сердце, потому что 19 августа погибли мои боевые товарищи. Еще пишу потому, что устал биться головой о стену и надеюсь, что хотя бы вы сможете поднять наши больные вопросы на должный уровень. К нам часто приезжают корреспонденты, задают много вопросов, но почему-то при трансляции все наши интервью корректируются и острые углы из них вырезаются.

Служу в Таджикистане 4 года. Пришел сюда по своей воле охранять границу великого государства. Верю и сейчас, что это в интересах России. По многим причинам. Но почему Россия так наплевательски относится к своим сыновьям, которые ради нее головы свои складывают?»

Дмитрий отложил в сторону ручку. Не слишком ли резко? Да нет, не слишком. Ведь до нападения на 12-ю заставу «духи» вели решительные боевые действия около двух лет. Все это было на его памяти. Из этих боев он сам не вылезал. Порой в один день по нескольку раз схлестывались. Абсолютный рекорд — восемь боестолкновений за сутки.

А когда 200 «духов» обложили на вершине горы 18 погранцов во главе с ним, начальником заставы, бой шел одиннадцать с половиной часов: начался в 5:30 утра и закончился после 17:00.

Было это 26 июня 1993 года. Еще 12-я застава оставалась целехонькой, но моджахеды уже укреплялись на территории, которую контролировали наши пограничники. Базу обосновали между 11-й и 12-й заставами. Они тогда хорошо подготовились.

«Пользуясь нашим бездействием, — продолжал писать Разумовский, — душманы спокойно стали готовиться к своим последующим делам, кстати, готовиться на нашей территории. Правда, было запланировано несколько операций по уничтожению бандформирований, но почему-то при их проведении планы резко изменились. И первоначальные задачи выполнялись едва на 50 процентов.

Противник при таких наших действиях потерь почти не понес и со своих позиций выбит не был. Наши боевые группы при подходе к позициям противника останавливались и возвращались указанием сверху. Говорю так потому, что не раз водил такие группы. И ни разу, ни разу не

выполнял первоначально поставленной задачи, так как ее выполнению препятствовал вновь отданный приказ».

Однако в тот июньский день никто не мог остановить его. Накануне погиб боевой товарищ Слава Иванов, и Разумовский прилетел со своей группой, чтобы отомстить. Но «духи», люто ненавидевшие капитана, тоже были не лыком шиты. Они отследили группу Разумовского и выслали большую банду, чтобы наконец расправиться с непокорным капитаном. Так пограничники попали в окружение.

Застава пыталась им помочь, но моджахеды из безоткатных орудий отсекали выдвижение группы разблокирования. Разумовский со своими бойцами остался один.

Помогала огнем только минометная батарея, находившаяся на заставе. С комбатом они нередко работали вместе. Толковый был минометчик.

Дмитрий перед выходом подготовил ему все данные для ведения огня, и теперь они прекрасно понимали друг друга.

На восьмом часу боя в действие ввели «карманную артиллерию» — гранаты. Патронов оставалось совсем мало.

И все-таки они вырвались из окружения. Вышли без потерь: ни раненых, ни убитых. А вот «духов» покروшили прилично. Потом напишут, что уложили 42 человека, но это неправда. Реально группа капитана Разумовского уничтожила 24 «духовских» бойца, повторяю, при этом не потеряв своего ни одного.

Капитан Разумовский вышел из боя с четырнадцатью патронами в автомате. Так что есть основания считать, что акция возмездия удалась.

Однако, надо признать, были и другие, далеко не самые удачные акции.

Ведь штаты пограничных застав заполнялись в лучшем случае на 60 процентов, о боевой подготовке вспоминали нечасто. Прибывавшие молодые пограничники сразу шли «затыкать дыры» на границе.

«В результате наши пограничные войска, — записал Разумовский в тетрадь, — стали больше похожи на ополчение, нежели на подразделения профессионалов.

Следующий большой вопрос: почему на российских заставах в Таджикистане до 80 процентов военнослужащих таджики? Наверное, не будет секретом, что офицеры им не доверяют. С их приходом в массовом количестве появились неуставные взаимоотношения на национальной почве, случаи трусости при ведении боевых действий, резко увеличилось количество случайных выстрелов со смертельным исходом, снизилась дисциплина».

Дальше он приводил цифры в подтверждение своих мыслей: в том бою на 12-й заставе из 15 таджиков только двое вели огонь, остальные прятались за спинами русских пограничников.

Во время боестолкновения на 16-й заставе Московского пограничного отряда русский сержант докладывал, что таджики отказываются стрелять, ссылаются, что там их братья-мусульмане. И как результат, весь удар моджахедов приняли на себя русские пограничники. И они не дрогнули.

Капитан Разумовский знал: выстояли бы и на 12-й заставе, если бы не предательство часового Бобоходжаева, который, обнаружив «духов», сбежал, не подняв тревогу на заставе.

«Через его пост, — рассказывал Дмитрий в письме в редакцию, — душманы и зашли на заставу, никем не замеченные. А этот вышел через два дня с пулеметом и неизрасходованным комплектом.

«Кто подписал указ о его награждении медалью „За отвагу“? И ведь вручили, хотя все знают правду. Чем это объяснить?»

Вопросы, вопросы... Больные, накопившиеся за эти четыре года войны. Их не раз задавал своему руководству Разумовский, да толку что. Может сейчас, прочитав в газете, зашевелятся.

Закончил он свое письмо словами: *«Мы готовы и в будущем служить вам „пушечным мясом“, вот только не знаем, ради каких интересов гибнут наши друзья? Где же твоя забота о русских, Россия? Кто же положит всему этому конец?»*

Дописав тетрадь, уже на следующий день он засобирался в Москву, чтобы самому, лично доставить письмо в редакцию.

Доставил. Через два месяца, в октябре 1994 года его опубликовала «Комсомольская правда». Заголовок был таков: «Кремль запретил мне мстить за погибших друзей. Но я не выполню этот приказ.»

После выхода в свет газеты его вызвали к командиру пограничного отряда, потом к командующему погранвойсками в Таджикистане.

Разумеется, на вопросы, поставленные в статье, капитану никто не ответил.

Вместо этого начальника десантно-штурмовой маневренной группы Московского погранотряда, кавалера ордена «За личное мужество» и медали «За отвагу» капитана Дмитрия Александровича Разумовского уволили в запас.

К новому 1995 году он возвратился домой, в Ульяновск, к жене и маленькому сыну Мишке, которого назвал в честь погибшего друга, командира 12-й заставы Михаила Майбороды.

В разведке о вернувшемся с работы агенте говорят: пришел

с «холода». Разумовский, наоборот, пришел с войны горячей, кровавой, страшной. И теперь, откровенно говоря, не знал, как быть, как жить, чем заниматься в этой тихой, мирной жизни...

* * *

Дима Разумовский родился в Ульяновске. Отец — инженер-строитель, мать — музыкальный работник. Преподавала в музыкальной школе. Здесь он рос, учился, грезил о подвигах. После окончания средней школы подал документы в Московское пограничное училище. С первого захода не поступил, недобрал балл.

Возвратился в Ульяновск, пошел работать лаборантом в военное училище связи. И готовился, готовился. На следующий год успешно сдал экзамены и стал курсантом-пограничником.

Любил спорт, занимался боксом, был чемпионом училища. Уже тогда явственно стала проявляться его главная, ведущая черта характера — обостренное чувство справедливости. Если видел неправоту, ложь — молчать не мог. Резал правду-матку в глаза, вне зависимости от звания-должности.

Это многим не нравилось.

Лейтенантом Разумовский стал в 1990 году. Время лихое, беспокойное. Уже «взорвались» Армения и Азербайджан. Детонатором стал Нагорный Карабах. Митинги переросли в кровавые столкновения.

В Сумгаите — зверские убийства, насилие, расправы. Улицы города в дыму пожарниц.

Кровь и смерти армян Сумгаита вывели на улицы Еревана, Кировакана, других городов тысячи обезумевших от горя людей. Начались грабежи, убийства азербайджанцев.

В Сумгаит, в Ереван, в Степанакерт, в Баку срочно перебрасывались войска.

В начале 1990 года, за несколько месяцев до их выпуска, был учинен разгром государственной границы с Ираком на участке 70 километров. Здесь она практически перестала существовать.

Дмитрий Разумовский по распределению попал на таджикско-афганскую границу, сначала в Пянджский погранотряд, потом в Московский.

Моджахеды люто ненавидели офицера. С ним нельзя было «договориться». Как-то со своей боевой группой взял наркокурьера с

чемоданом «зеленых». Все сдал в штаб. Позже перехватил три тонны героина — целое состояние. И опять доставил это «состояние» куда положено.

Так он жил, воевал четыре года. И вот теперь — капитан запаса. Дмитрий знал: на гражданке он вряд ли себя найдет. Потому пошел в армию, в десант. Но, как признавался потом: «Прослужил всего полгода. Не смог примириться с армейскими порядками после демократичных погранвойск».

Я тогда слушал Дмитрия и понимал: дело совсем не в «дубовости» ВДВ и не в демократичности «зеленых фуражек». Он потерял привычный образ жизни. Да, жизни на войне, когда тяжело, опасно, но от тебя зависит многое, а нередко все, и в первую очередь здоровье и сохранность твоих солдат.

Позже, в одной из бесед, и сам Дмитрий подтвердил мою догадку. Вот что он сказал, а я записал на диктофон дословно:

«Чем я живу сейчас, это не работа, это образ жизни. Один американец, кажется, из морских котиков (хотя я американцев не люблю и не считаю их хорошими вояками, но поучиться у них есть чему), верно подметил: „Все это чушь, вьетнамский синдром. Если бы война шла 100 лет, мы были бы только рады. Потому что война для нас — не работа, а повседневное состояние“.

И мы без этого жить не можем. Здесь у нас собрались люди, которые не за деньги работают. Ну, какие у нас деньги? Отбери у ребят служебные удостоверения, так они им и не нужны. Им работа эта нужна. Есть, конечно, которые и за красную книжечку служат. Но таких немного и они сами по себе ничего не стоят».

В общем, уйдя из ВДВ, он пытался пробиться в «Альфу». Не получалось.

«После Таджикистана, — говорит жена Разумовского, Эрика, — у него было очень тяжелое время. Он не мог жить на гражданке. Ему нужна была именно такая боевая работа. Ведь как прежде — приедет с таджикской границы, отпуск два месяца, казалось бы, — отдыхай. Нет, недельку расслабитесь и готов ехать обратно.

В 1995 году после увольнения он ездил в Москву, подавал документы. Ему их возвращали, опять подавал. Еще в училище он мечтал попасть служить в „Альфу“.

Потом мы переехали в Москву, и вновь он ждал, ждал, когда его возьмут в „Альфу“. Но, видать, не судьба. Попал служить в „Вымпел“».

Будучи еще кандидатом для приема в «Вымпел», Дмитрий уже тогда

показал себя человеком вполне профессиональным. За плечами у него были боевые действия на границе, опыт, награды. Он привез свои схемы разведывательно-поисковых действий в составе десантно-штурмовой маневренной группы. Ими заинтересовались уже действующие бойцы «Вымпела». В общем, как сказал мне потом один из командиров спецподразделения, уровень военных знаний у Разумовского был высокий. Да и, как показало время, человек он неординарный.

Словом, в 1996 году Дмитрий зачислен на службу в ФСБ, в спецподразделение «Вымпел».

Как-то в очередной мой приезд на «объект», где квартирует «Вымпел», Разумовский сказал:

«Две недели назад вернулись с Кавказа, были на Эльбрусе. Взяли несколько высот, четырех-пятитысячников, преодолевали перевалы, ночевали в горах.

Прочно приняли на вооружение парaplаны. Бывает, поднимаемся на высоты по 8-10 часов, потом это расстояние преодолеваем на парaplане за 20–30 минут. Вот такое средство доставки спецназа.

Знаете, хотим создать особый, эксклюзивный отдел, который мог бы выполнять комплексные задачи самого высокого класса сложности. Такие задачи, которые не под силу ни спецназу ВДВ, ни МВД, ни ГРУ, только нам».

Откровенно говоря, я тогда не очень обратил внимание на эти слова. Известно, каждый кулик свое болото хвалит. Нечто подобное слышал и от ГРУшников, и от спецназовцев-десантников. Хорошо, если у нас побольше будет таких «эксклюзивных» подразделений.

И только потом, со временем, значительно позже узнал: Разумовский не просто говорил, — делал, лепил собственными руками такое вот отделение «высокого класса».

«Я сейчас не готов идти на вышестоящую должность, — признавался он, — хочу полностью раскрыться на отделении, создать настоящий коллектив».

Разумовский добивался, чтобы его подчиненные в бою понимали друг друга с полуслова. Совершенствовал подготовку, постоянно искал новые подходы к обучению сотрудников.

Начальник отдела «Вымпела» полковник Б., вспоминая Дмитрия, очень точно подметил место Разумовского в коллективе:

«Он был у нас таким „маячком“, энергичным, деятельным. Может, кто-то из подчиненных и недолюбливал его. Ведь он требовал и с начальства, и с себя, и с подчиненных. Но зато все видели результаты

работы.

Такие „маяки“ в коллективе нужны. Их не так много, как хотелось бы.

К занятиям Дмитрий подходил всегда творчески, неординарно. Придумал прием — отработка ухода от пули в ближнем бою. Как показывает практика, этот вид боя становится у нас все более „популярным“.

Так вот, он догадался использовать теннисные мячи. Боец встает на линию, в него бросают мячики. Увернуться с ближней дистанции тяжело. Конечно, от пули уйти еще сложнее, но для начала попробуйте увернуться от мяча.

После первого „обстрела“ боец должен упасть, уйти в укрытие. Потом в него бросают второй, третий мяч.

Это придало занятиям большую эффективность.

Стрельбу у него в отделении тоже отрабатывали не как обычно, а с переворотом.

На основе его многолетних записей, схем действий десантно-штурмовой группы выпустили в подразделении методичку по тактико-специальной подготовке — разведывательно-поисковые действия».

Разумеется, все эти неординарные занятия, умелые, творческие тренировки были нацелены на один результат — победа в бою над террористами.

Без побед он не возвращался. В Чечне его уже знали: «Майор приехал!..» В свою очередь руководство было уверено: Разумовский отработает результативно. И Дмитрий не огорчал руководство.

* * *

Чеченская война в жизни Дмитрия Разумовского — статья особая. После таджикско-афганской границы, почитай, вторая война. Неспроста там его ненавидели моджахеды. Ненавидели они «майора» и здесь. Дмитрий им платил той же монетой.

Боевое крещение на этой войне он получил под Чабан-Махи, когда Басаев, Хаттаб и их приспешники напали на Дагестан.

Кстати, жизнь уже сводила его в бою с Хаттабом. Ведь это он, тогда еще никому не известный араб, вместе с другими «духами» напал на 12-ю заставу, убил его друзей. Так что у Разумовского были свои счета к «черному арабу».

Однако Дмитрий тогда еще не знал, кто стоит за сворой бандитов, ударивших по Дагестану.

«Нас было 19 человек, — вспоминал Разумовский, — старший — Макс, командир отделения — Михалыч. Одну группу во главе с Максом послали на Чабан-Махи. Хотя информация от ушедшего вперед подразделения внутренних войск шла противоречивая: сначала двое убитых, потом четверо, потом половина раненых...»

Все в полном недоумении, что там происходит? Мы, естественно, рвемся в бой. Я подхожу к нашему прямому начальнику, который там был от ФСБ. Он говорит: стоп, обстановки не знаем, будем ждать.

Ждали до полуночи. Наконец наши бойцы возвратились. Оказалось, разведрота бригады внутренних войск опрокинула боевое охранение бандитов, заняла позиции. И „духи“ полезли. Их очень много было. Бой шел серьезный. Наши крепко помогли отряду „Русь“.

На следующий день мы работали шестером: три снайперские пары. Основная задача — наводка артиллерии и авиации.

Потом командующий внутренними войсками благодарил нас: мол, никто так грамотно не работал с артиллерией, как вы.

А у меня этот опыт еще с Таджикистана. Так вот, первым делом, когда мы вышли на позиции, я оценил обстановку. Внизу, под нами, кишлак, кстати, не нанесенный на карту. Из-за него, по сути, все неприятности начались. Группа „духов“ начала атаковать наших ребят-омоновцев, которые засели в кишлаке.

Накануне, исходя из прошлого опыта, я поручил связисту дать летчикам нашу частоту. Когда появились вертушки, по связи запрашиваю пилотов. Те отвечают. Отлично! Говорю летчику: „На южной окраине два дома на отшибе, видишь?“. Тот в ответ: „Вижу“. „От них 700 метров, 270 градусов“.

Три борта прошли, и бой прекратился».

Осталось только добавить, что удачно наведенные Разумовским вертолеты уничтожили, по сути, две «духовские» банды. Радиоперехват зафиксировал: один главарь докладывал — потери 50 процентов, другой — вся группа уничтожена.

Таков был дебют «майора» на второй чеченской войне.

Однако бои у Чабан-Махи продолжались. И, естественно, в них участвовал Дмитрий Разумовский со своими боевыми товарищами.

В один из своих выходов вымпеловцы уже покидали кишлак, в котором заняли позиции бойцы внутренних войск — минометчики. И вдруг откуда-то выстрел. Солдат-минометчик ранен.

Бросили дымовую шашку, вытащили раненого из-под огня. Стало ясно: где-то засел «духовский» снайпер. Но где?

«Вымпеловский» наблюдатель наконец засекает стрелка: «Дима, вижу. Расстояние 700 метров». И показывает на дом, во дворе которого располагается сарай. Ворота сарая нараспашку, а «дух» ведет огонь из глубины постройки.

— Саня, — сказал «вымпеловскому» снайперу Разумовский, — я выведу БТР, а ты пока вали «духа».

Со второго выстрела Саня снял чеченского снайпера. Дмитрий видел, как засуетились, забегали у сарая «душки», и послал туда короткую очередь зажигательных пуль из бэтээровского пулемета.

А потом, прыгнув с брони, Разумовский смахнул пот и подмигнул раненому минометчику.

— Держись. Мы отомстили за тебя. Они все в сарайчике остались... Навечно.

Это была вторая вылазка группы Разумовского.

А в третий раз они устроили засаду в тылу у «духов», там, где до недавнего времени бандиты безраздельно хозяйничали. Разумеется, хозяйничали до того момента, пока не «познакомились» с бойцами «Вымпела».

Об этой засаде мне рассказал сам Дмитрий.

«В рейд тогда ходил практически весь отдел, но получилось, что к дороге спустилась моя группа минирования — три человека: я, „Узбек“ и „Макс“.

На прикрытии „Макс“, а мы с „Узбеком“ минировали. Поставили две мины, причем сделали это хитро. Одну — на обрывной датчик, вторую — на взрыватель наклонного типа. Хороший взрыватель!

Угол поражения у мин 120°. Да еще поставили их под углом друг к другу. Получилось, они практически всю дорогу перекрыли.

Пошла „духовская“ колонна: мотоциклист и три „ЗИЛа“. Мотоциклиста и первую машину в пух разнесло, два других автомобиля добила наши вертолетчики.

В следующую ночь опять наша группа к дороге вышла. Дело было перед рассветом. Удачно выбрали поворот: с нашей стороны обрыв, потом дорога, ниже еще обрыв.

„Душки“ ночью без фар ходили, боялись. Ну, мы подготовились и ждем. Уже до рассвета минут десять осталось, хотели сниматься, уходить, глядь — колонна чеченская ползет. Впереди „УАЗ“ 452-й, „таблетка“, за ним еще пять машин: „нива“, „джип“, грузовые.

Таблетку мы, конечно, пропустили, а дальше так рванули, что колеса метров на 200 отлетали в стороны. Первая машина загорелась и осветила всю колонну. Прибавили огоньку из автоматов.

Слышу, из кузова кто-то стреляет, посылаю гранату. Перестали стрелять.

Однако нам попались опытные бандиты. Сработали оперативно и сразу группу в обход послали, чтобы ударить с фланга. А я смотрю, восьмая минута боя идет, старшему из штаба говорю: „Игорь! Увлечлись. Ты оставайся здесь, а я слева посмотрю“.

С „Узбеком“ нырнули в лощину и всего секунд на тридцать опередили группу чеченов, которые уже с дороги поднимались. Они нас обстреляли. Мы залегли и ждем. „Духи“ поняли: здесь их положат, — и ретировались».

Это первые боевые дела капитана Разумовского на второй чеченской войне. Потом были еще выезды в Чечню, которые вскоре стали регулярными. Одно подразделение сменялось другим.

Командир такого подразделения полковник П. вспоминает о командировках на Северный Кавказ:

«У нас с Дмитрием Разумовским была одна зона ответственности. Я его постоянно менял в Чечне. Он приехал в Хатуни и обижался: „Вы тут всех ‘духов’ разогнали, мне делать нечего“.

Он неординарно подходил в оперативной работе, не сидел, не ждал информацию. Бывало, появляется, а бандиты уже трепещут: „Майор приехал!“

Работал хорошо, без потерь...»

Действительно, за эти годы отделение под руководством Разумовского не понесло ни одной потери. А боев за спиной — теперь уже все не упомнишь.

Его ребята участвовали в операции по взятию Радужева. Правда, они выполняли блокирующие функции. Но тут уж, как говорят, солдат службу не выбирает.

Сам Дмитрий бил басаевцев в Дагестане, перекрывал границу с Грузией, уничтожив два десятка бандитов, у станицы Слепцовская вел десятичасовой бой с террористами.

Однако надо отметить, что бойцы «Вымпела» в основном специализируются на захватах и уничтожении главарей бандформирований. Их фирменный прием — взять «духа» тепленьким, чтобы и охрана не успела опомниться.

Примеров таких достаточно. Того же Радужева скрутили, увезли, и

телохранители не заметили, как исчез их босс. Но об этом захвате много писали. Поэтому возьмем другую спецоперацию, которая, кстати, была проведена не менее успешно.

А началось все с оперативной информации. Стало известно: в одном из аулов, где под видом мирных жителей располагается крупная банда численностью до 70 человек, скрываются четверо подрывников. Они готовят громкий теракт.

Взять их — главная задача. Зачистку организовывать опасно — уйдут, скроются, и тогда попробуй их выследи.

А малой группой двинуться в бандитский аул — все равно что сунуть голову к волку в пасть.

И тем не менее, просчитав все варианты, решили идти вдвоем, на трех «жигуленках». Натянули гражданскую одежду, оружие спрятали, а бороды всегда при них. И потому некоторые из бойцов «Вымпела» весьма похожи на чеченов.

Словом, «вымпеловцы» заехали в один аул на полторы минуты, во второй — на три. Взяли тех самых четвертых подрывников.

Правда, на выходе из второго аула их обстреляли. Но они ввязываться в бой не стали — расклад сил оказался не в их пользу, а до ближайшего блокпоста полтора километра, до базы — все двадцать.

И тем не менее террористы были доставлены куда надо и сданы «по описи». Операция прошла «без шума и пыли», как говорил известный киногерой.

* * *

Последней спецоперацией в жизни подполковника Дмитрия Разумовского стало освобождение заложников в Беслане. После его гибели писали разное, даже то, что он под пулями, на простреливаемом пятачке встал в полный рост и не пытался уклониться... Что тут скажешь?

Разумовский был опытным бойцом, и вряд ли он залихватски лез под пули, подставляя собственную голову. Насколько мне известно из бесед с его сослуживцами, товарищами, несколько человек, и среди них Дмитрий, получили очень ответственную задачу.

«В тот день, — рассказал мне один из командиров „Вымпела“ полковник Б., — мы не планировали штурмовых действий, но задача группы, в которую входил Разумовский, была самой серьезной. Они должны были обезвредить террориста, который стоял на бомбе в готовности к

взрыву. Убить террориста, не дать взорваться бомбе, спасти заложников, которые первоначально находились в спортзале — вот основная цель.

Ребята планировали выйти к школе на БТРе и с помощью спецтехники сделать так, чтобы террорист не успел произвести взрыв.

Но, как вы понимаете, вмешалась случайность, все изменилось. И теперь надо было эвакуировать заложников, спасти раненых, вести бой с террористами.

Разумовский стрелял из гранатомета по огневым точкам врага, прикрывая своих товарищей. Пуля попала в бронезилет выше пластины».

...А ведь ничего этого могло и не случиться. Дмитрий находился в своем законном отпуске, собирался ехать к родителям в Ульяновск. Но не уехал. С 16 августа он все тянул, откладывал поездку, а 1 сентября его вызвали по тревоге в подразделение.

Эрика отправила старшего сына в школу, и тут позвонил Дмитрий уже из Балашихи, из «Вымпела». Только и сказал, что в Беслане террористы захватили школу.

— Где этот Беслан? — спросила жена.

— На юге, — ответил он.

И «Вымпел» улетел на юг.

Вечером 1 сентября опять раздался звонок. В трубке веселый голос Дмитрия:

— Эрика, мы уже в Осетии. У нас все нормально, но ты прости, на ужин я не приду.

Он рассмеялся. А у нее мороз по коже. Уж ей ли не знать: если муж шутит, успокаивает, говорит, что все нормально, тихо, значит, там опасно и страшно.

А 3 сентября позвонила жена Максима, младшего брата Дмитрия.

— Мы должны быть вместе. Я сейчас приеду.

Через час — звонок в дверь. Эрика открыла, но вместо жены Макса на пороге стояло восемь командиров и бойцов «Вымпела».

«Они смотрят на меня, я — на них, — скажет она позже. — И это все... Я все поняла».

...Указом президента Российской Федерации Дмитрий Разумовский удостоен звания Героя России посмертно.

«Он вчера не вернулся из боя...»

Они росли вместе, в одной станице, на соседних улицах. Учились в одной школе. Но в детстве знакомы не были. Когда Андрей пошел в пятый класс, Наташа в нарядном платьице стала первоклашкой. Они, разумеется, встречались в школьных коридорах, но мог ли шустрый двенадцатилетний паренек разглядеть в «малявке-первачке» свою будущую любовь? Нет, конечно.

А когда Наташа пошла в свой пятый класс, Андрей уже учился в СПТУ, спешил повзрослеть, получить профессию. Так и разошлись их пути. До поры до времени.

Но до этой самой поры их знакомства прошел не один год. Андрей Туркин окончил профессионально-техническое училище, стал водителем-слесарем, отслужил срочную службу, поступил в Краснодарский институт маркетинга и информационно-технологических систем, на заочное отделение.

В апреле 1997-го в его жизни произойдет событие, о котором он мечтал давно, — его зачислят в состав спецподразделения «Вымпел». А летом он приедет в родную станицу Динскую, что в Краснодарском крае, в отпуск.

Чем заняться молодому парню в отпуске? Помочь матери по хозяйству, подремонтировать отчий дом, а вечером — на танцы. На станичную танцплощадку.

Подходя к площадке, он еще издали заметил знакомую девчонку. Она стояла спиной к нему, вьющиеся длинные локоны спадали на плечи. Андрей решил пошутить, подобрался поближе, наклонился поближе и что-то неожиданно сказал на ухо. Девушка вздрогнула и оглянулась. Это была не его знакомая. Андрей сконфузился: надо же, как неудобно получилось, испугал незнакомую девчонку. Он извинился, а девушка от неожиданности залилась краской, не знала, куда себя деть.

Андрей решил хоть как-то исправить неловкое положение и пригласил ее на танец. Так они познакомились. Девушку звали Наташей.

После танцев Андрей пошел ее провожать и с удивлением узнал, что Наташа почти соседка, окончила одну с ним школу и теперь, как и он, учится в Краснодаре.

До отъезда Андрея в Москву они уже не расставались и вновь встретились на экзаменационной сессии в столице края, куда оба приехали

в одно и то же время.

Через год с небольшим, в октябре 1998-го, Андрей и Наташа поженились. Свадьбу сыграли веселую, гостей было много. А потом пришло время собирать чемоданы... и в дорогу. Неспроста в народе говорят: жена за мужем-военным, как ниточка за иглолкой. Вот тогда молодая супруга впервые и узнала, что это такое — быть боевой подружкой.

Поначалу жили у товарища Андрея, две семьи в маленькой квартирке.

Правда, вскоре, недели через три, им дали свой угол в общежитии. Только вот угол этот обставить было нечем. Но их не бросили в беде. Бойцы спецназа — ребята дружные, сплоченные: кто-то подарил стул, кто-то — старенький диван, кто-то — выдавший виды холодильник. Огляделись, улыбнулись: уже можно жить.

Первые годы были трудными. У Андрея звание прапорщика, зарплата маленькая, а тут еще, кроме обычных расходов на жизнь, надо выкраивать деньги на поездки в Краснодар, на учебные сессии в институт.

В 2001-м родился сын Владислав. Прошло еще три года. Первенец подрастал, молодая семья потихоньку вставала на ноги. Решили завести второго ребенка. Андрей к тому времени окончил институт, получил первое офицерское звание лейтенанта. Казалось, все складывалось хорошо. Но грянуло 1 сентября 2004 года. Террористы захватили школу в Беслане.

Андрей, сын Андрея

...Наташа Туркина совсем еще молодая женщина, а за плечами, кажется, целая жизнь. В этой жизни было все — и трудности и счастье, и рождение сына-первенца и самое страшное — гибель мужа. А потом, через полгода — появление на свет второго ребенка, которого она назвала в память о муже Андреем.

Теперь Наташа осталась одна, с двумя детьми. Она вдова Героя России Андрея Туркина.

«Знаете, к нашей военной жизни, — говорит Наташа, — я привыкала тяжело. Сын рос, совершенно не видя отца. У Андрея такая служба: что днем, что ночью по тревоге он бегом мчался в отдел.

Конечно, Владик обожал папу. Когда отец дома, ребенок маму просто не видел, не замечал. Ему нужен только папа. Правда, таких минут было немного. Андрей то в основных командировках в Чечню, то на прыжках, то в горах на стрельбище, то промышленный альпинизм осваивает. Но он это любил и другой жизни не представлял. Пришлось и мне привыкать к

такой жизни».

Она умолкает. Я не тороплю Наташу. Кто знает, где сейчас ее мысли?

«16 августа 2004 года Андрей должен был уехать в основную командировку в Чечню, — Наташа медленно начинает говорить, словно вступает на минное поле самых тяжелых своих воспоминаний. — Но он не поехал, отпросился. Из-за меня не поехал. Я была уже на четвертом месяце беременности, и мое состояние оставляло желать лучшего, скажем так.

1 сентября Андрюша, как всегда, ушел на службу, на дежурство, и буквально через два часа вернулся, сказал, что уезжает.

Я еще ничего не знала про захват школы в Беслане. А он не обмолвился ни словом. В общем, пришел домой, собрал вещи, сказал, что ненадолго должен уехать.

Обычно перед его командировками мы прощались, долго разговаривали. Знаете, каждый из наших ребят из „Вымпела“ понимает: всякое может случиться. Понимали это и мы и всегда говорили об этом, он давал какие-то советы, как жить, воспитывать детей, если с ним что случится.

А тут даже не прощались. Влад вообще во дворе играл. Андрей сказал: „Наташа, я скоро приеду и мы с тобой все обговорим“ И ушел.

Я ждала, что он позвонит первого числа, второго, но он не позвонил. Третьего штурм, но мне в этот день ничего не сказали. О его гибели я узнала самая последняя из десятерых.

Четвертого утром в квартиру пришла целая делегация, и я сразу все поняла...»

Андрея Туркина, за подвиг, совершенный при освобождении заложников в бесланской школе, удостоили Золотой Звезды Героя. Награду вручал президент России в Кремле.

Ей дали квартиру. Руководство Центра специального назначения помогло с ремонтом, купили мебель.

В ту пору, когда мы беседовали с Наташей, старшему сыну Владиславу исполнилось четыре года. Он все время спрашивал: «Где папа? Куда папа уехал?». Скучал по отцу.

При этих словах у Наташи на глазах навернулись слезы, и она как-то беспомощно, по-детски развела руками.

— На такие вопросы и не знаешь, как ответить...

Действительно, как ответить на подобные вопросы. Почему, спасая чужих детей, лейтенант Андрей Туркин оставил своих сиротами? Потому, что выбрал такую профессию? А может, оттого, что, идя на штурм, не

делил детей на своих и чужих? А если все двадцать девять лет он готовился к этому подвигу и, как сказала жена Наташа, «в том его предназначение в жизни»?

Кто знает? Может, оно и так. Важно другое. В этот роковой день и час он, лейтенант Андрей Туркин, боец спецподразделения «Вымпел», не дрогнул, не отступил, не усомнился в правоте своего дела, не оглянулся на своих детей — трехлетнего Влада и не рожденного еще Андрея. И потому победил. Погиб, но победил вместе с товарищами — вымпеловцами.

Такое не объяснишь Владу, но идут годы, и он, его младший брат во всем разобрались сами. И гордятся отцом.

«Душа» второго отдела

Написал высокие слова о подвиге и задумался. Нет, я ни в коей мере не подвергаю их сомнению. Но хочу быть как можно ближе к правде жизни. Прочитав предыдущие страницы, можно ненароком подумать, что Андрей Туркин был чуть ли не ангелом во плоти. Родился, почитай, героем и жил, как герой. Ведь что греха таить, случалось в нашей журналистике и литературе, когда из обычного человека писали едва ли не икону, «лепили» этакое святого, выбрасывая из биографии эпизоды, которые могли бросить тень на светлый образ героя.

Андрей не был таким. Он жил полнокровной, я бы сказал, смелой жизнью и не боялся теней от своих поступков, даже если эти поступки не всегда укладывались в рамки уставов.

Не станем и мы делать из него икону, но попытаемся нарисовать реальный, зримый, осязаемый образ нашего современника, офицера, бойца подразделения специального назначения.

...Туркин хоть и родом из Оренбуржья, но видом своим, право же, походил на черкеса — лицом смугл, будто загар с него не сходил круглый год, нос с горбинкой. Неспроста и позывной у него был «Черкес». Друзья рассказывали, когда отпуская бороду — вылитый кавказец. Оттого и с милицией не раз бывали конфликты. Еще бы: парень — боевой офицер, прошел Чечню вдоль и поперек, участвовал в множестве спецопераций, рисковал головой, а тут московские «менты», не всегда, мягко говоря, отличающиеся культурой и интеллигентностью обращения с людьми, хватают Андрея. Им мерещится совсем другое. И сомнений нет — кавказец, да еще в бутылку лезет, права качает. Пока разберутся, Андрей со своим взрывным характером начинает кипеть. Вот и основа для конфликта.

Он и сам не раз сокрушался по поводу своей внешности. Но тут уж ничего поделать нельзя. Друзья, сослуживцы успокаивали: мол, нам ты именно таким нравишься.

И вправду, его любили сослуживцы. В первую очередь, за преданность дружбе.

«У Андрея очень тонкая, отзывчивая душа, — говорит о нем бывший начальник отдела группы „Вымпел“ Михаил Дроздов. — Если кому-то плохо, он сразу бежал на помощь, пытался подставить плечо. Заботился о друзьях, был вежлив, внимателен. Как человек импульсивный, чувствительный, резко реагировал на несправедливость.

Работой — горел, был по-детски упрям, тщательно учился своей специальности. Конечно, жизненного опыта у него маловато, поэтому мог сорваться на пустяке. Но человек честный, порядочный...»

Да, верно сказал Михаил Дроздов: жизненного опыта у него было маловато. До прихода в «Вымпел» за плечами школа, СПТУ да служба в погранвойсках. По сути, становление его как бойца спецподразделения произошло здесь, в «Вымпеле».

«Андрюха Туркин, — скажет при встрече полковник Сергей К., — был душой компании. Как его только не называли, но всегда по-доброму, ласково. Стреляет он из ПТУРа, над ним шутят: „Птуркин“ ты наш, или „Культуркин“.

Андрей подойдет порой со спины тихо, незаметно, только и скажет: „Доброе утро“, а все уже улыбаются, на душе теплеет».

Здесь, в «Вымпеле», за семь лет службы Туркин вырос от рядового солдата погранвойск до специалиста-спецназовца высокого класса. Ему было намного труднее, чем тем ребятам, которые пришли в подразделение после окончания высшего военного училища. Но он самозабвенно любил свое дело, свою профессию. С удовольствием прыгал с парашютом. На его счету 42 парашютных прыжка.

Виктор Герасимов, в прошлом сотрудник «Вымпела», так вспоминает о Туркине:

«Он всего добился сам. Приехал, прошел все тесты, проверки, экзамены и пробился в подразделение.

Упорно осваивал парашют. Некоторые прыгнут положенное, и всё, а Андрей, как только появлялась хоть маленькая возможность, старался прыгнуть. Знаю: хотел пересечь на парашют-крыло.

У Михаила Кузнецова, прекрасного подрывника, учился саперному делу.

Кстати, к своему обучению в Краснодарском институте менеджмента относился очень серьезно.

В общем, до всего хотел дойти сам, узнать, обрести, освоить...»

К сказанному надо добавить, что Андрей Туркин многое умел делать своими руками. Жил он в станице, с матерью, без отца, так что рано научился мастерить, пилить, строгать. Умел шить. У него в кабинете всегда был творческий беспорядок. Собственными руками дорабатывал, «дотягивал» «фронтной» камуфляж, в котором выезжал на боевые операции. Нашивал карманы, карманчики, сам придумывал, кроил, пришивал.

В составе подразделения постоянно выезжал в командировки в Чечню. За успешную оперативно-боевую работу в 2000 году награжден медалью Суворова. В том же году, через пять месяцев, удостоен медали «За спасение погибавших», в 2002 году его грудь украсила еще одна награда — медаль «За заслуги перед Отечеством» с изображением мечей.

Весной 2004 года, на очередном выезде в Чечню, Туркин вновь отличился. Вместе с товарищами они взяли опасных бандитов, которые прикрывались документами сотрудников ФСБ по Ингушетии. Андрей был представлен к ордену Мужества. Однако орден он уже не успел получить.

Грянул сентябрь. Захват школы в Беслане. Как погиб Андрей Туркин? Пусть об этом расскажут его сослуживцы, участники штурма.

«В здание школы вошла первая тройка, — говорит полковник Сергей К., — Андрей Туркин и еще два наших сотрудника. Эти двое были ранены, но бой продолжили.

Они запрыгнули в здание и оказались среди заложников. По пояс в заложниках. Тут были уже и трупы, и живые люди. Обстановка для боя тяжелейшая.

В это время из дальнего бокового прохода, как черт из табакерки, выскочил террорист, бросил гранату и открыл огонь.

Граната упала перед Андреем. Террориста тут же ликвидировали. Конечно, Туркин, человек спортивный, быстрый, мог отскочить в сторону, спрятаться, но за спиной товарищи, а вокруг заложники. Наверное, была мысль, если отпрыгну, то погибнут и заложники, и ребята, которые идут следом. И он закрывает собой гранату».

Так погиб лейтенант Андрей Туркин. О его подвиге знают и помнят на родине в Краснодарском крае. В станице Динская открыт бюст Героя, в школе, где он учился, работает музей его имени. Сам Андрей признан почетным гражданином станицы.

Четвертый день рождения полковника Бочарова

Пуля ударила сзади. Вошла в голову пониже уха. Обожгла и вырвала из сознания всего два слова: «Все, отвоевался».

Он упал на пол посреди школьного коридора, засыпанного пылью, штукатуркой, стреляными гильзами. Пахло гарью. Боль куда-то отступила, и только далеко-далеко в темноте еще грохотал пулемет. Но грохот катился в конец коридора и словно немел, превращался в глухие постуки. И он уже не понимал, то ли это стучал пулемет, то ли его сердце, которое почему-то скакало не в груди, а в виске.

Сознание уходило. И напоследок словно кто-то шептал ему в ухо: «Не шевелись, убьют». А он и не мог шевелиться.

Прошел, может, час, может, день, когда он вновь в темноте услышал стрельбу. Мысль едва теплилась. Гулко выстрелил танк, где-то в вышине затрещали балки перекрытия, и кровля рухнула наземь, придавив его.

Вновь вспыхнуло и угасло сознание, будто сгоревшая свеча.

Когда опять он пришел в себя, вокруг было тихо, не строчил пулемет, не ухал танк, и воздух не вонял гарью и пеплом, не залезал в легкие приторной сухостью штукатурки. До слуха долетели слабые, приглушенные голоса. Он пошевелился, сжал пальцы и почувствовал, как кто-то подсовывал ему лист бумаги и вставлял в затекшую руку карандаш.

Никогда раньше не приходилось писать вслепую. Стрелять ночью, в темноте, на звук — учился. И стрелял. А вот писать... Он еще не знал, что теперь многое придется делать впервые — заново учиться есть, пить, говорить, ходить. Но это будет потом. А сейчас ему надо было написать главное. Ибо, судя по всему, люди, которые подают бумагу и ручку, не знают о нем ничего. Документов-то при нем никаких.

Нащупав середину листа, он вывел на нем как можно тщательнее и яснее: «ЦСН ФСБ. Бочаров». Что означало: «Центр специального назначения Федеральной службы безопасности», а он не кто иной, как полковник Вячеслав Бочаров.

Далеко, конечно, не здоровый, точнее, здорово раненый, но живой. И это главное. Ведь его, признаться, уже записали в мертвые. Нет, не командиры, не товарищи, но, как говорят, молва людская.

Кто-то скорый и торопливый вывесил в Интернете фамилии погибших

в Беслане спецназовцев. На самом деле их было десятеро — трое из «Альфы» и семеро из «Вымпела». Одиннадцатым в списке почему-то оказался он — полковник спецподразделения «Вымпел» Вячеслав Бочаров.

Еще не одну неделю он будет находиться между жизнью и смертью. Ранение, полученное в бою, в бесланской школе, оказалось тяжелейшим. Его с трудом опознали боевые товарищи, которые служили с Бочаровым не один год. По сути, у него не было половины лица — выбита челюсть, вырвана щека, отсутствовало небо, первоначально из-за контузии потеряно зрение на оба глаза.

Две недели он находился в реанимации Центрального военного госпиталя имени Бурденко. Он не мог самостоятельно дышать, есть, пить. Полтора месяца его кормили через зонд, введенный в желудок. И все это время операции, операции...

Потом настал день, когда ему сказали: учись говорить.

«А как учиться, — вспоминает Вячеслав Алексеевич, — как звуки произносятся, даже представления не имею. Попытался потихоньку первые звуки издавать, говорить что-то.

Начал ходить. Тяжко было, потом обливаешься. Два шага сделаешь, сил нет. Но дня через три стал приседать, отжиматься».

Все это время рядом с ним была жена. Когда в госпитале пришел в себя, открыл глаза, первой увидел ее. Сидит у постели. Потеплело на сердце, появилась уверенность: раз она рядом, он все выдержит, выдюжит, поднимется.

Когда Вячеслав стал выздоравливать, жена однажды спросила: «Там, в Беслане, ты о нас думал?».

Она, наверное, и не подозревала, какой сложный вопрос задает. Правду сказать — значит, наверняка обидеть жену. Соврать? Как-то не привык он врать, даже если это неправда во благо. Только во благо ли? Вот вопрос.

Он сказал тогда правду, честно признался:

— Нет, родная, не думал. Иначе меня бы там не было. А вот теперь лежу здесь и думаю только о вас.

Не знаю, согласилась ли супруга с Вячеславом Алексеевичем. Думаю, согласилась. Потому как, действительно, идя в бой на террористов, невозможно думать сразу и о семье, и о боевой задаче.

Потом, после Беслана, после госпиталя, многочисленных операций, находились люди, которые с сожалением спрашивали: «И это надо тебе, Вячеслав, под пули лезть? А что случись, семье кто поможет?».

«Что же вы отвечали?» — спрашиваю Бочарова.

«Знаете, я рассказывал им, как провожу беседы с молодыми

офицерами, которые стремятся, несмотря ни на что, попасть в „Вымпел“.

Сначала я показываю на себя: смотрите, может случиться такое. А бывает и еще хуже, съездите на Николо-Архангельское кладбище. Там лежат наши ребята. Подумайте. Может, кому-то покажутся излишне жестокими мои аргументы. Но что поделаешь, служба у нас такая.

Потом спрашиваю: осмысленно выбираете место службы? Да. Семья согласна? Согласна.

После этого у них еще не менее года есть подумать: пока отбирают, проверяют. Не поздно отказаться. Никто не осудит.

Но когда уже сделал выбор, пришел, стал бойцом группы антитеррора, двойного подхода не дано. Должен быть полностью заряжен на задачу».

Вячеслав Алексеевич смотрит на меня и, словно подводя итог сказанному, ребром ладони проводит по столу невидимую черту:

«Я с детства был заряжен на одну задачу — стать военным. Выполнил ее. Так что пострадавшим себя не считаю...»

* * *

Теперь полковнику Бочарову кажется, что он всегда хотел быть военным. Сколько помнит себя, столько и хотел. Ни о чем другом и думать не смел. Впрочем, это и неудивительно. Многие мальчишки в эту пору бредили армейской жизнью. Время такое. Отцы их были фронтовиками. Да и не только отцы. В стране был культ военных. Что смотрели тогда в кинотеатрах, что читали? Военное кино, книги про наши победы, про героев-фронтовиков и их подвиги.

Человек с орденом на груди — в глазах мальчишек фигура почти монументальная. Никакие киноактеры, певцы, спортсмены с ним тягаться не могли.

А ежели Герой Советского Союза, так эта встреча — память на всю жизнь. Вячеслав Алексеевич до сих пор до мельчайших подробностей помнит, как впервые встретил на улице родного города человека с Золотой Звездой.

Для него это было настоящее потрясение. Сразу забыв про все дела, он повернул и пошел следом. Внешне Герой ничем не отличался от других людей, обычный человек, и Славке даже казалось, он смущается оттого, что каждый прохожий провожает его взглядом.

Хотелось быстро обогнуть квартал, чтобы скорее выйти навстречу Герою и опять увидеть сверкающую в лучах летнего солнца Золотую Звезду. Славка прикинул расстояние и уже было решил рвануть окольными путями, да стало как-то неловко. Судя по всему, Герой Советского Союза и так заметил увязавшегося за ним мальчишку. «Что же он подумает, если я, обежав квартал, вновь столкнусь с ним нос к носу», — засмутился Славка и решил, что лучше он еще пройдет за Героем чуть поодаль.

Он потом не раз будет рассказывать друзьям во дворе, как видел живого Героя Советского Союза. А мальчишки наперебой станут спрашивать, как выглядит настоящая Золотая Звезда. Ведь видели они ее только на картинках.

Славка понимал: чтобы стать военным, надо быть здоровым, сильным, выносливым. Занимался спортом, любил легкую атлетику, особенно бег на 800 метров. На районных соревнованиях на этой дистанции ниже второго места не опускался.

А соревнования какие были! Настоящий праздник! На их стадион съезжался, почитай, весь район. Болели так, что участники чувствовали себя настоящими звездами спорта. Пусть и в отдельно взятом, небольшом городке, районе.

А теперь он приезжает в отпуск, к матери в то же Синельниково, что в Днепропетровской области, на Украине, и не узнает городка. Утром приходит на стадион, где ставил свои первые рекорды, и с горечью видит: покрылось бурьяном футбольное поле, заросли травой беговые дорожки, прогнили и обрушились трибуны.

Выходит, иные интересы у нынешней синельниковской молодежи. А тогда они не мыслили себя без спорта.

...После восьмого класса Славка собрался поступать в суворовское военное училище, но тут подстерегала его первая неудача — не успели оформить документы, и он, как модно теперь говорить, «пролетел». Однако это не смутило Бочарова. За два последующих года он подрос, возмужал и еще больше укрепился в правильности своего решения. Теперь твердо знал: хочет стать не просто военным, но офицером. Более того, офицером-десантником.

В десятом классе у него состоялся разговор с матерью. Он объявил, что после окончания школы собирается поступать в Рязанское воздушно-десантное училище.

Мать пыталась образумить сына. «Хорошо, — сказала она, — я согласна, чтобы ты стал военным. Но поступай в какое-нибудь военно-инженерное училище. Закончишь, профессия в руках будет. А то что это за

профессия — десантник».

«Есть такая профессия», — пытался убедить мать Вячеслав, но та стояла на своем.

Они даже повздорили в тот день. Хотя Слава никогда прежде не перечил матери. Но тут решилась его судьба, и отступить он не мог.

— Если пойдешь в десантники, не слушаешь меня, уходи из дома, — в запале бросила мать.

Вячеслав проглотил обиду, как можно спокойнее и тверже сказал:

— Как скажешь, мама. Я уйду из дома, но в десантное поступлю.

Мать, конечно же, поняла и простила сына. После десятого класса он, как и мечтал, подал документы в Рязанское высшее воздушно-десантное училище. И началось ожидание. Сроки уже поджимали, надо было отправляться в дорогу, а вызов из училища так и не пришел.

Помог военком, добрая душа: он на свой страх и риск без вызова выписал проездные документы на имя Вячеслава Алексеевича Бочарова.

Поразительно, но уже в поезде будущие десантники каким-то образом узнавали друг друга. В Рязани ведь располагается не только десантное училище, но и связи, автомобильное... Но именно они, «десантура», как утверждает полковник Бочаров, угадывали в соседях по купе будущих «голубых беретов». «Привет!» — «Привет!» — «В училище?» — «Да». — «В десантное?» — «Спрашиваешь, куда же еще».

В дороге выяснилась весьма неприятная ситуация — оказывается, у всех в кармане лежали вызовы, и только он ехал вроде как самозванцем. Виду Вячеслав, конечно, не подал, но волновался крепко.

У КПП училища все доставали документы, вызовы, а он стал в конец очереди. Дождался своей минуты и доложил дежурному: «У меня нет вызова». «Фамилия?» — невозмутимо спросил дежурный. Вячеслав назвал. Офицер пробежал глазами колонки фамилий и улыбнулся: «Бочаров! Будь здоров! Проходи».

И он прошел.

* * *

С этих пор Рязанское воздушно-десантное станет для него родным, а десант — делом жизни. Но тогда, радостно переступая порог КПП, ничего этого кандидат Бочаров не знал. Не знал он, что на каждое место, кроме него, претендуют еще 24 (!) человека.

И потому их вскоре собрали и объявили: «Товарищи кандидаты!

Желающих поступить в училище так много, что вся процедура поступления будет разбита на три этапа: сначала мы проведем конкурс личных дел, потом проверим вас на физо, и только после этого вы сдадите экзамены».

Признаться, это заявление нисколько не взволновало Бочарова. В своем личном деле он был уверен — в школе учился хорошо, избирался председателем Совета дружины юных дзержинцев, с дисциплиной все в порядке. Что еще надо от семнадцатилетнего паренька?

Действительно, по личному делу он прошел. Физподготовка его тоже не подвела. На экзаменах письменную математику написал хорошо, а на устную вообще без подготовки вызвали. Тем не менее сдал успешно и стал курсантом первого курса.

Казалось бы, можно вздохнуть с облегчением, но не тут-то было. Первокурсников первым делом вывезли в учебный центр, в Сельцы, под Рязанью, и показали, что есть десант. Зарядка, марш-броски, занятия по физподготовке. Словом, нагрузка идет с нарастанием. Всюду быстрее, бегом, а почва в центре песчаная, тяжелая, ноги вязнут. Портянки снимешь — ноги в кровавых мозолях.

Как-то командир взвода Иван Панков увидел его ноги: «Бочаров, да ты членовредитель!». «Никак нет, — ответил Вячеслав, — я не жалуясь, просто портянки перематываю, а ноги привыкнут, притрутся».

И вправду притерлись. Но не у всех. После сельцовского курса молодого бойца по собственному желанию из училища ушел добрый десяток человек. Не выдержали нагрузок. Что ж, значит, ребята сели не в ту лодку.

Однако и после окончания курса молодого бойца не стало легче. Пошли первые парашютные прыжки. А ведь, как известно, для десантной подготовки не каждый, даже самый здоровый, подходит. Так было и у них на курсе. Покидали ребята училище и после первых прыжков.

У Вячеслава были свои трудности. В родном Синельниково из самолетов он видел только «кукурузники», да и то издали, а уж о парашюте слышал только теоретически.

Самым трудным оказался третий прыжок. К дверям Бочаров, почитай, гнал себя силой. И только после шестого прыжка вздохнул свободно, почувствовал — это его.

Курс, надо признаться, у них был знатный. И прежде всего знатный командирами. Взводный — лейтенант Юрий Попов, будущий генерал-майор, потом депутат Мосгордумы. В соседней роте взводом командовал Александр Лебедь, командиром роты служил Павел Грачев.

Первый курс пролетел быстро, а в начале второго на построении объявили, что несколько сержантов приказом начальника училища от должностей отстранены, и на их место назначены... Ротный назвал фамилии, и среди них — курсанта Бочарова.

Вот этого, откровенно говоря, он никак не ожидал. Пришлось с левого фланга, где он обычно находился из-за своего далеко не высокого роста, перейти в голову отделения. Но это, пожалуй, оказалось самым легким — просто стать впереди своих товарищей. А вот как быть впереди? Вопрос.

Теперь у него в подчинении — девять человек. Ребята непростые, каждый со своим характером, амбициями. Вот тогда-то он и понял, что значит руководить своими товарищами — посылать убирать туалет, когда все смотрят телевизор, или разгружать уголь в котельной.

Так он постигал нелегкую командирскую науку.

В 1976 году, после окончания 3-го курса, их всех послали на стажировку в Прибалтику, в 44-ю учебную воздушнодесантную дивизию. Сержант Бочаров стажировался в разведроте. Там впервые почувствовал: кое-что знает и умеет.

Ему, курсанту-третьекурснику, полностью доверяли проводить занятия. Если по расписанию должна быть тактика, он проводил тактику. Шел в парк, получал боевые машины десанта, выводил их на тактическое поле и организовывал занятие по теме «Действия воздушно-десантного взвода в наступлении».

Езди выпадали занятия по огневой подготовке, он руководил стрельбой на своем участке. И это была обычная практика в те годы.

Однако через 15 лет, когда он уже возглавлял штаб парашютно-десантного полка, к проведению занятий не допускали не только курсантов, но и лейтенантов — выпускников его родного Рязанского училища ВДВ. Для начала им устраивали месячные сборы, и только потом они получали добро на самостоятельное проведение занятий.

Справедливости ради надо сказать, что стажировка — это не самый сложный экзамен, который устроила судьба для их курсантского батальона.

В мае того же 1976 года при десантировании из самолета Ил-76 разбились четверо ребят-курсантов. Двое из их роты, двое — из соседней. Они были уже не зеленые первокурсники, многое умели, но обстоятельства порою бывают сильнее нас.

В тот день ничто не предвещало беду. Погода стояла вполне обычная для прыжков, штормового предупреждения не было. Первые курсанты прыгнули, спуск шел нормально, но у самой земли неожиданно налетел ветер. Порыв был столь мощным, а парашютистов с такой скоростью

тащило по земле, что их не могли догнать на автомобиле ГАЗ-66.

Бочаров все видел, он в этот момент уже подлетал к земле и, к счастью, успел среагировать. Расстегнул, как учили, грудные, ножные обхваты и, едва коснувшись почвы, сумел освободиться от парашюта. И тут же бросился помогать своим товарищам гасить купола.

Погибших похоронили, а в учебный центр приехал командующий воздушно-десантными войсками легендарный генерал Маргелов. Собрали всех, кто совершал прыжки в тот день.

«Дядя Вася», как звали командующего в войсках, пристально вглядывался в лица курсантов. Попыхивая своей традиционной «беломориной», спросил: «Как настроение, орлы?». В ответ услышал то, что ожидал услышать: «Все нормально, товарищ командующий».

И тогда Маргелов заговорил с присущей ему грубой прямолинейностью. Он не стеснялся в выражениях, и смысл речи сводился к одному: десантник — мужчина, боец, и никакие трудности не должны его сломить. Даже такая трагедия, как гибель товарищей.

А они и не собирались ломаться. Бочаров знал настроения ребят, например, в своей роте. Да, смерть однокурсников на твоих глазах — тяжелейший удар, но никто, ни один человек не написал рапорт об уходе из училища. Да и конкурс летом того же года при поступлении в Рязанское десантное меньше не стал.

В 1977-ом состоялся их выпуск. В ту пору настроения десантников были таковы: подавляющее большинство молодых лейтенантов желало начинать службу там, где труднее. Вячеслав Бочаров наметил себе два места — либо Кировабад, либо Каунас. Почему именно эти места? Да потому, что всем известно: Кировабад — район тяжелый, прежде всего условиями жизни и службы, а в Каунасе дислоцировалась воздушно-десантная дивизия, которая входила в состав войск Варшавского Договора. Тут уж если учения, так учения — широкомасштабные, максимально приближенные к боевым. Поднимают в Каунасе, а десантируют в Германии.

Сержант Бочаров имел право на выбор места службы — учился отлично, был младшим командиром, участвовал в общественной жизни. Но случилось то, что часто случается в армии, — право его осталось нереализованным.

Начальник отдела кадров Жук (Вячеслав до сих пор помнит эту фамилию), выслушав сержанта, отрезал: «Вы поедете командиром взвода — преподавателем в школу прапорщиков. Решение принято, обсуждению не подлежит».

Так лейтенант Бочаров попрощался с мечтой о Кировабаде или хотя бы о Каунасе. Службу пришлось начинать, где приказала Родина, — в Литве, в Гайжунае. Школа прапорщиков воздушно-десантных войск располагалась именно там.

* * *

В первый день, после личного знакомства со взводом, Вячеслав Алексеевич надолго задержался в канцелярии роты. Он был еще холост, дома его никто не ждал. Да и дома, собственно, не существовало. Определили его в гарнизонную гостиницу, в одну комнату вместе с таким же лейтенантом — корреспондентом из дивизионной газеты.

Так что спешить было некуда, и комвзвода Бочаров листал личные дела своих подчиненных, будущих прапорщиков.

В их школе, насколько он успел разобраться, по штату две роты. Одна готовила старшин — командиров взводов, другая — инструкторов парашютистов и старших техников рот. Его назначили обучать и командовать старшинами — командирами взводов. Срок обучения 6 месяцев.

Вот это и смущало молодого комвзвода. Ведь в случае войны прапорщик, которого Бочарову предстояло подготовить за полгода, получал под свою команду парашютнодесантный взвод. Стало быть, за несколько месяцев надо научить будущего прапора тому, чему его самого учили в военном училище четыре года. Да еще в каком училище — лучшем в стране!

Пока это не укладывалось в голове. Ну да ладно, со временем он разберется со всем подробнее — с распорядком дня, расписанием занятий, расчасовкой по предметам и многим другим, что положено знать преподавателю.

Хотя он не стерпел, глянул краем глаза в расчасовку. Запомнилась строчка. Тема: «Действия парашютно-десантного взвода в обороне». И в соседней графе стояло — 6 часов. Шутка сказать. О чем с ними говорить 6 часов? Как построить занятие, чтобы и интересно было, и напряженно, и продуктивно? Н-да. Предстояло многому научиться.

Забегая вперед, скажу: уже через полгода лейтенанту Бочарову не хватало этих 6 часов для освоения темы. Но это будет через полгода, а пока только что испеченный преподаватель и одновременно комвзвода, как шутили в ВДВ, «чесал репку» и строил планы на будущее.

А будущее совсем не казалось радужным. Нет, за свою профессиональную подготовку он не боялся, а вот житейского опыта двадцатиоднолетнему офицеру явно не хватало. Да и откуда ему быть, если за спиной средняя школа да военное училище.

А подчиненные, как назло, все до единого старше своего командира. Самому опытному 32 года, в прошлом офицер милиции, старший лейтенант.

Чем Бочаров мог завоевать авторитет у этих людей? Только знанием дела и уважительным отношением к подчиненным.

На поверку такой подход оказался верным. Служба в школе прапорщиков дала молодому офицеру многое — умение работать с людьми, знание программы обучения, опыт ведения ротного хозяйства. Помнится, уставы он выучил назубок. На занятиях любую статью выдавал навскидку, курсанты сверяли по книжке и удивлялись.

В 1979 году неожиданно начался ввод войск в Афганистан. В соседней учебной дивизии, в школе прапорщиков офицеры рвались, как тогда говорили, «за речку». Написал рапорт и комвзвода Бочаров. Только из «учебки» никого брать не хотели, хватало и боевых дивизий.

А из Афгана то и дело приходили вести: его сокурсники уже всюду воевали, защищали южные рубежи нашей Родины.

Это потом, позже, им раскроют глаза и расскажут, что они ненароком стали «оккупантами» и «воевали с афганским народом», а тогда, в начале 80-х, для каждого офицера ВДВ Афганистан был Испанией. Сегодня почему-то об этом стыдятся говорить, но большинство офицеров-десантников ехало туда добровольно, по собственному желанию. Счастье, что у нашего Отечества были такие офицеры.

Как-то Вячеслав в эту пору ехал в автобусе в Каунас с одним из своих сокурсников — Александром Шишкиным. Тот склонился к Бочарову и негромко сказал: «Я уезжаю в Афган, Слава». — «Когда?» — «Сейчас. У нас был строевой смотр, обратился к командующему с просьбой отправить меня в Афганистан. И получил добро».

Заныло, засосало под сердцем: как же так, вот и Саша Шишкин в Афган, а я тут, в тылу...

Правда, месяца через два — три пришла скорбная весть — погиб Саша Шишкин. Пуля попала ему в грудь, и он умер в вертолете от потери крови, не долетев до госпиталя.

Что ж, у каждого своя судьба. И как тогда, в училище, трагическая гибель четверых товарищей не заставила его свернуть с заданного пути, так и теперь — он по-прежнему хотел в Афган.

В конце 1981 года просьбу старшего лейтенанта Бочарова удовлетворили. 12 декабря он прибыл в Кабул. Назначение получил в 317-й парашютно-десантный полк, на должность заместителя командира роты.

* * *

Вячеслав Бочаров постучал в кабинет с табличкой на двери: «Командир полка». Переступив порог, отрапортовал:

— Старший лейтенант Бочаров прибыл для дальнейшего прохождения службы.

Навстречу ему поднялся крепкий, подтянутый майор.

— Ну, здравствуй, Бочаров. Помнишь, как ты у меня огневую подготовку проверял?

Перед Вячеславом собственной персоной стоял комполка майор Владимир Рыбкин. Да, было такое, угораздило его попасть в число проверяющих. Рыбкин тогда командовал одним из полков 7-й воздушно-десантной дивизии, которая располагалась в Каунасе. Из штаба ВДВ приехала комиссия для инспекции дивизии. Разумеется, старшими были штабные офицеры из Москвы, а членов комиссии набрали из местных частей. Так он попал в инспекторы. Майор Рыбкин сдавал проверку, а старший лейтенант Бочаров принимал ее. Случалось и такое.

Видать, Рыбкин не забыл своего проверяющего. А Бочаров только руками развел:

— Так ведь объективно проверял...

— Объективно. — усмехнулся комполка.

Из кабинета майора Рыбкина Бочаров вышел уже с назначением — путь его лежал в населенный пункт Лашкаргах, или, как переименовали его на свой лад десантники, в «Лошкаревку».

Вячеслав обошел полковые службы, встал, как и положено, на все виды довольствия — «прод., вещ., фин.» — и ждал отправки к месту службы. Но отправки не произошло. Через неделю его вновь вызвал командир полка и сказал: «Будешь у меня в полку заместителем командира разведроты».

Полковая рота разведки базировалась здесь же, в Кабуле, и занималась в основном охраной аэродрома.

И вновь Бочаров оказался в роли новичка. Ситуация чем-то напоминала события четырехлетней давности, когда он, молодой, «зеленый» лейтенант, попал во взвод «старичков». Теперь он не был столь

юн и «зелен», но в боевом опыте, увы, не мог посоревноваться со своими подчиненными. Они уже потерялись на войне, поборождали афганские дороги, обмялись, обстрелялись и с нескрываемым интересом присматривались к новому замкомроты.

А замкомроты вел себя привычно и естественно, как и в прошлой, мирной жизни: панибратства не допускал, «Петями» и «Васями» солдат и сержантов не называл, только по званию и фамилии, как и предписывает устав. Однако и чванства не проявлял: во время приема пищи не уединялся, приходилось, делил кусок сухпая с солдатами, надо было, камни для укрытия таскал на собственном горбу, не перекладывая их на спины подчиненных. Словом, жил и командовал, как подсказывала ему совесть, опыт, профессионализм.

В феврале 1982 года 103-я дивизия ВДВ проводила боевую операцию в провинции Тагаб. Начало операции 26-го числа, а за день до этого начальник разведки поставил боевую задачу: разведчикам полка предстояло ночью, скрытно выдвинуться к горной развилке и оседлать хребет. Когда подразделения дивизии погонят боевиков по ущелью, встречать огнем и уничтожать, вносить в их ряды панику. Эта роль отводилась двум разведгруппам по 16 человек.

Уже тогда Бочаров понимал: роль их разведгруппы преувеличена и задача поставлена непосильная, но приказ есть приказ. Тем более на войне.

В ту пору командир роты у них отсутствовал, а два зама как раз и возглавляли эти группы.

Выдвинулись на четырех боевых машинах, и, когда стали преодолевать сухое русло реки, БМД сели на брюхо, завязли. Ориентировались офицеры по карте — и ошиблись. На карте дорога есть, а на местности ее нет.

Словом, их ждала неудача — две машины засели, а две другие не могли их объехать. Однако задачу надо выполнять. Утром начнется операция, а они еще не вышли к горному хребту.

Было принято решение: замкомандира Игорь Поташев остается с одной группой у машин, а Бочаров со своими разведчиками идет в горы.

Сказано — сделано. Они двинулись через лес. Прошли его, и, когда стали подниматься в гору, уже начинало светать. На окрестности опускался туман.

Вячеслав шел впереди, за ним боец с радиостанцией и дальше все остальные.

В тумане едва разглядели очертания дома, как вдруг по ним ударила пулеметная очередь, потом другая. Залегли. Командир группы выяснил:

раненые есть? Нет. Раненым оказался он один, в ноги. К счастью, кости не были задеты. Но чуть повыше возьми прицел пулеметчик, и считай, конец.

Однако о ранении своем он никому не сказал. Надо было думать о группе. Сколько «духов» вокруг, никто не знает.

В тумане Бочаров все-таки успел разглядеть «духовский» пулемет. Стоит на камнях. Дал целеуказание снайперу, послал разведчиков в обход. К счастью, туман к тому времени совсем загустел. Скрыл их передвижения.

Бойцы зашли моджахедам в тыл, троих уничтожили, снайпер Михаил Еремин снял пулеметчика одним выстрелом, прямо в сердце. С этими покончили. Но кто станет утверждать — последние ли это «духи» или впереди ждут новые засады.

Бочаров выходит на связь с начальником разведки, докладывает о бандитской засаде, боестолкновении, а тот преподносит сюрприз: «Операция отменяется».

Командира разведгруппы просят обозначить себя, да какое там, туман таков, что с трудом видишь собственную вытянутую руку.

Разведгруппа начинает спуск в долину. Находиться на горе опасно, да и бессмысленно. Опять их обстреливают, пуля пробивает бронезилет одного из разведчиков, и он получает тяжелейшее ранение живота. Его выносят по очереди, сначала на плащ-палатке, потом находят какую-то дверь, кладут и тащат через сухое русло реки.

Однако к тому времени туман рассеялся, и стало ясно — дальше идти нельзя. Бочаров рассредоточил людей, укрыл за камнями, организовал охранение.

По радиации передали: на выручку вышел наш батальон. Часа через четыре разведчики увидели танк, обозначили себя ракетой. Батальоном командовал будущий генерал Солуянов, а заместителем у него был брат Александра Лебеда — Алексей Лебедь.

Прибывшие на выручку десантники сняли «с мели» БМД, раненых погрузили в бронетранспортер, доставили в медпункт, а утром отправили в госпиталь в Джелалабад. Бочарову сделали операцию, но пулю из ноги достать не смогли. Ее вынули уже при повторной операции в Кабульском госпитале.

Он валялся на госпитальной койке, а в это время дивизия проводила отложенную боевую операцию. Трудно сказать, как и откуда, но в родной гарнизон в Гайжунае, где оставалась его семья, дошли слухи: Бочаров то ли тяжело ранен, то ли убит. Официального подтверждения либо опровержения не было, жене ничего не сообщали, но гарнизон есть гарнизон. Шушукались женщины, волновалась жена.

Потом в отпуске в школе прапорщиков ему так и сказали: мол, к нам дошла информация, что вы погибли. Он усмехнулся: «Рано меня хоронить».

За ту операцию старшего лейтенанта Бочарова наградили орденом Красной Звезды.

Орден, как положено, обмыли. А вскоре он возвратился в Афганистан и служил еще больше года. Стал командиром 5-й роты, получил звание капитана, вывел свое подразделение в передовые.

Его рота охраняла резиденцию руководителя страны Бабрака Кармаля, главного военного советника и военный госпиталь. Что и говорить, объекты государственной важности.

В роте три взвода, и они, что называется, «через день на ремень» — заступали в наряды через сутки.

Кто когда-либо ходил в караул, понимает, сколь сложна и ответственная эта служба. А тут еще не родина, чужбина, да к тому же война. Но солдат — всюду солдат. Днем жара, занятия, работы, устают люди, а ночью — в караул, на пост. Ночью тишина и прохлада, клонит ко сну. Что греха таить, бывало, и засыпали.

Он столкнулся с этим явлением через много лет, уже в Чечне, когда на посту засыпали не молодые солдаты-срочники, а контрактники. «Из-за тебя, храпуна, нас всех вырежут», — сказал он тогда часовому. Да толку-то что.

Еще тогда, в Афгане, Бочаров осознал непреложную истину: ночью командир не спит. И он не спал. Выезжал на посты, выставлял засады, охранение. Сам ползал среди колючек и взводных заставлял ползать.

Именно поэтому в караульной службе у него не было «проколов». Что касается дедовщины, за все время случилась одна попытка «постариковать», но он ее пресек на корню. Вывел из строя этого самого «деда» и сказал: «Я не боюсь пятна на роту, еще одно шевеление, и твое дело — в прокуратуре. Будешь заканчивать службу в штрафбате».

«Дед» в штрафбат не захотел.

Своей заслугой ротный капитан Вячеслав Бочаров считает и отсутствие инфекционных заболеваний (особенно гепатита) в его подразделении — истинного бича солдатских коллективов на войне.

Первым помощником, правой рукой ротного был его замполит — Александр Бевза. Росточка небольшого, боксер-мухач, возьмет гитару, и душа замирает. Все поражения и победы делили они на двоих.

...В конце 1983 года пришла пора Бочарову заменяться в Союз, на родину. Написал рапорт: прошу оставить в Афганистане. Рапорт

рассмотрели, но в просьбе отказали: порядок есть порядок, ты свое на войне отрубил. Укладывай чемоданы.

Вскоре пришел приказ: убыть по замене в Тульскую воздушно-десантную дивизию, в 51-й полк, на ту же должность командира роты.

* * *

С войны возвращаться тяжело. Да-да, и тут нет никого противоречия. Сколько боевых, героических офицеров, орденосцев сломали себе шею здесь, в мирных полках. Потому что командир роты на войне нужен один, а в мирное время — совсем другой. Вроде и должность, и задачи те же, и солдаты, и командиры не лучше, не хуже, такие же, а ты должен стать совсем другим.

Выходит, забудь, как в страшном сне, все, чему ты научился на войне? Парадокс. Ведь армия в конечном итоге и готовится для войны. Все так. И знания, и опыт твои применимы в какой-то мере в ходе боевой учебы. Однако этого мало. Тут, прежде всего, порядок должен быть в казарме, дисциплина, чтобы солдат красивым, опрятным и подтянутым выглядел. Наглядная агитация нужна на высшем уровне, а также ротное хозяйство. Оружие должно быть выдраено, вычищено, в ружпарке заперто.

А еще техники целый парк — десять боевых машин, системы десантирования многокупольные, парашютные, реактивные. И все должно ходить, летать, ездить, быть в исправности и порядке.

Что же, в налаживании всего этого хозяйства Бочарову крепко помог опыт, приобретенный в школе прапорщиков. Он ведь сам эту науку старшинам преподавал.

Словом, положил Вячеслав Алексеевич боевой орден в коробочку и впрягся в ротные, рутинные, беспросветные дела и заботы. Вспоминая о том времени, он рассказывает так:

«Как поднять ротное хозяйство, я знал. Это дело тяжкое, муторное, трудоемкое, но иного не дано.

Многие офицеры из училища попадали сразу в Афганистан. Там, на войне, совсем другое. А после возвращения в Союз не знали, за что хвататься.

А ведь на что обращает внимание командование, проверяющие? Все ли складировано, все ли пришито? Как висит обмундирование, чистенько ли, аккуратно ли? На противогазах клапана есть? Есть. Оружие почищено? Котелки надраены, нет там никакой заразы?

Краны не текут, на кранах есть барашки? Смешно? Нет, не смешно. Это и есть армейский порядок. Но чтобы его сделать таким, надо пахать день и ночь».

И он пахал. Всего за год свою роту сделал лучшей в полку. Однако на лаврах поживать не удалось. Его перевели в Гайжунай, только не в школу прапорщиков, а в соседнюю учебную дивизию.

Думается, тут командование поступило по-человечески. В Туле у Бочарова ни кола, ни двора и перспектив получить жилье никаких, а в Гайжунае — хоть и маленькая, однокомнатная, но своя квартира, где ждали его жена и маленький сын.

Кстати, когда он ушел в Афганистан, сыну исполнилось всего 11 месяцев, а теперь уже, почитай, 4 годика. Почти вырос без отца, пока папка воевал, служил.

Однако вернулся Вячеслав Алексеевич пусть и в другую часть, но на ту же должность — ротным командиром. Это уже была его третья рота.

«Служебный рост у меня в ту пору, — шутит Бочаров, — шел по горизонтали — рота, опять рота, снова рота».

Но он не пенял на судьбу. Опять впрягся, и три года рота под его командованием была отличной. А тогда действовал приказ министра обороны: если рота три года отличная, можно рекомендовать в академию.

Рекомендовали. Уже собрался в академию, а из Москвы приказ: «Отставить! Назначить заместителем командира батальона».

С этой должности Вячеслав Бочаров на следующий год и поступает в академию имени М. В. Фрунзе.

Учился, как и прежде, на «хорошо» и «отлично». Иначе не привык. Занимался спортом, выполнил норматив кандидата в мастера спорта по гиревому спорту. Успешно выступал за факультет на соревнованиях.

В академии ему присвоили звание подполковника, хотя поступил он с майорской должности. В ту пору это была большая редкость.

Закончил академию в 1990 году. Время было лихое. Многие сокурсники написали рапорты, уволились в запас, а он вернулся в войска, в свой родной полк в Гайжунае. Только теперь уже в новом качестве — начальником штаба полка.

Должность начштаба полка напряженная, хлопотная, вся организация боевой подготовки на нем. А в подчинении уже не рота и не батальон, а 1500 человек.

В тот период, по сути, шел полный развал армии, солдаты бежали из частей, офицеры уходили, кто в Белоруссию, кто на Украину.

В 1993 году подполковника Бочарова переводят в Москву, в

управление командующего ВДВ. Поручили заниматься военным образованием. Дел хоть отбавляй, однако вся эта тихая, штабная жизнь была не по душе боевому офицеру.

«Отработал свое, переложил бумаги, ушел со службы и все... Никаких звонков. Состояние такое, будто ты никому не нужен», — вспоминает о том времени Вячеслав Алексеевич.

Трудно сказать, чем бы кончилось его штабное сидение, но однажды ему позвонил бывший сослуживец, подчиненный. Бочаров знал: тот ушел в боевое подразделение ФСБ России «Вымпел» и теперь занимается настоящей работой.

— Вячеслав, — сказал он, — тут у нас место есть. Ты не хочешь попробовать пройти собеседование?

— Еще как хочу! — ответил тогда Бочаров.

Так он впервые приехал в Балашиху, в Центр специального назначения.

С ним беседовал начальник Центра.

— Вообще-то мы полковников не берем, — нахмурился генерал. — Но у вас хорошие рекомендации, боевой опыт, академия. Вы нам подходите.

И десантник, полковник Вячеслав Бочаров стал заместителем начальника отдела спецподразделения ФСБ России «Вымпел».

* * *

Случилось так, что, придя в «Вымпел», он пришел на войну. На свою вторую войну.

Первый выезд в Чечню — осенью 1999 года. У «вымпеловцев» обычное дело — работы хоть отбавляй. Это теперь, как говорят в подразделении, преобладает городская тематика, а тогда в основном была горно-лесистая. С гор, из леса не вылезали. Схроны, склады, базы боевиков — главная специализация в те годы.

«Вымпел» — подразделение сравнительно небольшое, поэтому действовать разведгруппам приходится под руководством то десантников, то пехотинцев, а то и морпехов, которые в данном регионе в этот период осуществляют общее руководство и координацию.

Поэтому поначалу было чему удивляться.

Как-то вызывает Бочарова, как старшего от «Вымпела», к себе начальник от ВДВ. На столе карта района.

— Вот что, товарищ полковник, есть информация, что в лесном

массиве крупная база боевиков, — говорит десантный начальник и обводит карандашом этот самый массив. — Надо вылететь и доложить результаты работы артиллерии.

Оказывается, артиллеристы ухнули туда полбоекомплекта. Результаты, надо думать, ожидалось впечатляющие.

«Причем тут „Вымпел“, — подумал про себя Бочаров, — это совершенно не наши задачи». Но спорить не стал.

Группа погрузилась в вертолет, добралась до леса, пропахала участок вдоль и поперек. Следы обстрела действительно были обнаружены, но результатов никаких — ни убитых, ни раненых, ни даже следов крови или какого-либо присутствия противника. Судя по всему, оперативные данные оказались ошибочными и артиллеристы били по пустому месту.

По возвращении Бочаров доложил о результатах рейда старшему начальнику от ВДВ. Тот долго не мог поверить и успокоиться: «Вы плохо искали. Придется отправить вас назад».

Чтобы успокоить неугомонного десантника, который никак не мог признать собственный просчет, Бочаров пригласил его самого слетать обратно вместе с ними. На этом беседа закончилась.

Что и говорить, война богата на сюрпризы. И если уж сюрприз не преподнесут свои, то от противника его надо ждать постоянно.

...В 2000 году, в мае месяце, вызвал Бочарова командующий восточной группировкой генерал-майор Александр Попов.

Как положено, прибыл, доложил. Попов принял его тепло, по-дружески, как-никак они однокашники по Рязанскому десантному училищу. Но дело есть дело. Тем более дело военное. Вячеслав Алексеевич получил приказ: вылететь в один из районов Чечни, где якобы находится брат террориста № 1 Шамиля Басаева — Ширвани. «Вот твой район, вот место засады», — указал генерал Попов.

Группа Бочарова ночь провела в засаде, но что-то у десантников не сложилось. Над селом начали кружить вертолеты, а это означало только одно — даже если и был там Ширвани Басаев, он успел выскользнуть из кольца.

Самое интересное, что после ночных бдений уже никто не собирался забирать разведгруппу «Вымпела». Бочарову приказали выбираться самому в сторону Хатуней. А это без малого два десятка километров по горам, по лесам. Но выбора не было. По пути еще предстояло встретиться с разведгруппой десантников.

Но, как шутят в спецназе, профессионализм не пропьешь. Бочаров прошел со своими ребятами добрую часть дороги пешком, встретился с

десантниками, а потом им повезло — подхватила их на броню проходящая колонна.

В Хатунях Вячеслав встретил своего бывшего подчиненного Андрея Лебедева — теперь начштаба полка, позвонил от него командующему восточной группировкой. Тот обещал прислать вертолет.

Действительно, слово свое сдержал, вертолет вскоре прибыл, и «вымпеловцы» взлетели. А вот посадка в тот день у них оказалась очень жесткой. Я бы сказал, смертельно жесткой.

Когда на стене служебного кабинета полковника Бочарова видишь снимок большой груды металла — обломков упавшего вертолета, понимаешь: разведгруппа выжила чудом.

Более того, как ни странно это звучит, но чудес было несколько. На окраине Ведено, когда «раненый» вертолет сначала сделал круг, а потом, клюнув носом, стал закручиваться и врезался в землю, никто не погиб. Да, восемь человек с переломами отправились в госпиталь. Но что значит перелом в сравнении с реальной опасностью погибнуть всем разом.

После удара машина развалилась, но не взорвалась. Это еще одно чудо. И наконец, выжившие «вымпеловцы» узнали от местных саперов еще одну приятную новость: вертолет упал на минное поле.

«Здесь всегда было минное поле, — развел руками один из офицеров, — и только сегодня утром нам приказали его снять». Он усмехнулся: «Наверное, вас ждали, мужики».

А Бочаров тогда подумал: «Придется третий день рождения праздновать. Первый 17 октября, когда мать родная родила, второй — 25 февраля, когда „духовский“ пулеметчик прошелся огненной очередью по ногам. Возьми он чуть выше прицел, и... Но этого „и“, к счастью, не случилось. А третий сегодня, 14 мая».

Вячеслав еще раз оглянулся на искореженный остов вертолета. «Так у меня скоро вообще рабочих дней не останется, одни праздники», — пытался он пошутить над собой, отгоняя тяжелую волну нервного напряжения.

Конечно, для любого самого опытного воина сюрприз подобного рода — глубокий стресс. Ведь даже самый подготовленный и психически устойчивый сотрудник спецподразделения — не машина, не робот, а человек. Вячеслав Алексеевич помнит по себе: еще долго он боялся летать в вертолете. И это при его-то десантной подготовке, двух сотнях прыжков. Да каких прыжков — днем, ночью, на лес, на землю, на воду.

Видел, и у ребят из его разведгруппы на взлете «вертушки» каменели лица и расширились зрачки, но никто не сказал: не могу, не хочу, не буду.

Война — это тяжкий, повседневный труд. Наверное, потому у Бочарова осталось стойкое ощущение, что вне зависимости от чинов и званий они были чернорабочими войны.

В те дни, когда в Москве случился террористический захват театрального центра на Дубровке, получившего широкую известность под названием «Норд-Ост», полковник Бочаров со своими разведчиками как раз и занимался той грязной, черной и кровавой работой.

Он с пятью подчиненными на этот раз оставался в группе резерва на базе псковских спецназовцев ГРУ.

Совместная группа спецназа ГРУ и «Вымпела» ушла в поиск с задачей обнаружить крупную базу чеченских бандитов и передать ее координаты в штаб.

«Прошли сутки, как разведгруппа выдвинулась в горы, — рассказывает сам Вячеслав Бочаров. — Потом вторые сутки. Они вели разведку, обнаружили установленные мины, растяжки. Работы проводились медленно, дело опасное, да и погода мерзкая, шел дождь. Ночью на тебе все обмерзает, схватывает, словно ледяным панцирем.

На исходе вторых суток разведгруппе поступает приказ: оставаться в горах. А еда, вода уже заканчиваются, аккумуляторные батареи садятся. Я беру с собой пять человек и иду по тому маршруту, где двое суток назад прошло 60 бойцов. Идти неприятно и, откровенно говоря, страшно. В любой момент можно наступить на такое, что от тебя останутся одни обрывки, да и очередь накроют из засады. Ведь два раза по одному маршруту не ходят, но если искать другой, вообще неизвестно, когда доберешься. Пришлось рисковать.

В общем, дошли благополучно — воду, еду, батареи передали, и вниз. Только спустились, слышу — взрывы. Радист разведгруппы выходит со мной связь: „Унас два двухсотых и два трехсотых. Нужна помощь“.

А дело было так. Они шли по тропе, передние наступили на замыкатель мины, а взрыв произошел в середине колонны. Командиру взвода перебило сонную артерию, погиб от ранения в живот пулеметчик. А дождь не стихает. Холодно, грязь, кровь...»

Решение было единственное — надо выручать ребят. Они уже четверых тащат. А до места базирования группы по лесу, в горы восемь километров.

И опять полковник Бочаров берет пятерых и в третий раз идет по тому же маршруту. Через четыре часа пути они встретились. Мокрые, грязные, уставшие разведчики и группа резерва.

Бочаров со своими бойцами подхватили носилки, и вниз. Несколько

километров спускались по лесу к тому месту, где их ждала бронегруппа.

А базу боевиков уничтожили. Артиллерия нанесла мощный удар.

Вообще на войне в Чечне чем только не приходилось заниматься. Порой, казалось бы, самая будничная, ничем не примечательная работа дает такие результаты, что диву даешься.

Помнится, по всем ведущим телеканалам страны прошли поистине сенсационные сюжеты — найден архив Масхадова. Показали контейнеры, набитые видео— и аудиокассетами, различными документами. Даже не сведущему в делах спецслужб человеку понятно — это очень ценная находка.

Так вот, Бочарову и его подчиненным как раз и пришлось заниматься поиском масхадовского архива.

Как известно, чеченские бандиты — изощренные строители подобных тайников и схронов.

«Это было недалеко от Центороя, — вспоминает Вячеслав Бочаров. — Мы приехали по указанному адресу. Дом большой, сложенный из красного кирпича, но нежилой, строящийся. Разумеется, никто в селе не знает, чей дом. А оперативная информация была, что здесь находится тайник с архивом Масхадова.

Миноискателями, щупами проверили — ничего. Рядом с домом подсобное помещение, доверху забитое тюками прессованного сена. Пришлось сено разгружать. Ребята, конечно, недовольны, но что поделаешь.

Когда очистили сарай, стали копать под порогом. Нашли двадцать автоматов. Аккуратно завернутые лежат. Значит, информация верная, надо искать дальше.

А боевики ведь хитро устраивают: во дворе устанавливают металлические опоры, которые поддерживают крышу. И уже миноискатель реагирует — металл. Но мыто эти уловки знаем. Продолжаем искать.

Три дня настойчиво рыли. Понимаете, три дня. Но нашли. Несколько пластмассовых контейнеров, забитых доверху видео— и аудиокассетами, приказами за подписью Масхадова, отчетной документацией.

Вот теперь и поразмышляем, в чем заключается подвиг? Казалось бы, что тут героического, три дня рыли, как кроты. Но какие это бесценные документы были, скольким ребятам они жизнь спасли».

Да, война многогранна. И не всегда победа добывается в горячем бою, а воинский подвиг — это не только бросок на амбразуру.

Порой даже умение отстоять свое мнение перед начальством на войне

дорогого стоит. Нет, речь не идет об отказе выполнять приказ или даже о его обсуждении. Приказ есть приказ. Это знает каждый человек в погонах. Но военно-полевая жизнь нередко ставит перед командиром непростые задачи, задает такие шарады и головоломки, что только держись. А ошибиться нельзя. На кону не карты — судьбы подчиненных, да и твоя тоже.

С такими головоломками встречался и полковник Бочаров.

Однажды вызвал его к себе общевойсковой командир. Показал на карте ту самую гору, где псковские спецназовцы двух товарищей потеряли, и говорит:

— Здесь, точно известно, склад оружия.

— А сколько там оружия? — спрашивает Вячеслав Алексеевич.

— Десять автоматов зарыто!..

— Выходит, цена жизни моих людей — вот эти десять автоматов? Стоят ли они того?

Командир обиделся, встал в позу.

Бочаров попытался объяснить.

— Я был на этой высоте, местность хорошо знаю. Погибших спецназовцев тащил на своем горбу оттуда. Поэтому, если будет приказ, — сам пойду, но людей не поведу. Тем более, насколько я понимаю, прикрытие вы мне не дадите.

Командир размышлял два дня, потом отказался от своей затеи. Передумал ли, изменил решение или, возможно, его убедили аргументы Бочарова? Кто знает? Важно, что подчиненные Вячеслава Алексеевича живы и здоровы, а он по-прежнему уверен — не дело бросать бойцов «Вымпела» на поиск десяти автоматов в чеченских горах.

...Семь лет полковник Бочаров не вылезает из войны. Бой с террористами в бесланской школе мог стать последним. Но не стал. Теперь Вячеслав Алексеевич с полным основанием может праздновать свой четвертый день рождения. Только вот когда? 3-го сентября, когда он спасал детей, был тяжело ранен и находился между жизнью и смертью? Вроде не к месту и не ко времени. Может, когда открыл глаза, увидел жену и поверил, что выживет, или когда сделал первый шаг, научился выговаривать первое слово после тяжелых операций?

А стоит ли гадать? Герой России Вячеслав Бочаров решит это сам. Ему виднее. Важно, что есть у него этот четвертый день рождения.

Командировка на войну

Оперативная информация была более чем серьезная. В одной из квартир девятиэтажки в Грозном скрываются боевики — приближенные Басаева.

Группа бойцов «Вымпела» спускалась с верхнего этажа вниз, «отрабатывая» квартиру за квартирой. Но бандиты словно испарились.

На четвертом этаже у дверей одной из квартир «вымпеловцы» замерли, вслушиваясь в тишину. За дверью — ни шороха.

Решили входить.

В это время в квартире шестеро бандитов приготовили к бою автоматы, пистолеты, гранаты.

Первый боец «Вымпела», ворвавшийся в комнату, получил тяжелые ранения, однако, к счастью, выжил. Вторым вошел подполковник Дмитрий Медведев. По боевому расчету на его месте должен был идти другой сотрудник, но он, как командир, в последний момент изменил решение.

Медведев принял на себя основной удар. Он погиб. А в далекой Москве его ждали жена, дочери и маленький сын Семка.

«Счастливее меня нет человека...»

В очередной свой приезд с таджикско-афганской границы майор Дмитрий Медведев предложил Наиле руку и сердце. Она, откровенно говоря, испугалась. Знакомство их длилось немногим более полутора лет. Да и за эти месяцы Наиля видела Дмитрия всего несколько раз, когда он приезжал в Москву. Но дело даже не в этом. Были другие более веские обстоятельства.

«Знаешь, — сказала Наиля, — тебе надо хорошо подумать, прежде чем взвалить на себя такую ношу». И была права. С точки зрения обычного человека Дмитрий совершал, право же, странные поступки — решил жениться на женщине старше себя, да еще с двумя детьми. Первой дочери Наили в тот год исполнилось одиннадцать лет, младшей — девять. Девочки вступали в непростой возраст, и она понимала, какую ответственность по содержанию семьи, воспитанию детей собирался взять на себя Дмитрий.

Она очень любила этого человека. И потому боялась за него. В последние годы Наиля была разведена, осталась без мужа и одна

поднимала дочерей. Что говорить, жилось трудно. Работала медсестрой. Но это, как она считала, трудности и заботы ее семьи, и их Наиля не собиралась перекладывать на чьи-то плечи.

С другой стороны, понимала: жизнь в этот сложный момент протягивает руку помощи, и этот добрый улыбчивый майор может стать ее судьбой.

Так оно и случилось. На предупреждения «хорошо подумать» Дмитрий обнял Наилю и сказал, что «всегда мечтал иметь много детей и большую семью».

23 октября 2001 года они поехали в ЗАГС. Наиля волновалась, что их не распишут, но ошиблась. Дмитрий был участником боевых действий и, оказывается, имел право зарегистрировать брак без всякой очереди, в один день, что, собственно, и произошло.

У них не было медового месяца и даже медовой недели. Дмитрий уезжал вечером того же дня. Прощаясь, он сказал: «Я знаю: теперь у меня есть дом и есть ты».

Судьба отвела им для счастья всего три с половиной года. Даже в масштабах короткой человеческой жизни это так мало. Несправедливо мало. «Но Дима принес столько добра, радости и света, — говорит Наиля, — что мне хватит на всю оставшуюся жизнь».

Он мечтал о долгой жизни. «Неля (так Дмитрий звал ее на русский манер), — мы вырастим девочек, отдадим их замуж, поднимем Семку (сын Медведевых, родившийся в 2003 году) и уедем вдвоем в тайгу. Поставлю избушку, куплю козу, и будем вместе встречать старость. Умрем через 40 лет в один день».

«Я столько не проживу», — отшучивалась Наиля. Но, поди ж ты — живет, а его нет.

И все-таки за три с половиной года они многое успели. По сути, он ворвался в их тихое женское царство и перевернул жизнь.

Дмитрий был страстным спортсменом. Очень любил бег, можно сказать, жил бегом. Про себя Наиля часто отмечала: он, естественно, не мог не есть, не дышать воздухом, а еще не мог не бегать. В день, если предоставлялась возможность, выходил на дистанцию по три раза. Для него 15–20 километровый кросс — привычное, повседневное дело.

У него даже позывной был «Форрест». Помните американский фильм «Форрест Гамп» с Томом Хэнксом в главной роли, герой которого в беге не имел равных?

Зимой Дмитрий увлекался лыжами. На первых же соревнованиях в Центре специального назначения ФСБ он занял второе место. Кстати,

очень переживал, что не первое.

Однако майор, а потом и подполковник Медведев не только сам увлекался бегом, лыжами, велоспортом, но и увлекал за собой других. В первую же зиму совместной жизни у Наили, ее дочерей Лилии и Алсу появились лыжи. Каждый свободный час Дмитрий тащил их на лыжню, в лес. Сыну Семену еще не исполнилось и двух лет, а отец подобрал ему маленькие лыжки, миниатюрные палочки и с нетерпением ждал следующей зимы. Он мечтал, как вместе с сыном выйдет на лыжню.

Весной купил всем велосипеды, и они семьей совершали велопробег.

За свои 35 лет офицер погранвойск, а потом Федеральной службы безопасности Дмитрий Медведев вдоволь навоевался. Почти четыре года в Таджикистане на границе противостоял «душкам», потом были постоянные боевые командировки в Чечню. Однако со стороны он виделся человеком сугубо штатским, мягким, семейным. Когда Дима погиб, близкие соседи Наили удивлялись: никто из них и подумать не мог, что он боевой офицер, сотрудник спецподразделения «Вымпел».

А он и вправду был очень домашним. Боевая работа вовсе не мешала нежно относиться к жене, заботиться о детях. Любил собирать ягоды, сам варил варенье, делал морсы. Из каждой командировки привозил домой сушеные грибы, разные травы. Кстати, разбираться в травах и их целебных свойствах, его научил еще в детстве старичок-сосед. На заставе уже сам Дмитрий обучал этим премудростям солдат, заставлял их собирать травы, варить отвары. В те сложные 90-е годы, когда на заставах в Таджикистане с продуктами было туго, целебные отвары здорово помогали, поддерживали силы пограничников.

Случалось, Наиля, уставшая, возвращалась с ночного дежурства, а муж торжественно объявлял: «Ну что мать, я поставил тесто, будем печь пироги». Какие пироги? Она валилась с ног от усталости, но он лаской, шутками-прибаутками словно вдыхал в нее новые силы. И, забыв о тяжелой смене, с любовью и улыбкой вместе бралась за пироги.

«Вообще, это были годы, — признается Наиля, — когда я расслабилась, почувствовала себя по-настоящему женщиной. Раньше такого позволить не могла. Семья, дочери были на мне. А тут появился мужчина, на которого можно опереться. Помните пословицу: за мужем, как за каменной стеной. Вот за такой стеной была и я».

Умом она понимала — служба у Дмитрия опасная. Знала, случается, гибнут ребята и из «Вымпела», и из «Альфы». Беслан тому подтверждение. От других жен офицеров слышала: мужья говорят им, мол, должна

понимать, могу из командировки и не вернуться.

Дима никогда такого не говорил. Почему? Раньше она этим вопросом не задавалась. Считала — не говорит, и не надо. Теперь не спросишь. Конечно, знала: в Таджикистане он бывал в разных переделках — и под автоматную очередь попадал, и под разрыв гранаты, и ничего, ни одной царапины. Отсюда, наверное, и вера — с ним ничего не случится.

...В конце марта 2004 года Дмитрий прилетел из очередной командировки. У них была горная подготовка. Она запомнила его очень загоревшим и уставшим. Обычно слово «загоревший» хорошо сочетается со словом «отдохнувший». А тут вышло наоборот. Судя по всему, отдыхать там было некогда. Как раз из Кемерово прилетела Димина мама — Любовь Семеновна, чтобы посидеть с маленьким Семой. Свекровь согласилась побыть с детьми, а их отпустила на два дня в дом отдыха «Подмосковные вечера».

Так впервые за много месяцев они остались вдвоем. В Подмосковье — ранняя весна, еще прохладно, сыро, но им было хорошо наедине друг с другом. Во время одной из прогулок по лесу он как-то погрустнел и словно нехотя признался: «Неля, 31-го мы улетаем в командировку».

Она поняла: командировка боевая. Хотя Дмитрий никогда их не делил на тренировочные и боевые. Просто, уезжая в Чечню, говорил, что будет трудно.

30 марта, накануне, Наиля помогала ему собираться, складывала вещи. Дима уезжал ночью. Улетали утром, а от Кунцево, где жила их семья, до Балашихи не ближний свет, ехать два часа.

Он тогда впервые ей с горечью сказал: «Ты знаешь, в этот раз не хочется ехать. Не несут ноги». Свой сухой паек, который обычно набирал, — орехи, изюм, чернослив — почти наполовину оставил дома.

«Когда добрался в отдел, — вспоминает Наиля, — позвонил уже поздно ночью. Слышу голос в трубке: „Ну что, дорогие мои!“ . Дима всегда к нам так обращался. Я его старалась успокоить, подбодрить, говорила, что мы его любим. Но разговор как-то не клеился, он сухо с нами поговорил, и они улетели. И вот за 14 дней командировки он ни разу нам не позвонил. Такого никогда не было. Я и мать переживали: почему не звонит? Но, видимо, не мог, работы было много.

А его сослуживец, который погиб с ним, Илья Мареев, жене позвонил и признался: „Надя, что-то у меня душа не на месте. Сердце скачет из груди“. Та успокоила его: „Не волнуйся, я сейчас иду в церковь и за тебя помолюсь, все будет хорошо“».

Однако все пошло иначе. При штурме квартиры в одном из домов

Грозного «вымпеловцы» были встречены кинжальным огнем террористов. Огонь бандиты вели в упор, с короткого расстояния. Не помогли ни щиты, ни бронежилеты. Погибли бойцы спецподразделения подполковник Дмитрий Медведев, майоры Илья Мареев и Михаил Козлов.

Так случилось, что последним, кто оказался рядом с убитым Димой Медведевым, был оперативник ФСБ Алексей П.

Вот что он рассказал о том бое.

«В день операции нам сказали, что будем работать с сотрудниками „Вымпела“. Была информация: в одной из квартир в доме-девятиэтажке скрываются крупные чеченские командиры из ближайшего окружения Басаева.

Мы вместе с Денисом Плетневым одну девятиэтажку обошли, и тут звонит мой начальник, руководитель службы по борьбе с терроризмом. Отдает приказание переместиться в другой дом.

Поднялись туда. На площадке две квартиры. У дверей одной готовились к штурму „вымпеловцы“. Мы же зашли для проверки и выяснения обстоятельств в соседнюю квартиру. Там находились две женщины с детьми.

Только поздоровались, начали разговор. И тут на лестничной площадке взрывы, грохот, стрельба. Денис хватает женщин и детей, сажает в угол и закрывает матрацем. Я становлюсь у противоположной стены.

Первый бандит забегает в комнату, боковым зрением увидел меня и начинает разворачиваться. Ну, я из автомата дал очередь, то ли убил, то ли подранил его, и он упал в проем двери.

Второй бандит, который шел за ним, вбегает и начинает огонь вести в мою сторону. Первый выстрел попадает мне под сердце (хорошо, бронежилет спас), второй дробит руку.

Потом врач в госпитале сказал: счастье, что пуля по касательной прошла. Если бы напрямую, пробила бы сердце.

Я в это время тоже в ответ открываю огонь, и Денис начинает стрелять. Боевик падает, хрипит.

А у меня пуля раздробила кость, зацепила нерв, и рука повисла, как плеть.

Вижу, Денис достает гранаты и смотрит в проем. Говорю: „Бросай, не жди“. Он бросает, и в это время его, видимо, подстрелили.

Потом, помню, взрыв — и я теряю сознание. Когда начинаю приходить в себя, вижу — все горит, лицу, руке нестерпимо жарко. Женщин, детей в комнате нет, и Денис сидит неподвижно. Я к нему

подползаю, сталкиваю горящий матрац, хочу вытащить, но не могу. Рука не действует, сил нет.

Потом, когда вылез, еще раз потерял сознание. Очнулся — сзади, на моей спине лежит Дмитрий Медведев. Он сидел у стены, видимо, я его зацепил, когда полз, и он упал на меня. Я ему: „Братишка, ты жив?“, а сам чувствую — тело у него тяжелое, свинцовое, не шевелится, не отвечает.

Пошарил рукой, оружия ни у него, ни у меня нет. А бандюги ходят в соседней комнате, разговаривают по-чеченски. Хорошо, что гранаты остались. Думаю, если пойдут, взорву. Потом опять сознание ушло, видимо, от потери крови. Не помню, как меня ребята вытащили. Считаю, что Плетнев и мне жизнь спас, и этим чеченским женщинам и детям».

...Теперь, когда со дня смерти Дмитрия пошел второй год, Наиля многое перебирает в памяти, но почему-то чаще всего вспоминает рождение сына Семена и поведение мужа.

В тот день Дмитрий уехал на службу, как обычно, в шесть утра. В девять позвонил, а ему сказали: «Ее увезли в роддом». Через полчаса он уже был в роддоме. Как успел, на крыльях, что ли, летел?

Зашел в маске, в белом колпаке, взял за руку и тихо, уверенно сказал: «Спокойно, все будет хорошо». Его вывели. Ей предстояло рожать, а на душе и вправду стало легко и спокойно.

А когда через несколько дней он приехал в роддом забирать жену и принял на руки сына, сияющими глазами взглянул на нее: «Неля, счастливее меня нет человека на свете».

Умел любить, служить, дружить...

Дима Медведев родился в обычной рабочей семье. Отец его был шахтером. Но вот чтобы сын пошел по его стопам — не хотел. Мечтал, видеть сына военным. И тот исполнил отцовскую мечту — поступил в Алма-атинское высшее пограничное училище.

После окончания училища уехал служить на Дальний Восток, заместителем начальника 9-й погранзаставы. Прослужил год, и его направили в Таджикистан. Здесь он исполнял обязанности замначальника заставы десантно-штурмовой маневренной группы. Как служил? Ответом на этот вопрос может стать рассказ капитана Николая Фархутдинова, опубликованный летом 1994 года в газете «Дальневосточный пограничник».

«Я приехал в Среднюю Азию раньше Медведева. И понимаю, что движет Дмитрием. Хотя словами это трудно передать.

Дима — человек боевой. Таких там уважают. Прибыл он к нам в августе. Попал в десантно-штурмовую группу. А туда брали только добровольцев: ведь задачи ребятам приходилось выполнять самые ответственные, сопряженные с риском.

Дней через десять Медведев добровольно вызвался в рейд на зачистку базы противника. Вместе с товарищами принес в отряд большое количество оружия. Участвовал во всех операциях десантно-штурмовой группы. Больше десяти раз ходил в рейды по территории, контролируемой оппозиционерами.

Тысячами надо считать то количество оружия, которое удалось захватить у моджахедов при участии Медведева. Представлен, кстати, к двум наградам: медалям „За отвагу“ и „За отличие в охране государственной границы“.

Вот такая оценка боевой деятельности молодого офицера.

Через семь месяцев пребывания в Таджикистане Дмитрий вновь возвращается на свою родную заставу на Дальний Восток. Съездит в отпуск, вернется. И затоскует... по Таджикистану.

А вскоре в отдел кадров Дальневосточного пограничного округа поступит его рапорт: «Прошу направить в Таджикистан. Повторно».

Откровенно говоря, не все офицеры-пограничники рвались на таджикско-афганскую границу, под душманские пули. Особенно если на Дальнем Востоке оставалась семья. Тот же капитан Фархутдинов признавался: «Офицеры волнуются за свои семьи. И это вполне объяснимо. Перед тем как уехать в командировку, мне тоже обещали в случае чего помочь семье. Но, вернувшись, я узнал: никто ничего не делал».

Дмитрий же был холостяком. По существу, ничто его на Дальнем Востоке не удерживало. А там, в Таджикистане, не без основания считал, что занимается настоящим мужским делом — защищает рубежи Родины. Пусть и вдалеке от России.

Поэтому вторая его командировка в эту горячую точку затянулась уже на три года.

Вспоминает сослуживец Медведева по Московскому погранотряду Андрей Морозов:

«С Дмитрием мы познакомились еще на Дальнем Востоке, вместе начинали службу в Сковородинском пограничном отряде. Правда, он приехал по выпуску из училища на год раньше меня.

Потом, осенью 1994 года, судьба нас свела в Таджикистане. Я

возвратился из отпуска, а Дима уже находился в Душанбе.

Горячие августовские события, когда наших 18 пограничников во главе с Вячеславом Токаревым и Олегом Хмелевым сражались с „духами“, арабами и пакистанцами в количестве 70 человек, были позади. Началась операция „Возмездие“.

Понаехали генералы из Москвы, и пошли плановые зачистки, освобождение высот, на которых „духи“ уже свои базы укрепили, пшеницу выращивали. Словом, расположились по-хозяйски. В общем, это давно для нас потерянная земля была. Теперь решили вернуть ее.

Дима, откровенно говоря, очень переживал, что поздно приехал с Дальнего Востока и в те августовские бои не попал.

Мы с ним были в одинаковых званиях, должностях — замами начальников застав в десантно-штурмовой группе, неоднократно участвовали в боевых рейдах.

Запомнился поход на так называемую „канатную дорогу“, которая находилась на стыке 11-й и 12-й погранзастав. Почему так прозвали этот участок, не знаю. Никакой там канатной дороги не было, а вот „духовская“ тропа — переправа через реку Пяндж — была. Нога пограничника не ступала там года три, и, как я понимаю, командованию важно было провести демонстрацию силы. Не столько добиться результата, разгромить базу или обнаружить схрон с оружием, сколько показать нашу силу и решимость.

Однако демонстрацию хотелось провести без потерь. Но согласится ли на подобные действия враг?

А это уже во многом зависело от грамотных продуманных решений командира и действий его подчиненных.

Командиром на той операции был старший лейтенант Медведев. Потом разведчики доносили, что „духи“ следили за нами, но в бой вступить так и не решились. Это говорит только об одном — командир оказался на высоте, силы и средства использовал с умом, и потому ни одного выстрела в нашу сторону не прозвучало».

В октябре 1995 года Дмитрия Медведева назначают начальником 11-й погранзаставы Московского пограничного отряда.

«Эта застава самая сложная, самая взрывоопасная», — скажет тот же Андрей Морозов.

А другой его сослуживец, Валерий К., так и будет вспоминать о встрече с Медведевым:

«Я был начальником 13-й заставы, а он — 11-й. Как-то летели мы на сборы на вертолете с начальником штаба погранокруга генералом

Юрасовым. Подлетаем к Диминой заставе, а генерал говорит: „Сейчас тебя познакомлю с лучшим начальником заставы нашей группы войск в Таджикистане“.

А что меня знакомить, мы давно знакомы. В общем, приземляемся, Дима в каске, в бронежилете встречает начальство.

„Показывай, Медведев, дело рук своих“, — говорит генерал.

И он показал. Было чему и порадоваться, и поучиться. Ведь застава досталась ему разрушенная, разбитая после тех горячих событий. Он многое восстановил, баню построил, памятник погибшим пограничникам возвел».

Вспоминать о тех годах трудно. Все, кто служил в 90-е в Таджикистане, знают: с питанием на погранзаставах было плохо, с обмундированием не лучше. Служили на заставах в основном солдаты-таджики.

Валерий К., выросший в Таджикистане, знающий их язык и обычаи, всегда удивлялся, как Дима Медведев умел ладить с таджиками. Он искренне любил этот народ. Не раз говорил: «Есть нечего, надевать нечего, каждый день обстрел, тревоги, а они держатся, не унывают. Едва свободная минута — поют, пляшут».

Почти два года командовал заставой Медведев. За умелое руководство подразделением, мужество и отвагу, проявленные при выполнении специальных заданий, сопряженных с риском для жизни, он был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени» с изображением мечей, а также получил воинское звание «капитан» досрочно.

Да, Дмитрий Медведев умел любить, умел служить Родине, а еще он умел крепко, по-мужски дружить.

Когда я встречался с его друзьями, еще с теми, давними, из Таджикистана, по журналистской привычке всегда старался выпросить, выведать какие-то детали их отношений, просил припомнить интересные случаи из жизни, службы. «Вы же вместе с ним бок о бок столько лет», — пытал я рассказчиков. На что мне один из его старых товарищей сказал:

«Знаете, у пограничников своеобразная дружба. Это у танкистов или у мотострелков командиры взводов, рот годами рядом друг с другом, порой в одной казарме, на стрельбище, учебном поле, как вы сказали, притираются. А у нас другое.

Вот мы с Димой служили замначальниками застав в десантно-штурмовой группе. Ну и что? Он на один пост со своими погранцами, я на другой. Между постами десятки километров. У каждого свои задачи. Смена через две-три недели. Спустимся, встретимся, водки поьем,

поговорим, и опять на посты. Специфика!..

Но дружба от этого не становится слабее. Может, вот только интересных деталей поменьше... Ну уж, тут извините... Служба такая...»

А в том, что их дружба не становится слабее, я убедился сам. Когда некоторые из его товарищей, сослуживцев узнали, что я собираюсь писать о Дмитрие, нашли, выбрали время: один, назовем его Валерием Коляевым, приехал из Карачаево-Черкесии, другой, Андрей Морозов, — из Смоленска.

С Валерой Коляевым, в ту пору молодым офицером-пограничником, Дима познакомился в далеком теперь 1995 м в Таджикистане... по радиостанции. Поговорили, поздравили друг друга с предстоящим Днем пограничника. Потом, когда закончилась боевая операция, спустились с гор, познакомились лично. «И в дальнейшем старались встречаться, все-таки в одном погранотряде служили, — улыбается Валерий, — он в десантно-штурмовой группе, я — в маневренной». «А сколько километров было между вашими группами? — спрашиваю. «Да не так уж много, километров двести с лишним», — отвечает.

Да уж, за двести километров сбегать к другу хлопнуть по рюмочке. И тем не менее они старались использовать каждую возможность для встречи. Даже когда Дмитрий ехал в последнюю свою командировку, и то Валерий сумел примчаться на вокзал в Минеральные воды. Правда, мчаться пришлось из Черкаска часа два, а поговорить всего двадцать минут. Но он так благодарен судьбе, что были у него эти двадцать минут.

Они обнялись на перроне. Обычные в таких случаях вопросы: «Как семья, как дети?». Не забыл Дмитрий спросить о его крестнике, Никите, сыне Валерия.

Кстати, эта удивительная история — еще одно подтверждение их крепкой мужской дружбы.

А началась она до рождения сына Валерия Коляева — Никиты. Аня, жена, была на последнем месяце беременности. Последний месяц — самый тяжелый, а тут еще мужа рядом нет, убыл на службу, в горы, на дальний пост. Изболелась душой молодая жена, извелась, все одна да одна, хоть бы краем глаза увидеть любимого, услышать его голос, слово поддержки.

Дмитрий и так жену друга успокаивал, и этак, ничего не получается — хочет к мужу. А долететь до мужа можно только вертолетом.

«Ладно, — сказал тогда Дмитрий Анне, — выбью я вертолет и отвезу тебя к Валерке».

«Да, в один прекрасный день, — вспоминает Коляев, — сижу я у себя,

звонит телефон. На проводе Дима Медведев. В общем, объяснил ситуацию с женой и говорит: „Все, я уже насчет вертушки договорился, сажая ее и привожу к тебе. Покажу, где ты служишь. Может, успокоится“.

Я, как ошпаренный, подскочил, кричу в трубку: „Ты что, она же родит сразу, если увидит, где я служу“.

Тем не менее он готов был ее привезти, лишь бы ей стало лучше. К счастью, когда вертолет уже был под парами, Анна сама испугалась и отказалась от поездки.

Вот так он входил в состояние человека и готов был на руках донести Анну в горы, лишь бы она увидела мужа и успокоилась».

А продолжение этой истории произошло уже через несколько лет. Когда у Валерия родился сын, он попросил Диму стать его крестным отцом. Тот согласился, да все не мог выбраться к другу: то командировки, то неотложные дела, служба. А Валерий терпеливо ждал год, два... пять лет.

И все-таки они осуществили задуманное. Наиля до сих пор вспоминает, как ездили они с Димой по магазинам, выбирали крестик для Никиты.

Только вот 15 апреля 2005 года, в полдень, неожиданно запутался у Никиты крестик. Никогда такого не было, а тут закрутилась цепочка. Отец и мать помогали, с трудом сняли крестик, а ведь прежде застежка легко расстегивалась.

И только позже узнали: именно в этот день, в этот час в Грозном при штурме квартиры с террористами погибал Никитин крестный — Дмитрий Медведев.

Мистика какая-то. А может, и простое совпадение. Кто знает?

Достать террористов

Надо прямо сказать, Дмитрий умел «зажигать» людей. Придя в «Вымпел», своим здоровым образом жизни он заразил добрую половину отдела.

Медведев знал, как это делать. У него еще на заставе пограничники постоянно закалялись, ходили босиком по снегу, по гальке. На обед в столовую попадали только через бассейн. То есть проплыл положенных пятьдесят метров и потреблял на здоровье честно заработанный обед. И так каждый день.

Но пограничники, как ни крути, люди подневольные. Раз начальник

заставляет грести в сторону кухни, будешь грести, куда денешься. Тут же, в «Вымпеле», все офицеры, особо не покомандуешь. Тем более что в 2002 году Дмитрий пришел всего лишь на должность старшего оперуполномоченного. Сам был подчиненным. Но это его не смутило. Будучи человеком общительным, открытым, он с удовольствием рассказывал, как надо закаляться, вырабатывать выносливость.

В спецподразделении собраны ребята крепкие, спортивные, однако даже на их фоне Медведев смотрелся весьма подготовленным сотрудником.

«Мы как раз и сошлись с Димой на выработке выносливости, — рассказывает офицер „Вымпела“ Вадим П. — Осенью 2003 года нас командировали на Северный Кавказ, в горы, с задачей обнаружения бандформирований. А Дима — человек, который очень легко идет на контакт. Меня же в тот период волновала проблема наработки выносливости. Я задавал много вопросов, как он тренируется, какова методика. Дмитрий сразу же откликнулся.

У него уже были свои наработки — тактика тренировок, какие упражнения и как выполнять. Он их расписывал по времени, по физической нагрузке, привязывал к местности и даже рекомендовал витамины, пищевые добавки.

Вообще он был человек продвинутый. А в вопросах спорта, здорового образа жизни — в особенности. Занимался закаливанием. Разработал свою методику, ну и, конечно же, заразил всем этим ребят в отделе.

Сильнейший лыжник, бегал по 50, 100 километров. Летом всегда брал с собой роликовые лыжи. Приведу один интересный факт, Однажды на горной подготовке Дмитрий стартовал с подножья Эльбруса и добежал, подчеркиваю, не дошел, а добежал до скал Пастухова. Альпинисты знают, что это такое».

Верно сказал Вадим, Медведев был человеком продвинутым. И не только в спортивных делах. Хотя, как известно, для сотрудников спецподразделений физическая подготовка — дело далеко не второстепенное.

Однако на первом месте была и будет подготовка профессиональная. Разумеется, тут есть свои нюансы. Кто-то, прочитав эти строки, скажет, что боевая и физическая подготовка — единое целое. И окажется прав. Я лишь констатирую факт: подполковник Дмитрий Медведев был силен и в том, и в другом.

В качестве примера приведу одну из спецопераций, проведенную сотрудниками «Вымпела» на Северном Кавказе. На первый взгляд — ничего выдающегося. Таких задач даже за одну командировку порядком

наберется. Да и сотрудник, который рассказывал мне об этой операции, говорил без пафоса и высоких слов, как о деле будничном, рядовом.

На мой взгляд, все обстояло иначе. И бой тот ни рядовым, ни будничным никак не назовешь. Ибо допусти Дмитрий хоть малую ошибку, не среагируй быстро и четко, не прими единственно верное решение в короткий отрезок времени, и неизвестно еще, как бы закончился бой. В лучшем случае бандиты попросту улизнули бы, в худшем — могли погибнуть мирные жители, которые, сами того не желая, оказались в эпицентре боестолкновения.

Так что же произошло?

В одном из населенных пунктов на Северном Кавказе действовала группа террористов. На их совести — десятки убийств, нападений. Было ясно, что нелюдей этих на испуг не возьмешь, сдаваться они не станут. По оперативным данным, банда хорошо вооружена и при попытке ареста окажет ожесточенное сопротивление.

Сложность состояла еще и в том, что террористы передвигались на автомобиле «Жигули», и реальное их местонахождение до последнего момента оставалось неизвестным. Пришлось работать, что называется, с колес и, по сути, в той реальной обстановке, которая сложилась на данную минуту. Иными словами, времени на подготовку не было.

Оперативный сотрудник, находившийся в машине с «вымпеловцами», указал на автомобиль террористов. «Шестерка» стояла на обочине дороги, в ней находилось четыре человека. Как выяснилось потом, они были вооружены автоматами, пистолетами «Беретта», гранатами.

Террористы заняли весьма выгодную позицию. При первой же угрозе «шестерка» давала задний ход и укрывалась за выступом забора, поскольку дорога делала левый поворот. Дальше в безопасной зоне машина могла развернуться и устремиться вперед по улице, под прикрытием домов, которые стояли у дороги. Таким образом, достать террористов можно было только в тот момент, когда «шестерка» въезжала в так называемую «мертвую» или безопасную зону. Но ничего этого бойцы «Вымпела» не знали. С основной дороги, по которой следовала их «Газель», они видели только малый кусочек улицы. В отличие от них, террористы хорошо знали пути отхода. Но это им не помогло.

После команды первым из «Газели» выскочил Медведев. Он находился у двери. За ним выпрыгнули другие бойцы.

Террористы среагировали быстро, тут же через ветровое стекло открыли огонь по сотрудникам спецподразделения. Водитель «шестерки» включил заднюю передачу, машина рванулась назад и скрылась за

поворотом дороги. Еще минута-другая, «Жигули» развернутся, и...

«Палить пришлось бы вслед, — говорит участник того боя Вадим П. — А это уже стрельба неэффективная. Надо сопровождать цель. Делать это намного тяжелее. Тем более что вести огонь вдогонку в той обстановке было вообще сложно: справа находился жилой дом, глухой забор, а за ним мирные люди.

Так что для уничтожения террористов оставались секунды. Дмитрий шел вдоль забора, не стрелял, и, выбрав сектор для стрельбы, открыл огонь из пулемета. „Шестерка“ сдавала задом.

Первым пулю получил водитель, машина уперлась бампером в какую-то будку и заглохла.

Пока Дмитрий отходил на перезарядку, отстреляв определенное количество патронов, один из бандюг, раненый, перебрался через забор и хотел скрыться. Его встретила наша вторая подгруппа и навсегда отучила воевать, убивать.

Остальных в машине тоже прикончил Дима Медведев своим прицельным огнем. Больше они никому не принесут бед.

Дмитрий в этом бою действовал как истинный профессионал — выбрал единственно верную позицию, не упустил время, расчетливо и хладнокровно расправился с террористами».

...В последнем бою в Грозном, как вспоминает товарищ Димы по подразделению, «Медведев преграждает мне дорогу, просто отпихивает в сторону и дает команду на штурм. Он спасает мою жизнь».

Почему так поступил подполковник Дмитрий Медведев, теперь уже не узнает никто. Свою тайну он унес в могилу.

Думаю, что сегодня в нашем больном обществе, где понятия о чести, совести, благородстве списаны в утиль, очень многим непостижимы подобные поступки. А имя им известно издревле. Такие поступки называют подвигами.

Подвиг сотрудника спецподразделения «Вымпел» подполковника Дмитрия Медведева Отечеством оценен по достоинству — он удостоен высокого звания Героя России.

Владимир Ульянов по прозвищу Ленин

...Мы вспоминали о майоре Владимире Ульянове. Он погиб в Чечне в сентябре 2003 года. Сотрудники группы «А» по большей части люди не сентиментальные, но тут что-то в них сломалось. Рассказ о Володе давался трудно. Чем дальше вспоминали, тем тяжелее становилось осознание истины: какого человека потеряли.

«Приказ есть приказ, — горько признался один из друзей Ульянова. — Его не обсуждают, а выполняют. Только не стоят эти „духи“ Володиной жизни».

Говоривший умолк, и мне показалось, что мыслями, душой он уже не здесь, в московском кабинете «Альфы», а там, в далекой, враждебной Чечне.

Приказ действительно был сложным. Если не сказать больше — практически невыполнимым. Нельзя утверждать, что приказание «взять живым» такое уж новое и редкое для бойцов группы антитеррора. Разумеется, начальник, отдавая подобную команду, осознает всю меру опасности, которой подвергает собственных подчиненных. Ведь этот приказ сразу обезоруживает спецназовцев. Живым — значит, живым. То есть напасть и голыми руками скрутить врага.

А если враг вооружен? У него, как говорят «альфовцы», «длинные стволы», то есть автоматы, и, конечно же, неотъемлемые спутники человека на войне — гранаты.

А если его союзница — темная, хоть глаз выколи, южная кавказская ночь?

А если тот, кого надо «взять живым», не простой бандит, а высокопоставленный эмир? И у него всегда есть боевое прикрытие?

А если эмиров двое? И повязать их надо невдалеке от базы террористов? Да не в сельском доме, не в городской квартире, а в чистом поле.

Тут, простите, и дураку ясно, на какое архисложное дело посылали бойцов группы «А»

Откровенно говоря, командировка в Чечню осенью 2003 года была крайне напряженная. Выезжать по «адресам» (то есть туда, где по оперативным данным находились террористы) приходилось почти каждый день. Всем было понятно: этот «график» диктует война. Но применение такого подразделения в «горячем режиме» не есть хорошо. Может

наступить привыкание к обстановке. Это как у саперов: первая обязанность командира — следить, не «замылился» ли глаз, не появилась ли самоуверенность в действиях подчиненных, не утратили ли они чувство опасности. Тогда стоп! Первое дело — отдых, никакой боевой работы. Иначе беда, неминуемая гибель.

Так и в «Альфе». В те дни нужен был отдых. Но отдыха не было. Радовало одно — «адресные» выезды давали свои результаты.

В этой командировке подразделение группы «А», в составе которого находился майор Ульянов, успешно работало в горах. Несмотря на яростное сопротивление бандитов, без потерь взяли их базу.

Владимир действовал профессионально. Как сказал один из его сослуживцев, *«он мог все: и азимут взять, и по компасу в горах пройти, быстро оценить обстановку, посадить „вертушку“»*.

После разгрома горной базы боевиков группа продолжила работу на равнине.

Вот тогда и были получены агентурные данные, что один из высокопоставленных террористов может находиться по определенному «адресу».

Провести захват приказали бойцам «Альфы» и соседнего подразделения Центра специального назначения ФСБ.

«Соседи» должны были осуществлять блокирование дома и прилегающей местности, «альфовцам» поручался непосредственно захват террориста.

Выехали на двух машинах. Впереди, в штурмовой группе, по боевому расчету должны идти так называемые «щиты» — сотрудники с пуленепробиваемыми щитами, за ними — остальные.

Однако подвела техника. Что поделаешь, в Чечне она далеко не новая. Словом, заклинило боковую дверь «Газели». Выходили через заднюю, запасную. Счет идет на секунды: главное — не дать врагу опомниться. Перестраиваться нет времени. И Владимир двинул вперед, оставив позади спасительные «щиты». В ту минуту он вряд ли думал об опасности.

«Можно ли было подождать „щиты“ и под их прикрытием ворваться в дом?» — задал я вопрос бойцам группы антитеррора.

Разумеется, можно, но... Есть риск потери эффекта внезапности.

Владимир первым «влетел» в дом. Именно этот термин использовали его боевые товарищи, когда рассказывали о спецоперации.

Бандит успел выхватить из-под подушки пистолет-пулемет Стечкина, но выстрелить ему майор Ульянов не дал. Террориста скрутили. Это была хорошая, профессиональная работа.

Они возвратились к себе на базу, и вскоре пошла оперативная наводка по горному району. Известно было мало. Вся информация умещалась в несколько рубленных фраз. «Два эмира. Вооружены. Рядом база боевиков. Ночь. Взять живыми. Остро необходима информация».

«Все верно, — скажет потом один из сотрудников, — информация нужна. Но где агентура?»

С агентурой, судя по всему, было туго. Отсюда и приказ: взять живыми.

С рассветом 8 сентября группа бойцов выдвинулась в близлежащий населенный пункт. Условия, что и говорить, самые комфортные. Далеко от места дислокации «Альфы», зато близко к базе террористов.

Чтобы не «засветиться», «альфовцы» превратились на время в чеченцев: одежда, бороды. И даже передвигались на любимом транспортном средстве боевиков.

«Нас было мало, — рассказывает сотрудник группы Павел Б., — шесть человек. Работу начали засветло. Выехали на рекогносцировку, осмотрели поляну, где предстояло брать бандитов.

Откровенно говоря, там и смотреть-то нечего: небольшая поляна, направление, откуда должны двигаться эмиры. Вот и все.

В общем, думали, ломали голову, как лучше провести операцию. Никак ее лучше не провести. Вариантов вообще не было. Если бежать из леса на полянку, будь хоть спринтером-олимпийцем, не успеешь. Из тебя решето сделают»

Было понятно и до этого, а теперь стало яснее ясного — работать придется «без брони». В бронежилете по такой местности, с такой задачей — никуда. А тут ведь не только бандюг этих надо взять, но и вытащить их из-под носа у базирующихся рядом поделщиков.

Закончили рекогносцировку, обсудили все «за» и «против», доложили руководству свои соображения. И... получили подтверждение прежнего приказа: брать живыми. Что ж, на войне как на войне. Переоделись в военную форму, приготовили бесшумное оружие.

Работать предстояло двумя группами по три человека.

«Мы выжали из этой ситуации все, что могли, — считает боец „Альфы“ Андрей В. — Наступила темнота. Группа захвата замаскировалась в кронах деревьев на опушке поляны. Террористы появились через 12 минут после того, как мы заняли позиции.

Вышла луна, но видимость была плохая. Правда, фигуры боевиков просматривались на фоне неба.

Владимир работал в первой группе, я во второй. Они смогли взять

бандита живым, но Ульянов был тяжело ранен. То ли бандюга успел выстрелить, то ли его прикрытие?..

Наша группа выходила на второго террориста. Он начал стрелять, и мы его уничтожили.

После этого, понятно, из района надо уходить. Мы до конца надеялись, что Володя выживет, он дышал, хрипел. Но ранения оказались несовместимыми с жизнью.

Считаю, нам удалось выполнить сложную задачу: взяли вооруженного бандита, ночью, в лесу. У бандюг были автоматы с подствольными гранатометами, гранаты.

В то же время я убежден — ни одна ценная информация не стоит жизни, особенно жизни такого человека, как Володя Ульянов.

В свои 38 лет он горел на службе. Потеря такого сотрудника очень ощущается в коллективе. Это не просто звено из цепочки вылетело, целый пролет. Найти замену Володе трудно, а может, и невозможно».

По спецоперации остается добавить, что потом был трудный отход, эвакуация. Двигались по ночному лесу около часа. Навстречу с базы «Альфы» выдвинулась бронетехника.

За жизнь Владимира боролся врач группы «А», замечательный медик, но шансов спасти боевого товарища у него не оставалось.

Так погиб майор Владимир Ульянов. Помните, товарищ сказал, что с его смертью не звено в цепочке, а целый пролет вылетел. И замену найти трудно, а может, и невозможно.

Что ж, такие слова говорят не о каждом. Даже соблюдая старое мудрое правило: об ушедшем или хорошо, или ничего.

Кем же он был, Володя Ульянов? Каким он был?

Мама, Светлана Петровна, рассказывает о том, что в детстве Володя был тихим, стеснительным мальчиком.

Случалось, его обижали. Хорошо, что рядом всегда оказывался старший брат Андрей. Он и старше-то всего на год и три месяца, но рос бойким, шустрим, умел защитить младшего брата.

«Я его все время учила, — вспоминает мать, — давай сдачи, не бойся. Вот и выучила на свою голову».

С годами характер Володи стал меняться, крепнуть. В юности это был уже не тот маменькин сынок, которого мог обидеть всякий. Мечтал стать летчиком. Чтобы быть ближе к небу, увлекся парашютным спортом. Правда, пилотом так и не стал, но окончил авиационный приборостроительный техникум.

Мать все больше улавливала в нем свои черты. Она сама в юности то в

аэроклуб записалась, то в военкомате напросилась на курсы радистов.

Срочную службу Владимир тянул в десанте, в Прибалтике. Там впервые в его солдатской учетной карточке появится запись: специальность — войсковой разведчик.

После армии десантник Ульянов вернется в родную Москву, пойдет на завод «Мосприбор» слесарем-сборщиком радиоаппаратуры. Работал хорошо, начальство не могло нарадоваться на передового сборщика. Так прошел год, второй... Его хвалили, ставили в пример, а Владимир начинал чувствовать, что тихий, чистенький цех, размеренная жизнь, спокойная работа — это не его завод. От тишины, чистоты, спокойствия, о которых иной только и мечтает, Ульянова начинало воротить с души.

Ему снились армейские соленые марш-броски, десантирование в тыл противника, рейды их взвода глубинной разведки. Он не выдержал, написал в свою десантную часть: мол, желаю вернуться кем угодно, прапорщиком, к примеру. Только бы окунуться в эту мужскую, настоящую, кипучую жизнь.

Его еще помнили, согласились принять. Пришел вызов. И он уже готов был бросить завод, а вместе с ним и вечерний авиационный институт, в котором уже проучился год. Но тут встретился однажды Владимиру старый товарищ по техникуму Игорь Солдатенко. Краем уха Ульянов слышал прежде, что Игорь служил где-то в КГБ. Но где, не говорил. А тут почему-то рассказал. То ли настроение Володино почувствовал, то ли услышав, что он собирается в свою часть вернуться, пожалел. Ведь и в «Вымпеле» настоящие мужики нужны.

Тогда еще Володя не знал и знать не мог, что такое «Вымпел», но небольшого, намеками рассказа товарища хватило, дабы понять — это то, настоящее, о чем он мечтал всю жизнь.

Разошлись, договорившись, что Игорь порекомендует руководству подразделения Владимира Ульянова, которого он знал уже не один год.

Порекомендовал. Володю пригласили, побеседовали, он успешно прошел все «вымпеловские» тесты, сдал нормативы по физподготовке и был зачислен в подразделение в 1989 году. Получил звание прапорщика.

Кстати, прапорщиком, прежде чем получить первое офицерское звание — младший лейтенант, отходил пять лет. Тот, кто служил, знает: срок немалый. Раньше офицером не стал не потому, что плохо работал. Как раз таки работал отлично, быстро набирался опыта, а вот за званиями никогда не гнался. Хотел в первую очередь настоящим спецом стать, матерым.

Пять лет, которые он прослужил в «Вымпеле», были годами непростыми.

Еще не успела закончиться афганская война, а уже вспыхнул Нагорный Карабах. И начались бесконечные командировки в районы межнациональных конфликтов — Степанакерт, Ереван, Баку, Тбилиси, Кишинев, Душанбе, Вильнюс.

В своей книге «„Альфа“ — моя судьба» Герой Советского Союза генерал-майор Геннадий Зайцев, который к тому времени уже был назначен на вышестоящую должность, скажет так: «Я знал, что группой „А“ затыкают дырки в „горячих точках“ страны».

То же было и с «Вымпелом» и его бойцом прапорщиком Ульяновым. В качестве примера, чтобы понять обстановку тех лет и накал событий, обратимся к тому же Зайцеву.

«В Баку мне довелось лично руководить бойцами „Альфы“, „Вымпела“ и „Витязя“ выполняя поставленные руководством КГБ задачи», — пишет он.

Какие это были задачи и что происходило в Баку в январе 1990 года?

Откровенно говоря, через полтора десятка лет многое из тех событий забыто, а надо бы помнить. Хорошо помнить. Тогда станет более понятно, через какие огни и воды, опасности и страдания прошли сотрудники наших спецподразделений.

В одной из газет было опубликовано письмо беженки из Баку Н. Таржимановой. Его, кстати, в своей книге приводит генерал Зайцев.

«Там творилось что-то невообразимое. С 13 января начались погромы, и мой ребенок, вцепившись в меня, кричал: „Мама, нас сейчас убьют!“.

А после ввода войск директор школы, где я работала (это вам не на базаре), азербайджанка, интеллигентная женщина, сказала: „Ничего, войска уйдут — и здесь на каждом дереве будет по русскому висеть“.

Мы бежали, оставив квартиры, имущество, мебель. А я родилась в Азербайджане, да и не только я: там еще бабушка моя родилась!..»

Улицы Баку были увешаны плакатами: «Русские, не уезжайте: нам нужны рабы и проститутки». Всюду пылали костры погромов, русскоязычных, армян убивали и жгли прямо на привокзальной площади. Начались обстрелы колонн бронетехники, входящих в город, нападения на воинские части, склады.

Вот в такой по-настоящему боевой обстановке набирался опыта Владимир.

Все закончилось в октябре 1993 года событиями у Белого дома. Прапорщик Ульянов, как и большинство его товарищей, после передачи «Вымпела» в МВД в милицию уходить не пожелал.

Ему предложили место в весьма уважаемом в те годы подразделении — в Главном управлении охраны. Он согласился, служил в так называемом выездном отделении, в личной охране.

Служба, как и в свое время работа на заводе, шла своим чередом. Жена Светлана, едва успокоившаяся после его боевых командировок, с тревогой следила за настроением мужа. Как могла, уговаривала, находила веские, на ее взгляд, аргументы: мол, и безопаснее здесь, и денежнее, и времени свободного для семьи, для сыновей побольше.

Владимир слушал жену и умом понимал: права его Светка, все так — и денег больше, и времени, и душа у супруги на месте. Но в том-то и дело, что его душа не находила места. Не любил он, ненавидел однообразие и размеренность.

Всего год с небольшим продержался Ульянов в Главном управлении охраны — и запросился в «Альфу».

В группе «А» многие его знали, вместе мотались по «горячим точкам». Словом, зачислили в подразделение.

Как скажет о нем потом сослуживец:

«Володя пришел к нам такой веселый, с шевелюрой волос. Глаза горят, жизнерадостный! Это подкупало.

Обычно люди, когда приходят к нам в подразделение, немного робеют, смущаются, взвешивают каждое слово. А он вел себя естественно. Да это и понятно, за плечами уже немалый опыт — служба в „Вымпеле“, в управлении охраны. Он очень быстро и органично вошел в коллектив».

Однажды в «Альфе», когда говорили о нем, кто-то из сотрудников спросил меня:

— А вы знаете, какое прозвище у него было?

Я лишь пожал плечами.

— Ленин. Кстати, у него и позывной такой же...

— Это потому что Владимир Ульянов?..

— Да, но не только.

— А еще почему?

Сотрудник задумался:

— Как бы вам объяснить? Он был очень любознательным, много знал, умел и готов был общаться на любую тему.

— Например?

— Например, компьютеры. Классно в них разбирался, в последнее время увлекся фотографией. Я уж не говорю о боевых специальностях.

Да, осваивая боевые специальности, он старался дойти до самой сути, стать мастером. Был классным специалистом в парашютной подготовке,

которой, кстати, начал заниматься еще в юности.

В армии, потом в «Вымпеле», позже в «Альфе» в тонкостях познал минно-взрывное дело.

«Он был настолько хорошим специалистом-подрывником, — сказал о нем сослуживец Сергей Е., — что все взрывные дела во время работы на Северном Кавказе всегда возлагались на него.

В Чечне главная наша задача — задержание главарей бандформирований. На счету Владимира Ульянова их много. Даже трудно перечислить.

Как правило, он был всегда на острие, учитывая его подготовку и большой опыт.

Трудно выделить какой-нибудь особый случай. В любой операции перед сотрудником нашего подразделения стоят индивидуальные цели. Не бывает одинаковых задержаний. Однако не было ни одного случая, чтобы он не выполнил поставленной задачи».

Володя Ульянов, без сомнения, был талантливым спецназовцем. Он умел найти нетрадиционные, оригинальные подходы к делу.

Летом 2003 года группа бойцов «Альфы» работала по определенному «адресу». У чеченского села их высадили «вертушки», и сотрудники вышли к одному из домов. Огляделись. На первый взгляд, дом был безлюден, засовы закрыты с внешней стороны, все заперто.

Обычно, не теряя время, пользуясь щитами, прикладами, а то и просто ногами, вышибается дверь, и спецназ врывается в помещение. Так поступили и на этот раз. Но дверь оказалась крепкой, не поддавалась.

Прозвучало обычное, привычное для всех предложение: взорвать дверь накладным зарядом.

— Стоп, — остановил товарищей Ульянов, — пока готовим заряд, подрыв, уйдет время, шум. Через минуту я открою дверь. Засекайте...

Он вытащил складной нож, отвертку, раскрутил замок, и бойцы проникли внутрь.

В доме никого не было.

— А печка-то теплая, — сказал Ульянов. — И во дворе армейский дизель. Откуда он здесь?

И сделал заключение:

— Мне кажется, в доме есть схрон с оружием.

Догадку Владимира подтвердили и приборы, которые он развернул.

Ульянов стал копать. Выкопал большую яму, но ничего не нашел. Начинало темнеть, следовало покинуть эту опасную зону, а Владимир досадовал:

— Не мог я ошибиться. Тут есть оружие.

Действительно, через несколько дней сообщили: майор Ульянов оказался прав, наши войсковые подразделения обнаружили в доме склад с оружием. Он был зарыт еще глубже. Владимир не успел добраться до него, не хватило времени.

Таким он был в деле, на службе. Однако не одной службой жив человек. Хотя порой казалось, что у Владимира Ульянова служба и есть вся его жизнь. Даже когда родился сын, он был на службе, в командировке в одной из «горячих точек».

Когда я спросил у матери, чем он занимался в свободное время, Светлана Петровна ответила: у него и свободного времени не было. Не припомню сына с газетой на диване.

Да, диван был не в чести у майора Ульянова. Вот спорт — другое дело. Или повозиться с сыновьями, что-нибудь смастерить для них своими руками — турник или детские кровати.

Несмотря на свою разговорчивость, общительность, про работу в семье говорить не любил. О том, что он служил в «Вымпеле», в семье не знал никто. Жена все это время была уверена, что муж служит прапорщиком в воинской части. Работа у него тихая, непыльная, поскольку занимается он связью. Правда, когда уходил из «Вымпела» в управление охраны, пришлось кое-что рассказать.

Но про то, что переходит в «Альфу», жена и мать узнали всего за день до выхода Владимира на новое место службы. И только потому, что по традиции в семью для беседы должен был прийти его непосредственный начальник.

Примерно то же было и с наградами. Переезжая на новую квартиру, которую получил Владимир с семьей, жена случайно в тумбочке, в ящике стола наткнулась на сверток. Развернула и ахнула — медали! Одна из них была «За отвагу».

Теперь в семье хранится и золотая звезда Героя России.

...У Володи Ульянова было два друга — Пашка и Олег. Они дружили с детства. В июле 2003-го, перед последней командировкой Володи, встретились. Посидели. Выпили. Посмеялись. Вспомнили детство.

Вдруг Володя, глядя на друга, сказал:

— Ты что-то постарел, Паша.

— А ты, Володя, как?

— Я еще как огурчик. Хочу, Паша, чтобы вы меня запомнили молодым.

И засмеялся.

Эту историю мне рассказала мать Владимира, Светлана Петровна.

— Тогда за столом мы приняли эти слова за шутку. А вспомнили о них после гибели Володи, — вздохнула она. — Теперь часто думаю: может, это предчувствие было у него?

Кто знает, может, и предчувствие. Но слова его трагически сбылись: его запомнили молодым. Как сказал один из сослуживцев — веселым, жизнерадостным, с шевелюрой волос. И глаза горят!

«Последний из могикан» группы «А»

20 декабря 1997 года погиб полковник Анатолий Савельев. Он отдал жизнь за Человека.

Начальник штаба легендарной «Альфы» спас не только живую душу, ни в чем не повинного торгового советника посольства Швеции Яна-Улофа Нюстрема, он спас нечто большее... Хотя что может быть ценнее человеческой жизни? И все же.

Из служебного отчета группы «А»:

«19 декабря 1997 года в 20:02 в управление от начальника штаба Департамента по борьбе с терроризмом генерал-лейтенанта Д. Герасимова поступила первичная информация о том, что в 18:50 на автостоянке около здания посольства Швеции в Москве, улица Мосфильмовская, дом 60, неизвестным лицом в маске, под угрозой применения оружия в автомашине „Вольво-340“ были захвачены торговый представитель посольства Швеции с супругой, которая была отпущена террористом для сообщения его требований (3 млн долларов США и самолет для вылета в неизвестном направлении).

Террорист — мужчина 28–30 лет, представился Андреем.

В 20:10 в соответствии с указаниями директора ФСБ России управление „А“ было поднято по боевой тревоге.

В 20:20 находившийся на боевом дежурстве 2-й отдел управления выехал из подразделения и в 20:40 прибыл к месту захвата заложника, где находились начальник управления А. Гусев, первый заместитель начальника управления А. Мирошниченко и заместитель начальника управления А. Савельев».

В те декабрьские дни наша пресса захлебывалась в версиях: от чего умер Савельев — от сердечного приступа или от пули своих товарищей.

«Уже на следующий день, 20 декабря, — напишет в своей книге „‘Альфа’ — моя судьба“ командир группы „А“ Герой Советского Союза, генерал Геннадий Зайцев, — некоторые журналисты позволили себе оскорбительные утверждения: „Полковник Савельев погиб от рук своих же подчиненных“.

Не удивительно, что эта версия, соблазнительная в своей скандальной „прямоте“, получила широкое распространение, и многие россияне до сих пор убеждены, что так оно и было на самом деле.

Не внесла ясности и телевизионная передача „Независимое расследование“ на канале НТВ, которая, как было обещано, должна была расставить все точки над „і“ в этом искусственно запутанном деле. Однако вместо ясности она породила еще больше вопросов.

У меня сложилось стойкое впечатление, что авторам этой претенциозной передачи очень хотелось доказать: полковник ФСБ погиб не от сердечного приступа, а был застрелен сотрудниками „Альфы“. Без тени смущения ведущий „пытал“ вдову нашего погибшего товарища, Наталью Михайловну Савельеву. Он очень надеялся услышать от нее обвинения и, быть может, резкие и горькие слова в адрес сотрудников „Альфы“.

Чего стоит такой эпизод, оставшийся за рамками вышедшей в эфир передачи. Ведущий этого „независимого расследования“ г-н Николаев предложил Наталье Михайловне „...занять место мужа“ на переднем сиденье автомобиля „Вольво“, стоявшего тут же в студии. Мужественная женщина отказалась участвовать в этой постыдной инсценировке.

— Ну, хотя бы станьте рядом, — настаивал Николаев.

— Я сейчас встану и уйду вообще, — последовал твердый ответ.

Заказ есть заказ. Что до таких понятий, как мораль, нравственность и порядочность, то они, видимо, у многих телевизионных журналистов не в чести».

Думается, генерал Зайцев очень верно охарактеризовал облик некоторых служителей пера и видеокамеры. Но речь ныне не о них. А о нашем герое и его подвиге. Кстати, высокое это слово, почти исчезнувшее со страниц газет и телеэкранов в годы так называемой «перестройки», с большим трудом возвращается в нашу жизнь. И вернется ли окончательно, большой вопрос. Подвиг по-прежнему не в чести. По-прежнему не в моде... Не в моде служение Родине, Отечеству. Престижно служение карману. Сегодня всяк, кто служит, — дурак. Кто «зашибает бабки» — голова, герой.

Кто теперь герой нашего времени? Только не скажите: Матросов или Космодемьянская. Засмеют, заклюют, примут за идиота. Теперь и фамилий таких выговаривать не умеют. Отдать жизнь за Родину? За что, за что?.. Вот ежели за сотню тысяч долларов. Тоже не хочется, но приходится.

Да, так оно и есть — нахальное, бесстыдное мурло нового хозяина нашей жизни, который может сделать с вами все — купить, продать, убить, выгнать из дома, — оно! — «герой нашего времени».

«Оно» доминирует сегодня над всеми. «Оно» навязывает обществу

бандитские законы, свою систему координат, где человек — ноль, жизнь — копейка, а служение признается лишь одному божеству — доллару.

И вдруг приходит человек и ставит на кон жизнь. Свою собственную, единственную жизнь. Не ради денег, не ради славы, но, как поют «альфовцы», «чтобы спасти людей от пули озверевших террористов».

Он спас не только заложника. Спас престиж и авторитет страны. Ведь у нас и так имидж одного из самых криминальных государств в мире. А тут еще шведский дипломат в лапах террориста в центре Москвы. Кто теперь возьмется доказывать, что мы не рассадник преступности?

Полковник Савельев совершил еще один подвиг. О нем не сказано в Указе президента, не написано в газетах. Он спас душу России. Истоптанную, оклеветанную. Но все же живую и гордую такими людьми, как Савельев. Стало быть, среди лжи и мракобесия, продажности и насилия, попрания закона и морали есть нечто, чего не купишь и не продашь даже за самую «твердую валюту».

В маленьком городке на Смоленщине, где я родился, затаив дыхание, следили по телевизору за трагическими событиями на Мосфильмовской улице в Москве. Как хотели они, чтобы случилось чудо и воскрес Толя Савельев. Как верили в его бессмертие! Тот далекий, незнакомый полковник, в далекой столице, погрязшей в воровстве и похотливых утех, закрывший собой иностранного дипломата, стал символом веры и надежды для моих земляков. Почему? Я и сам сначала не мог понять.

Вообще из полуголодной, безденежной провинции столица видится таким пресыщенным удовольствиями, разжиревшим котом. По приезду на родину меня не раз спрашивали: что у вас в Москве творится? По телевизору — вечные презентации, приемы, ломящиеся от немыслимых яств столы. А тут детей не в чем в школу отправить.

Все предельно ясно и трагично. Болит у русского человека душа. Неужто погибла Россия в криминале и лжи? Нет, жива. Пока есть еще такие мужики, как Савельев.

Из служебного отчета группы «А»:

«По указанию начальника управления снайперы заняли исходные позиции. Автомашина, в которой находились террорист и заложник, с зажженными фарами располагалась во дворе посольства Швеции, слева от входной двери, на расстоянии 10 метров, багажником к стене. В данный момент у преступника находился телефон мобильной связи, переданный ему сотрудником посольства Швеции.

В ходе переговоров с террористом было установлено, что он

вооружен гранатой Ф-1 и пистолетом типа ПМ (пистолет Макарова. — Здесь и далее примеч. авт.).

В 22:50 под видом сотрудника МВД в контакт с террористом вступил по радиотелефону генерал-лейтенант Д. Герасимов. Полковник А. Савельев, представившись работником МИДа, несколько раз подходил к автомашине и непосредственно вел переговоры с террористом.

В 23:00 полковник А. Савельев убедил террориста произвести обмен шведского дипломата на другое лицо и самостоятельно предложил себя в качестве заложника.

В 23:10 обмен состоялся».

А когда узнали, что был я знаком с Анатолием Николаевичем не один год, попросили — расскажи. Что ж вам поведать, дорогие мои земляки, о полковнике Савельеве? Каким он был человеком, воином, другом? Как случилось, что пошел под пули сам, а не послал подчиненных? Почему предложил себя взамен дипломата, хотя предварительно обговаривался иной план действий?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо многое знать о Герое России, начальнике штаба управления «А» («Альфа») полковнике ФСБ Анатолии Николаевиче Савельеве — как жил, как служил, что любил и ненавидел, во что верил?

Жизнь — странный компьютер. Она с рождения каждому выдает свою программу. Кому-то исходно счастливую — любящую семью, мать, отца, достаток, а кому — сиротскую, горькую. И хотя нельзя сказать, что дед и бабуля не любили внука, но рос Толя без отца. Николая Васильевича Сысоева арестовали в 1947 году, из лагеря он уже не вернулся. Правда, в Москве жила мать Толи, но у нее была другая семья. После рождения ребенка мальчика взяли к себе родители отца — Сысоевы. Поэтому маленький Толя бабушку звал мамой.

Он окончил школу, авиационный техникум, пришел в Центральное конструкторское бюро машиностроения, потом была армия, работа в НИИ электронно-вычислительной техники. И все-таки он мечтал о другом. Толя знал: до ареста отец служил в Комитете государственной безопасности. Он хотел идти отцовской дорогой. Что же касалось ареста, о причинах его Анатолий ничего не знал. Так и написал потом в своей первой автобиографии.

Добавил о том, что тренировался в боксе, занимал призовые места на первенстве Москвы и Советского Союза, выполнил норматив мастера спорта СССР. Вот, собственно, и вся биография.

Первым, кто рекомендовал его в органы госбезопасности, был

командир войсковой части 35480 майор Сазонов. О сержанте Савельеве он написал много добрых слов. О том, что выдержан и спокоен, добросовестен и честен, физически развит, в строевом отношении подтянут. И надо признаться: сержант того был достоин.

Однако вспомнил я эту первую характеристику не от обилия лестных эпитетов, а совсем по иному поводу.

Давно заметил: ранние характеристики, когда человек еще молод, не занял высоких постов, — самые точные. Потом, с годами, когда он на солидной должности, в высоком звании, в характеристике все будет так же: солидно, прочно, хвалебно. Никаких недостатков — сплошные достоинства. А вот в начале пути опытный руководитель обязательно подметит характерную черточку подчиненного.

Так было и с сержантом Савельевым. Командир назвал качества, которые присущи многим лучшим солдатам и сержантам. Но Савельеву майор вписал в характеристику одну необычную для служебных характеристик фразу: обладает чувством романтики. И попал в самую точку.

«Подглядел» эту черту в Савельеве и старый, еще с фронтовой поры, кадровик Владимир Иванович Химучин, когда Анатолий Николаевич уже служил в одном из подразделений КГБ. Он и подсказал однажды: «Толя, набор идет в новую группу. Как раз для тебя».

Савельев пришел, объяснили ему в общих чертах, а он первым делом спрашивает: «А что там интересного? Все, что рассказали, у меня есть. Я в спецотделении, работаю с оружием, на задержании...»

И тогда командир группы «А» майор Бубенин намекнул: «У нас еще интереснее». «Ну, если интереснее, я согласен».

Однако согласие было еще полдела. Несмотря на то, что Савельев уже служил в Комитете госбезопасности, ему предстояло пройти тщательную и придирчивую медицинскую комиссию. Ведь отбор в группу «А» отличался особой строгостью.

А у Анатолия был один, пусть и небольшой, но явно выраженный недостаток. Он слегка заикался. А заикание, как ни старайся, не утаишь. Тем более от волнения заикаешься еще сильнее.

Как же быть? Ведь служить в подразделении очень хотелось.

И Савельев разработал небольшую «спецоперацию»: вместо себя послал на медицинскую комиссию другого человека. Рассчитал все точно, учел психологию врача. Инструктаж «двойника» был примерно таков.

— Будь смелее, держись увереннее. Паспорт сразу открой на странице с фотографией. Думаю, что врач и не взглянет, ты это или нет. Главное —

дикция...

А дикция у «подставы» была отменная. Хотя внешне он мало чем походил на Анатолия — маленький, худенький, в больших очках. Но речь поставлена отменно.

«Спецоперация» прошла успешно.

Так он оказался в первой тридцатке, ставшей родоначальницей известной теперь во всем мире группы антитеррора «Альфа».

Но это случилось в 1975 году. А до этого было три года службы в должности младшего разведчика в 7-м управлении, еще раньше — учеба в спецшколе КГБ, которую он, кстати, закончил на «отлично». Тут все шло исключительно на «пять»: и история КПСС, и контрразведывательная деятельность, и дорожное наблюдение, и оперативная техника.

Верно написал в той первой характеристике командир войсковой части майор Сазонов: *«Сержант Савельев устойчиво доводит до конца начатое дело».*

Эту привычку «устойчиво доводить до конца начатое дело» Анатолий Николаевич пронесет через всю жизнь.

Интересно, что не только общечеловеческие качества, но и черты весьма способного сотрудника спецслужб у Савельева проявятся еще в годы ранней молодости.

В его личном деле сохранилась интересная характеристика, подписанная начальником 10-го отдела 7-го управления КГБ полковником Шевяковым.

Толя Савельев был тогда еще нештатным сотрудником, но выполнял свои обязанности очень умело.

«В процессе занятий, — пишет Шевяков, — проявлял наблюдательность, хорошую устойчивость, зрительную память. Легко запоминает названия улиц, переулков, различных учреждений. Свободно воспроизводит в памяти увиденное по истечении продолжительного времени.

Правильно делает опознание личности по приметам и по фотокарточке.

Место для наблюдения выбирает удачное, ведет себя естественно, спокойно, может маскироваться, используя окружающую обстановку.

На поисковой работе действует уверенно и целенаправленно».

Подметил начальник 10-го отдела у нештатного сотрудника и еще одно качество, которое будет очень необходимо для Савельева как сотрудника подразделения антитеррора.

«Хорошо ориентируется, — укажет полковник, — в сложной

обстановке не теряется. Смело проводит задержание учебного объекта».

Со временем учебные объекты заменят вооруженные террористы, бандиты, а Анатолий Николаевич по-прежнему будет смел, прекрасно ориентирован в любой, самой тяжелой обстановке.

Разумеется, все эти годы пребывания в подразделении антитеррора он упорно работал над собой. Было собственное желание, да и понимание того, что от уровня подготовки зависит своя жизнь и безопасность товарищей, не давало возможности расслабиться.

Хорошо по этому поводу сказал создатель и первый командир американской группы «Дельта» полковник Чарльз Беквит: «Если студент в американском колледже дремлет на лекции по английской литературе, он получит „неуд“ на экзамене. Если же студент „Дельты“ дремлет на занятиях по штурмовым операциям, он вскоре получит пулю в лоб».

Студент «Альфы» Савельев тоже не дремал на занятиях, прекрасно понимая важность специальной подготовки.

Об этом, кстати, говорят официальные документы из личного дела Анатолия Николаевича.

Вот аттестация на прапорщика Савельева Анатолия Николаевича, разведчика группы «А» 5-го отдела 7-го управления КГБ при Совете Министров СССР.

«Товарищ Савельев успешно овладевает программой обучения группы „А“ Оперативную и боевую технику, имеющуюся на вооружении в отделе, знает и правильно ее эксплуатирует. Имеет права водителя 3-го класса и допуск „А“ к вождению оперативного автотранспорта».

Подписана аттестация начальником группы «А» майором Бубениным.

Заметим, это 1975 год. Прошло меньше года со дня создания группы.

Через два года, в 1977-м, Савельев уже лейтенант, старший разведчик. Командир подразделения в очередной аттестации отмечает: *«Предметы и программы группы „А“ освоил. Обладает большим опытом наружно-постовой работы. Личным и групповым оружием владеет уверенно.*

Водитель 2-го класса, уверенно управляет оперативным автотранспортом во всех режимах».

В 1978 году Савельев назначен на должность старшего оперуполномоченного. Начальник группы «А» подполковник Зайцев указывает:

«Имеет хороший уровень профессиональной подготовки, постоянно его совершенствует.

С отличием окончил курсы обучения по воздушно-десантной подготовке. Умело владеет всеми видами вооружения и техники

подразделения, знает их материальную часть».

В следующем 1979 году Савельев «сдал экзамен по программе обучения водителя 1-го класса».

Как свидетельствует аттестация из 1981 года, «старший лейтенант Савельев Анатолий Николаевич, имея высшее образование — педагогический институт, учится на 7-м факультете Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Дзержинского.

За конкретные результаты в работе имеет ряд поощрений, награжден орденом Красной Звезды».

Вообще, перечень наградений и поощрений Савельева сам по себе о многом говорит. Так, в 1980 году он получил благодарность «за добросовестное исполнение служебного долга по обеспечению безопасности проведения Олимпийских Игр», ценный подарок за «смелые и решительные действия по пресечению в районе посольства США антиобщественной акции, носившей провокационный характер». Это 1983 год.

Потом был Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. И его безопасность тоже следовало обеспечивать. Судя по всему, Анатолий делал свою работу неплохо. За что и получил поощрение.

Далее следуют благодарности, премии и ценные подарки уже за выполнение ответственных оперативных заданий, боевых заданий по освобождению заложников, за смелые и решительные действия при выполнении служебных задач на территории Чеченской Республики.

В 1996 году, к своему 50-летию, полковник Савельев был награжден очень редким, дорогим и оттого желанным подарком для каждого человека, кто носит погоны — именным огнестрельным оружием, пистолетом Макарова с комплектом боеприпасов в количестве 32 штук.

В приказе директора ФСБ России от 25 апреля сказано, что именным оружием полковник Савельев награжден «за личные заслуги, мужество и профессионализм при выполнении специальных заданий».

Следующей его наградой станет золотая звезда Героя России. Это звание будет присвоено Савельеву посмертно.

Из служебного отчета группы «А»:

«После обмена террорист вынудил полковника А. Савельева сесть на водительское сиденье, пристегнуться ремнем безопасности, после чего привязал его веревкой за горло к подголовнику сиденья машины.

После этого продолжалась разработка вариантов плана освобождения Савельева и обезвреживания преступника на месте либо на

вероятных маршрутах движения, а также в двух аэропортах города Москвы. Все возможные действия согласовывались с послом Швеции.

В 24:00 террорист вышел на связь по радиотелефону с генерал-лейтенантом Д. Герасимовым и потребовал немедленного удовлетворения своих требований. Террористу было сообщено, что ввиду позднего времени подготовить запрашиваемую сумму затруднительно, но все же возможно. Для этого предпринимаются меры. Террорист согласился ждать.

20 декабря 1997 года в 00:10 автомашина подъехала к воротам посольства. В 00:13 полковник А. Савельев, связанный веревкой, вышел из машины и в течение четырех минут находился возле передней левой двери.

В 00:17 машина вернулась на старое место».

Он пришел первым и ушел последним. На момент его гибели, в декабре 1997 года, в подразделении не осталось никого из первого «бубенинского» набора. Кто уволился в запас по возрасту, кто после событий 1991–1993 годов. Савельев оставался на своем посту до конца.

Его звали на хорошие деньги, на вполне обеспеченную работу, а он все думал о группе, которой посвятил жизнь, о молодых ребятах, которых надо успеть многому научить.

А опыт у полковника Савельева был богатый. По существу, это весь опыт «Альфы». Участие в перевороте в Кабуле в декабре 1979 года и последующие боевые стажировки в Афганистане, командировка в Эфиопию, работа в антитеррористических операциях, вылеты в «горячие точки».

За десять дней до своей гибели полковник Савельев обезвредил террориста, захватившего самолет «Ил-62» в аэропорту «Шереметьево-1».

Случилось это так. 10 декабря 1997 года, по первоначальной информации, три террориста, вооруженные самодельным устройством, захватили самолет «Ил-62» со 142 пассажирами и 14 членами экипажа на борту. Лайнер следовал по маршруту Магадан — Москва.

Террористы выдвинули требование предоставить им 10 миллионов долларов США и вылет в Швейцарию.

Когда о захвате стало известно, самолет находился в воздухе по дороге в Москву. Расчетное время посадки в аэропорту «Шереметьево-1» в половине двенадцатого дня.

Уже в 9 часов передовая группа из трех человек во главе с полковником Анатолием Савельевым выехала в аэропорт «Шереметьево-1» и через полчаса приступила к проведению рекогносцировки с целью определения места для организации спецоперации по освобождению заложников и обезвреживанию террористов.

Было принято решение спецоперацию проводить на первой рулежной дорожке Государственного научно-исследовательского института Гражданской авиации.

В 10:30 в аэропорт прибыло 38 сотрудников группы «А» под руководством первого заместителя командира генерал-майора А. Мирошниченко.

После инструктажа и боевого расчета группы захвата, поддержки и применения специальных средств заняли исходные позиции.

Сотрудники подразделения имели при себе штатное вооружение, спецсредства, средства связи и защиты.

В 11:10 от экипажа поступила информация — террорист, предположительно один, возраст около 60 лет, рост 165 см, одет в темное пальто и серые брюки, с его слов, имеет взрывное устройство. Требуется 10 млн долларов США и вылет в Швейцарию — после выполнения предъявленных требований обещает выпустить всех заложников.

В 11:25 полковник Савельев и подполковник Тарасов на автомобиле авиационного сопровождения, за рулем которого находился штатный водитель аэропорта, выдвинулись на взлетно-посадочную полосу, чтобы встретить самолет и проводить на место, предусмотренное планом операции.

В 11:30 воздушное судно совершило посадку.

Вскоре бортпроводница открыла двери первого салона и сообщила полковнику Савельеву, который находился вблизи самолета под видом технического работника аэропорта, о готовности террориста отпустить заложников.

К лайнеру был подан трап и автобусы, и действительно начали выходить пассажиры. Последними самолет покинули члены экипажа, которые сообщили, что преступник находится в первом салоне самолета.

В 12:18 в оперативный штаб доставили 10 млн. долларов.

В это время в салон лайнера, представившись работниками аэропорта, поднялись сотрудники группы антитеррора — полковник Савельев, подполковники Алешин и Тарасов. Они вступили в переговоры с террористом, который требовал организовать ему встречу с представителями посольства Швейцарии, правительства и МИД Российской Федерации.

Тут, собственно, все и произошло: сотрудники, оценив ситуацию, задержали террориста, вывели из самолета на безопасное расстояние, провели личный досмотр.

В руках у преступника был обнаружен электрический выключатель,

провода, уходящие под одежду, и пластмассовый пакет с предметами, похожими на взрывное устройство.

Полковник Савельев сам отсоединил клеммы и вытащил пустой конец провода.

«А если бы не пустой?» — спрашивали тогда многие, знавшие обстоятельства дела. Мол, рисковал Анатолий Николаевич. Что тут сказать, работа у него такая, рисковая. Думаю, в другой обстановке, при иных обстоятельствах Савельев не стал бы рисковать, вытаскивать этот провод. Просто он просчитал маленького человечка в темном пальто и понял, что тот выдает желаемое за действительность. И нет у него никакой бомбы.

Трудно сказать, каким ветром занесло этого мужичонку на борт самолета, но к теракту он подготовился плохо. Выпустил всех заложников, экипаж, в лайнере остался один.

Конечно, сотрудники группы «А» предприняли меры предосторожности: кто знает, что там у него под пальто? Но Анатолий Николаевич все понял и принял именно такое решение. И не ошибся.

Потом, позже, командир «Альфы» генерал Александр Владимирович Гусев корил себя: зря хвалил тогда Савельева, может, надо было ругать, что пошел сам. Глядишь, и у шведского посольства был бы осмотрительнее.

Понимаю командирскую боль. Только поступил, на мой взгляд, генерал Гусев верно. Тут уж хвали-ругай, но характер есть характер. Тем более помноженный на опыт. Надо отдать должное: Анатолий Савельев умел принимать решения. Верные, продуманные.

Помнится, сидели мы с Савельевым, и я все просил рассказать о лучших его операциях. Был девяносто второй год, и за плечами полковника остался Афганистан, за который получил орден Красной Звезды, «горячие точки» — Баку, Тбилиси, Ереван, а он говорил, что больше всего ему запомнилась маленькая операция у посольства США.

Вот как он рассказывал об этом сам.

«Из всех операций, в которых мне приходилось участвовать, и с агентурой, и против бандитов, террористов, с оружием и без него, запомнилась эта. Скорее всего, был год восемьдесят второй. Нас вызвали к американскому посольству. Там напротив есть десятиэтажный дом. На крыше дома — мужчина, раздевшийся до плавок. Он требовал выезда из СССР и грозил броситься вниз.

Рванули мы наверх, а крыша опасная, крутой скат, в конце низенькое, хлипкое ограждение. Он сидит на краю крыши, вдалеке стоят милиционеры. Как только мы показались, он сразу опустился вниз и повис на руках. Мол, подойдете — брошусь.

А там уже из посольства выбежали американцы, пальцами тычут, фотографируют. Надо что-то делать.

Подошел к краю, посмотрел. Впечатление неприятное, высоко. Стал с ним осторожно разговаривать, потихоньку подхожу. Ребята мои в отдалении наготове.

Сел с ним рядом, примерно на вытянутую руку. А тут пожарная машина подъехала, на лестнице кто-то из наших. Как только показалась машина, он снова раз — и опустился, повис. Я говорю: уезжайте, а сам еще ближе подошел. У края с этой стороны ограждения нет, только жестяной сток, упереться не во что. А он, чувствую, устал, весь потный, дышит тяжело. Пора действовать.

Наша группа тем и отличается от обычного боевого подразделения, что надо самому мгновенно принимать решение. Обстановка быстро меняется, и никто за тебя не решит, не подскажет, не скомандует. Только сам.

Я его хватаю за руку, он — вниз. Рука скользит, ползет из ладони. Крикнуть не могу, сигнал подать тоже. Тут уже ребята почувствовали обстановку, прыжком оказались рядом, рванули так, что мужик на конек улетел. Сдали его милиции — и к себе, в подразделение.

Вроде и подвигов не совершали, не стреляли, не воевали, а в памяти этот случай застрял. Сам себе командир — скомандовал и сам взял на себя ответственность. Ведь в нашем деле самое негодное, когда много начальников. Правильно Карпухин говорил: мы выезжаем, мы работаем — мы отвечаем. Потому что там, на операции, всегда найдется генерал, который будет командовать. Но отвечать будем мы».

Думаю, что в этом монологе весь Савельев. И неспроста ему запомнилась та вроде бы несложная, ничем не примечательная операция. Жизнь тому подтверждение.

Из служебного отчета группы «А»:

«В 00:19 террорист набросил на шею Савельева веревочную петлю, между ними возникла борьба, которая продолжилась в течение трех минут. Через некоторое время после этого полковник Савельев почувствовал себя плохо и стал жаловаться на боли в сердце.

Об этом он подал знак поддерживающему контакт сотруднику подразделения.

Учитывая возрастающую агрессивность террориста и ухудшение самочувствия полковника Савельева, оперативный штаб принял решение о возможном силовом завершении операции. Снайперы получили команду в

случае отрыва заложника от террориста произвести огонь на поражение преступника, что явилось бы сигналом к началу действий группы захвата.

В 00:30 по требованию террориста с целью снижения агрессивности ему была передана бутылка коньяка. После этого террорист согласился подпустить врача для оказания медицинской помощи Савельеву.

В 00:38 врач 26-й подстанции Скорой неотложной медицинской помощи констатировал сердечный приступ и сделал Савельеву инъекцию.

В 00:50 в связи со сложившейся ситуацией террорист потребовал обменять полковника Савельева на сотрудника ФСБ и корреспондента».

Все, кто служил в «Альфе» с Анатолием Савельевым, знали — он страсть как не любил... стрелять. Странно звучит, не правда ли? Ведь Савельев не библиотекарем и не садовником работал. Он служил в подразделении специального назначения.

И тем не менее утверждаю: сотрудник группы «А» стрелял только в исключительных случаях. Даже в ходе боевых операций. Он как-то сказал мне об этом, и диктофонная запись точно воспроизводит его слова. Привожу их в точности.

«И вот самая главная мысль: не следует посылать спецподразделения туда, где надо стрелять. Для этого мы и готовим людей, чтобы они не стреляли, а действовали без выстрелов.

Если нужно палить, бери роту солдат, и они накрошат из автоматов похлеще нашего...»

Он не только так говорил. Он так делал.

Это подтвердил Афганистан. Там Савельев был, как он считал, три раза, на самом деле — четыре. В декабре 1979 года — дважды. Хотя, видимо, эти вылеты в Афган и прилеты обратно он счел за одну командировку.

«Для меня Афганистан, — рассказывал Савельев, — начался 11 декабря 1979 года. В нашу группу входили: Шергин, Гречишников, Тарасенко и я.

В свою очередь Изотов, Картофельников, Головатов выехали примерно в то же время, но не напрямую в Афганистан. Они приняли под охрану Бабрака Кармаля и все время были с ним.

Встретились мы с группой Изотова на даче Первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова под Ташкентом. Они еще там оставались, а наш путь лежал в Баграм. Там мы охраняли Сарвари, Ватанджара, Гуляку, Гулябзоя и Нур-Мухаммада-Нура, жили в капонирах, вместе готовили операцию по захвату власти.

Где-то числа 14-го декабря должна была начаться операция. Мы уже

посмотрели объекты, которые нам предстояло штурмовать. На каждый объект должен был идти один сотрудник группы „А“, да еще человек по пять „зенитовцев“ давали.

Но 14-го штурм отменили, сказали, ночью 16-го начинаем действовать. Опять отбой.

А на следующий день самолет, не выключая двигателей, заходит между капонирами, и нам говорят: „Срочная посадка на борт“. Вокруг дикая пыль.

Мы своих подопечных афганцев посадили, вещи их забросили, загрузили свои пожитки. Тут впервые увидели Бабрака. Он находился с нашими ребятами в соседнем капонире. Мы знали, что там кто-то есть, но кто, не спрашивали. Понимали: какой-то деятель, только рангом повыше.

В общем, сели и улетели.

Потом узнали, что нашелся-таки в верхах головастый мужик, который сказал: этими силами операцию проводить нельзя. А тут еще Амин серьезно повысил зарплату своим офицерам.

Как сказали нам потом Бесчастнов и Ивон, если бы стало известно, что вы прилетели, расстреляли бы на выходе из самолета. И вообще они признались, что боялись за нас, думали, не вернемся.

А мы возвратились сначала в Ташкент, потом в Москву. Заново, общей группой улетели в Афганистан уже 23 декабря.

Поначалу я тоже был в команде, которая шла на штурм дворца Амина. Но накануне штурма Изотов подошел к Романову и говорит: „Ты мне Савельева отдай, а я тебе предлагаю трех снайперов. На том и порешили. Так попал на штаб ВВС».

На многих объектах афганской столицы штурмующие бойцы «Зенита» и «Альфы» шли, по существу, в лоб. Но сотрудники группы «А» Анатолий Савельев и Виктор Блинов поступили иначе. Им вместе с двумя взводами десантников было поручено захватить штаб ВВС. Памятуя о том, что в штабе вооруженные люди, «альфовцы» не пошли напролом. Применили хитрую тактику: наш советник, которого хорошо знали штабные офицеры и не обращали на него внимания, по одному — по два человека проводил штурмующих внутрь, прятал в кабинетах.

Так внутри штаба был сосредоточен почти взвод десантников. Остальные на ближних подходах ждали сигнала.

Когда прозвучал взрыв, который и служил сигналом к штурму, охрана без единого выстрела была разоружена. Все произошло так неожиданно и быстро, что часовые, увидев направленные на них стволы автоматов, в

растерянности отдали оружие, их заменили своими. Внешняя охрана тоже не оказала сопротивления.

«Где-то около 19:30, — вспоминал Анатолий Николаевич, — мы разоружили внутреннюю охрану. Забрали автоматы, выставили свои посты. Советник предупредил, что у начальника штаба всегда у стола стоит гранатомет, ну, конечно же, есть и личное оружие. Что касается гранатомета, то он не представлял опасности. Кто будет стрелять из гранатомета внутри помещения? Ну, а пистолет — тут уж надежда на себя.

В общем, вошли мы в кабинет начальника штаба. Советник говорит: вы арестованы. Он сдал оружие. Были также разоружены все офицеры, посадили в комнату, взяли под охрану».

Операция прошла бескровно, без единого выстрела. И только вечером, когда курсанты военного училища пошли в атаку на штаб, погиб водитель БМД. Ударили из гранатомета, и граната пробила броню.

«Операция по захвату штаба ВВС была проведена хорошо, — рассказывал позже Савельев, — но, к сожалению, у нас погиб механик-водитель боевой машины. Это первая смерть, которую я видел в Афганистане. Пробитый, залитый кровью комсомольский билет.

Когда афганские курсанты атаковали уже захваченный штаб, он находился в БМП. Граната попала в бок машины, и осколок пробил грудь десантника.

В данном случае наши потери в сравнении с другими объектами оказались минимальными».

Что и говорить, верную, грамотную тактику выбрали штурмующие штаб ВВС.

Однако Анатолию Савельеву приходилось участвовать в передрягах и покруче. Хотя казалось бы, куда круче — Афганистан, государственный переворот, война.

Случалось, и на своей территории, в мирное время можно было получить пулю в лоб.

Горбачевская «перестройка» перевернула не только страну, она ослабила власть. Некогда сильную, могущественную. И сразу голову поднял криминал.

У «Альфы» неожиданно появились задачи, которые прежде ей не приходилось решать. И круг этих задач все ширился и ширился.

Вот тогда Анатолий Савельев вместе с сотрудником 5-го управления КГБ Владимиром Луценко и получили задачу — выдать себя за «преступных авторитетов», сыграть роль этаких мафиози.

По оперативным данным лидеры экстремистских организаций одной из республик Северного Кавказа задумали провести серию террористических акций и вызвать столкновение на межэтнической почве. Но для этого нужно было оружие, много оружия. И гонцы разъехались по всей стране в поисках вождеденных стволов.

Тут на них и вышли «мафиози» Савельев и Луценко. Для знакомства, обсуждения «рабочих проблем» накрыли полянку в живописном уголке Подмосковья. «Друзей с Кавказа» встречали на самом высоком уровне, с отменным уважением и угощением.

Разумеется, переговоры фиксировались на видео. Было все: и прекрасные тосты, и вино рекой, и приглашение на Кавказ.

В назначенный день и час как «продавцов» оружия — Луценко и Савельева, так и жаждущих покупателей повязали бойцы «Альфы». Брели их, как положено — жестко. Для реалистичности событий «помяли» и тех, и других. «Что делать, — смеялся Савельев, — работа такая».

Случалось, попадал Анатолий Николаевич и в заложники, как в Армении во время нагорно-карабахского конфликта. Тогда вообще бойцы группы «А» оказались в крайне сложной, если не сказать в безвыходной, ситуации. Они не могли бросить боевого товарища в беде, в лапах националистов. Но начать освобождение Савельева означало спровоцировать большую кровь. Ведь в ходе операции по освобождению наверняка были бы жертвы с той стороны.

Выручил своих боевых товарищей сам... заложник. Возвратился из плена здоровый и, как всегда, неунывающий. Оказалось, убедил захватчиков, и те отпустили Савельева. По поводу того, как он убеждал, Анатолий Николаевич не распространялся. И, видимо, это правильно. Однако скажу, чтобы не вызвать кривотолки: и здесь он остался верен своему главному жизненному принципу — не стрелял.

Однако свои слова, которые я привел раньше о том, что «не следует спецназ посылать туда, где надо стрелять», Савельев произнес именно по этому случаю. Судя по всему, в тот момент ему очень хотелось нарушить свой главный жизненный принцип.

Были у Анатолия Савельева и другие задания. О таких заданиях сотрудники КГБ вспоминают ныне не очень охотно. Что уж говорить, они люди военные, приходилось выполнять и щекотливые, совсем вроде как не героические поручения.

Достаточно широко известно (об этом немало писали, в том числе и автор), как бойцы группы «А» летали в Цюрих менять диссидента Владимира Буковского на Генсека компартии Чили Луиса Корвалана.

А вот что за командировка была у Анатолия Савельева и еще нескольких сотрудников КГБ в Эфиопию, читатели узнают впервые.

О ней мне рассказал в марте 1992 года сам полковник Савельев.

«Командировка в Аддис-Абебу, столицу Эфиопии, на первый взгляд была самой рутинной.

1983 год. Одного из армянских диссидентов, который давил на руководство СССР, чтобы оно воевало с Турцией за возвращение части Армении, лишили советского гражданства.

Нам приказали: доставить его в Эфиопию и передать нашей разведке в этой стране, то есть сотрудникам Первого Главного управления.

Прилетели в столицу Эфиопии, нас вместе с диссидентом поместили в прекрасную гостиницу „Хилтон“. Денег, насколько я понимаю, наше правительство отпустило достаточно для удовлетворения его нужд.

Ну, а мы, куда деться, при нем. Думали, быстренько передадим, и назад, домой. Но поездка затянулась на десять дней. И вольно или невольно нас втянули в оперативную игру.

Оказалось, там какая-то нестыковка, эфиопы не хотят его принимать, говорят, отпустите — пристрелим.

А диссидент рвется к американцам. Мы жили с ним в одном номере, и он говорит: „Толя, я лишен советского гражданства. Так? Да, так. Но здесь я свободный человек. Здесь не Советский Союз“.

Что тут ответишь? Он прав, с его точки зрения. А как насчет угрозы эфиопов? Представьте себе, Верховный Совет СССР лишил его гражданства, сотрудники КГБ вывезли в Эфиопию, и тут он погибает. Крик на весь мир, кагэбэшники убрали диссидента. Кто конкретно? Сотрудник группы „А“ Анатолий Савельев с подручными. Вот такая ситуация.

В общем, диссидент ищет встречи с американцами и с армянами (там достаточно большая армянская диаспора), пишет записки и оставляет их во всех туалетах в отеле, в ресторане. В них он сообщает: я такой-то, живу в номере под надзором КГБ. Мы эти записки изымаем.

Удержать его силой невозможно. Не будешь же крутить руки на глазах у всех и тащить в номер. Как-то идем по отелю, навстречу молодая девчонка-шведка. Он подбегает к ней, начинает что-то говорить. Не хватать же его.

Она смотрит на меня, показываю глазами — уходите.

На следующий день он опять, увидев ее, бросается навстречу. Тут она на русском языке ему говорит:

— Уходите, я с вами не хочу говорить...

Диссидент обескуражен, вроде и гэбэшники не мешали, а такой облом.

Словом, за эти десять дней, пока пэгэушники думали, куда его деть, было немало оперативных мероприятий. И всюду надо было думать, убеждать диссидента, переигрывать. И главное, относиться по-человечески. Враг он, не враг».

А тем временем прошел день, два, три, четыре... Диссидент начинает волноваться, теряет самообладание. Все больше наступает на Савельева, мол, я в другой стране, свободен, почему вы меня держите?

А тут еще звонок из посольства, от сотрудника местной резидентуры.

— Анатолий, твоего подопечного надо срочно увезти из гостиницы. Сегодня армянская диаспора устраивает в ресторане отеля «Хилтон» банкет. Ты уверен в безопасности, если его армяне к себе заберут?

Станный вопрос. Какая уверенность — чужая страна, а их всего четыре человека. Но с другой стороны, как его увезешь из отеля, связанным, что ли?

Ладно, собрался с духом, стал уговаривать диссидента. А пэгэушники организовали поездку в прекрасное местечко километрах в двухстах от Аддис-Абебы, сняли маленькую гостиницу, заказали там ресторан. Словом, устроили райскую жизнь на денек.

Но диссиденту райской жизни почему-то совсем не хотелось. Он отказался ехать наотрез, говорил, что у него какая-то встреча с чиновником из советского посольства.

Однако у Анатолия Савельева дороги назад просто не существовало. Он должен был уболтать диссидента. И уболтал. Тот долго ломался, но потом махнул рукой: поехали.

Поездка и вправду оказалась замечательной. Анатолий Николаевич потом часто вспоминал живописный уголок в горах, с маленькой комфортабельной гостиницей, с радоновым бассейном, рестораном. Искупались, пообедали, пообщались, отдохнули. Подопечный тоже был доволен. А когда возвратились в столицу, в отель, армяне уже уехали. Оперативная задача была успешно решена.

После того как Савельев закончил рассказ, я поинтересовался: какова же судьба его подопечного, неизвестно?

Анатолий Николаевич усмехнулся:

«Почему же неизвестно. Он сейчас в Армении, в Верховном Совете республики заседает».

Вот такое оперативное задание. Как говорят, слов из песни не выкинешь. Судьба проверяла его в разных жизненных ситуациях. И всюду

он был выдержан, дипломатичен, умен.

Иному этих качеств хватило бы за глаза, а Савельев обладал еще одним, крайне важным для сотрудника подразделения специального назначения качеством — смелостью.

Только смелость помогла Савельеву со своими ребятами, рискуя собой, спасти жизни наших солдат. Это уже был второй выезд в Афган, так называемая стажировка в составе десантно-штурмовой маневренной группы погранвойск.

А случилось следующее: крупную банду моджахедов загнали в ущелье. Маневренную группу поделили на заставы, и они закрыли ущелье сверху. Снизу банду гнал известный в ту пору офицер-пограничник Юрий Лопушко. Это за его голову моджахеды давали награду в тысячу афгани.

И вдруг в бою на одной из застав гибнет офицер. Второй, молодой офицер струсил, отказывается командовать. Подразделение остается без управления.

Лопушко приказывает штабу — поднять взвод и во главе с командиром бросить в помощь заставе. А в штабе из офицеров всего двое — зеленые лейтенанты. Один так и заявил Савельеву: куда идти, не знаю, без компаса, без карты, ночью в горах. Вот рассветет — пойдем. Но до рассвета погибнут люди.

Пограничники не знали, что за бойцы приезжали к ним на стажировку, но оберегали, вперед не пускали. Но тут положение безвыходное, да и Савельев настаивал. В конце концов Лопушко сдался.

«Мы пойдем, сказал я тогда, — вспоминал Анатолий Николаевич. — Единственно попросил, передай ребятам, чтобы трассирующими пулями направление указывали.

Когда есть карта, тут все ясно. А когда ее нет, да еще ночь, все время оказываются две дороги. Идем — развилка. Прошу дать трассер. Дают в направлении левой дороги. Поворачиваем туда. Оказывается, это просто тропа, которая вела к сельхозучастку. Смотрим, дорога пошла вверх и сразу обрыв...

Ноги начинают скользить в темноте, чувствую, падаю в пропасть. Внизу где-то далеко на нашей границе мелькают огоньки в бездонном черном мраке.

Лезу вверх, попадаю на отрицательный склон и чувствую — ползу вниз. Схватиться не за что. Только успел крикнуть ребятам: „За мной не ходить!“ Иначе сам упаду и их потащу за собой.

Скользил в пропасть, и состояние какое-то странное было, словно не в реальном времени: надо мной звезды громадные, внизу — огоньки далекие.

А земля уходит из-под ног.

Посмотрел на далекую Родину, попрощался мысленно. Схватился за один камень — отходит, за другой — то же самое. Ну, думаю, все, конец.

Кстати, интересно, никогда этот случай жене не рассказывал. А она однажды поведала мне, что в одну ночь, когда я находился в Афгане, ей было очень плохо.

— Что это за ночь, вспомни? Событие какое-то, по телевизору что-то показывали?

И она вспомнила. По телевизору шел отборочный матч чемпионата мира СССР — Дания.

Оказалось, это была та ночь, когда я падал в пропасть.

В общем, не крикнул даже тогда. А что кричать, никто не поможет, тем более сам командир.

В последний момент посмотрел вверх и на фоне неба увидел колючку. А она вся в шипах, схватишь — насквозь руку прошивает. Но выбирать не приходилось. Схватился и затормозил падение.

Чудом потихонечку вылез, отлежался, побрел на дорогу, нашел своих. К заставе, несмотря ни на что, мы вышли.

Смотрю, а в ущелье — горячий бой, банда движется на нас, а солдаты сбились к костру, как овцы. И лейтенант вместе с ними, подавлен, испуган.

Говорю: вы что сидите, орлы? Я ваш командир, бегом занимать позиции.

Вместе заняли позиции, укрепились, приняли бой. Бандиты почувствовали, что заперты, и сдались».

Потом в представлении на награждение майора Савельева орденом Красной Звезды подполковник Дубов отметит:

«За время прохождения боевой стажировки в составе десантно-штурмовой маневренной группы погранвойск зарекомендовал себя трудолюбивым, инициативным офицером.

В боевых действиях проявил мужество, отвагу и храбрость. Личным примером воодушевлял подчиненных к успешному выполнению поставленной задачи.

Подразделение, возглавляемое майором Савельевым, неоднократно, в отрыве от основных сил десантно-штурмовой маневренной группы, выполняло поставленную задачу, с которой справилось образцово. В сложных боевых условиях умело маневрирует наличными силами и средствами.

При проведении боевой операции в районе кишлака Махи-Нао,

десантируясь в составе группы захвата, грамотно командуя подчиненными, не допускал выхода бандитов из заблокированного района. В последующем принимал активное участие в их уничтожении.

В ночное время оказал помощь группе ДШМБ, ведущей бой. Правильно организовал движение по труднопроходимой, высокогорной местности.

После гибели офицеров ДШМБ оценил обстановку, принял на себя командование десантно-штурмовой заставой и умело организовал ее действия».

Из той командировки в Афганистан Анатолий Николаевич привез не только боевой орден, но и веру.

Именно в ту, едва не ставшую роковой ночь он обрел Бога в душе.

Когда сползал в пропасть, в самый отчаянный момент прошептал: «Господи, помоги!».

После возвращения из командировки уже осознанно пришел в церковь, стал православным христианином.

Свою веру он не выставлял напоказ. Он уверовал в Бога, в тяжелые минуты обращался к нему. Случалось, и сам помогал служителям церкви. В «Альфе» известен случай, когда Анатолий Савельев сумел вернуть церкви Ново-Иерусалимский монастырь. Местные власти хотели на его территории устроить зону отдыха. Анатолий Николаевич от имени православной общины обратился к своим хорошим знакомым высоким чиновникам в Кремле. Те пошли навстречу.

Жена, Наталья Михайловна, как-то высказала мужу свое заветное желание: на «серебряную» свадьбу обвенчаться в церкви. В молодости это не получилось, не то было время.

Анатолий, конечно, согласился. Однако с первого раза не вышло. Назначенное на июнь 1995 года венчание не состоялось. Полковник Савельев убыл в командировку — в Буденновск.

Но, возвратившись оттуда, повел жену в церковь.

Так уж вышло: вся жизнь Анатолия Савельева — вечный бой. Наверное, это о таких людях сложил поэт свои гениальные строки: «и вечный бой, покой нам только снится».

Последним боем для полковника Савельева стала операция у шведского посольства. Первоначально планировалось доставить террориста в аэропорт — для этого во Внуково и Шереметьево выехало две группы. Предусматривалась и его возможная ликвидация на маршруте движения.

Полковник Савельев принял иное решение. Свое.

Почему? Это самый сложный вопрос. Он знал о группах захвата в

аэропортах и на маршруте, он не сомневался в выучке своих подчиненных, тем более такой прием, как штурм автобуса, отрабатывался неоднократно и применялся успешно. Примером тому действия «Альфы» в октябре 1995 года, когда террорист захватил автобус с корейскими туристами на Васильевском спуске. Все тогда закончилось более чем удачно.

И тем не менее он отказался идти проверенным путем. Значит, было нечто такое, что заставило его, опытного специалиста по антитеррору, выбрать другой ход.

Да, Савельев, несомненно, знал все то, что знаем мы сегодня, пытаюсь анализировать ход операции. Но обладаем ли мы тем чутьем, владеем ли тем уровнем информации, которым владел сотрудник группы «А»? Разумеется, нет. Им мог обладать только один человек — сам полковник Савельев. И тогда он принимает решение — остаться в заложниках. Иными словами, не пустить террориста в дорогу вместе со шведским дипломатом. Даже туда, где ждут их всесторонне «проверенные в боях» сотрудники «Альфы».

Остальное известно. Подвело сердце. Бойцы группы «А» тоже люди.

Из служебного отчета группы «А»

«Учитывая критическое состояние Савельева, штабом по руководству операцией было принято решение о его эвакуации и проведении операции.»

В 1:04 во время оказания экстренной помощи по команде снайпер произвел выстрел по террористу. Террорист упал.

После выстрела снайпера к машине выдвинулась группа, получившая задачу по эвакуации Савельева и задержанию террориста. Однако террорист произвел три выстрела из пистолета по группе захвата, на что был открыт ответный огонь.

Одновременно снайпером с позиции № 2 был произведен выстрел. В результате огня группы захвата и снайпера террорист был убит. Полковник Савельев был немедленно доставлен на автомашине „скорой помощи“ в городскую больницу № 64 в состоянии клинической смерти».

Да, в ходе уничтожения террориста Савельев был ранен рикошетом в голень, в бедро. От таких ранений не умирают. Тем более что в больнице он был еще жив. Останавливалось сердце. Врачи заводили его заново, боролись, сколько могли.

...22 декабря 1997 года президент подписал Указ: «За мужество и героизм, проявленные при пресечении террористического акта и спасении жизни человека, присвоить звание Героя Российской Федерации.»

Ушел «последний из могикан» легендарной группы «А».

«...В СМЕРТЬ ТВОЮ ПОВЕРИТЬ НЕВОЗМОЖНО»

...Волк в упор смотрел на Витьку. Огромный, исхудавший за зиму, матерый зверь напряженно оценивал ситуацию. Он был уже немолод, опытен и одним ударом мог бы сбить девятилетнего мальчонку наземь. А потом беспощадные клыки сделают свое дело.

Но волк почему-то медлил. Может, оттого, что этот человеческий детеныш повел себя не так, как ведут обычно люди при встрече с ним — не испугался, не попятился назад, не испустил сдавленный ужасом крик.

...Витька Ромашин забежал за скирду конопли, чтобы справить малую нужду. Утром не успел, забыл: мать с теткой подняли его с постели ни свет ни заря, торопили — надо было поспеть на мельницу.

По дороге Витьку прижало, и он, поотстав от матери и тетки, сиганул за скирду. Расстегивая на ходу штаны, буквально налетел на волка. Тот не отступил, не оскалится.

Витька на всю жизнь запомнил волчьи глаза. Никогда больше он не встречал таких глаз. Став пограничником, какой только живности не перевидал — и живой, и мертвой, но то были особые глаза. Страшные? Да нет. Хотя он понимал, какой зверь перед ним. И рассказы деревенских, хочешь — не хочешь, сами в уши лезли: волки нападают на людей, режут скот, приходят на околицу села. Да что там рассказы, собственными ушами слышал по ночам леденящий душу волчий вой.

Голубые были глаза у волка, небесно-голубые, словно на бегу черпнул из бездонной сини он кусочек неба.

Дул ветерок, гнал поземку, шевелил подпалую шерсть на боках волка.

Витька расстегнул штаны и помочился на скирду конопли. В конце концов, не мочить же штаны.

Волк еще постоял секунду-другую и, развернувшись, шагнул в поле, к лесу, потом сделал крупный прыжок и пошел наметом через снежную целину.

Там его увидели Витькины мамка с тетушкой, подняли крик: «Волк! Волк!». С мельницы раздались ружейные выстрелы. А Витька Ромашин еще долго смотрел вслед уходящему волку. Он точно знал: синеглазому эта пальба нипочем. И вправду, волк в несколько прыжков перемахнул снежную целину и скрылся в лесу.

...Через сорок лет сын Виктора Ромашина Сергей, боец спецподразделения «Вымпел», также лицом к лицу столкнется с волчьей

стаей. Ведь дудаевский режим взял за символ волка. Была даже написана песня, как под чистыми зимними звездами щенились волчицы и появились на свет мужчины, бойцы, смелые и беспощадные.

Эта песня стала гимном Чечни. Она звучала часами на улицах и площадях городов и сел, прославляя волчью стаю. Только в этой стае не было благородных голубоглазых вожаков. Волки в человеческом облики, с оружием в руках летом 1996 года возьмут в кольцо общежитие ФСБ в Грозном и предложат его защитникам сдаться. Тогда Сергей Ромашин скажет всем, оставшимся в общежитии, — и своим сотрудникам, и оперативникам, и водителям:

— О сдаче даже не думайте. Кто посмеет дернуться, пристрелю лично.

Место для подвига

Когда в 1967 году у пограничника Виктора Ромашина в поселке Пограничный Приморского края родился сын, будущее его, как мне кажется, было predetermined. И хотя счастливый отец и мать тогда ни о чем таком не думали, факт остается фактом — прошли годы, и Сергей стал курсантом пограничного училища.

Откровенно говоря, отец готов был принять любой выбор сына. Но он выбрал его, отцовскую стезю. Хотя нельзя сказать, что парень уже с рождения спал и видел себя в зеленой фуражке. Были годы, когда Сергей мечтал выучиться на врача.

Потом, уже став офицером, когда порой речь заходила о каких-либо сложностях в службе, улыбался и шутил:

— Вот был бы медиком и горя не знал.

Интересно, что его детская мечта каким-то образом передалась младшей сестре. Она увлеклась медициной и стала врачом.

Сергей рос бедовым парнем. Он был очень внимателен к родителям и сестре, общителен и открыт к товарищам, и все-таки главная черта в его характере — смелость. Она проявилась в нем рано.

В четвертом классе (в ту пору Виктор Михайлович служил в Биробиджане) вместе с двумя друзьями-сорванцами забрался на высокую скалу. Скала — страшно глянуть, высотой с пятиэтажный дом. И что же? Это не остановило Сергея и его друзей. Они прыгнули со скалы в сугроб. К счастью, все закончилось благополучно.

Виктор Михайлович, конечно, провел воспитательную беседу с сыном, но потом вдруг вспомнил скирду, волчьи глаза, шерсть, которую шевелил

зимний ветер, и понял: никуда не денешься — гены есть гены. И надо как-то привыкать к этим смелым, но таким волнительным для них с матерью поступкам сына.

В старших классах школы, уже в Южно-Сахалинске, Сергей нашел себе новое занятие — делать заплывы в заливе Анива. Аргумент — надо готовить себя физически к поступлению в пограничное училище. Аргумент, конечно, веский, и против него не попрешь, но отца волновало только одно — почему заплывы длились часами, и на такое расстояние, что тело и голова пловца терялись где-то за горизонтом. Уговоры не помогали. Единственное, чего добился Виктор Михайлович, так это обещания, что на всякий случай Сергей будет с собой брать какое-то плавсредство: небольшое бревно, доску, например.

Теперь, с годами, Ромашин-старший понимает: несмотря на их родительские тревожения, сын был прав. Он действительно серьезно готовился к пограничной службе. И, возможно, его многочасовые заплывы-тренинги выработали в нем устойчивость к стрессовым ситуациям, умение противостоять стихии, не терять самообладания.

Много дало и Московское высшее пограничное командное училище КГБ СССР им. Моссовета.

Здесь он увлекся восточными единоборствами. У них в училище был хороший тренер, японец. Как вспоминает отец: «Я ведь и сам офицер, немало повидал, но тренировки у них были жуткие — бегали по животам, по спинам друг другу. Зимой ходили по снегу босиком. Но зато мозолей на ногах я у него никогда не видел. Он просто протирали сапоги».

Получив отменную профессиональную и физическую подготовку, в 1988 году лейтенант Сергей Ромашин убыл на Север, на Кольский полуостров, на пограничную заставу. Вступил в должность заместителя начальника. Особенность службы была такова, что основное служебное время приходилось проводить на отдаленном посту, который располагался впереди заставы еще на несколько километров.

Однажды зимой во время обхода границы замначзаставы лейтенант Ромашин и двое его подчиненных попали в снежную бурю. Несколько часов пограничники боролись за свою жизнь. Однако силы покинули молодых солдат, и, казалось, не было возможности поднять их из сугробов. Но Ромашин не собирался сдаваться: уговаривал, поднимал, тащил на себе пограничников. И, по сути, спас их. Вместе они дошли до заставы.

В советские времена часто повторяли фразу о том, что в жизни всегда есть место подвигу. Ее, откровенно говоря, затаскали, затерли от частого употребления, но она очень верна. Теперь, когда те времена далеки, а

подвиг совсем не в почете, хотелось бы вернуть в наш обиход это выражение. Ибо подвиг необходим, я бы сказал, жизненно необходим сегодня.

А вспомнилась мне эта фраза вот почему. Сергей Ромашин совершил подвиг в бою неслучайно. Почему? Да потому, что он всегда был готов к подвигу. Судите сами.

...В одной из командировок в Чечню Сергей защитил, а возможно, и спас от гибели женщину-проводницу. Случалось так, что ее преследовал какой-то военный железнодорожник. Он был вооружен, с автоматом. Трудно теперь разобраться, какая ссора между ними произошла, но «путеец» был крайне раздражен и взволнован. Кончилось тем, что проводница забежала в купе и закрылась, а железнодорожник в ярости сорвал с плеча автомат, передернул затвор. Еще секунда, и очередь бы прошла купе.

Ромашин не раздумывал. Уговаривать «кипевшего» автоматчика не было времени. Вот тогда и пригодились «жуткие тренировки» и приемы Гошин-рю. Сергей пошел на автомат. «Путеец», к счастью, выстрелить не успел. От удара он очутился в глубоком нокауте. Ромашин забрал оружие и сообщил об инциденте железнодорожному руководству.

Не сомневаюсь, найдутся люди, сидящие ныне в мягких, теплых креслах, которые, прочитав эти строки, лишь пожмут плечами: зачем рисковал, зачем подставлялся? А может, тот дурак с автоматом не выстрелил бы? А если бы, наоборот, он «ударил» в Ромашина? Все возможно. Могло быть и то, и другое, и даже третье. И поздно было бы разводить руками. К счастью, ничего не случилось. Выстрелы не прозвучали, здравствует женщина, и разъяренный «желдорпутеец» не оказался в тюрьме.

Вот и «активная жизненная позиция», как говорили прежде, и «место подвигу». Назовите как хотите, это не так уж важно. Важно другое — жаль, что в нашем обществе мало Ромашиных.

«Сергею нравилось „пахать“»

Так жил на земле Сергей Ромашин. Надо было — заплывал за горизонт, надо было — шел на автомат. И все-таки мне кажется, что его предыдущая жизнь была только подготовкой к подвигу.

Но тогда вполне закономерен вопрос: а какова была его предыдущая жизнь? Ведь не каждый же день ему приходилось идти на автомат. Это

правда. К счастью, мы пока не дожили до таких времен.

Все, с кем пришлось мне встречаться, кто знал Сергея Ромашина, служил с ним, в первую очередь отмечали в нем высокий профессионализм. Он был военным до мозга костей. Проявлялось это даже в мелочах. Казалось бы, что тут особенного — сотрудник спецподразделения назвал автоматный магазин «рожком». Тем более что в «Вымпел» попадают люди и с гражданки, не имеющие военного образования.

Однако Сергей мимо такого «безобразия» пройти не мог. Он терпеливо объяснял, что сотрудник такого боевого подразделения должен изъясняться правильно и называть вещи своими именами.

Вспоминает сослуживец Ромашина, боец спецподразделения «Вымпел» Андрей Я.:

«Сергея меня раз и навсегда отучил называть радиостанцию рацией. „Знаешь, — сказал он однажды, — «рация» говорят в милиции, а у нас в «Вымпеле» — радиостанция“ Это мне крепко запомнилось.

То же самое и с гранатами. Многие называют „лимонкой“ гранату Ф-1. Помню раскатистый хохот Сергея, когда он услышал, как молодой сотрудник обозвал „эфку“ „лимонкой“. „«Лимонка», «лимонка»... — говорят только «гражданские пончики» (так он в шутку называл штатских), а ты боец спецназа. Граната Ф-1, и другого названия не имеет. Понял?“ — спросил он.

Сомнения не было, боец понял и запомнил урок на всю жизнь.

Сергей прекрасный профессионал, главное — человек он был хороший».

Действительно, как сказал один из его командиров: «У Ромашина душа нараспашку».

Кто-то из ребят вспомнил, как еще молодым, начинающим сотрудником, назначенным для дальнейшего прохождения службы в «Вымпел», в первый раз приехал на КПП подразделения. Разумеется, волновался, переживал: все-таки новое место службы, новый коллектив. С таким тревожным настроением и переступил порог бюро пропусков. И тут же навстречу ему поднялся коренастый парень, широко улыбнулся, протянул руку: «Я — Ромашин Сергей...»

Потеплело на сердце у новичка. Кстати, они потом подружились, служили в одном отделе, вместе воевали в Чечне, защищали общежитие ФСБ в Грозном, оба были ранены.

Хочется добавить и еще одну немаловажную деталь — Сергей Ромашин любил спорт, особенно восточные единоборства. Осваивать их начал еще в училище, продолжил, когда уже служил в управлении по

борьбе с контрабандой и коррупцией, в экономической контрразведке, управлении спецоперации, и, конечно же, в «Вымпеле».

Инструктор школы «Гошин-рю Айкибудо» Олег Мирошин в одном из своих интервью так рассказывает о Ромашине:

«Сергею нравилось „пахать“ он выкладывался не тренировках. Увлёкся литературой о дзэн-буддизме. Согласно правилам „Пути воина“ готовил себя к различным жизненным ситуациям.

В жизни был простым и трезвомыслящим парнем, любил пошутить, посмеяться».

К этим словам остается добавить, что решением школы «Гошин-рю Айкибудо» за стойкость духа, смелость и человечность Сергею Ромашину посмертно присвоили почетный 1-й дан (черный пояс).

«Почетные» пленники?

С тех пор, как совершил свой воинский подвиг майор Сергей Ромашин, прошло десять лет. Срок немаленький. Много воды утекло, многое изменилось. И многое, увы, забылось. Поэтому начать хотел бы не с самого боя, а с заметок генерала Виктора Михайловича Ромашина, отца Сергея. Сохранился блокнот, в котором заполнены всего несколько страничек. Написаны они тяжело, нервно. А по-другому тогда и быть не могло. Ведь записи сделаны в сентябре 1996 года, через месяц после гибели Сергея, когда отец искал его, летал на опознание в Ростов, в Чечню. Но тем они и ценны. В них нет причесанности, оглядки на власть, верхи... В них есть важное — обостренный нерв правды, реальная, трезвая оценка той ситуации. Горькая, но истинная.

Именно поэтому я и начинаю с заметок Виктора Михайловича, которые к счастью, сохранились.

«Теперь о впечатлениях и выводах, сделанных в ходе поездки, — пишет генерал Ромашин. — Думаю, что на своем веку повидал немало и у себя дома в России, и на войне в Афганистане. Более того, почти вся моя служба прошла на границе, где, как известно, наиболее остро чувствуются наши внутренние и внешние проблемы.

В поездке по Чечне меня зародились большие сомнения, что это народно-освободительное движение, что это праведная война. Это далеко не так. Народ подогрет, раскололся. Есть немало людей здравомыслящих, которые выступают против сепаратистов, против того, что принесла на их землю дудаевщина.

Яндарбиев, Масхадов должны четко понять: Чечня — неотъемлемая часть России, им без нас не прожить.

Но мне сдается, обратное дудаевцам подсказали как раз из России, скорее всего из Кремля и его окружения. Может, не словами, а делами.

Посудите сами. Они объявляют себя независимыми от России, воюют с Россией, а мы перекачиваем им деньги, большие деньги, нефтепроводы гонят сырье, подается электроэнергия, строители возводят дома, школы. Какой-то бред. Позиция умалишенных.

Начинаем добивать банды, загоняем их в горы, где жить-то трудно, а не то что воевать, а из Москвы дают команду: „Стоп“. Начинаем мириться.

Притом управляют этим процессом чеченские бандиты. Знаю: связи у них с Москвой колоссальные.

Один из российских депутатов, под парламентским прикрытием, побывал у Дудаева. Приехал оттуда в стельку пьяным и потребовал у наших военачальников охрану.

Ему с удивлением сказали: „От кого охрану? Вы находитесь на территории, контролируемой федеральными войсками“. Стало быть, от дудаевцев ему охрана не нужна, он своих боится. С чего бы это? На кого работает сей „демократ“ и ему подобные?

Мир нужен всем: и нам, и чеченцам. Но мир не любой ценой, так же как и война — не любой ценой. Дело в том, что цена превысила все допустимые нормы».

Вот такие оценки, что называется, по горячим следам. Оценки, на мой взгляд, вполне справедливые. Будь по-иному, возможно, Сергею Ромашину и не пришлось бы совершать свой подвиг и погибать в двадцать восемь годков.

Рассказывает товарищ Сергея по подразделению «Вымпел» Андрей Я.: «Наша летняя командировка в Чечню 1996 года заканчивалась. 7 августа запланирован обратный вылет в Москву. „Альфа“ уже должна была нас менять.

5 августа вечером мы с Серегой возвратились в Грозный, поселились в общежитии ФСБ. Заметили, что людей в Грозном очень много, ну как в Москве, на Тверской. Рынки работают, народ снует, толпится.

6-го утром пошли в наше управление ФСБ, чтобы позвонить домой. Пришли. Серега дозвонился, я нет, никого дома не было.

Оказывается, пришла шифровка из Москвы, в ней две новости — одна хорошая, другая плохая. Плохая — это то, что командировка наша продляется на неопределенное время, а хорошая — Сереге Ромашину

присвоили звание майора. Так что он успел сразу и порадоваться, и опечалиться.

Мы, конечно, рванули на рынок, взяли бутылку водки, чтобы обмыть Серегину звезду.

В этот же день женщины на рынке стали распространять листовки, в которых говорилось, что ожидается нападение на Грозный и мирных жителей просят уходить. Позже поползли слухи, что якобы в город уже просачиваются боевики.

А у нас тишина полнейшая, во дворе дети гуляют, рынок работает. Из управления ФСБ, правда, передают: боевики входят в город, готовьтесь, баррикадируйтесь.

7-го утром, говорят, город практически захвачен бандитами. Где-то далеко слышна стрельба. Наш связист удивляется: „Что-то я не пойму: с одной стороны вроде стреляют, война, а с другой песня давят“. А там рядом стадион „Динамо“, и вправду какой-то концерт идет.

То, что война пришла и на наш порог, стало ясно вечером, часов около шести. У общежития появилась группа чеченцев, человек десять. Предложили сдаться. Сказали, что они уже захватили здание МВД и все, кто вышел, стали почетными пленниками, им дали коридор. Берите, мол, только табельное оружие и спускайтесь».

В общежитии в это время было около 90 человек. Вроде сила немалая.

Да что толку. В основном водители, сотрудники комендатуры, опера. Что называется, люд не боевой, не обученный, в руках оружия, как правило, не державший и, естественно, не воевавший.

Настоящих бойцов всего 9 человек — «вымпеловцы» во главе с майором Сергеем Ромашиным. Оборону общежития возглавил полковник Алексеев. Он героически погиб. Посмертно ему присвоили звание Героя России.

Алексеев, собственно, и начинал вести переговоры. А в это время Ромашин уже рвался в бой. Когда услышали предложение чеченцев о некоем почетном плене, Сергей просто вскипел: «Это кому, бандитам, уродам этим, сдаваться!». И схватился за винторез: «Я им сейчас покажу плен».

Его остановил сослуживец: «Подожди, Серега, у них видеокамера. Ты сейчас выстрелишь первым, они заснимут. Козыри в их руках».

Тем временем защитникам общежития на обдумывание дали 15 минут. Местные жители из окрестных домов ушли, а позиции на верхних этажах, крышах, чердаках заняли бандиты.

После того как чеченцы получили отказ от сдачи в плен, около семи

часов вечера начался массированный обстрел общежития со всех сторон.

«Вымпеловцы» обороняли правое крыло здания. Уже темнело. Огонь не стихал. С крыши на пятый этаж к ним спустился один из защитников общежития.

— Мужики, у нас одни водилы, стрелки еще те, боюсь, не удержим крышу. Помощь нужна.

Нужна так нужна. Ромашин, как старший, мог бы отправить кого-то на подмогу, но решил идти сам. Подхватил винторез и успокоил бойца.

— Не дрейфь. Крышу мы никому не сдадим.

Там, на крыше, в ходе боя он уничтожил нескольких бандитов и сам получил ранение.

«Садануло Серегу очень сильно, — признался один из участников того боя, — ранение проникающее, пуля, судя по всему, легкое задела, прошла под броником и согнулась в букву „Г“.

Его спустили вниз, на третий этаж, там мы нечто вроде лазарета устроили, только без медиков. Что поделаешь, не оказалось среди нас врачей. Перевязали Сергея, как могли.

А ночи душные. Днем жара, дышать нечем. Вода закончилась. Пришлось воду брать из баков, в которых уборщицы прежде тряпки половые отжимали. И ничего, расстройства желудка ни у кого не случилось.

Ночью бандиты подогнали бензовоз к стене общежития и подожгли. Но ничего у них не вышло.

В эту же ночь мы с Серегой вместе сидели у стены, много говорили. Он периодически терял сознание, засыпал. Опять его спускали на третий этаж, в лазарет.

Утром 8-го, помню, духота, чадит бензовоз, голова гудит после ночного боя, в общем, настроение на нуле. А тут еще из управления передают, мол, к вам на выручку две колонны шли, но в засаду попали, подорвали их. Однако все нормально, успокаивают, одна колонна все-таки движется, только совет: берегите патроны. Ну, коли советуют беречь патроны, значит, помощи не жди. И вдруг видим — Серег! Перевязанный, в кровавых бинтах, сам поднялся с третьего этажа к нам на пятый. Улыбается и говорит: „Мужики, я с вами. Все это фигня: бандиты, чечены, — прорвемся“».

«Никто не собирается вытаскивать...»

...Непрерывные бои давали себя знать. Среди обороняющихся был уже один погибший и несколько раненых.

Бандиты тем временем придумывали все новые «подлянки». То делегацию женщин пришлют к общежитию, те орут, мол, уходите отсюда, из-за вас наши дома страдают, то некий мужичонка забрел на первый этаж — оказывается, пришел услуги свои предложить по выводу защитников из окружения. Потом и вообще танк подкатил, из него вылез танкист, славянской наружности, кричит: «Выходите, я уполномочен командованием организовать для вас проход». Какой проход, если кроме одного танка никого нет?

Пришлось этих услужливых парламентариев проводить подалее от общежития и снова отбивать атаки бандитов.

Шли вторые сутки обороны общежития. На помощь надеяться не приходилось, и тогда было принято решение в ночь с 8-го на 9 августа прорываться к своим. Загвоздка была только в одном. Защитники не ведали, где находятся свои. Казалось, что захвачен весь Грозный, Чечня и свои только в Ставрополье. Теперь, когда защитники общежития собираются вместе, шутят, смеются: мол, надо же, хотели в Ставрополье прорываться. Но тогда было не до смеха.

Словом, решили выходить несколькими группами. Договорились, что «вымпеловцы», кроме раненых, остаются на обороне и выходят последними.

Первая группа, в основном водители и опера, двинулась ночью и удачно проскочила. Это вселило надежду на успешный отход.

Во второй, решили, пойдут раненые и группа прикрытия. Естественно, Ромашина включили в эту группу.

Но бандиты уже опомнились и приняли меры, прямо на проспекте установили пулемет. Под его огонь и попали выходящие.

Вспоминает боец группы «Вымпел», участник обороны Андрей Я:

«Когда пошла вторая группа, пулеметчик начал крошить всех налево и направо. Там погибло человек тридцать, наверное.»

Потом я встретил водителя, мне тогда было 24 года, а ему уже за 30 лет. Он подошел ко мне, обнял и расплакался: „Представляешь, я всю ночь пролежал лицом в грязи под пулеметным огнем, чтобы подумали, что я мертвый“.

Какая-то часть из этих людей вернулась обратно, но многие, как Сергей, не возвратились.

Помню, они идут к общежитию, я стою, всех спрашиваю: „А Серега, Серега-то где?“ Пожимают плечами, а кто-то говорит: „Да он зашел

уже“.

Я поднялся наверх, на второй этаж, начинаю искать, не нахожу. Опять спрашиваю: „Где Серега?“ Вроде бы, говорят, проходил. Выхожу опять на улицу, нет Ромашина. Опросили одного, другого, пятого и поняли: он действительно не смог вернуться. Но говорили, что все-таки кто-то прорвался. Надеялись, может, среди них и Серега.

Однако, забегая вперед, скажу. Когда 11 августа мы вырвались и вышли к управлению ФСБ, стали там искать Ромашина. Нет, отвечают, не видели».

После неудачной попытки второй группы прорваться оставшиеся в общежитие вновь перешли к обороне.

Сражались 9-го, 10-го числа, днем 11 августа. Над городом кружили самолеты и методично сбрасывали бомбы. Это повторялось каждую ночь. Бомбы, судя по сотрясанию земли, домов, оказались мощными. Они ложились все ближе и ближе.

Порой, что греха таить, приходила мысль: если уж суждено погибнуть, то лучше под своими бомбами.

Один из участников обороны позже признался, что после очередной ночной бомбежки ему казалось — утром глянет в окно и представится взору такая картина: от Ставрополя до Грузии вокруг ничего, и только одиноко стоит их общежитие.

Но утром он выглянул в окно и увидел не пустыню от Ставрополя до Грузии, а воинственных чеченцев, собравшихся в их дворе, где еще четыре дня назад играли дети. Чеченцы замыкали круг и начинали свою ритуальную пляску с дикими выкриками и воем.

— Ну что, — сказал кто-то за спиной, — сейчас отпляшут и пойдут на штурм.

— Пойдут, так встретим, — ответил другой.

В это время, пока чеченцы «паровозили» по кругу, связист Сашка собрал несколько издыхающих аккумуляторов, подключил их к радиостанции и попытался вновь выйти на связь с управлением ФСБ. Вышел, спросил: собираются нас вытаскивать отсюда?

Из управления что-то далекое и неразборчивое пробубльвало, а рядом, словно из соседней комнаты, влезая в наши частоты, прозвучал ясный и четкий голос с чеченским акцентом.

— Никто вас не собирает вытаскивать... — И бандит засмеялся.

Сашка разбил станцию о стену, а «вымпеловцы» поставили пулемет на выходе, на случай штурма.

Но штурма в этот день не было. Чеченцы закончили пляску, и все

затихло.

10-го вечером решили уходить. Однако сделать это надо было незаметно. Но как? Выход из общежития контролировали бандиты. В этом никто не сомневался. И тогда бойцам улыбнулась судьба.

Дело в том, что уже несколько дней они успешно применяли тактический прием: воевали из общежития, а отбив огневой налет, через пролом в стене уходили в соседнее здание, которое примыкало к общежитию. А боевики обстреливали пустую коробку.

Подумали, что неплохо бы из этого здания незаметно улизнуть. Проблема была только в одном: прежде в этом доме располагалось отделение Сбербанка, и на окошках — решетки.

Пока обсуждали, как убрать решетку, не поднимая шума, то ли от выстрела, то ли от детонации на их глазах решетка упала. Получилось, что судьба сама указывала им дорогу.

Бойцы забросили на подоконник матрац и двинулись в путь. Ночью пошел дождь, и это тоже помогло.

Они залезли в какой-то пустой дом, переночевали, а утром на них вышли ребята из комендатуры. Кстати, командачи, те самые водители, дежурные, как сказал один защитник общежития, «хлопнули по сто грамм для храбрости и пошли нас вытаскивать».

В этом бою погиб прекрасный парень, прапорщик Сергей Солдатенко. Тихий такой, скромный, неразговорчивый, в очках, все с книжкой сидел. И позывной у него был подходящий — «Профессор».

...Так последняя из групп, в которой были и бойцы «Вымпела», вышла к своим. И только их командир майор Сергей Ромашин не вышел. Погиб.

Из записок генерала Виктора Михайловича Ромашина.

«Понедельник, 9 сентября 1996 года. Месяц, как погиб наш сын Сергей Ромашин. Погиб в бою в Грозном. В ночь с 8-го на 9 августа.

3 сентября его похоронили. Похоронили достойно, по-человечески. Я признателен за это руководству ФСБ, Антитеррористического центра, управлению „Вымпел“.

Нашел я его 26.08, а опознал окончательно в четверг 29.08.1996 года. В пятницу тело было доставлено в Москву, в госпиталь ФСБ, поздно вечером.

В Ростовской судебно-медицинской лаборатории я не узнал, скорее почувствовал, что это он.

Попросил прислать стоматологическую медкарту Сергея, а сам вылетел в Чечню. В Северном побеседовал с оставшимися еще в аэропорту очевидцами последнего боя Серезжи. Записал детали его поистине

самоотверженного поведения до и после ранения. После чего вылетел в Ханкалу вертолетом.

Представился там нашему 40-летнему генералу ФСБ, руководителю военной контрразведки в Чечне, который предпринимал все возможное, чтобы помочь мне.

Провел ряд встреч с теми, кто хоть что-то мог сказать и сделать в розыске сына. Теплилась надежда.

Вечером из Ростова-на-Дону поступила информация от начальника управления военной контрразведки ФСБ о том, что прижизненная формула зубов Сергея и найденного тела идентичны. Не верилось. Не хотелось верить.

Попросил врача-стоматолога, который лечил Сергея, прилететь в Ростов-на-Дону из Москвы. Помог Главком Внутренних войск.

Делать в Чечне больше нечего, и на следующий день вылетел в Ростов-на-Дону на окончательное опознание с участием специалистов лаборатории, врачей-стоматологов, представителей АТЦ ФСБ.

Тяжкое и очень горькое это дело. Куда деваться. Не хотелось верить, но это был наш сын. Правду говоря, я его уже узнал на видеокассете, но очень не хотелось верить. Очень. И все же сомнения были, пусть ничтожные, надуманные, но были.

Прощай, мой сын! Вечный покой тебе и слава. Спасая других, ты пожертвовал своей жизнью.

Вел себя геройски и погиб, как герой, не дрогнул в критическую минуту, не запятнал честь и достоинство настоящего офицера».

К этим словам остается добавить: майор Сергей Ромашин по достоинству награжден Золотой Звездой Героя России. Его именем названа школа № 3 города Южно-Сахалинска, которую он окончил. Там же, на Сахалине, ежегодно проводятся спортивные соревнования по рукопашному бою на приз Героя России Сергея Ромашина.

Прощай, мой муж

Прапорщик Геннадий Сергеев пришел в группу «А» в конце января 1992 года. До трагических октябрьских событий 1993-го оставалось немногим более полутора лет.

Страна переживала трудное время. Вместе с ней тот кризисный этап пыталась преодолеть и «Альфа». Этому этапу предшествовали многочисленные командировки в горячие точки — в Баку, Ереван, Степанакерт, Тбилиси, Душанбе. Бойцы спецподразделения видели, как разваливалась некогда могучая страна, набирал силу махровый национализм, как экстремисты раздували пламя гражданской войны.

Тяжкий труд, огромные усилия, сложная оперативная работа нередко сводились на нет бездумными действиями политиков.

«Альфой» попросту затыкали дыры, использовали как пожарную команду. Полыхнуло в Азербайджане — мчались в Азербайджан, загорелось в Грузии — их бросали туда.

Сотрудники устали, издергались. А главное — они не понимали смысла отдаваемых сверху приказов. Вскоре каждому бойцу стало ясно — этот пожар с помощью спецназа не погасить.

Однако эту истину не осознавали или не хотели осознать в Кремле.

В январе 1991 года группу сотрудников «Альфы» посылают в Литву, в Вильнюс. Там вокруг телецентра круглосуточное дежурство несут тысячи агрессивно настроенных людей, дороги перекрыты грузовиками, автобусами.

Задача подразделений МВД и десантников — оттеснить людей от объектов, обеспечить коридор «Альфе» для штурма телецентра. Но этого не случилось: танки и десантники опоздали, и 25 бойцов группы «А» пробивались через многотысячную толпу самостоятельно, без поддержки.

В ходе штурма был смертельно ранен и вскоре скончался сотрудник подразделения лейтенант Виктор Шатских.

Наутро после событий в Вильнюсе «Альфу» предал президент Михаил Горбачев. Он сказал, что узнал о случившемся только рано утром.

А потом был август 1991-го в Москве. И задачка — врагу не пожелаешь. «Альфе» предписывалось вместе с подразделениями Минобороны и МВД провести захват российского парламента, интернировать российское руководство. Президента Бориса Ельцина доставить в определенный пункт под Москвой.

Командиру группы «А» придавались московский ОМОН, другие подразделения КГБ и МВД. Такой приказ генерал Виктор Карпухин получил на совещании у зампреда КГБ генерала Агеева.

Приказ отдавался устно. Ну как тут было не вспомнить Вильнюс, когда «Альфа» оказалась крайней.

Все, что произошло дальше, известно. Об этом ныне написаны книги. Но что происходило в «Альфе»?

Уволили в запас совсем еще молодого, сорокадвухлетнего командира группы «А» Виктора Карпухина — Героя Советского Союза, генерала. Пресса, что левая, что правая, называла бойцов группы не иначе как «головорезами Крючкова». В подразделении не платили зарплату. В декабре 1991 года газета «Правда» написала: «Группа „А“ как таковая прекратила свое существование».

Каково было читать подобные строки живым, здоровым, действующим бойцам?

Почему и кто организовал подобный шабаш вокруг имени «Альфы», до сих пор не выяснено.

Вот в такую пору и пришел в группу «А» двадцатисемилетний прапорщик Геннадий Сергеев. В делах спецслужб был уже не новичок — почти четыре года отслужил в 15-м Главном управлении КГБ, полтора года в спецподразделении «Вымпел». Человек ищущий, беспокойный.

«Когда в „Вымпел“ перевелся, — вспоминает вдова Геннадия — Елена, — я его спрашиваю: „Ген, ну как тебе в «Вымпеле»?“. А он с рюкзаком или спортивной сумкой спешит утром на службу. Мы жили тогда у метро „Шоссе Энтузиастов“ оттуда автобусы до Балашихи ходили.

На мой вопрос он ответил: „Нравится, Лена. Лучше, чем в 15-м Главке, но все равно не то“».

А его товарищ по подразделению Анатолий Данилин сказал так:

«Человек ищет, где лучше. Всегда верим — там лучше. Начинаем искать, выбирать. Это вполне естественно.

Геннадия, например, нравилось больше антитеррористическое направление — освобождение самолетов, поездов, пароходов. А в „Вымпеле“ все-таки больше диверсионный уклон был».

Говорят, придя в «Альфу», Сергеев нашел себя. Все соответствовало его духу и устремлениям — обстановка в подразделении, уровень и направленность боевой подготовки, отношения между бойцами, взаимовыручка.

Многое оперуполномоченный Геннадий Сергеев уже знал и умел.

Помогла хорошая физическая, спортивная подготовка. Он хорошо бегал кроссы, ходил на лыжах, отменно стрелял.

Да иначе, наверное, и быть не могло. С детства его приучали к спорту, сначала отец, в прошлом боксер, позже классный руководитель — преподаватель физкультуры Владимир Каштуров. Потом в армии Геннадий попал служить в спортивную роту.

Будучи в «Альфе», Сергеев поступил в академию ФСБ, стал офицером — младшим лейтенантом.

Однако судьба не отвела ему для службы в группе «А» и двух лет.

Откровенно говоря, скажи мне кто-нибудь за год до октябрьских событий 1993-го, что «Альфу» вновь бросят на Белый дом, прикажут штурмовать, счел бы за бред сумасшедшего. Но бред, к несчастью, оказался страшной реальностью.

В это время военная судьба забросила меня в Германию. Я проходил службу в составе Западной группы войск за три границы от России. Увидев на экране телевизора знакомые лица ветеранов «Альфы», понял: дело худо.

Не знаю, Политковский ли пригласил их в свое вечернее «Политбюро», или сами они, жестоко ученые горьким опытом, постучались в дверь его «кухни», суть не в этом. К миллионам зрителей, а главное, к властям предрежающим обращались ветераны группы антитеррора и просили об одном — не вмешивать их в политические игры, в дележ высоких кресел.

Ну как тут не вспомнить еще раз незабвенного полковника Чарльза Беквита, создателя и командира американской «Дельты», который с первых шагов своего подразделения добивался четкого юридического статуса группы.

Этого хотели и руководители «Альфы» — генералы Геннадий Зайцев и Виктор Карпухин.

Увы, статус «Альфы» — мощнейшего, мобильного, высокопрофессионального подразделения — в те годы был неопределенным. Хотя существовало положение о группе антитеррора, утвержденное президентом России. Однако многие главы его столь широко трактовали обязанности борцов с терроризмом, что вполне могли стать опасным оружием в руках политиков.

А искушение, как известно, велико. На крутом изломе политической борьбы «всяк, мнящий себя стратегом», готов направить клинок этого оружия в грудь противника.

Противник ненавистен. Желание одно — истребить противника. Но вот он повержен, а что делать с оружием? Как не хочется вспоминать о нем.

Кровавый клинок не причислить к оружию демократии. Он — вечный упрек в глазах либеральной общественности. Его бы скорее спрятать подальше, зарыть, сломать, переплавить, — одним словом, уничтожить. Но что делать с оружием, если оно многоголосо, имеет сотни глаз, душ, сердец? Оно научилось думать, анализировать и даже принимать решения, единственные верные, но, к несчастью, не всегда совпадающие с волей политиков.

Какие мучительные вопросы, какая неразрешимая дилемма. Впору пожалеть тех, кто задает себе подобные вопросы.

Да, как ни горько это осознавать, но нелегкий опыт нашей страны доказывает — в горячке политических боев политики не задумываются о постпобоищных синдромах. Не до того им. Но о том всегда обостренно помнит «Альфа». Афганистан, Баку, Вильнюс, августовская Москва 1991 года. В эти точки, о которых и сегодня с содроганием вспоминает страна, бойцов группы бросали политики. Были, всегда были конкретные люди на политическом Олимпе, отдававшие приказы. Кто они такие? Имена их неизвестны. Они и сейчас вещают о своей приверженности демократии. Но не по вине ли этих «демократов» бойцов «Альфы» приговаривали к смертной казни в Литве, называли «убийцами», «головорезами КГБ», плели о них небылицы, выдумывали леденящие кровь истории?

«Так не достаточно ли?» — спрашивали с экранов телевизоров в тот поздний вечер ветераны «Альфы».

Нет, не достаточно. «Альфа» была брошена на штурм, прозвучал приказ «вести огонь на поражение». Один из журналистов написал в «Известиях», что долго пытался разобраться в формулировке приказа. И вправду, для штатского человека не все тут понятно, но для военного эти слова ясны, как белый день, — войти в Белый дом и «поражать». Кого? Да того, кто попадет на мушку автомата. Страшно это. И говорить-то страшно, не только делать. Как отделить ярого защитника Белого дома от водопроводчика? Тем более если ты появился перед ним с оружием, в каске и бронежилете.

Вот вам и гражданская война.

Однако, к великому счастью, «Альфа» научилась думать. И что очень важно — служат там ребятам не из пугливых. Умеют подчиняться, но умеют, как бы это поделикатнее выразиться, творчески выполнять приказ.

Ведь что, в конечном счете, было главным 4 октября 1993 года? Прекратить бессмысленную бойню и кровопролитие. Иного было не дано...

...В тот день боец группы «А» Геннадий Сергеев никак не должен был попасть к Белому дому. Он находился в законном отпуске, сидел дома, возился с пятилетним сынишкой. Настроение хорошее. Единственное, что огорчало, — воспоминание о недавней смерти командира-наставника Евгения Первушина. Умер он неожиданно, от язвы желудка, спасти не удалось. Они были на выезде, на парашютных прыжках, а когда вернулись, Евгения Серафимовича уже не застали в живых.

Приближалось 40 дней со дня его смерти. Геннадий вспомнил: кто-то из ребят в отделе, говоря о наставнике, мрачно произнес, мол, есть такое, поверь, что на «сороковины» покойник забирает кого-нибудь с собой из знакомых, друзей, близких. «Какая ерунда», — подумал он тогда. А вот сейчас почему-то вспомнил этот разговор, и на душе тяжело стало. Чтобы отвлечься, Геннадий предложил жене взять сынишку Сашку и прогуляться в Измайловском парке.

Дальше даем слово Елене Сергеевой. В те дни она вела дневник, при встрече вручила его нам и согласилась на публикацию.

Страничка из дневника:

3 октября 1993 года. Воскресенье. Утро.

Геннадий побежал в лес делать зарядку. Пришел где-то часов в двенадцать. Мы всей семьей решили прогуляться в Измайловском парке. Погода чудесная, светило солнышко, сухие листья шуршали под ногами. Мы сидели с мужем на лавочке и наблюдали за пятилетним сынишкой Сашкой, который бросал в озеро камушки. Геннадия что-то беспокоило, он торопился домой — интуиция?

Дома Гена сразу же включил телевизор. Примерно около половины третьего выступил Александр Руцкой с призывами: «Все на Моссовет! Все в Останкино! В Кремль!». Геннадий занервничал, говорит: «Я на работу. Дела плохие». Собрался и сказал мне: «Давай попрощаемся».

3 октября. Воскресенье. Вечер.

По телевизору то и дело раздаются призывы Руцкого, Макашова...

Генка поцеловал меня, надел свою старую кожанку, теплый свитер, кроссовки. Уходя, сказал так: «Если меня убьют, все мои вещи отдашь сыну». Я разволновалась не на шутку, еле сдерживаюсь, чтобы не расстраивать его.

И потянулись тревожные сутки.

Чего она только не передумала за эти сутки. Вспоминала и хорошее, и плохое. Как встретились они через два года после окончания школы. Ведь в

девятом — десятом классах учились вместе. Однако как-то друг друга не замечали, а тут на встрече выпускников пообщались, повспоминали школьное прошлое, и Геннадий позвонил назавтра. Стали встречаться, а вскоре он предложил ей выйти замуж. Был 1986 год, Гена работал монтажником электромеханических приборов в НИИ «Импульс», но уже оформлялся в Комитет госбезопасности.

Сыграли свадьбу. Через год родился сын Саша.

Страничка из дневника:

4 октября. Понедельник. Утро.

Заснула лишь ненадолго. Телевизор работал всю ночь. Я металась между телевизором и кухней, не находя себе места. Искала утешения или спасения — не знаю.

Около одиннадцати зазвонил телефон. Это был муж. «Лена, как у вас дела?». Я отвечаю, что все в порядке. «Вечером на улицу не выходите, к окнам не подходите, берегите себя». Я еще спросила, где он сейчас находится. Гена: «Не могу сказать, и когда вернусь, не знаю». Это были последние слова, которые я слышала от мужа.

Около трех часов дня сообщили, что группа «Альфа» пошла на штурм Белого дома. Один ранен, один убит.

4 октября. Понедельник. Вечер.

Услышав сообщение по телевидению: «Один ранен, один убит», я замерла от ужаса. «Не дай Бог, Генка». Потом успокаиваю себя, что он обязательно придет, расскажет, что же там случилось. Не пришел. Подумала, что он задерживается на задании, что вот-вот должен вернуться. Сашок тянет меня к бабушке Рае, а я не могу идти, говорю, что папа сейчас придет с работы, ему надо отдохнуть.

Прошла ночь.

Лена пишет и еще ничего не знает о произошедшей трагедии, но какое напряжение в каждой строчке. И оно все нарастает. Кажется, вот-вот что-то случится — страшное, непоправимое.

Через много лет, когда мы беседовали с Еленой, она рассказала, что в тот день, 4 октября, и раньше ей снились странные сны: то черный шар летит на нее с подсолнечной стороны, то появляется черная роза прямо на ковре над их кроватью. И розу эту она видит столь явственно и зримо, что протягивает руку, стараясь взять ее.

Но самый неприятный сон рассказал ей Геннадий за несколько дней до гибели. Рассказал он это с шуткой, со смехом, но у нее мурашки по телу

побежали.

Гена редко видел сны, а тут утром обрадовал: мол, снилось, что в комнате моет пол, а на диване сидят сотрудники, товарищи по подразделению Репин, Михайлов и Торшин. Она тогда испугалась не на шутку, сказала: «Ген, не дай Бог, обмывать кого будете...»

Так оно и вышло. Только этим кем-то стал ее муж.

Страничка из дневника:

5 октября. Вторник.

С утра увела сына гулять, но домой тянет невыносимо. В половине третьего кто-то позвонил в дверь. Ноги не идут, открывать совершенно не хочется. Открыла. Стоят друзья Гены, коллеги — Толик Данилин, Алексей Кузин, Александр Голембевский. В глаза не смотрят, молчат. Гены среди них не было. Помню, я подумала: «Что же случилось?». Толик: «Лена, крепись». Больше ни слова. Сначала до меня не дошло, что нечто ужасное случилось именно со мной, именно в моей семье. «Вы сразу скажите, ранен или убит?» В ответ только одно слово: «Крепись». Руки сразу задрожали, стало холодно и невыносимо тоскливо. «Он раненого спасал?». «Да». Слез не было. Поначалу.

Ребята очень переживали, особенно Толик. Геннадий вместе с ним в Академии ФСБ учился.

Потом все было как в страшном сне. Звонки родственникам, родителям, ожидание чьего-то приезда. Сестра меня не покидала три дня. За это я ей очень благодарна.

6 октября. Среда.

Приехали Александр Репин, Александр Михайлов и Юрий Торшин — старший офицер, который выносил Гену из-под огня. Он и рассказал, как погиб муж.

Боец группы «А» Юрий Торшин действительно был рядом с Геннадием Сергеевым, когда в бок тому ударила предательская пуля. Почему предательская? А вот послушайте рассказ Торшина, и вы поймете:

«Геннадий Сергеев был лучшим в нашем отделении. Он проработал в группе несколько лет, накопил опыт. Физические данные у него хорошие — рост метр восемьдесят пять, каратист, прекрасно стрелял.

Так вот, втроем — я, Финогенов и Сергеев — выехали на БМП к Белому дому. Вокруг была неразбериха, и нам хотелось разобраться в обстановке самим, понять, что происходит.

Наша БМП вышла в тыл Белого дома. Картина предстала ужасная:

стоят какие-то шалашики, палаточки, люди обросшие, человек сорок. Кто они?

В общем, приехали, осмотрелись. Из ближайшего подъезда Белого дома выбежала женщина в милицейской форме, в кителе без погон, с девочкой на руках. Мы ее посадили в свою БМП, пытались что-то расспросить, но напрасно. Она была так напугана, что не могла говорить.

Из Белого дома не стреляли. Огонь вели из соседних домов. Мы вышли с Геннадием из БМП, чтобы помочь раненым. По дороге — один мертвый, второй... Наткнулись на солдатика в бушлате, каска рядом валяется. У него ранение в бедро. Берем его, несем. Я подхватил под мышки, Сергеев за ноги.

Попадаем под огонь снайперов. Сначала мы и не поняли, что «пристреливают» нас, но потом пули цок-цок рядом. Только успел сказать: „Гена, пригибаемся и делаем бросок“, как он ойкнул, выпустил ноги солдата, сначала сел, потом упал на спину.

— По-моему меня зацепило, — простонал он, а я вижу: в паховой части на брюках растекается кровь.

Невдалеке стояла БМП, солдатам кричу, зову на помощь. С двумя мне не управиться. Прибежали, забрали солдатика. А я, как в кино, попытался Геннадия на плечо взвалить. Оказывается, это не так просто. Взвалить-то взвалил, а подняться не могу. В нем весу под девяносто килограмм, да бронежилет, амуниция, оружие. В общем, опустил, взял под мышки, потащил, а он просит: „Сделай мне укол“.

Уколот его, тут мне солдаты помогли. Загрузили Гену в БМП, рванули туда, где стояли машины „скорой помощи“ Пока ехали, Геннадий стал холодеть. Я уши ему растирал, а у него взгляд уже туманный, не разговаривал, не стонал.

Выехали к магазину „Олимп“, к машинам „скорой помощи“, они его на носилки, раздели, стали осматривать. Спрашиваю: „Вы в какой госпиталь его повезете?“ А врач посмотрел на меня и тихо так отвечает: „В морг...“.

Скажу сразу, выстрел был не из Белого дома. Если бы стреляли оттуда, пуля бы попала в спину, а не в левый бок. Откуда стреляли, думаю, теперь вряд ли удастся узнать. Ясно только, что выстрел оказался прицельный».

Президент в своей книге пишет: «После того, как бойцы „Альфы“ узнали, что погиб их товарищ, никого уже не надо было уговаривать. Почти вся команда пошла на освобождение Белого дома».

Выходит, что бросок этот получился как бы спонтанным и бойцы

вошли в здание Верховного Совета, дабы отомстить за кровь товарища. Нет, они никому не мстили. Во-первых, неизвестно, кому мстить. Вместе с известием о тяжелом ранении Геннадия Сергеева пришло и другое предупреждение — пуля прилетела не из Белого дома.

Страничка из дневника:

8 октября. Пятница. Похороны.

К одиннадцати часам поехали на панихиду. Рядом со мной сестра и Марина Окунькова. Входим в шестигранник» (зал на Пехотной улице, в котором происходит прощание с офицерами госбезопасности. — Авт.). Глаз стараюсь не поднимать, боюсь, что не выдержу.

Смотрю в гроб, вижу мужа, совсем еще молодого. Обескровленное, бледное лицо, волосы ежиком, ресницы плотно закрыты, нос прямой, тонкий, застывшие губы. Лицо спокойное, волевое, не искаженное болью. Гена в своем любимом костюме — «двойке» в полоску и в белой рубашке. Кладу руку на лоб. Лицо очень холодное, застывшее. Провожу рукой по пушистым Гениным волосам, вспоминаю все самое хорошее, что связывало меня с любимым мужем. Вспоминаю его добрую улыбку, упрямый взгляд, характер.

После его смерти во мне что-то перевернулось. Я стала смотреть на мир совсем другими глазами. Я горжусь тобой, мой муж.

Цветов было море. Нежные цветы, положенные в гроб, вянут прямо на глазах. Сашок смотрит на папу, не отрываясь, тяжело вздыхает. После прощания поехали к дому, народу очень много, человек сто пятьдесят. Пришли сослуживцы. Друзья, одноклассники, директор школы, где Гена учился.

На кладбище гроб несли под музыку, очень медленно. Подходим к могиле. А погода стоит прекрасная, светит солнце, еще так недавно мы гуляли в парке вместе. Говорили очень много хороших слов, сказал несколько ритуальных слов и священник. В руке у каждого горит поминальная свеча.

Стали прощаться. Я поцеловала последний раз своего мужа в холодный лоб и запомнила навсегда дорогие черты, все морщинки на застывшем лице. Гроб опустили в могилу, троекратный салют из автоматов дал особый караул Кремлевского полка. Так закончилась церемония погребения. Солдаты маршем, под оркестр, прошли около могилы.

Страничка из дневника:

18 октября. Понедельник.

Ездил с родителями мужа в Кремль. Геннадия наградили Золотой Звездой Российской Федерации. Посмертно. Награду вручал М. И. Барсуков. Церемония прошла в очень торжественной обстановке.

Я никогда тебя не забуду, буду помнить тебя вечно. Ты всегда со мной и в моей памяти. Прощай навсегда, мой единственный, милый и любимый муж. Сашкин отец, своих родителей сын. Для меня ты был защитой и надежной опорой. Для сына станешь примером. А для остальных — народным героем, героем своего времени.

Со дня гибели младшего лейтенанта Геннадия Сергеева прошло 12 лет. Вырос пятилетний сын Александр. Учится в автомобильном колледже, любит машины. Кстати говоря, очень похож на своего отца.

В беседе с Леной я еще поинтересовался: отчего, мол, не пошел по отцовским стопам. Она вздохнула. «Знаете, он бы пошел, да вот после гибели Геннадия у него развилась вегето-сосудистая дистония. То голова болит, то давление подскакивает. Смерть отца вот так подействовала... Так что, видать, не судьба».

Да уж, судьба накрыла своим черным крылом не только Геннадия Сергеева, его жену, но и сына. Однако очень хочется верить, что у Александра Сергеева все будет хорошо. Ведь он сын Героя.

Три боя Виктора Карпухина

Бой первый

Зазвонил телефон. Заместитель начальника отделения группы «А» капитан Виктор Карпухин поднял трубку.

— Дежурный слушает...

— Это генерал Бесчастнов, — услышал капитан на том конце провода голос начальника управления. — Группе объявляется срочный сбор.

Командир подразделения подполковник Зайцев находился в госпитале, его обязанности исполнял заместитель Роберт Ивон. Карпухин доложил о вводной генерала Бесчастнова и занялся вызовом сотрудников.

Через полтора часа и сам генерал пожаловал в расположение подразделения. У машины его встречали заместители командира группы «А» Романов и Ивон.

— Значит так, Романов, тебе поручается сформировать группу сотрудников. Дело предстоит тяжелое и опасное. Едут добровольцы, малосемейные, лучше неженатые.

Генерал как-то грустно, и по-отцовски посмотрел на майора.

— В общем, лучшие из лучших. Но учти: там не только вы, но и в вас стрелять будут.

Бесчастнов умолк, а Романов уже ждал приказа. Ну, все как положено: экипировка, оружие, боеприпасы, время убытия. Но вместо этого начальник управления сказал совсем другое:

— Часика через два-три отпусти ребят домой, к семьям. Легенда такая — едем на учения в Ярославль, возможно, и Новый год прихватим.

Романов кого смог — отпустил. А вот дежурному подразделению не повезло — дел невпроворот. Каждому нашлось занятие. Карпухина, как бывшего «погранца», отправили в пограничное училище, получать полевую форму. Когда выдали какие-то тропические куртки и штаны песчаного цвета, Виктор даже переспросил: не перепутали?

Прапорщик на складе только рукой махнул:

— Получай, капитан, не боись. Все точно. Какую форму приказали, такую выдаем. Видать, в горах или в пустыне потеть придется.

Карпухин промолчал, но подумал про себя, что прапор недалек от истины, уж не на Северный полюс в такой «песчанке» высадят. Это факт.

По боевому расчету к вылету готовились 22 человека. В ночь перед отправкой проверяли оружие, подгоняли форму, снаряжение. Геннадий Зудин, как главный оружейник группы, готовил списки, ведомости на получение боеприпасов.

Утром 22 декабря группа сотрудников уже была на аэродроме «Чкаловский». Теперь их подразделение получило временное наименование «Гром». На взлетной полосе, готовый к полету, стоял личный самолет председателя КГБ Юрия Андропова, снаряженный для переброски «альфовцев» в Афганистан.

Карпухин слышал краем уха, что несколько человек из их подразделения уже находились в Афганистане. Однако об этом знали немногие, да и те не ведали о цели командировки их товарищей.

Виктор служил в группе «А» всего три месяца, но потихоньку привыкал к здешним порядкам. А закон тут был один — что необходимо знать, скажут командиры, что не скажут, того и знать не надо. Это старый чекистский принцип, проверенный временем.

Вылет задерживался. Дул сильный боковой ветер. Прошел час, другой томительного ожидания. Но вот поступила команда на посадку, и сотрудники стали подниматься по трапу. Снизу кто-то из свих крикнул:

— Эй, ребята, замрите, — и щелкнул затвором фотоаппарата.

Виктор оказался в середине трапа, слева от него Глеб Толстиков, справа — Володя Филимонов. Все ребята молодые, здоровые, веселые. Еще жив Дима Волков, еще не потерял в бою руку Валерий Емышев. Еще никто в мире не знает, не ведает, какой бой им предстоит. Первый бой долгой, кровавой афганской войны. Для многих он станет переломным в судьбе. В том числе и для Виктора Карпухина.

А фотопленку с этим кадром, где они стоят на трапе андроповского самолета, несмотря на горячее желание «особиста» уничтожить ее, все-таки уберегли, сохранили. По прилету из командировки сделали фотографии и раздали своим. Так они и хранились, эти секретные фото, в семейных альбомах двадцать с лишним лет до нашей с Карпухиным встречи. А встреча эта состоялась после отставки Виктора Федоровича в 1991 году.

Считаю, что тогда мне улыбнулась судьба. В середине 80-х я работал в военном журнале и занялся темой терроризма. Тема, откровенно говоря, в те годы была «бросовой» и крайне неперспективной. Никаких специалистов, экспертов по терроризму у нас в стране не существовало. Во всяком случае, в прессе они не выступали. Надо признать, что теракты в тот период, к счастью, случались нечасто, и широкой общественности о

них не сообщали. В газетах появлялись крохотные заметки, в которых было больше политики, чем рассказа о самом террористическом акте.

Вот как писали «Известия» в марте 1979 года о террористе Власенко. Автор Н. Волгин вопрошал:

«Кто же этот человек, поначалу столь любезно принятый в американском посольстве? Это некий Власенко Ю. М., не имеющий уже в течение длительного времени никаких определенных занятий.

Вот с такими людьми якшались представители американского посольства, неразборчивые и, прямо скажем, безответственные в своих связях».

И, разумеется, ни слова о тех, кто обезвредил «некоего Власенко».

Нечто подобное было и в других публикациях. Порою после захвата самолета террористами «неизвестные Волгины», хоть и коротко, порой строчкой-другой, но говорили о мужестве пилотов, стюардесс, пассажиров, которые противостояли бандитам. Но о тех, кто реально освобождал лайнер, уничтожил или арестовал террористов, — ни слова.

Откровенно говоря, такая позиция мне была совсем не по душе. Будучи военным журналистом, начальником отдела центрального журнала Министерства обороны «Советский воин», я понимал: борется с террористами какое-то подразделение. Но какое? В системе Минобороны такого подразделения не существовало, в МВД — тоже, значит, оно в КГБ. И мы «бомбардировали» Комитет государственной безопасности письмами от имени журнала: дайте возможность рассказать об этих людях. КГБ молчал.

Я не сдавался. Вновь писал письма, звонил в Комитет по всем известным мне телефонам, уговаривал, доказывал. Считал, что сотрудники спецподразделения, которые в мирное время идут под пули террористов, достойны, чтобы о них рассказали в журнале. И, видимо, порядком надоел офицерам КГБ на том конце провода, а может, хочется верить, кого-то убедил в своей правоте. Мне дали телефон, не объяснив, кому он принадлежит. Только сказали:

— Звоните.

И вновь звонки, горячие доказательства и холодное, но терпеливое молчание в трубке. Меня выслушивали, обещали подумать и... раздумья затягивались на неделю, две, месяц.

Теперь я точно знаю, что этот телефон принадлежал группе «А» и своими настойчивыми уговорами я ставил в тупик штабных офицеров «Альфы». Прежде, разумеется, со мной никто и разговаривать бы не стал. Но теперь многое изменилось. «Умер» ГКЧП, «Альфа» не пошла на штурм

Парламента, Комитетом Госбезопасности руководил «демократ» Бакатин. В самой группе «А» произошли большие изменения. Ушел в отставку командир подразделения Герой Советского Союза генерал-майор Виктор Карпухин.

Надо сказать, что и пресса в ту пору играла более весомую роль.

Скорее всего, эти обстоятельства слились воедино, и однажды голос на том конце провода мне ответил:

— Телефон кого-либо из действующих сотрудников я вам дать не могу. А вот номер генерала Карпухина запишите. Он теперь в отставке.

Голос в трубке вздохнул, видимо, сочувствуя мне.

— Попытайтесь уговорить его. Только это вряд ли...

Моим собеседником, как оказалось позже, был сотрудник группы «А» Михаил Мерзликин, и я очень благодарен ему. Не прояви он тогда понимание, а главное — смелость (да-да, смелость), возможно, не появились бы мои книги о легендарной «Альфе». Правда, от этого пострадал бы не только я. Ведь легенды не рождаются в неизвестности.

Но тогда ни о чем подобном я не думал, да и думать не мог. Как и миллионы моих соотечественников, я ровным счетом ничего не знал об «Альфе».

Вечером, собравшись с духом, позвонил Карпухину. Представился. Разумеется, не забыв сказать, что я подполковник, военный журналист.

Поначалу в трубке была гробовая тишина. Представляю, как шокировал Виктора Федоровича. Он генерал КГБ, командир сверхсекретного антитеррористического подразделения, Герой Советского Союза, — и вдруг к нему домой звонит журналист. Пусть и военный, но журналист.

— Откуда у вас мой телефон? — ледяным голосом спросил Карпухин. В тот момент почудилось, что трубка в моей руке превратилась в ледышку.

И вот тут я понял: если чего-нибудь стою в журналистике, я не должен упустить Карпухина.

Мы говорили с ним полтора часа: о жизни, о службе, о недавних августовских событиях, а когда завершали беседу, он сказал:

— Приезжай завтра утром ко мне домой.

И я приехал. И тогда впервые услышал о штурме дворца Амина в декабре 1979-го и увидел «сов. секретную» фотографию — бойцы «Альфы» на трапе андроповского самолета.

Удалось выпросить ее у Виктора Федоровича и опубликовать в первой книге «Альфа — сверхсекретный отряд КГБ». Теперь без этой фотографии, ставшей поистине исторической, не обходится ни одно издание,

публикация, документальный фильм.

Ну а генерал Карпухин стал первым «альфовцем», с кем я познакомился «вживую». Потом были другие ветераны и действующие сотрудники. Многие из них стали моими добрыми знакомыми, друзьями, а тема антитеррора — ведущей в моем творчестве.

Однако вернемся в декабрь 1979 года, в аэропорт «Чкаловский», к капитану Виктору Карпухину, который улетал со своими товарищами по подразделению для выполнения ответственного задания в Афганистан.

Позже о полете он будет вспоминать так:

«Летели с двумя посадками — в Актюбинске и в Ташкенте, где нас догрузили одеялами и матрацами. Тут мы вспомнили, что у одного из нас день рождения. Выпили по чуть-чуть, закусили... В это время явился представитель КГБ Узбекистана, который сообщил:

— Вы летите в Афганистан, где вам предстоит выполнить серьезное боевое задание.

Какое именно, он не сказал. Границу пересекли поздно ночью: кто-то уже подремывал, кто-то дожевывал сухой паек. Неожиданно в салоне погас свет, отключились все бортовые огни. Какое-то время летели в темноте на максимальной высоте. Наш командир тихо сказал:

— Давайте, ребята, приготовьте оружие...

Никто не знал, что ждет нас при посадке, как встретят. Во всяком случае, догадывались — не хлебом-солью».

Самолет с сотрудниками группы «А» заходил на полосу баграмского аэропорта в полной темноте. Позже выяснилось, что начальник аэропорта дал команду выключить опознавательные огни и освещение полосы. Садись, по сути, вслепую. Спас только большой опыт и мастерство пилотов.

По прилету разместились в капонирах и палатках прямо здесь, на аэродроме. Приютили своих товарищей «альфовцы» из группы Шергина, которые улетели раньше и теперь охраняли Бабрака Кармаля и его соратников, будущих руководителей Афганистана.

Вскоре группа во главе с майором Романовым выехала в советское посольство в Кабуле. Здесь его пригласил к себе резидент КГБ генерал Борис Иванов.

Он говорил какими-то загадками, недомолвками: мол, приехали вы сюда не ради того, чтобы подышать прекрасным горным воздухом. Романов согласился. И дальше ждал постановки четкой задачи, ведь он командир подразделения, ему вести людей в бой. Но вместо этого майор услышал странные фразы: «Догадываетесь, какую операцию предстоит провести?»

— «Догадываюсь». — «Но твои ребята не циркачи». Что ответить на такой вопрос? Только одно: «Сделаем из них циркачей».

Майор Романов вышел из кабинета резидента. Голова шла кругом. Пока ясно было одно — группе предстояло переехать в расположение так называемого «мусульманского» батальона.

Здесь впервые с бойцами группы «А» — теперь она носила кодовое название «Гром» — ехали сотрудники подразделения «Зенит».

Прибыли. Отвели им казарму, которую в нашем понимании казармой даже и назвать нельзя. Здание без окон и дверей. Прошли — пыль поднялась, будто после стада овец.

В казарме как раз командир роты «мусульманского батальона» развод заканчивал. Дав все наставления караулу, советский офицер напутствовал подчиненных: «Аллах с нами!».

Караул вышел, а сотрудники группы удивленно переглядывались. Нда, верно говорил Федор Сухов: «Восток — дело тонкое».

Спать почти на улице, на декабрьском холоде, большого желания не было. Потому, как могли, благоустроили казарму, завесили плащ-палатками окно, проемы, собрали все, что могло согреть: матрацы, одеяла, куртки.

Однако холод оказался не самым страшным ночным бедствием для группы. Донимали храпуны — Баев и Зудин.

Кувылин вспоминает, что в последнюю ночь он так и не сомкнул глаз. Попал как раз между двух храпунов, такое чувство, будто с самого вечера на танке ездил.

Утром на завтрак накормили верблюжатиной. Вкусно, хотя и недоварено; да что поделаешь, высокогорье, мясо долго упревает.

Выдали афганскую форму: мягкие куртки и брюки из шинельного сукна, такие же мягкие кепочки с козырьками. Долго подбирали куртку на Алексея Баева. Шутили: мол, на таких мощных мужиков афганцы не рассчитывали. Пришлось разрезать форму на спине, иначе Баев не влезал.

Сразу же стали «обживать» форму: укрепляли карманы для гранат, автоматных магазинов, ушивали, подгоняли. Взяли у десантников удобные ранцы, определились, где будут лежать боеприпасы, а где перевязочные средства. Не глядя запустил в ранец руку, достал бинт — мелочь, но в горячке боя это очень важно.

После полной комплектации учли все: от автоматов до бронежилетов — прикинули по весу. Оказалось 46 килограммов! В таких доспехах и стоять-то тяжело, не то что бегать, прыгать, вести огонь, метать гранаты. Да еще в горах, не на учебном центре в Балашихе.

Именно потому, что не учебный центр и от каждого «пустяка» могла

зависеть собственная жизнь и жизнь товарищей, навьючились до упора.

К тому времени была доведена боевая задача — штурмовать дворец Амина.

Штурмовать так штурмовать. Стали приучать афганцев к своему присутствию. По ночам гоняли вхолостую двигатели БМП и БТРов, стреляли из автоматов, пускали сигнальные ракеты. Охрана дворца Амина смекала — «шурави» проводят учения, не теряют форму, если что, придут нам на помощь.

Накануне штурма в распоряжение «мусбата» тайно доставили будущих министров афганского правительства — Гулябзоя и Сарвари. Сопровождали их несколько бойцов группы «А», в том числе и Виктор Карпухин. Находились в постоянном напряжении, поскольку машину тормозили на каждом из афганских постов. В случае опасности была команда открывать огонь и прорываться, ведь Гулябзой и Сарвари находились на территории Афганистана нелегально.

План предстоящей операции был таков: следовало захватить важнейшие объекты Кабула — дворец Амина, Генеральный штаб и Министерство обороны, штабы ВВС, ПВО, Центрального армейского корпуса, военной контрразведки, МИД, Царандой, здание ЦК НДПА, Центральный телеграф, тюрьму Пухи-Чархи, радио и телецентр.

А также надо было провести блокирование воинских частей, дислоцированных в столице.

Однако главным, ключевым пунктом операции становится штурм дворца Амина.

Советские подразделения, которым предстояло совершить переворот в афганской столице, были немногочисленны — это «мусульманский» батальон, 9-я рота 345-го парашютно-десантного полка под командованием старшего лейтенанта Валерия Востротина и две спецгруппы КГБ — «Зенит» и «Гром».

Днем всех, кто был определен на штурм дворца, собрали, распределили по экипажам. Пять экипажей на БМП — старшие Балашов, Голов, Емышев, Карпухин. Общее руководство осуществлял Романов. С ним в БМП находились Репин, Мазаев и представитель Первого Главного управления Козлов.

Колонна БМП с бойцами «Грома» должна была выходить к дворцу по круговому серпантину, а «зенитовцы» на БТРах подъезжают к пешеходной лестнице и, спешившись, бегут наверх. У фасада здания соединяются.

Но, как говорят, гладко было на бумаге. А на войне как на войне.

Сигналом к штурму послужил взрыв «колодца» связи. После 19 часов,

когда наступил комендантский час и центральная площадь опустела, группа спецназовцев выехала в город.

Две машины «УАЗ» остановились у ресторана, а еще один автомобиль подъехал вплотную к люку, который вел в «колодец» связи.

Прозвучал условный сигнал — хлопнула закрываемая дверь автомобиля. Сотрудник группы Хаятов, владеющий языком, ушел, чтобы отвлечь постовых Царандоя.

Три человека заслонили главного исполнителя взрыва, «зенитовца» Бориса Плешкунова. Специальными щипцами, которые изготовили сами, подняли люк, и Борис Андреевич опустил в колодец вещмешок с зарядами. Взрыватель был установлен на 15-минутный режим.

Быстро сели в машину, подали сигнал Хаятову, и вскоре «УАЗы» уже мчались на виллу.

Ровно в 19:15, как и планировали, прозвучал мощный взрыв. Столица Афганистана была отключена от внешнего мира.

Группы спецназовцев, офицеры и солдаты «мусульманского» батальона, десантники пошли на штурм.

«Наша колонна — четыре БТР, — вспоминает Яков Семенов, командир группы „Зенит“. — Когда заговорила „Шилка“, ее поддержали пулеметы, стало ясно: игры кончились, началась война.

Я шел на первой машине. Мы успели проскочить. Второй бронетранспортер подожгли, остальные уцелели. Десантировались. А тут ад кромешный! Наша „Шилка“ бьет по дворцу, снаряды скачут от стен, как резиновые. Из окон поливают... В общем, прижали нас, пришлось залечь. И поднялись, лишь когда „Шилка“ подавила пулемет в одном из окон дворца».

Самому Виктору Карпухину начало боя запомнилось таким:

«Как только наша БМП оказалась в поле зрения охраны дворца, они стали поливать нас из всех видов оружия. Пули молотили по броне, что казалось, пошел град.

Так началось кровавое столкновение профессионалов.

Признаюсь, у нас не было должной психологической устойчивости. Да и откуда она? Наверное, воевать можно научиться только на войне, как бы это жестоко ни звучало. А мы привыкли видеть войну в кино, „покиношному“ она и воспринималась.

Но все пришлось разглядеть наяву. Вот падает твой товарищ, взрывом ему отрывает руку, ногу, вот ранен сам, а надо действовать, расслабиться нельзя ни на секунду. Убьют.

В первые минуты боевого соприкосновения было очень тяжело.

Охрана резиденции — сильная, высокообученная, отлично вооруженная. И главное, почти в четыре раза превышающая нас в живой силе. По всем воинским наукам, силы обороняющихся во столько раз могут быть меньше, но никак не наступающих. Иначе атака обречена. Выходит, опрокинули мы теорию. Помогли нам мощный напор и, как ни странно, безысходность. Нас выручить уже никто не мог, тыла никакого.

Ранены были практически все. Гвардейцы отчаянно защищали дворец, мы отчаянно рвались вперед».

Однако надо уточнить: благодаря умелому командованию в группе Карпухина ранило только двоих, и то легко. Остальные же подгруппы пострадали значительно больше.

«Наблюдал я момент, — скажет потом Сергей Коломеец, — когда наш механик-водитель дрогнул. Тогда Карпухин дал ему команду: „Вперед, или застрелю!“ Героя Виктору Федоровичу дали достойно».

Да, действительно механик-водитель БМП, молодой солдат, попав в такое пекло боя, растерялся, запаниковал. Машина затормозила. Еще мгновение-другое — и она бы вспыхнула свечой, как подбитый уже бронетранспортер. Но командир не растерялся. Окрик отрезвил механика-водителя, и БМП рванулась вперед.

«Знаете, почему механик-водитель не хотел ехать ближе к дворцу? — спросил меня как-то „альфовец“ Анатолий Савельев. — Да потому, что у него приказ: доехать и здесь остановиться. Как у нас по плану расписывают заранее. Поедешь по этой дороге, затормозишь тут. Ведь рассчитывают как: БМП встала и будет вести огонь. А какой толк вести огонь, если палят изо всех окон.

Так что очень важное дело — решение командира. Те, кто останавливался, где им было сказано, попадали под град пуль и оказывались ранеными. А Виктор поступил по-своему, грамотно».

Капитан Карпухин приказал как можно ближе подъехать к дворцу. «Под таким плотным огнем, — признается он, — не то что десантироваться, а даже высунуться — и то было просто верхом безрассудства».

Механик-водитель подогнал боевую машину почти вплотную к главному входу, и только теперь Карпухин подал команду: «К машине!». И сам выскочил первым. Рядом с ним оказался Александр Плюснин. В два ствола открыли прицельный огонь по гвардейцам, которые стреляли из окон дворца.

Под прикрытием огня Карпухина и Плюснина из БМП благополучно десантировались Берлев, Коломеец, Гришин.

Всей группой проскочили под стены и ворвались во дворец.

Каково было состояние нападавших и их впечатления, повествует Виктор Карпухин:

«Пытаемся зачистить первый этаж. Гранаты сыплются, как огурцы. Кругом пальба. Ничего не видно и не слышно. Черное небо все исчеркано трассирующими пулями, непонятно откуда и куда летящими.

Наши „Шилки“ знай себе палят по дворцу, по своим. Сигнал „отбой“ до них не дошел.

Буквально каждый метр мы брали приступом».

Бой был тяжелый, ожесточенный: Емышеву оторвало руку, у Баева прострелена шея, Кузнецов получил серьезное ранение в ногу, Швачко осколок попал в зрачок глаза. У Сергея Голова девять осколочных ранений.

А вот капитану Виктору Карпухину повезло. Находясь в самом пекле боя, он не получил и царапины.

Хотя был в сантиметре от смерти в буквальном смысле этого слова. Дело в том, что вражеская пуля застряла в триплексе его спецназовской каски.

Он после боя покажет эту каску руководителям операции генерал-майору Юрию Дроздову и полковнику Василию Колеснику. Те только разведут руками: действительно повезло.

Правда, мог погибнуть уже и после боя.

«Нам с Карпухиным, — рассказывает Николай Берлев, — пришлось еще разыскивать во дворце начальника гвардии, майора Джандата, того самого, который предал Тараки. Именно Джандат отдал приказ об уничтожении руководителя страны, что и исполнили офицеры гвардии.

Помнится, заглядываем в одну комнату, в другую. Показалось: шевельнулась штора. Отодвинул ее стволом автомата и вижу перед собой начальника гвардии.

— Витя! — кричу Карпухину. — Джандат!

— Я врач, врач! — испуганно орет человек, похожий на Джандата.

Вправду оказался врачом, потом внизу помогал раненым.

Я, когда улетал из Москвы, бросил в рюкзак две бутылки водки. Закончился бой, говорю Карпухину: „Виктор, пойдём, выпьем“ Он даже не поверил: „Да ты что?“. Хвать рюкзачок, а водку-то сперли. Я понял, кто. Прижали одного, другого сержанта из „мусульманского батальона“ — те вернули. Выпили за окончание боя, афганцам налили, врачу, которого приняли за Джандата.

Ну, посидели, поговорили, вдруг слышим: „Щелк!“. А в тишине после боя хорошо слышно. Такое впечатление, будто кто-то холостой спуск

сделал. Пошли, открыли лифт, а там раненый афганец, защитник дворца. Взяли его автомат — действительно, ни одного патрона. Вот почему мы с Виктором в живых остались — будь у него патроны, срезал бы одной очередью. Улыбнулась, стало быть, судьба».

Выходит, что так, улыбнулась. Только вот улыбка это была или гримаса? Виктор под пулями в далеком Афганистане выжил, а его старший брат именно в этот день, в мирной, спокойной Москве, умер. Попал в больницу с обычным аппендицитом, но операция прошла неудачно, и 27 декабря он угас.

Как призналась мне жена Карпухина, Валентина Владимировна, о Викторе в декабре 1979-го особо и не думали, не беспокоились. Ну, уехал на учения и уехал. А вот его старший брат находился между жизнью и смертью, и потому родители, родственники беспокоились в первую очередь о нем.

И только потом, позже, после возвращения из Афганистана, когда он рассказал, в каком пекле побывал, отец и мать поняли — они могли в один день потерять двух сыновей.

Таким был первый бой Виктора Карпухина.

28 апреля 1980 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение специального задания Советского правительства и проявленные при этом мужество и героизм звание Героя Советского Союза было присвоено Бояринову Григорию Ивановичу (посмертно), ему — Карпухину Виктору Федоровичу — и Козлову Эвальду Григорьевичу.

Вместе с Козловым они получают свои звезды в Кремле 21 мая 1980 года из рук первого заместителя председателя Президиума Верховного Совета СССР Кузнецова.

С ними ордена Ленина будут вручены Романову, Голову и Полякову.

Вручение наград в Кремле — дело хлопотное. В первую очередь для тех, кому вручают. Как шутили в «Альфе», ребята волновались не меньше, чем при штурме дворца. А уж инструктировали их до посинения: руку не жать, вопросов не задавать, не обнимать, не целовать. Спасибо, что дышать разрешили. Отчего же такие страсти?

Оказывается, награды вручать собирался сам генсек Брежнев.

Дату награждения несколько раз переносили и наконец сообщили: Брежнева не будет. Его заменит Кузнецов. Опять новый инструктаж, ведь Василий Васильевич древнее своего шефа. Главная задача — не переборщить с рукопожатием, чтоб не рассыпалась древность.

Наступило 21 мая. Великолепная пятерка собралась в Кремле. В гардеробе сдали плащи. В холле женщина средних лет приветливо, по-

хозяйски улыбнулась.

Огляделись. Тихо. Торжественно. На столах фруктовая вода, сигареты. Заглянули в зал — там ни души.

Томились недолго. Ровно в назначенный час их пригласили в зал, который по-прежнему выглядел пустым: прибавилось несколько стульев да массивный стол с золочеными резными ножками. Рядом со столом микрофон. Кузнецов поздравил с наградой, вручил ордена, Золотые Звезды. Награжденные, как принято, благодарили партию и правительство. Виктор Федорович Карпухин о волнения забыл сказать заготовленные заранее слова, ему разрешили еще раз подойти к микрофону. Пока он шел, кто-то пошутил, мол, воевать хорошо умеет, а говорить не очень.

И это была истинная правда.

Бой второй

Когда командир группы «А» полковник Виктор Карпухин получил сообщение, что в Сухуми взбунтовавшиеся преступники захватили следственный изолятор, он только выругался в сердцах. Что происходит?

В прошлом году в Саратове подследственные изолятора № 1 во время прогулки напали на двух сотрудниц и взяли их в качестве заложниц. Потом потребовали оружие, деньги, транспорт. Выехали в город. Саратовские милиционеры потеряли их и обнаружили, когда банда подследственных захватила в заложники семью Просвирных — хозяина квартиры с женой, их дочь и его брата.

Ближе к полуночи переговоры с террористами, которые вели начальник ГАИ Саратовского облисполкома и заместитель прокурора области, зашли в тупик.

Преступники на предложения властей не соглашались, вели себя агрессивно, постоянно угрожали расправой над заложниками.

А вскоре вообще перешли от слов к делу — стали истязать женщину-заложницу. Захваченного ребенка выдавать отказывались, требовали наркотики, спиртное, оружие.

Словом, действия террористов становились крайне опасными для жизни заложников. «Альфа» в это время была уже в Саратове, у захваченного дома. И он принял решение — штурмовать квартиру.

В 3:25 бойцы пошли на штурм. С помощью спецназовского снаряжения сотрудники группы «А» спустились с крыши и влетели в окна квартиры, забросав террористов светошумовыми гранатами.

Одновременно вторая группа спецназовцев выбила дверь квартиры.

Все это оказалось неожиданным для захватчиков, хотя один из них успел-таки дважды выстрелить по штурмующим. Пули попали в бронешит.

Всего несколько секунд потребовалось «альфовцам», чтобы обезвредить преступников.

Заложники были спасены.

И вот опять захвачен следственный изолятор. Что-то неладно в наших исполнительных учреждениях. Однако сокрушаться бесполезно. Ясно было как божий день, что расхлебывать эту кашу придется его подразделению.

Потому он, как командир, первым делом должен был оценить обстановку. Что известно на этот час? Откровенно говоря, не так много, как хотелось бы... И тем не менее...

11 августа 1990 года в городе Сухуми семь арестованных преступников, находившихся в изоляторе временного содержания (ИВС) МВД Абхазской АССР, захватили в качестве заложников трех работников охраны. Овладев ключами, они выпустили из камер 68 подсудимых и осужденных. Среди 75 содержащихся в изоляторе 73 совершили уголовные преступления, 15 из них арестованы за убийство, 8 — за разбой, 1 — за угон самолета.

Зачинщик этой акции — трижды судимый матерый преступник П. Прунчак, взятый под стражу за убийство трех человек, двое из которых — сотрудники милиции.

Как это случилось? Да очень просто. Утром постовой в нарушение инструкции сам пошел открывать дверь седьмой камеры. А должен был это делать дежурный офицер в его присутствии. Но постовой поступал так уже не впервые. Открывал камеру, протягивал ведро и веник. Уборка помещения по утрам — дело обычное. Он делал это сотни раз. И все было хорошо. До поры до времени, разумеется.

Теперь он получил удар по голове и оказался на каменном полу.

Дежурный офицер не заметил, когда постовой забрал ключи. Опомнился, увидев на пульте охранной сигнализации тревожное мигание желтого глазка: в седьмой камере открыта дверь.

Лейтенант помчался в камерный блок. А в дверь уже протискиваются заключенные Дзидзария и Бигвава. Офицер пытается затолкнуть их обратно в камеру. К нему на помощь прибежал постовой Нижерадзе со второго этажа. Но уже поздно — семеро преступников вырвались из камеры, набросились на охранников, отобрали ключи, поспешно открыли другие камеры.

Четвертый охранник смены, постовой сержант Векуа, видя, что ничем

не может помочь товарищам, захлопнул на перегородке, преграждающей выход из камерного блока, дужку замка. Затем выбежал во двор, запер дверь изолятора и кинулся в дежурную часть МВД рассказать о нападении. Бежал и клял все на свете: из-за блокады железной дороги ломался график спецэтапов, вагоны с заключенными простаивали на путях вместе с десятками замерших поездов. Недели три не было поступлений, потом сразу привалило — сорок два заключенных. Требовалась усиленная охрана, да где ее взять. Ее и по обычному штатному расписанию не хватало: постовых в изоляторе восемнадцать человек, а должно быть двадцать четыре.

По камерам распихивали кого куда — судимых с несудимыми, совершеннолетних с несовершеннолетними.

Да и следователи, прокуроры, судьи — разве они считались с бедами изолятора? Из дальних уголков республики, из других изоляторов везли в Сухуми на допросы задержанных. А потом здесь же и оставляли, и не на десять дней, как положено, а на недели, месяцы. Так, убийца, рецидивист Павел Прунчак сидел в изоляторе уже месяц. А суда все не было.

Когда Векуа докладывал о нападении, заключенные успели повалить стальную перегородку и открывали камеры второго этажа.

Казалось бы, все главные события произошли. В руках преступников изолятор, заложники... Но это, оказывается, была лишь прелюдия.

Через несколько часов после захвата изолятора, когда прокурор республики и руководство МВД Абхазии совещались, ломали голову, что предпринять в такой ситуации, подследственные преподнесли им еще один подарок. Из окна второго этажа, из-за решетки, на землю посыпались патроны, потом вылетел наган (?!).

Генералы потеряли дар речи.

— Откуда у них оружие? — растерянно произнес первый замминистра МВД Абхазии.

Оказалось, что в изоляторе в одной из подсобок хранилось более трех тысяч стволов нарезного и гладкоствольного оружия: винтовок, пистолетов, охотничьих ружей — и тысячи боеприпасов, изъятых у населения, а также у преступников.

Верно сказал на следствии один из зачинщиков бунта, осужденный за убийство Петухов: «Какой же дурак держит в переполненной тюрьме боеприпасы и оружие? Для нас это был приятный сюрприз».

Теперь представим себе преступников, которым уже нечего терять, и в их распоряжении вот такой арсенал. Представим, что они вырываются на улицы города. Думаю, Абхазия в августе 1990 года стояла на пороге

страшной трагедии.

Возможно, кто-либо возразит: мол, они же не вырвались. Да, и только по двум причинам. В первое утро — случайно. К ним в руки не попал сержант Федор Векуа, и он успел захлопнуть щеколду на дверях. А на четвертые сутки, когда по их требованию был подан микроавтобус, на их пути уже стояла «Альфа».

14 августа с одного из московских аэродромов стартовал самолет, следующий в Сухуми. На его борту было 22 сотрудника группы «А» и 31 боец учебного батальона специально назначения — в будущем «Витязя». Альфовцы знали: идут на трудное дело, тут тебе не террорист с ружьем или самодельным взрывным устройством, а десятки преступников, вооруженных до зубов. Что ж, работа есть работа. Из трех отделений группы отобрали лучших, отменных снайперов, мастеров рукопашного боя, опытных командиров. Руководил операцией начальник группы «А» полковник Герой Советского Союза Виктор Карпухин.

Экипировка по максимуму — тяжелые бронежилеты, электрошоковые дубинки, щиты, спецгранаты, приборы ночного видения.

В полете прокурор Абхазии ввел группу в обстановку. Три дня в руках вооруженных преступников томились заложники. Требования бандитов постоянно менялись. Они хотели, чтобы перед ними для безопасности выстроили жителей — женщин и детей, потом требовали бронетранспортер, чтобы уехать из города, ставили и такое условие: посадить невдалеке от изолятора вертолет.

Карпухин слушал прокурора и прикидывал план действий. Пожалуй, такой сложной, тяжелой операции, которая предстояла группе, еще не было. Конечно, всякая спецоперация тяжела и опасна, но тут все против них.

Бандитов много, они опытные, некоторые имеют по несколько отсидок. Есть среди них и убийцы, рецидивисты. К тому же все вооружены. И оружия хватит на маленькую войну — боевые пистолеты Макарова, ТТ, Марголина, винтовки, ружья, патроны. Это значит, что в городе их брать нельзя, могут пострадать ни в чем не повинные люди.

Бандиты требовали БТР, чтобы уйти в горы. Значит, не исключено, придется в горной местности атаковать бронетранспортер. Но ведь до гор надо дойти. А пойдут они по улицам Сухуми. Стало быть, в город их выпускать нельзя. Тогда где брать, в изоляторе? Однако это уже не изолятор, а вооруженная крепость. Они там, укрывшись за стенами, полк положат и заложников перебьют.

Карпухин вновь и вновь просчитывал действия бандитов, чтобы

выстроить свою тактику. Но как их просчитать? Вот прокурор говорит, что требования террористов все время меняются. То они едут, то не едут. Называют разное количество людей. Сначала требовали автобус, потом бронетранспортер, дальше — больше: вертолет. Что они потребуют в следующий раз — космический корабль? И тебе, Карпухин, придется искать этот корабль, если не найдешь свой ход действий, свой алгоритм борьбы. И никакой опыт не поможет.

Думай, командир, думай.

После посадки в аэропорту Сухуми бойцы подразделений спецназа прибыли в город.

А город напоминал растревоженный улей — у изолятора собралась большая толпа жителей, родные и близкие преступников, просто любопытные. Квартал был оцеплен бронетранспортерами и войсками, низко кружил вертолет.

Все эти дни и ночи с преступниками вели переговоры руководители МВД Абхазии и Грузии, родственники, лидеры различных движений, просто друзья.

Зачинщик бунта, убийца Прунчак, выкрикивал свое требования из-за спин других. Его, совершившего немало преступлений, выследили в пещерах глухого Очамчирского района два милиционера. Прунчак застрелил их из охотничьего ружья. Но вскоре был сам ранен. Он бы, конечно, погиб, но министр внутренних дел Абхазии Ломинадзе отдал распоряжение, и Прунчаку сделали переливание крови, спасли жизнь. Кровь дал один из милиционеров.

Теперь Ломинадзе, стоя у решетки под винтовочными стволами, говорил: «Прунчак, если бы мы хотели тебя убрать, задержали бы переливание крови. И все. Обещаю, если вы сложите оружие и разойдетесь по камерам, за этот случай вас не привлекут к ответственности».

В ответ крик, мат. И новые требования.

Сразу после прилета в Сухуми и проведенной рекогносцировки «Альфа» стала прорабатывать варианты штурма изолятора и освобождения заложников.

Думали, ломали головы, чертили схемы. Когда нашли интересные варианты, предложили план операции на утверждение руководству.

Но прокурора нигде не удавалось найти. Как сквозь землю провалился. А милицейский генерал Стариков план попросту «зарубил».

— Нет, вы что? У нас народу в двух группах полсотни человек. Там тюрьма, камера. Это ж явно жертвы будут. А как поведет себя улица, толпа?

В бесплодных переговорах прошло еще две суток. Бандиты

бесчинствовали, стреляли из окон изолятора, выбрасывали на улицу оружие. Круглые сутки у ворот изолятора стояла огромная толпа людей.

Больше тянуть было нельзя, оглядываясь на трусливых прокуроров и милицйских генералов.

У него в жизни уже были горькие примеры деятельности подобных генералов. Правда, теперь они бездействуют, ожидая непонятно чего, а тогда в Ленинграде, наоборот, развили ненужную активность.

Был 1988 год, 8 марта — международный женский день. Виктор Федорович знал: его с нетерпением ждут дома — жена, дочери. И он надеялся, что вскоре окажется за праздничным столом. Но жизнь распорядилась иначе.

Самолет «Ту-154», следовавший из Иркутска, был захвачен террористами. Террористы оказались непростые — многодетная семья Овечкиных. Ее в Иркутске хорошо знали: газеты, радио, телевидение не раз рассказывали о талантливых детях-музыкантах, создавших семейный диксиленд «Семь Симеонов».

Областные руководители гордились ими: как же, не в прославленных консерваториях, а в рабочей глубинке растут настоящие таланты. Их всячески поддерживали. «Симеоны» побывали на гастролях в Москве, в Кузбассе, потом за рубежом — в Японии. Старшие братья во главе с матерью быстро поняли, что свалившаяся на них нежданно-негаданно популярность может дать богатые дивиденды. И, разумеется, их талант могут оценить только за рубежом. Тогда и возникло желание махнуть в какую-нибудь капстрану. Они запаслись обрезамй ружей, ножами и захватили самолет.

Итог этой страшной трагедии таков — сгорел самолет, погибло, включая террористов, 9 человек, 19 — ранено.

Врачи госпиталя, куда доставили пострадавших, сделали 32 операции. На пяти столах одновременно оперировали военные хирурги. Однако не все среди убитых и раненых оказались жертвами террористов. Многие пострадали от пуль штурмующих милиционеров.

Вот как о тех событиях вспоминала одна из участниц этого побоища.

«Они (милиционеры. — Авт.) приоткрывали дверь и вели беспорядочную стрельбу по салону, не видя и не думая, что кроме преступников здесь находятся бортпроводницы, пассажиры. Пули летели не в преступников, а в мою сторону».

Прикрывшись щитами, милиционеры вслепую стреляли в конец салона, где находились Овечкины. Так был ранен пассажир Я. Таюрский. Рядом с ним пострадали еще три человека.

А «Альфа» тем временем оказалась только на подлете. Захваченный самолет взорвался, когда вертолет с бойцами группы антитеррора заходил на посадку на аэродроме «Вещево».

Они были единственными людьми в нашей стране, кто мог помочь заложникам. Однако нашлись чиновники, которые, приняв сообщение о захвате самолета, быстро и профессионально разобрались в обстановке. Они решили справиться своими силами. Что там особенного, некая мамаша с малолетними детишками, вооруженными обрезом. Припугнуть их, и все тут.

Припугнули. Первое, что увидели террористы в иллюминаторы совершившего посадку самолета, это советские солдаты, бегущие к лайнеру со всех сторон. И тут же гремят первые выстрелы, пока только в салонную перегородку.

Но вскоре Дмитрий Овечкин убивает бортпроводницу Тамару Жаркую. А потом милицейская группа захвата влезает в кабину, и... начинается стрельба с обеих сторон.

Карпухин уже ничего не мог поделать. Решение за него принимали другие. Погибли люди. Штурм самолета кончился полным провалом.

Теперь он не собирался отступать.

Виктор Федорович берет всю ответственность на себя. Из кабинета руководителя абхазского Комитета госбезопасности он выходит на председателя КГБ СССР Владимира Крючкова и докладывает, что обстановка накалена, в любой момент может выйти из-под контроля.

В заключение разговора добавляет: «Считаю штурм единственным выходом из сложившейся ситуации».

Как стало известно позже, Крючков созвонился с Горбачевым. Тот ответил: «На ваше усмотрение». Такое сообщение из Москвы вскоре получил и Карпухин. А большего и требовалось.

Однако генерал Стариков опять взбунтовался. Он запретил учебному батальону спецназа Внутренних войск МВД, участвовать, по его выражению, «в этой аванюре». Комбат Лысюк ответил «есть!», но действовал по-своему — вместе с бойцами «Альфы».

А план был таков.

В центре Сухуми, на площади Ленина приземляется вертолет. Таково требование террористов. Правда, поначалу они хотели, чтобы борт сел прямо на крышу следственного изолятора. Однако их удалось отговорить: мол, крыша не выдержит такого веса.

Взрывотехники, в свою очередь, готовят два «рафика», которые при движении «взрываются». Разумеется, взрыв будет таков, что не нанесет

ущерба здоровью сидящих внутри. Ведь можно было со стопроцентной уверенностью предположить — преступники «прикроются» заложниками.

После подрыва «рафика» бойцы одной из штурмовых групп должны были обезоружить террористов. Это следовало сделать сотрудникам во главе с Михаилом Картофельниковым.

Второй группе под командованием Михаила Максимова, взорвав люк на четвертом этаже изолятора, предстояло ворваться в здание и блокировать нижние этажи.

Третья группа находилась рядом со стальной дверью изолятора, откуда заключенных выводили на прогулку.

До начала штурма решили провести акцию — уничтожить главарей бандитов снайперским огнем. Для этого Прунчака вызвали на переговоры. Однако рецидивист оказался хитер. Он выдвинул к окну «шестерок», и те «ретранслировали» его ответы.

Снайперы оказались бессильны.

«Считаю, что самое удачное изобретение „Альфа“ сделала в Сухуми, — говорит Михаил Максимов, сотрудник группы „А“. — Буквально за один день наши ребята разработали новый тактический прием. На одном из этапов переговоров бандиты отказались от БТРа. Значит, передвигаться они будут в автобусе или „рафике“.

На этот случай есть хорошо отработанный прием, во всем мире его называют „прием лопатки“ Разбиваются окна автобуса, ставится трап и по нему бойцы спецподразделения врываются в салон. Но тут была иная обстановка: пока мы схватим террористов, они убьют заложников. Значит, надежный, проверенный вариант не годится.

У омсдоновцев есть прием, когда в машине прячут специальную взрывчатку и, к примеру, в момент остановки у нее направленным взрывом отрывает колеса. Для нас этот прием не подходил, но натолкнул на мысль: начинить пиротехникой „РАФ“, который будет предложен бандитам. Снаряжали его всю ночь.

Дополнительное отвлекающее взрывное устройство было заложено во дворе изолятора».

М. Картофельникову этот момент запомнился так:

«Подогнали „рафик“. Бандиты долго выясняли отношения, орали, ругались. Вспыхнула драка. Видимо, решали — кому ехать. Потом внутри помещения началась стрельба. Как выяснилось позже, они опробовали оружие, приводили его в боевое состояние.

Выпустили „шестерку“. Тот внимательно осмотрел „РАФ“ Не понравилось, что нет шторок. Ладно, повесили шторки.

И вот, наконец, десять отъявленных преступников, большинство убийцы, — Прунчак, Дзидзария, Петухов, Ахвледиани, Малов, Бигвава и другие, натянув на головы чулки с прорезями для глаз, прихватив с собой Козмаву и Нижерадзе (тоже в масках), с рюкзаками и с оружием вышли из дверей изолятора.

Снайперы оказались парализованными: в кого стрелять, где бандиты, а где заложники? Однако на них особенно и не рассчитывали — достаточно того, что они вели наблюдение за террористами и были готовы в любую минуту открыть огонь».

Тут произошла небольшая накладка. Взрыв в «РАФе» должен произойти, как только бандиты его заведут, но вот он катится уже метров десять на выезд из ворот, а взрыва нет.

Представляете состояние некоторых генералов, которые как раз и боялись этого. Еще десяток-другой метров — и преступники на свободе. Конечно, даже в том случае, если бы пиротехника не сработала, машина с бандитами на улицу не вырвалась бы — ворота перекрыл бронетранспортер.

«По расчету мы начинали одновременно, — вспоминает М. Максимов. — Нас было три группы — первая действовала на „рафике“, вторая проникала через люк с четвертого на третий этаж, еще одна — взрывала боковую дверь изолятора.

Для нашей группы сложность состояла в том, что люк, через который предстояло спуститься на „окупированный, этаж, мы не видели. Он находился под паркетом. Определили примерное его месторасположение, но вскрывать паркет не могли: боялись выдать себя шумом.

Что касается двери, то там возникли свои проблемы. Рядом с дверью, метрах в двух-трех — цементный забор. Дверь взорвать не проблема, опасна ударная волна. Надо было так рассчитать силу взрыва, чтобы и дверь убрать с дороги, и самим остаться в живых. Не колотить же кувалдой, как это делала группа захвата в Санкт-петербургских „Крестах“.

Хотя в „Крестах“ двери не чета советским, сухумским. Бандиты надавили плечами — вывалилась стальная перегородка, отделяющая камерный блок от остальных помещений. Боковые иттыри перегородки не были даже закреплены в кирпичных гнездах. Окажись перегородка покрепче, так бы и остались преступники на первом этаже, не прорвались бы к оружию. Если бы да кабы...

В тот день, перед итурмом, мы пригласили к себе прораба, который

строил изолятор. Он посмотрел на тротиловые шашки и откровенно предупредил: „Осторожно, ребята! Строили изолятор кое-как, материалы тащили, воровали. Балки перекрытия лежат на честном слове. Рванете — упадет наша тюрьма“ Ладно, хоть нашел мужество признаться.

После его слов подошел Карпухин, снял одну тротильную шашку с центра люка».

«Рафик» подогнали почти вплотную к дверям. Бойцам, которые брали его, надо было бежать примерно одинаковое расстояние. Но он выкатился вперед. Стали стрелять по колесам. По салону вести огонь нельзя. Террористы сидели с заложниками вперемешку.

Подгруппа Картофельникова штурмовала машину сзади. Пока преодолевали расстояние из засады к «РАФу», бандиты успели выпустить в штурмующих 20 пуль.

Бойцы выбили заднее стекло. Рукояткой пистолета Картофельников «вырубил» ближнего бандита, второго схватил за шиворот и вытащил. А преступник оказался мощный, ростом под метр восемьдесят. Потом ребята удивлялись: как смог такого борова выволочь?

Где у него только не было оружия: за пазухой, в карманах, за поясом.

При штурме ранили бойца группы «А» Игоря Орехова. Когда он навалился на бандита, Прунчак, сидевший на переднем сиденье, выстрелил. Пуля попала в незащищенную часть шеи между каской и бронежилетом, пробила шею. Счастье, что террорист стрелял из малокалиберного пистолета Марголина, а не из Макарова или «ТТ».

Ну и, как всегда, рядом не оказалось врача. Как снять боль? Ребята из местного КГБ бутылку коньяку притащили. Принял Игорь, тут и «скорая» подоспела. Так Орехов отпраздновал свой день рождения.

Когда у ворот «взорвался» микроавтобус, группа Максимова тут же подорвала люк. Снизу он, оказывается, был еще закрыт на засов. Крыша люка вылетела, но засов остался, разделяя люк на две части.

Солдат батальона все рвался к люку. Максимов его удерживал, так как преступники снизу стреляли. Выстрелом он был легко ранен в ногу. Максимов отвел его в сторону, бросил в люк шумовую гранату и спустился вниз по канату. Оказался в комнате, где прежде хранилось оружие. Бандиты уже сбежали отсюда, дверь заперли. Пришлось взрывать дверь, чтобы двигаться дальше.

На пути ребят, которые штурмовали этаж через дверь, уголовники устроили баррикаду, открыли огонь.

Штурмующие на огонь не отвечали. Они применили так называемое

«психологическое оружие». Достаточно было одно выстрела, чтобы бандиты сдались.

Так завершилась операция по взятию Сухумского изолятора. Она по праву считается классикой антитеррористической борьбы. Но такой она будет признана со временем. Поначалу за пределами нашей страны мало кто поверит в такое. Даже специалисты.

В подтверждение этого — история, случившаяся с непосредственным участником тех событий Михаилом Максимовым.

Через несколько месяцев после сухумских событий к нам в страну из США прилетел Ричард Никсон. В помощь личной охране Никсона выделили двух «альфовцев». Так вот, Максимов разговорился с одним из охранников. Тот, оказывается, немало был наслышан об «Альфе».

Максимов рассказал ему и о недавней операции в Сухуми. Выслушав Михаила, американец смущенно улыбнулся:

— Майкл! Это готовый сценарий для Голливуда. Но мы не в Голливуде. Сколько там, говоришь, — сотни стволов? Да вас бы перестреляли, как куропаток.

И американец рассмеялся:

— Приврал ты, Майкл!

Максимову оставалось только развести руками: не поверил.

Что ж, американца можно понять: действительно, все эти события выглядят фантастическими...

За умело проведенную спецоперацию, проявленное при этом мужество и героизм командиру группы «А» полковнику Виктору Карпухину было присвоено звание генерал-майора. Это на ступень выше занимаемой им должности.

И, думается, по праву.

Бой третий

Герой Советского Союза, командир группы «А» генерал-майор Виктор Карпухин ехал по Москве — от Парка культуры по Садовому кольцу гнал в центр, на Дзержинку, к зданию Комитета госбезопасности. Машин было немного: суббота, лето, время отпусков. Пытался угадать, зачем он понадобился начальнику управления. В группе все в порядке, если эти бесконечные командировки в «горячие точки» можно назвать порядком. Стоп! А вот и ответ на вызов генерал-лейтенанта Расщепова. Во вчерашней сводке — информация о захвате заложников в Закавказье. Значит, опять

Закавказье. Он попытался вспомнить подробности захвата, но подробностей в сводке вроде бы не было. Так, просто одна строчка в оперативке.

«Боже мой, раньше сообщения о захвате заложников ставило на уши КГБ, МВД, а теперь всего лишь строка в сводке. Короткая строчечка в несколько слов». Он с горечью подумал, что так и не выбрал времени съездить к отцу. Батя жил на даче, звал к себе хоть на денек-другой. А сын... «Непутевый сын», — вздохнул про себя Виктор Федорович и решил: завтра, хоть камнепад с неба, он едет к старику.

Ведь ждет его отец! Будет слушать, склонив седую голову. Виктор Федорович недавно вернулся из Карабаха: что видел-перевидел, стоит ли травмировать отцовское сердце? Но ведь ничего не поделаешь — придется рассказывать, разволнуется батя. Да какое уж тут спокойствие, когда в мирное время гибнут люди, Виктор понимал, как горько будет слышать все это отцу. Так же горько рассказывать сыну.

«За что же мы воевали, за что? — в который раз будет спрашивать отец. — Чтоб все вот так пошло прахом?»

Тяжко ему, фронтовику, полковнику в отставке Федору Карпухину, который встретил войну в первый ее страшный день у города Старый на Львовщине, глядеть на то, что творится в стране. Отец никогда ни в чем не упрекал Виктора. Да и в чем упрекать: сын-то, отцовская гордость, — генерал, командует орлами, которые и в огонь, и в воду... И сам Виктор в огне бывал, под пулями, смерти в лицо заглядывал. И все же, все же, все же...

На них, сорокалетних, разве нет вины за то, что творится сегодня в стране? Думал над этим Карпухин-младший, думал...

Но в чем, собственно, его, Виктора Карпухина, генерала КГБ, начальника антитеррористического подразделения «Альфа», вина?

Вырос в гарнизонах — на чемоданах, на коробках, на скрипучей солдатской кровати с инвентарными хозномерах. Иного не знал, не ведал. Рано научился стрелять, водить мотоцикл. Хлебал щи да кашу из солдатского котелка.

Помнит: все в семье было подчинено интересам отцовской службы. И годы вынужденной безработицы для матери, и двенадцать школ, которые сменил он за десять лет учебы.

Перед ним никогда не стояло проблемы, «делать жизнь с кого».

Конечно, с отца. И Виктор окончил Ташкентское танковое училище с золотой медалью. Волей судьбы, единственный из выпуска, попал в КГБ. Приехал в Москву, получил распределение в пограничное училище.

Служил командиром взвода, роты. Получил основательную практическую подготовку.

В те годы пограничные войска усиленно комплектовались техникой, боевыми машинами, приходилось мотаться по военным заводам, получать танки, бронетранспортеры, осваивать их, обучать курсантов.

Несмотря на занятость, Виктор Федорович закончил пединститут. Как иначе: подчиненных в роте 300 человек. Хочешь не хочешь, надо быть педагогом.

С группой «А», с первым командиром этой группы, Героем Советского Союза Виктором Бубениным их свела жизнь на танкодроме пограничного училища. «Альфовцы» учились водить боевую технику. Карпухин помогал им, консультировал, учил. И, признаться, не подозревал, что майор Бубенин давно приглядывается к нему.

«Альфе» нужны были люди, знающие технику. Так он стал бойцом группы антитеррора. Карпухину казалось, что после рутинной казарменной жизни — бесконечных подъемов и отбоев, учений, занятий, вождения — его ждет полная романтики жизнь. Но, увы, опять занятия, срочные вызовы, непрогнозируемые ситуации. И работа над собой — тяжелая, изнуряющая.

Крестил его огнем Афганистан. Как остался жив? Виктор сам потом не раз задумывался над этим. Все смешалось воедино: удача, военная смекалка, отменная подготовка и даже чудо, когда аминовский гвардеец располосовал бы ему грудь автоматной очередью, но кончились у него патроны. Война. Жестокая, страшная, бессмысленная...

Вернулся он с той войны Героем. Дослужился до больших чинов, стал начальником группы, обогнал отца, вышел в генералы. Хотя старик любит подтрунивать над ним: мол, что у тебя за огневая мощь — автоматы, пистолеты, имитационные гранаты, то ли дело мой артиллерийский полк!

Виктору оставалось только согласиться: полк, да еще артиллерийский, — и вправду сила.

...Он оставил машину в переулке и вошел в серое здание. Поднялся на нужный этаж, прошел мимо приемной председателя КГБ. Сюда в восьмидесятом году, после Афганистана, его, майора Карпухина, пригласил Андропов. Юрий Владимирович обладал удивительной способностью располагать к себе человека — не прошло и пяти минут, как Виктор Федорович напрочь забыл, что перед ним всемогущий министр госбезопасности, один из первых людей государства.

Андропов хотел знать истину. Генеральских докладов об Афганистане он наслушался вдоволь. Пригласил на беседу очевидца, который шел в

числе первых в атаку.

Странно, но ему до сих пор кажется, что никто потом, кому бы он ни рассказывал об Афганистане, о штурме дворца Амина, не слушал его более заинтересованно и внимательно, чем Андропов.

Карпухин еще не знал, что спустя некоторое время он вновь окажется в приемной председателя Комитета. Только теперь его, боевого генерала, Героя Советского Союза, не только не соизволят выслушать, но даже, что называется, не пустят на порог.

Но пока он ничего этого не знал, он шел к своему начальнику, прикидывая, кому из бойцов группы предстоит командировка в Закавказье.

Однако Расщепов повел разговор совсем о другом. Он поинтересовался боеготовностью группы, количественным составом, нашел на карте Московской области аэродром «Чкаловский». Спросил, знает ли Карпухин расположение зданий и помещений аэродрома.

Признаться, Виктор Федорович таким вопросам не удивился. Президент России возвращался из поездки, и сотрудников группы вполне могли привлечь к охране Ельцина.

Расщепов подтвердил догадку: оказывается, намечалась встреча руководителей Союза с президентом России. Следовало усилить охрану.

Усилить так усилить. Карпухин по приказу начальника управления отправился в Министерство обороны, правда, предупредив Расщепова, что сегодня собирается за город. Расщепов не возражал, просил только постоянно быть на связи. Это еще раз утвердило Карпухина в мысли, что ничего серьезного не намечается. Иначе его никак не отпустили бы из Москвы.

В Министерстве обороны поставили задачу подготовить группу в тридцать человек «для охраны предстоящего мероприятия». Уточнили: адрес встречи может измениться, не исключается, что переговоры пройдут либо во Внуково, либо в Архангельском. Какая это будет встреча, кто участвует в ней, — имена, фамилии не назывались. Карпухин не спрашивал: за время работы в КГБ привык знать ровно столько, сколько положено.

Во второй половине дня он уехал за город, к отцу. Они встретились, поговорили. В воскресенье генерал возвратился, проверил готовность группы, выделенной для охраны. Встревожило то, что все руководство КГБ находилось на своих рабочих местах.

В 2 часа ночи Карпухина и начальника управления Расщепова вызвал к себе первый заместитель председателя Комитета Грушко. Вновь была подтверждена поставленная задача.

Возникает вполне логичный вопрос: какого черта двоих генералов КГБ — командира суперсекретного антитеррористического подразделения и начальника 7-го управления — свои же руководители двое суток водили за нос? Но только ли их? Маршал Шапошников, которого вряд ли можно заподозрить в симпатиях к гэкачепистам, вот как рассказывает о роковом заседании коллегии Министерства обороны утром 19 августа, где и было принято решение о введении войск в Москву:

«Сидим и не понимаем: что делать, как быть? Да он (маршал Язов) и не дал, в общем, времени рассуждать. Язов говорил коротко, буквально 10–15 минут... Вышел, объявил, что Горбачев болен, завтра подписание Союзного договора, но в этой ситуации подписывать его нельзя. А чтобы успокоить людей, вводится чрезвычайное положение... Войска — в повышенную боевую готовность. Действуйте! Задавать вопросы он не позволил, да никто, в общем, и не стремился, будем говорить прямо...»

Вышли к машинам и разъехались. Большие ни слова. Боимся друг друга, ну что тут делать...»

Вот так, а ведь на коллегию собрались самые высокопоставленные чиновники страны: заместители министра обороны, главнокомандующие всех видов Вооруженных Сил. А Язов и говорил-то с ними всего несколько минут. И — вопросов не задавать!

Примерно то же самое происходило и в высшем эшелоне КГБ. Напрасно кто-то думает, что с Карпухиным долго возились, уговаривали, агитировали. Приходилось встречаться с Виктором Федоровичем зимой 1991-го, через несколько месяцев после путча. Он говорил примерно то же, что и Шапошников: «Сидим и не понимаем...»

Но ночью с 18-го на 19 августа действовали по заранее намеченному плану, который, кстати, не вызывал ни у кого особых подозрений. В 4 часа утра от Крючкова поступила команда: выдвинуться в район дачного комплекса «Архангельское», при необходимости усилить посты охраны. Карпухин отобрал 60 человек и выехал в «Архангельское». Остановились километрах в трех от поселка, ждали указаний.

С этих пор начинаются легенды и выдумки о подразделении «А», которые сегодня можно собрать в удивительную в своем роде книгу под названием «Сплетни о группе „Альфа“».

Первая из этих сплетен была поистине сенсационной, она перетекала из газеты в газету, ее подтверждали весьма уважаемые люди, якобы сами бывшие очевидцами этого исторического события. Оказывается, спецназовцы опоздали арестовать Ельцина и его соратников на даче. Назывались даже драматические минуты, когда Борису Николаевичу

удалось улизнуть из лап КГБ.

Вот свидетельство Анатолия Собчака: *«Едем быстро, слава Богу, десантников уже нет. То ли поехали нас брать, то ли эта другая группа захвата опоздала на усовскую дачу (как потом узнали мы, на 10 минут)»*. Попытаемся выяснить истину. Сигнал «Сбор!» прозвучал на базе «Альфы» в 4 утра, Группа «А» — подразделение сверхмобильное, хорошо оснащенное, имеющее в своем составе высокопрофессиональных водителей. Они в городе, при загруженности дорог, способны передвигаться быстро и уверенно, а тут раннее утро, трассы практически пусты, до дачи Ельцина рукой подать — всего 30 километров. Еще не было и пяти часов, когда подразделение заняло свой пост.

Видели они, как съезжались на дачу Хасбулатов, Силаев, Руцкой, Полторанин, Собчак, Лужков и другие. Могли бы задержать по одному? Вне всякого сомнения. Не задержали.

«В половине десятого, — говорил в одном из последующих интервью генерал Карпухин, — я выпустил из поселка кавалькаду российских правительственных машин: два „ЗИЛа“ и две „Волги“ охраны».

Значит, у командира «Альфы» на выполнение задачи было как минимум 4–4,5 часа. И он все-таки умудрился опоздать на 10 минут? Сначала выпустил, а потом поехал арестовывать? Странно, не правда ли?

Интересна еще одна деталь. Уже упомянутый Анатолий Собчак говорит, что когда он в то утро вошел на дачу к Ельцину, то обмер: «В комнате все российское руководство. Хватит одного взвода спецназа на всю государственность».

Собчак понял, а профессионал Карпухин с шестью десятками своих ребят так и не догадался прихлопнуть «российскую государственность». Можно ли в это верить?

Словом, «Альфа» покинула «Архангельское» следом за двумя «ЗИЛами» и «Волгами», оставив в подкрепление ельцинской охране 15 человек.

Что было дальше? Даже если представить невероятное, будто, постояв у ворот дачи не один час, Карпухин прозевал выезд «российской государственности», то «Альфа» могла бы арестовать их, как говорил популярный киногоерой, без шума и пыли, на дороге к шоссе, под мостом, где сделать это особенно удобно, да и прямо на автостраде к Москве...

Бойцы группы натренированы так, что никто ничего бы и не заметил, невольные свидетели просто подумали бы, что какая-то машина сломалась, а пассажиров пересадили в другую.

Но правда такова: правительственные «ЗИЛы» по дороге не ломались,

и, как известно, президент благополучно добрался до Белого дома.

У Александра Коржакова, начальника Службы безопасности президента, своя версия на этот счет. В книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката», выпущенной после отставки автора, Коржаков так описывает утро 19 августа 1991 года.

«У меня же главная забота была одна — обеспечить безопасность президента России. Я понимал: только переступив порог толстых стен Белого дома, можно было обеспечить хоть какие-то меры предосторожности. А на даче в „Архангельском“ об обороне даже думать смешно.

...Я немного успокоился, когда в „Архангельское“ прибыла персональная „Чайка“ президента России. После короткого совещания решили ехать открыто — с российским флагом.

...Заранее договорились, что поедем на большой скорости. Самый опасный участок пути — от ворот „Архангельского“ до выезда на шоссе. Это километра три. Кругом густой, высокий лес. За деревьями, как потом выяснилось, прятались сотрудники „Альфы“. Они должны были выполнить приказ руководства ГКЧП — арестовать Ельцина. На случай сопротивления с нашей стороны президент просто бы погиб в перестрелке. Вроде бы случайно. Но „Альфа“ ничего не сделала — бойцы молча наблюдали за пронесшимся кортежем. „Альфисты“ потом рассказывали, что только Карпухин — начальник спецгруппы — по рации кричал, требовал остановить машины.

...19 августа „Альфа“ сама не подчинилась командиру. Он по рации кричал: „Почему не арестовали Ельцина?!“ — и слышал в ответ банальные отговорки.

После нашего отъезда, около одиннадцати часов, к воротам „Архангельского“ подъехал автобус, в котором сидели люди в камуфляжной форме. Мои ребята стали выяснять, кто такие. Старший представился подполковником ВДВ. Действительно, во время утреннего разговора с Грачевым Борис Николаевич попросил его прислать помощь, хотя бы для охраны дачного поселка. Павел Сергеевич пообещал направить роту из своего личного резерва. Поскольку разговор прослушивали, то под видом „охраны от Грачева“ подослали этот автобус. Мой сотрудник Саша Кулеш, дежуривший у ворот, узнал подполковника: тот иногда преподавал на курсах КГБ и служил в „Альфе“. А представился обычным десантником, показал новенькое удостоверение офицера, выписанное, наверное, всего лишь час назад.

Саша схитрил.

— Подождите, — говорит, — надо все выяснить.

И позвонил мне в Белый дом. А я с утра, как вызвал своих ребят на машинах, заказал на всякий случай в столовой „Архангельского“ обед человек на пятьдесят, вспомнив об этом, предложил:

— Мы сегодня уже не вернемся, а обед заказан. Сделай так: отведи этих „десантников“ в столовую, накорми досыта, чтобы они съели по две-три порции. Мужики ведь здоровые. Сытый человек — добрый, он воевать не будет.

В столовой их действительно закармлили. Ребята ели с аппетитом — оказывается, с ночи голодные. После обеда они просидели в автобусе несколько часов с печальными сонными физиономиями, а потом уехали. Мои же сделали вид, будто поверили в их легенду. Приходилось играть друг перед другом.

Пока „альфисты“ набивали желудки, мы думали: как эвакуировать семью президента?»

Оставляю этот отрывок из воспоминаний генерала Коржакова без собственных комментариев. Предоставлю слово непосредственному участнику тех событий, сотруднику группы «А», ныне полковнику запаса Сергею Гончарову.

В одном из своих интервью после выхода в свет книги Коржакова он скажет:

«18 августа наше подразделение выезжало на проведение операции по задержанию Бориса Николаевича Ельцина. Если верить Коржакову, то он, опасаясь штурма дачи, как всегда, всех „перехитрил“ — налил нам, бедным, щей, горячего супчика... и вывез президента в Москву. Ну что за ерунда! Мы продежурили вокруг „Архангельского“ всю ночь, все время переговаривались с охраной. Мы же все друг друга знали. Никакого штурма не потребовалось бы. И Карпухин не кричал: „Почему не арестовали Ельцина?“, так как не было приказа от ГКЧП. Просто никто не решился дать „добро“ на задержание Бориса Николаевича, вот и все дела... Потом по приказу вернулись на базу, где находились на боевом дежурстве почти пять суток. Поймите, мы — офицеры. Был бы приказ — арестовали бы и президента, но при этом с головы Ельцина волос бы не упал».

...А в Москву уже вошли танки. Город, по существу, находился на военном положении. На Краснопресненской набережной собирались люди, начинали строить баррикады. По радио и телевидению звучали заявления ГКЧП: «Горбачев болен, временно исполнение его обязанностей возложено на вице-президента Янаева».

Ельцин издал свои указы, обратился к гражданам России, назвал

действия ГКЧП переворотом.

Что ж, для России заговоры и перевороты не внове. За тысячелетнюю историю их было достаточно.

Дождалось своего «заговора» и нынешнее поколение. Путч продлился три дня и открыл, как писали газеты, новую эпоху. Пожалуй, это действительно так — редкий заговор в истории Отечества имел столь громкие последствия. Рухнул Союз, запретили коммунистическую партию, сократили и реорганизовали армию и КГБ...

Именно армия и КГБ — главные действующие лица переворота. Его станут называть по-разному — и государственным, и кремлевским, и опереточным. И все-таки окончательно он утвердился как военный.

Отчего, например, не вице-президентский? Ведь во главе стоял законный вице-президент. Или не министерский? В ГКЧП входили сплошь министры, во главе со своим премьером.

Причин тут много. Все, кто оказался 19–21 августа в Москве, видели танки, боевые машины пехоты, солдат с автоматами на улицах столицы.

Три человека попали под гусеницы армейской боевой машины. По существу, то было единственное за три дня и три ночи столкновение армии и защитников Белого дома. Столкновение нелепое и оттого еще более трагическое. Но оно состоялось.

Однако армия армией, а была и другая сила, которой постоянно пугали защитников Белого дома, — спецподразделение «Альфа». Это имя за три дня произносили много раз — громко по радиотрансляционной сети и шепотом между собой, на баррикадах.

«Альфу» ждали. «Альфу» боялись. «Вымпел» тогда еще не знали. В этих чувствах напряженного ожидания и страха было все — слухи о крючковских «головорезах», неизвестность, досужие сплетни и вымыслы.

Но в «Альфе» понедельник 19 августа и последующая ночь прошли спокойно.

Утром следующего дня командира группы вызвал к себе Расщепов, и они вместе прибыли к зампреду КГБ генералу Агееву. На совещании присутствовали начальники всех управлений Комитета. Здесь впервые прозвучал приказ: вместе с частями Советской Армии и МВД осуществить штурм здания российского парламента, интернировать российское правительство, президента в специально оборудованные точки под Москвой.

Командиру «Альфы» дополнительно придавались другие спецподразделения КГБ и МВД, московский ОМОН, дивизия ОМСДОНа. Приказы, как и прежде, отдавались устно. Карпухину вспомнился

Вильнюс. Тогда «Альфа» тоже оказалась крайней.

Генерал Агеев, закрывая совещание, предупредил: следующий сбор в 14 часов в Минобороны.

О том совещании в интервью «Известиям» командующий ВДВ, а потом министр обороны России генерал армии П. С. Грачев, вспоминает так:

«20 августа между четырнадцатью и пятнадцатью часами в кабинете заместителя МО СССР по экстремальным ситуациям генерала Ачалова состоялось совещание. Там были генералы Варенников, Калинин, Карпухин, много гражданских, которых я не знал. Обстановка была напряженной... Говорили: правительство России выступило против ГКЧП, переговоры с ними ни к чему не привели... Надо сделать так, чтобы признание состоялось. Была поставлена задача: оцепить здание парламента. Мне было сказано: десантников разместить в районе американского посольства, МВД размещалось на Кутузовском проспекте, а спецподразделение «Альфа» — на набережной. План был такой: МВД оттесняет людей от здания парламента, а в проход входит «Альфа» и штурмует здание».

Далее приводится весьма любопытный вопрос корреспондента: «Как вел себя во время совещания генерал Карпухин?»

«Активности с его стороны не было, — ответил Грачев. — На мой взгляд, он был даже пассивен и подавлен. Ночью перед штурмом парламента позвонил мне. До штурма оставалось два часа. И говорит: „Звоню своему начальству, но никто не отвечает“ „Где находишься?“ — спросил я его. „В двух километрах от здания парламента России. Оценил обстановку и принял решение... — Карпухин помолчал, я тоже его не торопил. Потом он сказал: — Участвовать в штурме не буду“ „Спасибо, — сказал я, — моих тоже нет уже на территории Москвы. И я больше шагу не сделаю...“»

Итак, за два часа до времени «Ч» 21 августа командир «Альфы» принял решение: в штурме не участвовать. Между совещанием у Ачалова и звонком Грачеву прошло почти двенадцать часов. Возможно, самых драматичных часов в жизни «Альфы».

Человеку, далекому от армии или спецслужб, трудно представить, что такое приказ. В ту пору в уставах не существовало понятия «преступный приказ», но существовали сами приказы. Отказ же от выполнения даже такого приказа — воинское преступление.

...Маршал Шапошников 20 августа, ближе к ночи, позвонил генерал-полковнику Грачеву:

— Ну, что думаешь делать?

— У меня, — отвечает Грачев, — такое впечатление, что они на мне решили отыграться. Хотят, сволочи, чтобы я давал команды.

— А ты что? — спрашивает Шапошников.

— А я их пошлю... Команду не дам.

Далее Евгений Иванович приводит такой диалог.

— Ну, хорошо, а сам что будешь делать?

— Подам в отставку.

— Не примут, в период ЧП это сложное дело.

— Ну, — говорит Грачев, — застрелюсь к чертовой матери.

С чего бы это генерал-полковнику, Герою Советского Союза в сорок три года пускать себе пулю в лоб? Павел Сергеевич Грачев не из робкого десятка: десантник, мастер спорта, совершил не одну сотню прыжков с парашютом, дважды был в Афганистане — командовал полком, потом дивизией, и вдруг в мирное время такое заявление.

В том-то и дело, что невыполнение приказа для военного человека — всегда очень тонкая грань между жизнью и смертью.

Да, защитники Белого дома, люди сугубо гражданские, собравшиеся отстоять любой ценой своего президента и правительство, проявили большое мужество. Но у каждого из них был выбор — остаться или уйти. У людей с погонами в августе 1991 года такого выбора не было. Выполни приказ, пойдешь на штурм — преступник, откажись выполнить — тоже преступник. Представим на минутку: гэкачеписты продержались не три дня, а три недели. Трудно сказать, в каком положении оказались бы Шапошников и Грачев, а также десятки других офицеров армии и КГБ, не поддержавших путч. Возможно, им остался бы единственный выбор: или погибнуть от руки палача, или застрелиться.

Говорю об этом не для того, чтобы просто возвратиться к страшным минутам тех дней, но дабы понял читатель состояние души командира «Альфы» генерала Карпухина.

Сразу после августовских событий много писали о том, что «головорезы Крючкова», без сомнения, готовы были пойти на штурм и потопить в крови зарождающуюся российскую демократию. И только непонятное чудо спасло Белый дом.

Теперь же стали появляться публикации противоположного толка: мол, «Альфа», когда ей был дан приказ о штурме, напрочь отказалась идти. Называются фамилии тех, кто поднял «бунт на корабле», приводятся слова, на едином выдохе произнесенные сотрудниками подразделения: «Мы туда не пойдём!» — и якобы ответ «бунтарей», офицеров Михаила Головатова

и Сергея Гончарова: «А мы вас туда и не поведем!».

Совсем как в художественном фильме «Человек из команды „Альфа“», когда несколько десятков одетых в камуфляжку парней смеются над приказом, а потом «сплачиваются» вокруг авторитетного подполковника и дают отпор консерватору-генералу. Дивизия, окружившая их, берет под козырек, отдавая высокие почести героям.

Кабы так просто! Все было значительно сложнее и, я бы сказал, трагичнее.

Действительно, никогда прежде ни один из сотрудников спецподразделения не мог даже в кошмарном сне представить, будто он не выполнил приказ.

Появились такие люди не сразу, не ранним утром 19-го, а потом, в те трагические часы с 15:00 20-го примерно до часу ночи 21-го.

Что же произошло за это время в подразделении?

Если бы кто-то следил за базой «Альфы» в тот период, он, конечно, ничего бы не заметил. Из ворот не выходила военная техника, никуда не спешили вооруженные, закованные в современные латы бронежилетов бойцы. Разве что радиоэлектронная аппаратура группы «пахала» с полной нагрузкой.

Шла напряженная работа — подразделение собирало подробную информацию обо всем, что творится в Москве, оценивало ситуацию.

Ситуация же была крайне запутанной.

Сотрудники слушали заявления и документы ГКЧП и указы президента России, видели трясущиеся руки Янаева на пресс-конференции, видели и Ельцина, выступающего с танка. Оперативные работники, действовавшие в Белом доме, докладывали о скоплении людей у стен здания парламента России, строительстве баррикад, прибытии сюда грузовика с оружием.

Возникали вопросы, на которые не было ответов. Карпухин простоял со своими ребятами четыре часа у ворот ельцинской дачи, но приказ арестовать президента так и не поступил. Теперь же, когда Ельцин в парламенте и Белый дом стал символом демократии, их заставляют идти на штурм. Зачем? Позже напишут, что перед «Альфой» стояла главная проблема: как войти в Белый дом? Сложность как раз в другом: как выйти оттуда? Ведь за спиной остались бы десятки трупов.

Разные были мнения. Только никто не орал единой глоткой и с воодушевлением: «Мы туда не пойдём!». Как, впрочем, не орали и обратное. «Альфа» делала выбор между жизнью и смертью не только каждого из бойцов, но всего подразделения как такового.

Возьми они Белый дом — как бы назывался этот акт? Антитеррористический? Но в парламенте России находились не террористы — законно избранный президент, депутаты, Хотя и те, кто посылал их на кровавую бойню, — тоже законно назначенные министры. И председатель КГБ Крючков не был самозванцем, вполне законно сидел в своем кресле.

Кому в «Альфе» оказалось сложнее в те роковые двенадцать часов? Всем было нелегко. Но командиру особенно. Командир — всему голова. Кто знает, какие угрозы и проклятия сыпались на его голову?

Отдавал ли Карпухин приказ о штурме Белого дома? Как ни горько говорить об этом, но, увы, отдавал. Но Язов ведь тоже приказывал Грачеву. Мог ли он отстранить от командования ВДВ Грачева? Хватило бы у министра обороны сил и власти? Безусловно. Так и Карпухин. Задайся он целью арестовать за невыполнение приказа в период чрезвычайного положения Головатова и Гончарова — арестовал бы.

Долго еще можно искать правых и виноватых, рассуждать о нравственных позициях той или другой стороны, но факт остается фактом: «Альфа» на штурм не пошла. Не знаю, спасла ли она демократию или, как принято теперь считать, наоборот — партократию, нарядившуюся в новую, демократическую тогу? Не знаю. Важно иное. «Альфа» спасла просто людей, вне их званий и должностей. Ибо никто не вправе распоряжаться человеческими жизнями.

Уверен, произошло это не случайно, и в этом нет никакого чуда. Подразделение антитеррора всегда защищало людей. Защитило оно их и на сей раз. Не подняв против них оружие, несмотря ни на какие приказы. Это еще один веский аргумент в споре с теми, кто считает сотрудников группы «А» «головорезами» и «убийцами».

...После путча Карпухину позвонил начальник Первого главного управления генерал-лейтенант Шебаршин:

— Крепись, Виктор, ты снят с должности. Группой теперь командует Головатов.

Большого удара генерал Карпухин не ожидал. Двенадцать лет в группе, четыре года ее командиром. Специальные операции в Афганистане, освобождение захваченных самолетов, изолятора в Сухуми, «горячие точки» страны — все это он, Виктор Карпухин. Звание Героя Советского Союза и генеральские лампасы, и вдруг — снят с должности.

За годы пребывания в группе, а тем более командования ею, он пережил многое. В чем его только не обвиняли! Например, в том, что расстрелял своего сотрудника, бойца группы лейтенанта Виктора Шатских.

Своими собственными глазами читал этот пасквиль. Некий подлец из Петербурга по имени Игорь Бунич в своем опусе под названием «Кейс президента» писал:

«...Шеф КГБ Крючков принимает решение послать в Вильнюс спецкоманду „Альфа“ — по сути, отряд профессиональных убийц».

Откровенно говоря, когда прочел в первый раз — не поверил. Это о нем и его ребятах сказано — профессиональные убийцы.

Но дальше — больше.

«11 января группа „Альфа“, переодетая в форму внутренних войск, прибыла на военный аэродром под Вильнюсом. Карпухин объявил задачу: необходимо захватить телецентр, а затем здание парламента».

Карпухин не видит на лицах вымуштрованных исполнителей особого восторга. Мало того, происходит неслыханное — лейтенант Шатских решительно отказывается принимать участие в акции, связанной с убийством людей. Такого еще не бывало за всю историю существования группы „Альфа“, хотя инструкции предусматривали эту возможность: единственным выходом из подобной ситуации был расстрел ослушника на месте».

Выполнив инструкцию, Карпухин в душе остался даже доволен — труп лейтенанта Шатских решено было подкинуть к зданию телецентра в качестве доказательства существования вооруженных боевиков».

Что тут скажешь? Клевета. Во-первых, в январе 1991 года он вообще не был в Вильнюсе, команду из 67 сотрудников возглавлял совсем другой офицер — Евгений Чудеснов.

Во-вторых, выходит, что он «расстрелял на месте» сына своего друга. Давнего друга, еще с лейтенантских времен, с тех лет, когда они вместе служили в пограничном училище, дружили семьями.

Маленький Витя Шатских, сидя на коленях у «дяди Вити», именно в его доме впервые услышал это загадочное слово «Альфа». А когда подросток, иной мечты у него не было, как попасть служить в группу. Признаться, он тогда помог сыну друга, после окончания погранучилища взял к себе в подразделение. Только ведь не пыль с пирогов взял сдувать, не на теплое устроил местечко, а в группу антитеррора.

На первых порах придерживал горячего парня, на операции не пускал, оставлял «на хозяйстве», пока Виктор сам не пришел к нему в кабинет. Он как сейчас помнит тот разговор, слова Шатских: «Виктор Федорович! Я пришел в группу работать. Если мои родители попросили меня беречь, то так не пойдет».

Пришлось уступить. Лейтенант был прав. И после всего, каково читать

подобный бред, растиражированный в тысячах экземпляров. Но это еще полбеда, а вот то, что произошло теперь, не укладывалось в голове, не умещалось в сердце.

За что? За то, что он не арестовал Ельцина, за то, что не взял Белый дом? Нет, тут какая-то ошибка.

Карпухин поехал на Лубянку, теперь уже к новому, только что назначенному председателю КГБ Бакатину. Уж он-то поймет.

Надежды оказались напрасными. Прошел час, другой... Генерал ждал. Опять вспомнился Андропов. В первый раз Карпухин переступил порог этого кабинета не известным никому майором, рядовым бойцом группы «А». Неужто теперь боевому генералу, Герою не откроют дверь? Пусть не восстановят в должности, пусть уволят из Комитета, но хоть выслушают. Не выслушали.

Ветеран «Альфы» Сергей Гончаров рассказывает об этом так:

«Сразу после „кончины“ ГКЧП Виктора Федоровича вызвали в КГБ СССР, во главе которого уже стоял небезызвестный Бакатин. Не знаю, как его назвать... Бакатин поступил по-скотски, он даже не принял Карпухина. С офицером такого уровня никто никогда не позволял себе вести подобным образом, Карпухин — это вам не „паркетный“ генерал: Героя Советского Союза получил за штурм дворца Амина, освобождал заложников в Сухуми, провел массу боевых операций. В 42 стал полковником, командиром группы. А его сорок минут продержали в приемной. Потом вышел молоденький капитан, адъютант Бакатина, и начал отчитывать его, как нашкодившего пацана. Карпухин не выдержал: „Ты с кем разговариваешь? Малек, ты что, опух от сидения в высоких кабинетах?“. И ушел. Вернулся к себе и сразу написал рапорт об отставке».

Так закончился его третий бой. Карпухин ушел. Но «Альфа» осталась жить. Ее взял под свое крыло президент СССР Михаил Горбачев. Взял, чтобы тут же забыть. Не был определен правовой статус группы, неясно было, чем ей предстояло заниматься. Охранять президента? У него и своей охраны достаточно.

А пресса — левая и правая — нагнетала страсти. Газеты пестрели заголовками: «Почему Крючков, сказав „А“, не сказал „Б“?», «Кому светит „Альфа“?», «„Альфа“ как она есть», «„Альфа“ после путча»...

В тот период часто удавалось бывать в группе. Подразделение переживало критические дни. Уже второй месяц не платили зарплату. Но ведь у каждого сотрудника семья, дети.

21 декабря 1991 года газета «Правда» в отчете с прессконференции о

создании единого Министерства безопасности и внутренних дел сообщила: «Группа „А“ как таковая прекратила свое существование».

Но это было не так. Командование группы, ветераны думали о том, как выжить, как сохранить уникальное подразделение. И пеклись не о себе.

4 июля к руководству группой вернулся ее бывший начальник — Герой Советского Союза генерал-майор Геннадий Зайцев. Он командовал подразделением с 1977 по 1988 год.

«Альф» посетил президент России Ельцин.

А что же Карпухин? Виктор Федорович очень тяжело переживал свой уход. Нет, он не пал духом, не пропал. Вскоре его пригласил к себе советником по безопасности президент Казахстана Нурсултан Назарбаев.

После возвращения домой Карпухин возглавил крупное транспортное предприятие, занимался бизнесом. И достаточно успешно. Руководил структурой под названием «Росфонд».

Виктор Федорович вел активную жизнь. Казалось бы, все хорошо. Но однажды он мне с горечью сказал: «Есть работа, есть дело, но не мое это. Вот там, в „Альфе“, было мое».

...Ночью 24 марта 2003 года у пятого вагона скорого поезда Минск — Москва в городе Орша резко затормозила машина «скорой помощи». Но врачи уже были бессильны. Сердце пассажира остановилось. В своем заключении доктор написал: «Гражданин России, 55 лет, скончался предположительно от ишемической болезни сердца».

Это был Герой Советского Союза, командир легендарной «Альфы» генерал-майор Виктор Федорович Карпухин.

...В декабре 2004 года, за три месяца до второй годовщины смерти Виктора Федоровича я созвонился с Валентиной Владимировной — женой Карпухина. Приехал на квартиру.

Мы вспоминали, просматривали фотографии, и вдруг в соседней комнате заплакал ребенок. Валентина Владимировна извинилась, вышла и вернулась с маленьким человечком на руках.

— Сын младшей дочери, — сказала она.

— И сколько ему?

— Девятнадцать дней. Назвали в честь дедушки, Виктором.

Маленький Виктор, несмотря на свой весьма юный возраст, активно потягивал смеси из бутылочки. Бабушка улыбалась ему.

— Знаете, ведь у нас с Виктором две дочери. У старшей — тоже дочери. Вот Карпухин всегда смеялся: что же это такое, я — генерал, спецназовец, а в доме одни женщины. А младшая его все успокаивала: мол, не расстраивайся, папа, я тебе рожу внука. И родила. Жаль, дед не

дождался.

А внук Виктор тем временем, плотно покушав, безмятежно уснул, согрвшись в ласковых бабушкиных руках.

Служу Отечеству

Беседа у начальника управления была короткой. Глава «семерки», как называли в КГБ 7-е управление, генерал-лейтенант Евгений Расщепов произнес всего несколько слов, и судьба полковника Геннадия Зайцева сделала резкий поворот.

— Есть мнение назначить вас заместителем начальника управления.

Что на это может ответить военный человек? В ту пору формулировка «есть мнение» звучала не иначе как «есть приказ». Да и отказываться резона не было. Его выдвигали на генеральскую должность, с повышением.

Управление он знал, «семерка» давно стала для него родной. Пройдет три года, и после августовских событий 1991-го его будут переназначать на свою же должность. На коллегии Министерства безопасности генерал Виктор Баранников заметит: мол, Зайцев начал путь младшим сотрудником и прошел все ступени до замначальника управления — «это очень хорошо».

Трудно сказать, хорошо ли, плохо ли, но так сложилась жизнь. Действительно, отслужив срочную службу в кремлевском полку, он собирался уехать к себе на Урал, поступить в институт. Но перед отъездом его вызвал к себе секретарь партбюро батальона.

— Что ж вы, товарищ Зайцев? Вас недавно приняли в партию. В своем заявлении как писали — готов выполнить любое поручение партии? Вот партия и поручает — остаться на сверхсрочную, послужить Родине.

Откровенно говоря, он подумал тогда — ладно, останусь на два года. Оказалось, на всю жизнь.

Начинал он старшиной сверхсрочной службы в управлении коменданта Московского Кремля. Потом, несмотря на свое старшинское звание, попал в так называемый офицерский батальон. Службу в этом подразделении несли только офицеры на наиболее ответственных постах.

В 1959 году, когда произошло слияние 9-го управления КГБ и Управления коменданта Московского Кремля, старшина Зайцев угодил под сокращение. Однако, недолго думая, подал документы и был принят в 7-е управление КГБ. С тех пор там и служил.

Геннадий Зайцев был первым, кто возглавил группу чекистов, которым поручили охранять председателя КГБ Андропова. До этого личной охраны у Юрия Владимировича не было.

Потом были другие подразделения, иные задачи. В звании старшего

лейтенанта Зайцев был назначен начальником отделения. Как сказал его куратор: «Впервые встречаю, чтобы в Комитете госбезопасности старшего лейтенанта назначили на подполковничью должность».

Но тем не менее это случилось. Коллектив отделения по штату был большой, в подчинении сотрудники и выше по званию, и старше по возрасту. Однако Зайцев находил с ними общий язык. На этой должности он прослужил пять лет, затем стал заместителем начальника отдела.

А однажды, в ноябре 1977 года, его вызвал к себе начальник 7-го управления. Тогда во главе «семерки» стоял генерал-лейтенант Алексей Бесчастнов. Он неожиданно предложил подполковнику Зайцеву возглавить группу «А».

Дело в том, что группой со дня ее основания руководил Герой Советского Союза Виталий Бубенин. Однако весной Бубенин написал рапорт и просил направить его обратно на границу. И вскоре получил назначение начальником политотдела Камчатского погранотряда.

О рапорте Зайцев знал. Они хорошо были знакомы с Бубениным, их подразделения находились рядом. Однако Геннадий Николаевич и не подозревал, что именно его кандидатура рассматривается на должность командира группы. Тем более что в апреле подразделение возглавил Роберт Ивон, заместитель Бубенина.

Несмотря на это, вызов к начальнику управления и предложение. Геннадий Николаевич отказался, сославшись на состояние здоровья. Полгода назад он перенес операцию, и врачи запретили ему физические нагрузки.

Через неделю — новый вызов к Бесчастнову, опять то же предложение.

— Раз надо, значит, надо, — согласился Зайцев.

Но генерал Бесчастнов только головой покачал:

— Так не пойдет. Если бы по надобности, я бы тебя не спрашивал. Подписал приказ, и делу конец. Мне другое важно — скажи, берешься за этот гуж или не берешься. Дело-то непростое, ох, непростое.

— Берусь, — твердо сказал Зайцев.

И с тех пор, по существу, вся его жизнь была связана с «Альфой».

В том же ноябре, когда Зайцев возглавил подразделение, статус группы «А» стал иным. Если раньше она занимала некую промежуточную позицию между отделением и отделом, то теперь численный состав был увеличен с 30 до 56 человек. А статус ей повысил лично Юрий Владимирович Андропов. Своей рукой написал: «Группа действует на правах оперативного отдела». Соответственно, должность у командира тоже повысилась, стала полковничьей.

Итак, должность была высокая. Личный состав подразделения тоже вырос. Но что делать этому подразделению, в те годы мало кто представлял.

Это теперь каждый террористический акт телевидение и пресса рассматривает почти под микроскопом. О терроризме написаны тома исследований, и только ленивый не причисляет себя к знатокам этого явления, увы, ставшего постоянным спутником нашей жизни.

А тогда, в 1977 году, все было иначе. Тихое, спокойное время для нашей страны. Никаких тебе взрывов, захватов. Правда, за рубежом происходили громкие террористические акты. В 1972 году — кровавые события на Олимпиаде в Мюнхене, когда террористы из палестинской организации «Черный сентябрь» взяли в заложники израильских спортсменов. Попытка их освободить закончилась неудачей — погибли заложники, один немецкий полицейский и пятеро террористов.

В 1976 году в пригороде Джибути террористы так называемого «Фронта освобождения берега Сомали» захватили автобус с детьми. Тогда отличился молодой командир и его спецназовцы из французской антитеррористической группы ГИГН. Капитан Кристиан Пруто провел снайперскую атаку и одновременно уничтожил четырех террористов. В том же году израильтяне провели в аэропорту Энтеббе, что в Уганде, успешную операцию по освобождению захваченных соотечественников.

Да и 1977 год принес два подарка. Весной в Северной Голландии боевики организации «Свободная молодежь Южно-Молукских островов» захватили поезд и взяли в заложники 51 человека. Осенью палестинские террористы осуществили захват авиалайнера немецкой авиакомпании «Люфтганза» и потребовали освобождения из тюрем руководителей террористической организации «Фракция Красной Армии» (РАФ), а также выкуп в 9 миллионов фунтов стерлингов.

Как в первом, так и во втором случае спецподразделения Голландии и немецкая антитеррористическая группа ГСГ-9 действовали профессионально и одержали победу над террористами.

Обо всех этих захватах новый командир группы «А» знал. Правда, знал немного. В нашей печати о тех событиях ничего не писали. В зарубежных газетах и журналах кое-что появлялось. Но статьи были рассчитаны на обывателя и, естественно, профессионалам антитеррора мало что давали.

И все-таки эти материалы, которые из-за рубежа поставляли сотрудники Первого Главного управления КГБ, переводились и самым тщательным образом анализировались в группе «А».

Проблемы роста

Ясно было, что террористы направляют свои атаки на самолеты, автобусы и даже на такой весьма неманевренный вид транспорта, как поезд. Однако самолет, автобус, поезд — это разные транспортные средства. И освобождение каждого из них требует своего, индивидуального подхода.

Но как, к примеру, проникнуть незамеченным в автобус? Это практически невозможно. У террористов круговой обзор. Значит, будь в группе даже самые сильные бегуны-спринтеры, в экипировке, с оружием они не успеют выйти к автобусу — террористы расстреляют заложников, да и откроют огонь по бойцам спецназа.

Самолет, наоборот, если он на земле, не столь удобен для обзора окружающей территории. Но тут возникает другая трудность: как проникнуть в авиалайнер, если практически все двери, люки могут находиться под контролем террористов.

Это только проблемы подхода к захваченному транспорту и проникновение в него. Но представим, бойцы группы «А» чудесным образом уже оказались на борту самолета, либо в вагоне поезда, в автобусе. Как отличить террориста от заложника, как применять оружие и применять ли его вообще — ведь рядом с боевиком сидит или стоит ни в чем не повинный человек.

Вот такие непростые вопросы возникали перед вновь назначенным командиром группы «А» подполковником Геннадием Зайцевым. И ответов на них не было.

Чарльз Беквит, создатель и первый командир американской группы «Дельта», мог поехать в Тель-Авив и перенять опыт у израильских бойцов, а король Саудовской Аравии Халед — попросить помощь у президента Франции Валери Жискар д'Эстена, как это случилось в 1979 году, когда исламские фундаменталисты захватили 6 тысяч заложников в Мекке. И французы прислали трех сотрудников ГИГН, участие которых, кстати, сыграло решающее значение в победе над террористами. Ничего этого не мог сделать Советский Союз, а значит, и командир советского антитеррористического подразделения. До всего предстояло дойти своим умом, путем проб и ошибок.

Однако Зайцев прекрасно понимал: это не под силу одному человеку, будь у него хоть семь пядей во лбу. Это может сделать только коллектив, сплоченный, спаянный коллектив единомышленников. Но его еще

предстояло создать, сплотить, спаять.

Во многих публикациях о группе «А» уже укоренилось мнение, что отбор в подразделение был самым тщательным, и поэтому там оказались, считай, готовые профессионалы — антитеррористы. Увы, дело обстояло иначе.

Да, действительно, председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов дал добро на отбор кандидатов из состава всего Комитета госбезопасности. Но жизнь есть жизнь. И каждый Главк отреагировал на указание большого шефа по-своему. Кто же хочет отдавать своих лучших сотрудников «дяде»? Пусть этот дядя и свой, из соседнего управления. А самому с кем работать? И потому, например, 7-е управление подходило к делу, как правило, с большой ответственностью и командировало в группу «А» действительно лучших, а вот 9-е управление, случилось, хитрило.

Но и Зайцев не вчера родился. Все это понимал. Вместе со своими заместителями был всегда начеку. При отборе в группу изучали тысячи дел кандидатов.

Подверглась серьезному экзамену и первая тридцатка бойцов. Командир в ходе изучения людей вынужден был пятерых сотрудников откомандировать из подразделения. Один не подходил по здоровью, четверо, как Зайцев скажет позже, были «сырыми», не готовыми к работе в антитеррористическом подразделении.

Бойцов набирать было трудно. Группа «А» росла, что называется, не по дням, а по часам. Ее штат пересматривался ежегодно. Если в 1977 году, как мы уже говорили, она выросла с 30 до 56 человек, то в следующем году — до 71 сотрудника, потом до 100. А в мае 1980 года в ее рядах насчитывалось более двух сотен бойцов.

Такой стремительный рост был обусловлен увеличением числа террористических актов, как в мире, так и в Советском Союзе.

Возглавить подразделение

В августе 1979 года впервые в нашей стране и в истории существования «Альфы» произошел террористический захват посольства. Им оказалось американское посольство. Потом был штурм дворца Амина в Афганистане, и... пошло-поехало, покатилося колесо терроризма по нашей стране. 1981 год — Сарапул: захват террористами 25 учеников 10 класса; 1983 год — Тбилиси: кровавый теракт в небе над Батуми; 1986 год — Уфа, позже Минводы.

Каждый из этих терактов — особенный, отличный от другого. И террористы разные.

И вот все это позади. Одиннадцать лет он командовал «Альфой». Теперь предстояло передать дела. Кому? Иной кандидатуры, кроме Героя Советского Союза Виктора Карпухина, он не видел.

Уходить было тяжело. За эти годы полковник Зайцев сроднился с подразделением. Но служба есть служба.

4 ноября 1988 года председатель КГБ СССР подписал приказ: назначить полковника Зайцева Геннадия Николаевича заместителем начальника 7-го управления.

Вполне логично было бы оставить кураторство группы за ним, но генерал Расщепов почему-то принял другое решение, несмотря на многочисленные просьбы Зайцева.

Начальник управления «замкнул» спецподразделение на себя.

Более того, он старался всячески отодвинуть Зайцева от подразделения. Уходил в отставку заместитель Геннадия Николаевича в группе «А» полковник Валерий Емышев. Проводы проходили в «Альфе». Но Расщепов не отпустил Зайцева на торжественный вечер.

Отказал он своему заму и в просьбе проводить погибшего бойца группы «А» лейтенанта Виктора Шатских в последний путь на кладбище.

Однако жизнь порою была сильнее странных причуд Расщепова. Менее чем через месяц после назначения, 1 декабря 1988 года, первый заместитель председателя КГБ СССР генерал Филипп Бобков вызвал к себе двух замов начальника 7-го управления — генерала Колобашкина и полковника Зайцева. Коротко ввел в обстановку и приказал сотрудникам «Альфы» вылететь в Минеральные Воды, а Зайцеву — возглавить подразделение.

А обстановка была такова. В городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) террористы захватили автобус с детьми, учительницей и водителем. В автобусе находилось 32 ученика 4-го «Г» класса 42-й школы.

Бандиты угрожали детям охотничьим ножом. Они приказали водителю выехать в центр города, на площадь перед зданием Северо-Осетинского обкома КПСС.

Когда милиционеры пытались приблизиться к автобусу, бандиты остановили их окриком.

— Стой, не подходить! Стреляем.

И потребовали рацию для переговоров.

Радию им передали. Начались переговоры. Террористы настаивали на выдаче оружия, большой суммы денег в валюте и самолета, а также

освобождении своих поделщиков, один из которых находился в местной тюрьме, другой — в Ташкенте. Ну и потом, разумеется, обеспечить вылет за рубеж.

На размышление дали сорок минут, потом пообещали каждые полчаса убивать по одному заложнику.

В обкоме партии срочно создали штаб. О террористах известно было немного, по сути, только то, что сообщили они сами: их восемь человек, все вооружены. Под сиденьями в автобусе расставлены трехлитровые банки с бензином. Так ли это было, трудно сказать. Однако никто не собирался рисковать жизнями детей.

Это значило, что штурм с применением оружия исключен. Следовало тянуть, выигрывать время.

Бандиты требовали самолет. Им нужен был тяжелый лайнер, чтобы загнать внутрь автобус с детьми. Но взлетно-посадочная полоса в аэропорту Орджоникидзе не могла принять тяжелый «Ил-76». И тогда террористы приказали следовать в Минеральные Воды.

Требование их выполнили. Вечером, после 20 часов, автобус с заложниками в сопровождении милицейских машин и «скорой помощи» двинулся в сторону Минеральных Вод.

Сначала «ЛАЗ» подъехал к воротам местного изолятора временного содержания. Здесь находился «друган» преступников Кривоносов.

Его вывели к автобусу. Главарь террористов Якшиянц рассказал Кривоносову, как они захватили автобус с детьми и теперь следуют в аэропорт, чтобы «отчалить» с мешком долларов в «теплые страны». Но тут вышла неувязка. Перспектива оказаться в подобной стране почему-то не прельстила Кривоносова. Он отказался присоединиться к банде.

Злобно выругавшись, Якшиянц приказал двигать дальше. Но тут замминистра МВД республики Батагов, который вел переговоры, напомнил, что за организацию встречи бандит должен отдать ребенка.

Покуражившись некоторое время, Якшиянц все-таки дал добро. Освободили самую маленькую девочку, Ивелину Чебакаури.

Автобус, сопровождавшийся милицейским эскортом и машинами «скорой помощи», вновь двинулся в дорогу. Пока он ехал в Минеральные Воды, из аэропорта «Внуково» вылетел самолет с сотрудниками группы «А». Вместе с ними на Северный Кавказ отправились представители прокуратуры, МВД, КГБ.

«Ту-134» из Москвы приземлился в аэропорту Минеральных Вод в 22 часа 53 минуты. Террористы еще были в пути, и это дало возможность оперативному штабу, оценив обстановку, разработать варианты действий:

остановку автобуса на третьей рулежной дорожке или на платформе аэропорта Минеральные Воды.

Сюда должны были прибыть два «Ил-76», а также иностранная валюта, которую требовали террористы.

В подразделении «А» полковник Геннадий Зайцев сделал боевой расчет — выделены две штурмовые группы, выставлены снайперы и наблюдатели, а также определен резерв.

Провели рекогносцировку на тех точках, где мог остановиться автобус, выбрали места для укрытия групп, организовали тренировку по штурму самолета «Ту-154», на тот случай, если террористы согласятся пересечь в этот лайнер.

Поскольку бандиты выдвигали требование забрать своего сообщника из Ташкента, туда была направлена группа захвата. Она вылетела в столицу Узбекистана.

Около четырех часов ночи автобус с террористами и заложниками въехал на летное поле аэродрома Минеральных Вод.

Полковник Геннадий Зайцев взял рацию, которую он не выпустит из рук долгие восемь часов.

Противостояние

Началась тяжелейшая, многочасовая психологическая дуэль руководителя «Альфы» Геннадия Зайцева и главаря террористов Павла Якшиянца.

Не знаю, вошла ли эта борьба умов и характеров в учебники по антитерроризму, но, на мой взгляд, она достойна того. Для меня ясно давно: те события — классика антитерроризма. Полковник Зайцев показал себя тонким психологом, умелым тактиком, стремительно реагирующим на изменение обстановки и настроений террористов, стратегом, просчитывающим следующий шаг бандитов.

Итак, напомним события. В декабре 1988 года в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) группой террористов во главе с Павлом Якшиянцем был захвачен автобус с детьми, водителем и учительницей Натальей Ефимовой.

Позже об этом много писали. На экраны страны вышло два фильма: документальный «Заложники из 4-го „Г“» и художественный «Взбесившийся автобус». В них был хорошо передан весь драматизм обстановки, психологическое напряжение, но за кадром осталась фигура

человека, который непосредственно руководил спецоперацией, — полковника Зайцева.

Разумеется, в аэропорту находились и более высокие начальники, например заместитель председателя КГБ генерал Пономарев, о событиях в Минеральных Водах доложили генсеку Горбачеву, второй секретарь ЦК Лигачев несколько раз звонил в штаб спецоперации, справлялся, как идут дела.

Однако основная ответственность лежала на плечах группы «А». Тут каждый выполнял свои нелегкие обязанности, при этом постоянно рискуя жизнью, как, например, боец группы «А» Валерий Бочков или сотрудник Ставропольского УКГБ Евгений Шереметьев.

Но мне хотелось бы сказать о роли Зайцева. Смее утверждать: она была самой важной, ключевой.

Начнем с того, что Геннадий Николаевич вел переговоры с главарем банды восемь часов. Задумайтесь над этой цифрой. Павел Якшиянц, рецидивист, неоднократно судимый, сколотил банду и решил угнать самолет за рубеж. Потом на суде он признается, что готовился долго и тщательно. Собирал книги, газетные и журнальные вырезки, различные кино— и фотоматериалы. И не только наши, но и зарубежные.

Он продумал все до мелочей. Например, захват автобуса не со взрослыми пассажирами, а с детьми. Это гарантия того, что спецслужбы на штурм не пойдут, да и требования будут выполнять намного активнее. Кто же станет рисковать детьми?

Террористы плотно зашторили окна автобуса и в салоне расставили банки с бензином. Одна искра — и гибель тридцати детей неминуема.

Якшиянц постоянно менял свои условия: то требовал деньги, то оружие, то доставить к нему жену.

И все время был настороже — не верил, сомневался, выторговывал гарантии. А сам обманывал, угрожал, хамил.

Вот такой соперник попался Геннадию Зайцеву.

Противостояние началось, как мы уже сказали, ночью 2 декабря 1988 года в аэропорту Минеральные Воды.

Первое, в чем хотел убедиться Зайцев, каково состояние детей. С этого и начал полковник.

«Зайцев: Алло, Павел, ты слышишь меня?»

Якшиянц: Не беспокойтесь.

Зайцев: Павел, учительницу можешь пригласить?»

Якшиянц: Пожалуйста. — Обращается к учительнице: — С тобой будут разговаривать. Говори, что хочешь.

Учительница: Здравствуйте, говорит учительница Наталья Владимировна.

Зайцев: Очень приятно, Наталья Владимировна. Я — Геннадий Николаевич.

Учительница: Вы не скажете, когда нас отсюда выпустят?

Зайцев: Наталья Владимировна, я обращаюсь к вам как к главной защитнице детей. Как они чувствуют себя?

Учительница: Дети сейчас спят. Конечно, все хотят домой. Проснутся, опять начнут плакать.

Зайцев: Нужно ли кому-то из детей оказать медицинскую помощь? Или иную помощь, по вашему мнению?

Учительница: Нет. Они чувствуют себя хорошо. Помощи медицинской не надо. Только есть хотят и домой бы поскорее.

Зайцев: Я очень прошу вас: держитесь изо всех сил. Что бы ни произошло, знайте — все о вас беспокоятся. Подчеркиваю, вашей жизни, если все пойдет нормально, ничего не угрожает».

...Ах, дети, дети. Просто представить трудно, что родился, ходит по земле человек, который пошел на такое чудовищное преступление — в заложники взял детей.

Что знал полковник, что знали в штабе на этот час о главаре банды? К их прилету в Минводы местные комитетчики уже получили кое-какую информацию.

Павел Якшиянц, 38 лет, уроженец Ташкента, работал водителем в Орджоникидзе. Трижды судим. Хитер, изощрен, жесток.

Н-да. Одиннадцать лет руководил Зайцев группой «А», всякого навидался, но такое — держать под ружьем автобус с двенадцатилетними детишками — встречает впервые.

Он сам отец и дед. Представляет сейчас испуганные глазенки мальчишек и девчонок. Эх, кабы не дети, «Альфе» на все про все хватило бы считанных секунд, и лежать бы сволочам мордой на грязном полу.

Но нет, он должен быть спокоен и мудр. Ему вести дуэль с главарем бандитов.

«Якшиянц: Мы поступили очень грубо, сапогами в морду, можно сказать. Но мы себя оправдаем. В дальнейшем, я вам говорю, одна секунда, как вы сделали добро, вторая секунда будет наше добро. Не принимайте нас за дуралеев. Я интересовался всеми этими акциями, и, по-моему, неплохо продумал операцию».

«Да уж, неплохо», — отметил про себя Геннадий Николаевич. — Неспроста, передавая ему ориентировку на Якшиянца, сотрудник местного

управления КГБ добавил: «Обратите внимание, террорист опытен, хитер, жесток...»

Он прав. Пожалуй, никто так тщательно и изощренно не готовился к теракту, как Якшиянц. Зайцев вспомнил Власенко, 1979 год, захват посольства США.

Правда, тогда и захвата никакого не было. Второй секретарь посольства США Прингл сам провел неизвестного в консульский отдел. А когда тот показал им бомбу на поясе и стал угрожать взорвать посольство, если ему не дадут разрешения на выезд в Америку, дипломаты бросились к советским властям: спасите. На спасение американцев бросили группу «А».

Это был первый настоящий террорист. Первый для группы антитеррора и ее командира подполковника Геннадия Зайцева со дня создания подразделения. Власенко не просто грозил или выкрикивал свои требования, забаррикадировавшись, как иностранные студенты, недовольные бытовыми условиями. Тех можно было просто взвалить на плечо и вынести из помещения, этого — не взвалишь, не вынесешь. На поясе у него взрывчатка, палец в кольце, и вполне реальные требования выезда за границу.

Первым на встречу с террористом пошел командир — подполковник Геннадий Зайцев. Когда Власенко предупредил его, чтобы близко не приближался, Зайцев понял — этот не шутит.

Почти два часа провел командир группы «А» один на один с террористом. Потом, случится, он по многу часов будет вести переговоры с более изощренными, хитрыми, матерыми террористами, но тот первый запомнится на всю жизнь.

Тогда Зайцев, выйдя из посольства, принесет первые данные о террористе (ведь о Власенко практически ничего не было известно), тогда же он сделает свое заключение — этот человек психически болен. В последующем «диагноз» Зайцева подтвердится.

И хоть имелась у него взрывчатка на поясе, а у них, антитеррористов, опыта в таких делах практически не было, ничего не добился Власенко.

В него выстрелили. Раненый террорист выдернул чеку. Сработала часть заряда. Вынесло оконную раму, металлическую решетку.

Раненый Власенко был отправлен на «скорой помощи» в больницу. По дороге он скончался. На третий день после проведения операции в группе будет зачитан приказ № 0179 председателя Комитета Государственной Безопасности.

В нем Андропов обратится к бойцам подразделения:

«Личный состав группы „А“ должен понимать, что ему придется сталкиваться с особо опасным противником, что требуется не только смелость и отвага, но и военная хитрость, решительность в действиях, готовность принимать самостоятельные решения, исходя из складывающейся обстановки на месте».

Прав оказался Юрий Владимирович. Вот он и столкнулся сегодня с таким противником — особо опасным. «Ну ничего, мы тоже не лыком шиты».

Полковник нажал тангенту микрофона.

«Зайцев: Павел, готовы удовлетворить все ваши требования. Но нами руководит беспокойство за детей. Могли бы вы тоже ответить гуманностью и освободить детей?

Якшиянц: Да, освободим детей. Но только в случае, если руководитель государства официально объявит во всеуслышание и подпишет документы о нашем беспрепятственном выезде.

Зайцев: Куда вы хотите вылететь?

Якшиянц: В любое иностранное государство, которое нас не выдаст. Уверены в лояльности Пакистана, Израиля, ЮАР».

Они уверены в лояльности, но так и не решили, куда лететь. А вот Мельников и Колпакбаев, захватившие в заложники 25 учеников 10-го класса города Сарапула в 1981 году, точно знали — они хотят в США.

Геннадий Николаевич словно опять оказался в ижевском аэропорту, когда самолет с группой «А» замер на посадочной полосе. А дальше... Дальше была скользкая, обледенелая дорога до самого удмуртского города.

«Сарапул» — первая антитеррористическая операция, проведенная в послеафганский период. Сейчас сотрудники группы «А» вспоминают о ней, как умудренные опытом мужи о своих первых несмелых, младенческих шагах. С годами подразделение вырастет численно, наберется опыта, возьмет на вооружение передовые методы и способы борьбы с терроризмом лучших зарубежных спецгрупп.

Но все это будет потом — через год, через два. А в декабре 1981 года группу поднимут по тревоге, бойцы загрузят боеприпасы. Кстати, патронов и гранат возьмут столько, что, пожалуй, хватило бы на месяц войны. На обратном пути, не сделав ни одного выстрела, удивятся — как такое пришло в голову? Но кто знал, как оно повернется.

Позже, со временем, придет понимание того, что спецподразделению нужен только минимум боеприпасов. Где и как их применять? В самолете, когда каждый террорист прикрывается несколькими заложниками, в автобусе, когда преступник Якшиянц и его подручные держат на мушке

детей? Вряд ли кому подобное взбредет в голову. Здесь, скорее, нужно психологическое оружие плюс точный расчет.

У нас нередко, даже среди высоких руководителей, с экранов телевизоров звучат уверенные заявления: «Каждый имеет право на ошибку». Группа антитеррора такого права не имеет. Вот и он сегодня не имеет права ошибиться. Итак, Пакистан, Израиль или ЮАР. Времени согласовывать с МИДом свой выбор не было.

Заместитель председателя КГБ генерал Пономарев выжидающе смотрел на Зайцева. Полковник опустил микрофон.

— Пакистан...

— Добро, — ответил Пономарев и направился в противоположный конец комнаты, в которой располагался штаб, к телефону правительственной связи.

2 декабря 1988 года. 0:45.

Москва. Аэропорт Шереметьево.

Экипаж Александра Божкова готовится к полету в Дели. Они недавно вернулись оттуда, увозили после гастролей цирк. Веселые пассажиры попались: медведи, лошади, орлы. В полете вели себя смирно, только орлы все помахивали крыльями, беспокоились.

Однако очередной рейс в Индию был неожиданно отменен. Самолет полетел в Минеральные Воды. Когда приземлились, поразило безлюдье в аэропорту. Пока выруливали на дальнюю стоянку, «Земля» ввела в обстановку. У трапа их встречал сотрудник КГБ, рассказал подробнее о случившемся, уточнил: «Дело добровольное. Кто чувствует себя неуверенно, может отказаться». Ни один из пилотов не дрогнул. С этой минуты они уже знали: им лететь за границу по требованию террористов, им быть заложниками.

Зайцев нажал тангенту микрофона: «Мы готовы предоставить вам возможность вылететь в Пакистан. Как вы относитесь к этому?»

«Якшиянц: Хорошо. Значит, куда мы улетим отсюда?»

Зайцев: Самолет без дозаправки дотянуть до Пакистана не сможет. Поэтому требуется промежуточная посадка в Ташкенте. Именно Ташкент ближе всего к Пакистану. Поняли меня?

Якшиянц: Душанбе вас не устраивает?

Зайцев: Душанбе ближе к нам и дальше от пакистанской границы.

Якшиянц: Там разве нет прямой границы с Советским Союзом?

Зайцев: Нет. Да и Ташкент географически ближе к Пакистану».

2 декабря 1988 года. 1:20 московского времени.

Совпосольства в Исламбаде, Кабуле, генконсульство СССР в Карачи.

Советские полномочные представители в Афганистане и Пакистане получили срочное сообщение о захвате детей в Минеральных Водах, о требованиях террористов предоставить им самолет до Пакистана.

Несмотря на глубокую ночь, послы СССР настойчиво выходили на связь с местными представителями власти.

2 декабря 1988 года. 1:25 московского времени.

Аэропорт минеральные воды.

Вскоре в штаб пришло сообщение: Ташкент готов принять террористов. Однако к тому часу бандиты уже изменили свое решение.

«Якшиянц: Значит, я вам говорю: иностранный самолет из Пакистана прилетает в Ташкент. Что мы делаем? Грузимся в самолет. Там присутствует посол этого государства. Вы подписываете с нами договор, что не применяете силу, мы детей оставляем и летим».

Вот так высоко взлетел рецидивист Якшиянц — и персональный самолет из Пакистана, и посол у трапа.

Зайцев тут же опустил на грешную землю воспарившего террориста.

«Зайцев: Хочу пояснить: вопрос весьма сложный. Сейчас ночь. Посла Пакистана требуется из Москвы доставить в Ташкент. Значит, надо провести переговоры на самом высоком уровне.

Якшиянц: Непонятно мне, разве посол Пакистана не может сразу вылететь?

Зайцев: Может. Но подчеркиваю, он находится в Москве. Его надо найти, поднять, обеспечить вылет...

Якшиянц: Вы меня не поняли, что ли? Я спрашиваю: посол или временный поверенный?

Зайцев: Полномочный представитель Пакистана в Советском Союзе. Его резиденция в Москве.

Якшиянц: Как, вы поддерживаете дипломатические отношения с государством, которое с нами воюет?

Зайцев: Что вы имеете в виду?

Якшиянц: С территории Пакистана уничтожаются наши парни. Там базы. Ну, если у вас пакистанский посол, нам Пакистан не нужен. С этим послом можно о чем угодно договориться. Да-а, значит, они тоже засранцы приличные, простите за выражение. Наших бьют, а сами в Москве сидят. Ладно. Как насчет Израиля?»

Зайцеву надо принять непростое решение. И главное — не ошибиться. С одной стороны, с Израилем отношения у СССР далеко не простые, с другой — эта страна беспощадно борется с террористами. Но если сразу дать добро на Израиль, Якшиянц вновь может насторожиться. И тогда Зайцев проводит обходной маневр. Он говорит о том, что у Советского Союза нет дипломатических отношений с Израилем. Бандитам как раз это и надо. И тут же подсовывает главарю Финляндию.

«Зайцев: Павел, а если Финляндия, вас устроит?»

Якшиянц чувствует свое превосходство. Ему собираются «впарить» Финляндию... Но он не дурак.

«Якшиянц: Я даже улыбнулся — Финляндия! Боже мой! Это ж наши шлепанцы в Балтике».

И тут же он твердо заявляет: летим в Израиль. Собственно, то, что и требовалось доказать.

Но как себя поведет Израиль? Не ошибся ли в своих расчетах командир «Альфы»? Однако уже через несколько часов станет ясно: интуиция не подвела Зайцева.

2 декабря 1988 года. 2:47 московского времени.

Тель-Авив. консульская группа советского союза.

Руководитель консульской группы Г. И. Мартиросов был поднят с постели ночным телефонным звонком из Москвы. Сообщив о происшествии, его предупредили, что самолет, скорее всего, направится в Израиль.

Заместитель министра иностранных дел СССР попросил выйти на руководство страны. Он намеренно воспользовался открытой связью в надежде, что Тель-Авив «услышит» беседу МИДа со своим посланником и как-то отреагирует. Так, по существу, и случилось. Через час после разговора с Москвой Мартиросову позвонил исполняющий обязанности генерального директора МИД Израиля Ануг и дал понять, что им известно о захвате самолета.

Израильтяне практически сразу выразили согласие принять самолет. А в Минводах продолжалась борьба. Теперь бандиты требовали денег.

«Зайцев: Вы уже несколько раз говорили о деньгах. Что вы имеете в виду, какие деньги?»

Якшиянц: Нам нужны доллары, стерлинги».

«Вот и до денег дошли», — усмехнулся про себя Зайцев, хотя,

откровенно говоря, было не до смеха. Песня эта не новая, и Якшиянц не оригинален. Еще в 1973 году, когда «Альфы» не существовало, четверо вооруженных бандитов захватили самолет «Як-40», следовавший по маршруту Москва — Минск, и потребовали изменить курс, чтобы вылететь за рубеж.

Экипаж уговорил террористов сделать посадку в Москве, якобы для дозаправки лайнера горючим.

Уже тогда угонщики требовали полтора миллиона долларов и вылет в Швецию. В случае невыполнения их требований террористы обещали взорвать лайнер вместе с пассажирами.

Интересно, какую сумму запросит Якшиянц?

«Зайцев: О какой сумме идет речь?»

Якшиянц: Ну, тысяч по пятьсот на брата».

Зайцев отреагировал сразу. Ведь для «Альфы» было очень важно определить, сколько в автобусе террористов. Полковник как бы в продолжение разговора вплетает свой вопрос:

— А сколько вас братьев?

Но главарь далеко не простака. Он промолчал и заговорил вновь о деньгах.

«Якшиянц: Я сказал еще в Орджоникидзе — нам нужно миллион в долларах, миллион в фунтах стерлингов и миллион золотом. Золотом с пробами. Мы все это проверим.

Зайцев: Миллион золотом и миллион фунтов стерлингов. Я вас правильно понял?

Якшиянц: И миллион долларов. И золотом. Русским золотом. Самым дешевым и самым дорогим.

Зайцев: Я вас так понял: либо миллион долларов, либо миллион фунтов стерлингов, либо миллион золотом?

Якшиянц: Совершенно вы меня не поняли. Все три в одно место. Может быть, вы скажете: „Дадим вам три — золотом?“. Пожалуйста.

Зайцев: Павел, я откровенно говорю, что у нас такой возможности нет. Речь может идти о долларах.

Якшиянц: А почему золота нет, русского золота?

Зайцев: Павел, у нас золота с собой нет.

Якшиянц: Как так? В Советском Союзе золота нет, что ли? Я удивляюсь. Неужели вам жалко денег. Просто туда с миллионом неудобно ехать. Столько морд! Не успеешь оглянуться, как опять будешь в заднице.

Зайцев: Я еще раз обращаюсь к вам. Вы обсудите этот вопрос с товарищами. Мы можем дать только доллары.

Якшиянц: Три миллиона?

Зайцев: Нет, два...

Якшиянц: На каких условиях?

Зайцев: Условие одно: вы освобождаете детей, мы передаем два миллиона и обеспечиваем вылет».

В это время в комнате штаба полковник Зайцев увидел сотрудника группы «Альфа» Валерия Бочкова, окликнул:

— Как с деньгами, Валерий Александрович?

— Все нормально, Геннадий Николаевич, деньги уже в Минводах.

А было так: сотрудники 4-го управления КГБ, приехав во Внешторгбанк, выгребли из сейфов всю наличность. Работники банка только руками развели: с чем работать завтра? Сотрудники безопасности промолчали. Только один, увязывая мешок с валютой, угрюмо сказал: «До завтра еще дожить надо...»

В ту ночь каждый из них думал о своем: банкиры — о деньгах, уплывающих неизвестно куда, сотрудники безопасности — о детях, в сердце которых направлен бандитский обреза.

...Самолет с мешками денег улетел в Минводы.

Теперь, когда с будущей безбедной жизнью все было решено, террористы потребовали новых гарантий. Гарантий безопасного вылета в Израиль. Как только не изощрялись бандиты, чего только не придумывали. Их требования, даже самые безумные, пытались удовлетворить. Повторим, никто не имел права рисковать детьми.

Бандиты продумали даже мелочи: окна автобуса наглухо зашторили, в салоне расставили банки с бензином. Одна искра, и гибель тридцати детей неминуема. Арестовать преступников ценой тридцати жизней?

«Якшиянц: Значит, я вам говорю: сюда к нам члена Политбюро, но не того, который должен выйти на пенсию, а цветущего. Личность мировую, известную. И гарантии от нашего президента. Пусть даст железные гарантии, а его жена Раиса Максимовна пусть едет с нами. Если она детей любит».

Как бы это ни было сложно, Зайцев отказал сразу:

— То, что вы предлагаете, нереально.

Офицер КГБ, профессионал, он даже и мысли не допускал, чтобы имена государственных деятелей или их близких людей служили разменной монетой у террористов.

Потом, позже, после захвата в Буденновске на связь с террористом Шамилем Басаевым выйдет сам председатель правительства России Виктор Черномырдин. Мы все знаем, чем это закончилось. После их

беседы уже никто не рискнул преградить дорогу кровавому убийце.

С тех пор он на свободе. Сколько терактов организовал, сколько террористических операций разработал и провел, сотни жизней погубил. Так надо ли было брать трубку и вести переговоры второму человеку в государстве? Возможно, тогда кому-то казалось, что надо. Но это только казалось. Не дело премьеров торговаться с террористами и давать им гарантии. Для этого у нас есть специалисты.

Однако главарь террористов не унимался.

«Якшиянц: Раиса Максимовна — не государственный человек, она мать. Почему же на это нельзя пойти? Знаю, с ней меня и за два миллиона никто не уничтожит».

Однако полковник занимает ту же твердую позицию.

«Зайцев: Вас и без нее никто не собирается уничтожать. Но ваше требование невыполнимо.

Якшиянц: Думаете? Но другого выхода не вижу. Это, может, моя фантазия, но если бы я был Первый, посоветовал бы: „Знаешь, жинка, давай-ка, съезди с хлопцами“ Считаю, что Крупская бы поехала. Сказала бы: „Я вам как бабушка, меня возьмите, а детишек отдайте“.

Зайцев: Павел, вы прекрасно видите — рядом стоит самолет, работают двигатели, он полностью готов к вылету. Так летите! Причем тут Раиса Максимовна?»

Трудно сказать, были ли эти требования доложены президенту. Говорят, Горбачев знал о них.

Тем временем главарь, встретив твердый отпор, уже забыл о Раисе Максимовне, он требовал вернуть в автобус жену и дочь. Дело в том, что при захвате автобуса вместе с террористами находилась и жена Якшиянца Тамара Фотаки с дочерью. По дороге в Минеральные Воды она упростила мужа выпустить их. Тот согласился. Теперь счел необходимым возвратить обеих обратно.

«Якшиянц: У нас все идет отлично, не жалею. Единственно, у меня была минута слабости, когда жену с ребенком выпустил. Она мне сказала: „Павел, нас всех уничтожат! Пожалей ребенка“. Действительно, я посмотрел, у нас такая зарядка техбензином, непременно сгорим — и выпустил. Теперь передумал и говорю: подготовьте их к возвращению. Это будет одно из требований. Они должны вернуться в автобус. Вот так — Тамару Михайловну и дочь. Она не против, просто не верит, что все пройдет благополучно.

Зайцев: Я понял».

Но Фотаки возвращаться наотрез отказалась.

Ее уговаривали заместитель председателя КГБ генерал Пономарев, полковник Зайцев, местные партийные работники. Просили как женщину, как мать. Тамара Михайловна боялась.

После проведенной оперативной работы стали известны имена сообщников Якшиянца.

В. Муравлев, 26 лет. Шофер, электрик. Последние месяцы нигде не работал. Дважды судим.

Г. Вишняков, 22 года. Работал в автобусном парке, потом на заводе...

Однако пока никто не знал: трое их, четверо или пятеро? Главарь банды говорил о семерых сообщниках, но хотел получить восемь бронжилетов. И вот впервые прозвучало грозное требование выдать оружие. Требование — одно из самых опасных и тупиковых. В мировой практике не было случаев выдачи оружия террористам. В отечественной тоже.

Что означал бы такой шаг? По существу, самоубийство. Все понимали: каждая пуля бандитов — это пуля, летящая в грудь бойцов «Альфы».

Вооружить террористов

Якшиянц требовал семь автоматов.

«Зайцев: Еще раз прошу повторить. Как я понял, мы должны дать вам восемь бронжилетов. Так или нет?»

Якшиянц: Да, так. И еще семь автоматов. Их работоспособность мы проверяем, заряжены ли они боевыми, чтобы не было подлога».

Автоматы уже встречались в практике командира «Альфы». Это, конечно, не охотничьи обрезы и не ножи, а мощное современное стрелковое оружие. Зайцев понимал: противостояние по оружию надо выиграть во что бы то ни стало. Кто знает, как дальше станут развиваться события, а семь «АКМов» в руках террористов — это кошмар.

Военнослужащие внутренних войск МВД Мацнев и Ягмурджи, захватившие самолет «Ту-134А» в Уфе в сентябре 1986 года, как раз и были вооружены ручным пулеметом и автоматом Калашникова. И сколько же жертв они после себя оставили, сколько людей погубили. Сначала убили двух сотрудников милиции, которые пытались их преследовать, потом, ворвавшись в самолет, открыли стрельбу, сразив очередью двух пассажиров.

Бойцы «Альфы», которым предстояло штурмовать самолет, осознавали: пулемет и автомат — сокрушающее оружие. Ни один

бронезилов в ту пору не способен был выдержать автоматной, а тем более пулеметной очереди.

Но тогда, в Уфе, так распорядилась судьба, Мацнев и Ягмурджи сами завладели оружием из оружейной комнаты роты. Теперь же ему, полковнику Зайцеву, предстояло, по сути, собственноручно вооружить бандитов. А иначе как? В автобусе тридцать детских душ, тридцать жизней.

«Зайцев: Для чего вам нужны автоматы?»

Якшиянц: Вы должны точно гарантировать, что по прилету на место один из нас выйдет в город, проверит, действительно ли это та страна. Потом автоматы сдаем.

Зайцев: По существующим международным нормам ввозить в другую страну оружие запрещено законом».

В это время, чтобы увести Якшиянца от мысли об оружии, Зайцев предлагает в качестве заложников вместо детей экипаж самолета. Бандит не верит, он считает, что в форме летчиков перед ним предстанут работники спецслужб.

«Зайцев: Взамен детей мы даем гарантии правительства и экипаж.

Якшиянц: Экипаж — это первоклассные бойцы, они согласны пожертвовать собой, чтобы выполнить долг перед Родиной. Это я понимаю. Вы должны применить все, чтобы не выпустить нас. Я не верю, что вы просто так отпускаете. Такого не было. Не было никогда.

Зайцев: Да, не было. А сейчас впервые проблема решается таким образом. Я подчеркиваю еще раз, ваши требования удовлетворены на самом высоком правительственном уровне».

Когда читаешь расшифровку магнитофонной записи переговоров, порою кажется, что там, в автобусе, находится благоразумный человек, со своими мыслями, чувствами. Он не лишен сострадания, то и дело говорит, что ему жаль детей, пытается философствовать о добре и зле, даже шутит! Но вот лишь один непредвиденный случай — в радиостанции террористов село питание. Штаб послал к автобусу женщину, работника аэропорта, с новыми батареями.

Ну, а кого же послать? Мужчину? Бандиты могут решиться на отчаянный шаг. Увидев в окно женщину, Якшиянц пригрозил: *«Если еще кто-нибудь подойдет, как эта женщина, без предупреждения, — уничтожим автобус».*

«Зайцев: Не было другого выхода. У вас село питание.

Якшиянц: Питание у нас нормальное. Просто вам трудно кнопку нажать».

Полковник Зайцев «нажимал кнопку» и вел переговоры много часов

без перерыва. Уговаривал, увещевал, лавировал, уходил от вопроса об оружии. Упорно работали местные комитетчики: они выявили сообщников Якшиянца, доставили в аэропорт отца одного из бандитов — Муравлева.

«Отец: Володя, доброе утро.

Муравлев: Здравствуй, папа.

Отец: Володя, мне страшно и я плачу. Что ты творишь? Что ты делаешь с детьми? Остановитесь. Не оставляйте Родину, важнее Родины ничего нет! Куда вы катитесь? Подумай о бабушке, о дедушке Саше, подумай. Ты на его земле сейчас. Кого ты бросаешь? Остановись, сынок! Я тебя прошу. С ваших голов ни один волос не упадет. Это гарантии правительства, Горбачева. Если он сказал, кому еще верить в нашем государстве?

Муравлев: Слушай, папа, мы повязаны друг с другом: кто выйдет, тот должен умереть. Такой закон у нас.

Отец: Никто вас умирать не заставляет. Вы должны жить. Вы молоды.

Муравлев: А что, разве плохо для государства валюту заработать? Подумаешь, пройдет каких-то десять лет, и мы эти два миллиона вернем. Ничего не случится.

Отец: Два миллиона захотели? Зачем они вам, эти два миллиона? Честно надо трудиться. У нас в семье копейку зарабатывают трудом. Твой дедушка Ваня трудился, молотком добывал свой хлеб. Сынок, я должен с вами поговорить.

Муравлев: Не надо.

Отец: Ты хотел бы с матерью встретиться, проститься? Если она вас попросит, как сыновей, одуматься и вернуться, согласишься.

Муравлев: Больше нечего сказать?

Отец: Ты не хочешь со мной в последний раз поговорить?

Муравлев: Нет, не надо, тут все против.

Отец: Можешь дать микрофон Павлу? Его Павлом зовут?

Муравлев: Не надо, все это впускаю.

Отец: Володя, одумайтесь, там же маленькие дети, я слышу, они плачут.

Муравлев: Кто плачет? Они смеются.

Отец: Володя, ты подумай, если бы такое случилось с твоим двоюродным братом Алешкой, Лехой. Он такой же маленький.

Муравлев: Уже поздно задний ход давать.

Отец: Я с матерью разговаривал. Знаешь ведь, какое у нее здоровье.

Муравлев: Не могу я, не уговаривай.

Отец: Положи ее в гроб тогда, положи в гроб. Мать у нас труженица, тебя любила, лелеяла, обогревала, обмывала, кормила, в детский сад водила. Ты вспомни это, сынок. Давай я подойду. Хочешь или не хочешь, я обязан сказать. Я все-таки отец.

Якшиянц: Не надо мучить парня. Он волнуется. На протяжении двух месяцев каждый из нас обдумывал. В любой момент мог отказаться. В любой момент. Сто раз!

Отец: Павел...

Якшиянц: Для меня не имеет значения, сколько нас человек. Здесь достаточно одного с зажигалкой. Даже если вы заберете всех, со мной вопрос не решите. Если кто будет подходить, я водителю и этой бабе-училке уши или что-нибудь еще отрежу и выброшу прямо в лицо...»

Волк показал зубы, почувствовав опасность.

Зайцев нисколько не сомневался, что это не просто слова. Допусти они оплошность, и Якшиянц с подельниками будут резать, издеваться, убивать. Как убивали вполне образованные, интеллигентные бандиты художник Гия Табидзе и врач Каха Ивериели в самолете «Ту-134», следовавшем из Тбилиси в Ленинград.

Ворвавшись в кабину пилотов, они выпустили в Завена Шабартяна сразу пять пуль. Бортинженер Анзор Чедия только и успел спросить: «Что вы хотите?» — и был убит несколькими выстрелами.

В штурмана Плотко террористы вели огонь из двух пистолетов. Один стрелял в грудь, другой — в спину.

Погибли еще два пассажира, а над бортпроводницей Вале́й Крутиковой долго издевались. Когда ее нашли мертвую, то волосы на голове были вырваны. Она лежала в крови, без волос.

Штурман В. Гасоян назвал их «зверями». А они были детьми известных и уважаемых в республике родителей — члена-корреспондента Академии наук Церетели, управляющего строительным трестом «Интуриста» Микаберидзе, заведующего кафедрой Института усовершенствования врачей Ивериели.

Эти «детки» пролили море крови, лишили жизни несколько человек.

Словом, делали то, что Якшиянц только обещал сотворить.

И потому полковник Зайцев и его бойцы были начеку.

А захваченные дети который час сидели в душном, пропахшем бензином автобусе. Отец Муравлева взывал к совести бандитов.

«Отец: Деньги есть, самолет стоит, но мы, советские люди, обращаемся к вам. Я, как отец Володи, обращаюсь. Подумайте еще раз. Какое кощунство — взять детей заложниками. Такого даже варвары не

делали.

Якшияну: С помощью ума, силы, хитрости они хотят добиться результатов. Но мы-то стоим по другую сторону баррикад. Нам надо добиться своего! Мы не грубим, не торопим. А можно события поторопить. Парочка жертв, и события потекут, побегут. И правительство приедет. Боже мой! Это очень много — тридцать человек».

Да, это очень много — тридцать детских душ.

Аэропорт был оцеплен солдатами, танки и бронетранспортеры замерли у летного поля, боезапас наготове. Они могли бы стереть с лица земли батальон, а может, даже полк противника, но оказались бессильными перед горсткой бандитов. «Альфа» тоже была бессильна. Пока бессильна.

У микрофона другой бандит. Он назвался Германом.

«Герман: Вы не приняли наши условия с автоматами и бронежилетами?

Зайцев: Жилеты лежат, восемь штук. Мы готовы передать их в любое время.

Герман: В чем тогда дело? Все предельно просто.

Зайцев: Вы можете принять бронежилеты. Сколько штук требуется?

Герман: Восемь бронежилетов и семь автоматов.

Зайцев: Мы ведем речь о бронежилетах.

Герман: И об автоматах тоже. Это входит в наши условия.

Зайцев: Герман, я каждому разъясняю: автоматическое оружие по нормам международного права запрещается ввозить как в Советский Союз, так и в любую другую страну мира. Вы поймите.

Герман: А как это станет известно, что мы ввозим?

Зайцев: После приземления местная полиция сделает досмотр.

Герман: Можно тайник в самолете придумать.

Зайцев: За это ответственность еще больше. Я повторяю, вопрос о вашем вылете решен. Вы требовали деньги — Советское правительство готово выделить их. Вы требовали бронежилеты — мы готовы дать бронежилеты. Но просим в обязательном порядке соблюсти неременное условие: освободить всех детей.

Герман: Это можете рассказать детям четвертого класса. Они поверят.

Зайцев: Что вас не устраивает?

Герман: Нет стопроцентной гарантии. Сказано уже сто раз».

И такой гарантией бандиты считали выдачу оружия. Требования

террористов были переданы в Москву. Но что необычного, нового может предложить Москва? Москва молчит.

Штаб бросает в бой последний «резерв».

«Детей оставляй и лети...»

«Зайцев: Павел, с тобой жена хочет поговорить.

Жена: Павлик, доброе утро. Павлуша, родной, послушай. Я только что разговаривала с заместителем председателя КГБ Советского Союза. Гарантии полные. Бог тебе навстречу. Хочешь, оставайся здесь, хочешь уходить — уходи. Детей оставляй и лети. Никто тебе здесь помехой не будет. Павлуша, милый, я здесь одна, ребенок у чужих людей остался. На все иду, только сейчас сделай по уму, не напори глупостей, родной. Оставляйте детей и идите. Деньги вам приготовлены, Горбачев в курсе дела. Он дал свое согласие. Уже там, в твоём любезном Израиле, все договорено. Не упирайся, иди, заклинаю тебя, Павел, я тебе говорю, что с тобой буду. Буду! Но сейчас это не в моих силах. Ребенка на чужих людей не брошу.

Якшиянц: Было бы твоё желание, я бы подождал. Даже своим ходом готов в любое государство ехать, хоть в автобусе. Раису Максимовну они не хотят в заложницы. Боятся. А члена Политбюро? Тоже нет. Нам что, погибать впустую?

Жена: Павлик, я тебя прекрасно понимаю. Для чего вас уничтожат? Это ни к чему. Тут единственная цель: забрать детей. Я же здесь все своими ушами слышу, обстановку знаю. Неужели ты думаешь, я бы тебя на гибель толкала? Павел, поступи благоразумно, по-человечески, как отец. Там же дети, чьи-то дети. Ты представь, если бы это твои дети были. Кошмар! Сколько это длится? Сутки! Вдумайся. Вам все дадут. Уже мешки денег стоят наготове. Забирайте, езжайте. Зачем вам оружие? Вас же самих с ним не пустят никуда. Зачем оно тебе? Вот, пожалуйста, экипаж самолета здесь, все здесь. У меня на глазах! Я же тебе родная душа. У нас же ребенок, Паша! Мы же дитём связаны!

Якшиянц: Зачем врать. Пацаны над нами смеются. Учительница даже говорит: „Нет, ребята, вас постреляют“ Шофер это говорит. Люди посторонние, со здравым умом. Скажем, у меня преступный ум, извращенный. Ты сама мне вчера сказала, что нас с детьми уничтожат. Нет, не верю, дайте гарантию.

Жена: Павлуша, если я сейчас приду, ты ко мне выйдешь?

Якшиянц: Ты, наверное, будешь говорить за свою судьбу, за нашего ребенка. Не уговоришь. Что тебе нужно? Крест от меня?

Жена: Да дурак же! Какой крест мне от тебя нужен? Что еще сказать, Господи! Хочу объяснить, гарантии вам даны. Эти люди слов на ветер не бросают. Бронежилеты дают, деньги дают. Экипаж не вооружен. Зачем вам оружие! Какой ты упрямый. Это только твоих рук дело, я знаю. Мальчишки там — тьфу! По сравнению с тобой — телята. Это же твоя рука! От тебя все зависит. Павел, еще раз говорю, креста от тебя не хочу. Знаешь, у меня на свете четыре родных человека: ты, отец, мать и дочь. Так почему, если у меня есть возможность, тебя не спасти? Почему я тебя должна хоронить? Ты жив останешься, будешь с деньгами.

Якшиянц: Я уже все потерял. Я обречен на выезд. А это хуже смерти. Смерть — это мгновение. Но ты сама подписала приговор. Ни Родину, ни честь я не предаю (!). Мог бы заставить полететь в Пакистан и там бы пошел в формирования, взяв оружие в руки. Но я не пойду туда. Потому что хочу жить для себя и для своей семьи, а не для государства.

Жена: Павлик, я хочу только одного: чтобы ты вернулся домой. Есть такая возможность. Паша, остановись! Еще не поздно. Поверь мне! Нас Элечка дома ждет. Дитя пожалей!

Якшиянц: Ты вышла — и все. Между нами барьер. Не надо из меня делать зверя.

Жена: Мы можем жить по-человечески. Пойти к тебе я не могу, ребенка бросила у знакомых в городе. Ты мне три года назад какое горе сделал — ребенка украл! За тобой летели. Куда опять меня тянул? Зачем? Знаешь прекрасно, что я не хотела, против была. Так не делается, надо по-человечески делать.

Якшиянц: Тамара, если ты женщина и мать, ты поймешь матерей этих детей. Вернись, и я отдам детей. Ан нет, о себе думаешь. Теперь о других подумай, пусть тебе тяжело будет, но не убьют же тебя.

Жена: Мой ребенок на улице, понимаешь? Чего ты хочешь? Чересчур много хочешь. Люди все, что могли, предложили. На все твои условия пошли...»

Итак, переговоры Якшиянца с женой ничего не дали. Бандит был непреклонен. У этого человека и вправду не осталось ничего святого.

Прошло 16 часов со времени захвата автобуса. Истекал девятый час переговоров.

Якшиянц по-прежнему требовал оружия. Переговоры оказались в

тупике.

На связь вышла Москва. Центр давал добро на выдачу оружия террористам. Трудно было поверить в это. Но другого выхода не было.

«Зайцев: Мы предлагаем тебе четыре пистолета Макарова.

Якшиянц: Хорошо! С полными обоймами. Пистолеты и по запасной обойме. Мы берем обоймы на выбор, постреляем. Но если будет подвох, пистолеты выбрасываем и диктуем другие условия.

Зайцев: Павел, ты имей в виду сам и предупреди товарищей, четко изложи: с нашей стороны оружие применяться не будет. Но чтобы и с вашей стороны были полные гарантии неприменения.

Якшиянц: Безусловно. Я еще раз повторяю, безусловно. Вы нам для самолета предоставьте один автомат. Будем выходить, автоматом прикрываться. Когда половина экипажа будет в самолете, автомат оставим на полосе.

Зайцев: Один автомат Калашникова. Мы удовлетворили ваши требования. Наши требования прежние: все дети, учительница и шофер должны быть освобождены.

Якшиянц: Да, конечно. Теперь об экипаже самолета. Пусть они выйдут в рубашках, чтобы было видно: никакого сверхсекретного оружия при них нет.

Зайцев: Еще один вопрос. Надо сообщить ваши данные. Вы же летите за границу. Фамилии, имя, отчество, год рождения, местожительства.

Якшиянц: На это я ребят уговорить не могу. У некоторых родители ничего не знают. И они не хотят, чтоб знали.

Зайцев: Скажи хотя бы точное количество людей, чтобы сообщить, сколько человек летит.

Якшиянц: Герман говорить не хочет, Ахат, Гриша — тоже. Они скажут в самолете.

Зайцев: Я понял тебя. Сейчас готовим бронезилеты, оружие. Убедительно прошу: не нервничайте, если что — связь со мной.

Якшиянц: Приносить оружие частями. Передавать в окошко.

Зайцев: Экипаж и специалисты, которые будут готовить машину к вылету, пошли к самолету».

Ну, вот и наступил их час. Заместитель начальника шереметьевской эскадрильи Вячеслав Балашов оглядел экипаж.

Командир Александр Божков. Летчик что надо: и в личном деле запись «первый класс», и в работе — первоклассный пилот. Работал в Ледовой разведке, в широковысотных арктических экспедициях, летал

в Афганистан.

Второй пилот — Александр Гончаров. Сибиряк, красноярец. Молчун, слова не вытянешь, надежен в полете и на земле. Пилотировал «Аннушку», «Як-40», «Ил-86».

Штурман Сергей Грибалев. Работал штурманом вертолетного отряда в Тюменской области. Летал на «точки» — к нефтяникам, геологам, охотникам. Позже облетел всю Европу, Юго-Восточную Азию.

Старший бортиженер авиаотряда Юрий Ермилов. Опытен. Знал еще «Ту-114». Попадал в переделки — садился со сломанным шасси, однажды заклинило тягу руля, а за спиной двести пассажиров. Но нашел выход из критической ситуации.

Радист Александр Горлов. Прошел три антарктических экспедиции. Самая сложная — на корабле «Сомов». За тот героический рейс получил орден.

Бортоператор-инструктор Борис Ходусов и его молодой коллега Виктор Алпатов. Борис начинал еще бортпроводником, потом участвовал в первом полете «Ил-76» в Антарктиду. Виктор — самый молодой в экипаже. Окончил авиационно-техническое училище, работал в конструкторском бюро. И вот потянуло в небо.

«Что ж, ребята как на подбор», — подумал Балашов и кивнул экипажу: — Вперед, пилоты! Отступить некуда.

Перед выходом на летное поле задержался:

— Только вот что, мужики, разное увидим. Но с бандитами ни-ни, предельная вежливость. От нашей выдержки зависит жизнь детей.

Они шагнули за порог. Поле аэродрома лизал колючий зимний ветер, низкие облака, казалось, зависли над самыми самолетами. Автобус стоял невдалеке. Тихий, мрачный, с зашторенными окнами.

Что бы ни случилось, не бойтесь...

Главарь банды вновь вышел на связь со штабом.

«Якшиянц: Тамара не думает лететь?

Зайцев: Тамары здесь нет. Она ушла.

Якшиянц: Не хочет?

Зайцев: Павел, сейчас товарищи по одному, как условились, будут подносить бронезилеты.

Якшиянц: А оружие?

Зайцев: Потом принесут оружие.

Якшиянц: Ждем и наблюдаем».

К первой встрече с бандитами были готовы начальник отдела Ставропольского УКГБ Евгений Шереметьев и сотрудник «Альфы» Валерий Бочков.

Бандиты вновь на связи.

«**Муравлев:** Нам вроде сказали, что кто-то будет идти. Но никого не видно.

Зайцев: Пошел товарищ.

Муравлев: С какой стороны?

Зайцев: Идет к автобусу».

Первым понес бронжилеты Шереметьев. Ни одна шторка не шевельнулась на окнах. Словно вымер автобус. Приоткрылась дверь. В темноте салона никого не было видно. Шереметьев приподнял руки: «Вот, мол, принес».

На пороге появился небольшой мужчина — скуластое, заросшее черной щетиной лицо, впалые, с хищным наркотическим блеском глаза.

— Я принес бронжилеты, Павел, освобождай, как обещал, детей.

Ядовитая усмешка скривила лицо бандита:

— Я не Павел, я Геннадий.

— Геннадий так Геннадий. Восемь комплектов будут, а пока два. За один раз не утащить.

Муравлев, стоявший сзади Якшиянца, передал тому обрез, спустился с подножки, стал слева, вплотную к Шереметьеву. Подстраховал главаря.

— Пропусти в автобус, — попросил сотрудник КГБ, — надо на детей глянуть.

Важно было и другое: до сих пор неизвестно, сколько бандитов. Просил-то восемь бронжилетов.

Оказывается, темнил. Четверо их всего было.

Заглянул Шереметьев в салон, и сердце сжалось от боли: в духоте, в грязи, среди банок с горючим, изнуренные, уставшие, с потухшим взглядом сидели детишки. Но, слава Богу, все живы. Молоденькая учительница полными слез глазами глядела на Шереметьева. Подмигнул ей ободряюще: держись, Наташа.

Потом начался торг. За бронжилет — ребенка.

Следующим пришел Бочков. Бандиты глянули на него, угрюмо кивнули: «Сложи у колес». Чем-то не понравился им Валерий. Комплекцией, что ли. Очень уж могучий мужик.

Снова у автобуса Шереметьев: в одной руке автомат, в другой снаряженный патронами магазин.

Опять очередь Бочкова. Передал Якшиянцу пистолет, тот повертел его, вставил магазин. Вернул Валерию: попробуй. Тот передернул затвор, нажал на спусковой крючок. Выстрела нет. Бандит насторожился: никак подвох? Но Бочков уже понял, в чем дело: «Что ж ты магазин толком не дослал?». Прогремел выстрел.

Потом следователь долго будет пытаться Валерия: зачем, мол, стрелял? Затем и стрелял, что нельзя было не стрелять.

Протянул пистолет, заглянул в автобус:

— Слушай, Павел, я свое слово сдержал, оружие принес. Отдай мне девчонок.

Понимал: девочкам труднее, да их всегда и больше в классе. Значит, больше удастся освободить.

— У меня самого в доме две девочки. Не мучай их.

Девочки стояли на площадке у дверей, Муравлев прикрывался ими, когда Бочков внизу с Якшиянцем вел переговоры. Не получив ответа, сотрудник группы «А» стал не спеша снимать с площадки детей — одну, другую. Заглянул в салон: есть еще девочки?

Взял четверых, а когда отошли от автобуса на несколько шагов, еще две выпрыгнули. Всего шестеро. Обнял за плечи, повел, а сам шепчет: «Что бы ни случилось, не бойтесь и не бегите. Только не бегите». Вдруг за спиной выстрел. Валерий крепче прижал к себе девочек, скомандовал: «Не бежать!». Хотя у самого внутри все похолодело.

Оказывается, бандиты проверяли автомат, выстрелили вверх, в люк автобуса.

Каждая ходка Бочкова и Шереметьева — вызволенные дети. Двое, четверо, шестеро... всего десять человек. Заложниками оставались одиннадцать мальчишек вместе с учительницей Натальей Ефимовой.

Долго обсуждалась процедура пересадки из автобуса в самолет. Наконец, казалось бы, решение принято...

«Зайцев: Павел, я хотел бы уточнить некоторые вопросы. Мы с тобой определились, что дети идут до самолета, становятся в две линейки у трапа, и вы в это время поднимаетесь на борт. Так?»

Якшиянц: Знаете, что я вам скажу. В дальнейшем вы предоставьте все это нам делать. Так будет спокойнее. Потому что можно придумать и другие хитрости.

Зайцев: Павел, мы же с тобой договорились основательно. Все, что вы просили, мы сделали, требования выполнили. Ты согласен со мной?

Якшиянц: Я согласен с тем решением, которое я принял.

Зайцев: Павел, мы с тобой так не договаривались.

Якшиянц: Мы договаривались, что дети останутся здесь.

Зайцев: Правильно, будут стоять у входного люка в две шеренги. Так или нет?

Якшиянц: Был такой момент. Но ситуация изменилась...

Зайцев: Павел, давай, раз уж определились, будем держать слово.

Якшиянц: Почему не даёте с женой попроситься по рации?

Зайцев: Ее нет, она уехала домой, к ребенку.

Якшиянц: Понятно...

Зайцев: Павел, как мы все-таки определимся с детьми? Давай оставим вариант, который обговорили?

Якшиянц: Вы считаете, он самый безопасный?

Зайцев: Но мы же договорились, что будем поступать таким образом. Дети выстроятся у самолета, вы пройдёте, а дети уйдут к нам.

Якшиянц: Так и будет. Только часть детей останется в автобусе.

Зайцев: Повтори, я тебя не понял.

Якшиянц: Часть детей останется в автобусе».

Бандит обманул. За время переговоров он не раз клялся в честности, вспоминал Родину, жену, дочь, но обманул нагло и коварно. Вместе с экипажем заложниками вновь оставались дети.

Террористы проводили детей в самолет, прикрываясь ими на случай нападения. В самолет заходили так: сначала летчик, потом ребенок, а уж за ним бандит. Не забыли и Шереметьева.

Последним поднялся на борт Муравлев. Произвел салют из обреза в воздух и дико захохотал от радости.

Бандит Герман Вишняков, по-хозяйски оглядев самолет, сказал, что знаком с машиной, в прошлом служил в десанте, прыгал с парашютом.

Еще один, не говоря ни слова, прошел в хвост самолета и занял там боевую позицию.

И тут новое требование Якшиянца: Шереметьев должен остаться в самолете заложником вместо детей.

Зачем это сделали бандиты, остается только гадать, ведь в заложниках у них недостатка не было.

Может, ждали, что сорвется офицер КГБ. За время их общения Якшиянц без конца тыкал Шереметьеву в грудь оружием, грубил, дерзил. Но Евгений Григорьевич молча делал свое дело, старался казаться спокойным, сдержанным, невозмутимым. И на сей раз он только до боли сжал зубы, сказал, мол, сходит в штаб, доложит, и назад с ответом.

Ухмыльнулся бандит:

— У тебя что, шеф, жены нет, детей, родителей? А может, у тебя две

жизни?

В штабе, услышав об этом, дали прямой провод на Москву, на комитет. Оттуда передали: в данном случае приказать не могут. Что ж, пришлось идти без приказа. Понимал: иначе бандиты не отпустят детей.

Когда поднимался на борт, у входа стоял вооруженный Муравлев. Не оборачиваясь, быстро зашептал:

— Как отец, а? Как? Что еще говорит?

— Одумайся, пока не поздно. Не позорь фамилии.

— Поздно. Передайте, пусть простит, если сможет.

Шереметьев прошел в салон, кивнул Якшиянцу на детей, которые, словно стайка испуганных воробьев, жались к учительнице.

— Финтишь, Паша. Обещал же пацанов на земле оставить. Отпусти!..

— Ты Тамару приведи, тогда отпущу. Без нее взлета не будет, и дети тут останутся.

Что ответить бандиту? Даже если бы и можно было высказать все в лицо, где же найти такие слова? Как определить глубину человеческого падения? Да и человек ли перед ним? По виду вроде смахивает: голова, ноги, руки, а по нутру — зверь, монстр, исчадие ада.

Но кто бы он ни был — надо идти уговаривать Тамару Фотаки, жену Якшиянца. Вновь Тамару просили Пономарев, Зайцев, Шереметьев. Не соглашалась, отказывалась. «Я не хочу к нему возвращаться. Ненавижу!» Больше часа прошло с тех пор, как покинул борт Евгений Григорьевич. И вот, наконец, жена Якшиянца возвращается с ним в самолет. Павел отводит ее в конец салона, что-то возбужденно говорит, объясняет. Тамара тоже не молчит, просит отпустить детей.

— Черт с тобой! — орет бандит и подбегает к Шереметьеву: — Молись, твоя взяла. Выгружай детей.

Дети спасены

Наташа с Тамарой начинают спускаться на землю вконец измученных ребятишек. Внизу их принимает Бочков, другие сотрудники группы. Подходить чекистам к трапу опасно, поэтому они стояли с другой стороны самолета, так и считали спускающихся детишек. Один, два... пять... одиннадцать. Последней сошла учительница.

Наступило временное облегчение. За много часов тяжелой психологической дуэли — первая победа. Все дети живы, вырваны из рук мясника. На борту в качестве заложников остались экипаж и Женя

Шереметьев. Но они — взрослые, закаленные люди, бывавшие не раз в переделках, они выдюжат. Теперь с бандитами говорить попроще.

«Альфа» была готова к штурму. Группа захвата, засевшая в пожарном депо, находилась там почти сутки. Ребята были в любую минуту готовы пожертвовать собой, чтобы уничтожить бандитов, освободить заложников. Однако пока не пришло их время.

Бочков принес к трапу самолета три мешка денег. Якшиянц все больше нервничал, грозил, тыкал пистолетом в лицо Шереметьеву. Он никак не мог поверить, что операция удалась, их выпустят, они взлетят.

Запущены двигатели. Якшиянц мечется по салону. Шереметьев опускается на пол самолета. Пистолет в грудь, команда: «Руки за голову!». Евгений Григорьевич повинуется. Но вот в проем двери влетает мешок с деньгами. Бочков кричит снизу:

— Павел, отдай Шереметьева!

— Гони «бабки»! Еще мешок! — требует бандит.

Когда на борту оказываются все три мешка, он выглядывает в дверь:

— Не хочет Шереметьев выходить, понял!

— Ах ты подонок! — взрывается Бочков. — Да тебе, сволочи, вообще верить нельзя. Веди мне Шереметьева, я с ним поговорю.

Бандит растерялся. За полсуток увещеваний так с ним никто не разговаривал. Шереметьева вытолкнули к дверям, Бочков и Кирсанов приняли его внизу.

Все ушли, у самолета остался один Бочков.

Присутствие его у трапа нервировало бандитов, они боялись штурма. На этом Бочков и сыграл. Через члена экипажа передал требование: соблюдать договоренность, вернуть автомат.

На сей раз они подчинились быстро — выбросили на полосу автомат. Бочков подобрал его, стер снег с приклада: «Так-то легче с вами разговаривать...»

Он до последнего был уверен, сейчас группа захвата пойдет на штурм. Самолет знакомый: успеют они выстрелить, не успеют — это уж не столь важно. Скрутят их ребята, сомнений нет.

Поразило, когда лайнер стал выруливать на старт.

Бочков еще не знал, что по дипломатическим каналам Израиль дал добро на выдачу бандитов. Так стоило ли рисковать экипажем, бойцами группы, самолетом?

Маршрут был непростой. В Тель-Авиве никто из пилотов не был. Трасса незнакомая, проходит через Турцию, Кипр. Где-то за Сухуми с экипажем попрощался советский, родной диспетчер. Пожелал доброго

пути. Да уж, на «доброту» бандитов грех жаловаться: с летчиков перед рейсом сняли наручники, а над Анкарой «Павлуша», как окрестили пилоты главного головореза, забежал в кабину, стал совать деньги. Говорил, что в знак благодарности, за работу.

Прошлось взять, чтоб не обидеть «хозяина».

Опять же, валюта государственная, у командира экипажа будет сохраннее.

Бандиты, раскрыв мешки, распахивали по карманам доллары, франки, фунты стерлингов. Вишняков, приняв очередную порцию наркотиков, матерился от досады, что надел узкие джинсы: беда, деньги в карманы не лезут.

Радист Александр Горлов держал связь с диспетчером на Кипре, когда «Павлуша» дернул его за рукав:

— Слушай, а вы нас правильно везете? Не по кругу катаете, как иркутян?

Хотелось врезать бандиту, чтоб башка с резьбы слетела, да нельзя. Горлов кивнул:

— Иди к штурману, он все покажет...

Штурман ткнул пальцем вниз: смотри, мол, под крылом Кипр. Якшиянц вроде успокоился, ушел в салон. Там рабочие места бортоператоров — Бориса Ходусова и Виктора Алпатова. Бандита потянуло на откровения. Поведал биографию. Крутая жизнь, ничего не скажешь: из 38 лет 16 Якшиянц провел в тюрьмах и лагерях. Имеет две семьи. От первой жены двое детей и от второй, Тамары, ребенок.

Алпатов спросил:

— Неужто в детей смог бы стрелять?

«Павлуша» долго думал, качал головой:

— Не знаю. В детей, может, и нет. А учителку... Надоела она мне.

Излил душу и Муравлев. Тоже не повезло в жизни — дважды судим. Денег нет, с квартирой проблема. А вот работать неохота. Дома бросил жену и ребенка.

Под крылом был Израиль, самолет заходил на посадку. Якшиянц вновь забеспокоился, заглянул в кабину, поигрывал пистолетом.

— Смотрите, мужики, Сирия нам не годится...

Не годилась она и экипажу.

Божков посадил самолет на одной из военных баз под Тель-Авивом. База уже была окружена войсками.

Заглохли двигатели, и бортинженер Борис Ходусов открыл правую дверь.

— Всем оставаться на местах! — заорал Якшиянц и оттолкнул Ходусова от двери.

Встречающих было трое. Бандит приветствовал их пачками стодолларовых купюр.

— Презент! — широко улыбнулся «Павлуша».

Однако хозяева от денег отказались. Страшная догадка пронзила Якшиянца: эти сволочи не туда посадили. Разве могут в Израиле отказаться от долларов?

Оказывается, могут.

— Переводчика! — закричал террорист.

Потребовал у встречающих удостоверения личности.

Израильский солдат вынул удостоверение. Что там прочел бандит — сложно сказать. С ним пытались объясниться по-французски, по-английски, по-немецки...

— Боже мой, — горько усмехнулась жена, — он и по-русски-то с трудом говорит.

Свои услуги израильтянам предложили пилоты.

Но Якшиянц высокомерно отказался — на иностранной территории не верил соотечественникам.

Наконец прибыл переводчик, и представители властей потребовали освободить экипаж, немедленно сдать. У бандитов отобрали четыре пистолета, охотничье ружье, мешки с деньгами. Такой прием террористам не понравился, и они тут же предложили израильтянам миллион долларов за возможность улететь в Южную Африку. Увы, и от этого миллиона встречающие отказались. Единственное, что разрешили террористам, — «отдохнуть» в камере тюрьмы Абу-Кебир.

2 декабря 1986 года. Москва. 19 часов 55 минут.

Только что произвел посадку самолет «Ту-134». На нем прилетели сотрудники группы «А», освободившие детей из лап террористов. Позже в аэропорт «Внуково» прибыла команда «альфовцев», вылетающая в Ташкент.

Теперь можно и отдохнуть. Однако не тут-то было. Уже утром следующего дня заместитель председателя КГБ генерал Агеев приказал полковнику Зайцеву вылететь в Израиль и доставить террористов обратно на Родину.

Были подняты по тревоге сотрудники группы «А», вооружены

пистолетами Макарова. Подразделение возглавлял подполковник Сергей Гончаров.

«Первый самолет — и тот с бандитами»

3 декабря 1986 года. 14:30 московского времени.

Израильский международный аэропорт имени Бен-Гуриона.

Группу сотрудников «Альфы», прилетевших в Израиль, встречали руководитель советской консульской группы Мартиросов и второй секретарь МИДа Израиля Кэдми. Сразу уточнили детали операции — когда и как будет осуществляться передача террористов, оружия и денег.

Мартиросов пояснил, что могут быть осложнения и, скорее всего, террористов сегодня забрать не удастся. Как раз была суббота, да еще и еврейский праздник Ханука. Кэдми выразил опасение: если деньги уже переданы в банк, то их тоже сегодня не получить.

В это время у здания аэропорта собралась огромная толпа журналистов. Пришлось членов советской делегации вывозить другой дорогой.

Побывав в офисе консульской группы, «альфовцы» заехали в отель, где находился экипаж самолета «Ил-76», забрали их и отправились вновь в аэропорт, но уже в его военную часть. Именно там находился угнанный террористами самолет.

За это время Кэдми сообщил, что деньги еще находятся в тюрьме, а не сданы в банк.

По прибытии на военно-воздушную базу переговоры продолжились в помещении офицерского клуба. Представители израильской стороны требовали гарантий, что террористы после возвращения в СССР не будут приговорены судом к смертной казни.

Это была принципиальная позиция израильтян. Советская сторона подготовила текст, в котором террористам гарантировалось строгое соблюдение всех правовых норм в ходе судебного разбирательства. Однако израильтяне отвергли этот текст и потребовали четких и ясных заверений.

Пришлось дать такое письменное обязательство, тем более что обстановка в Израиле менялась каждый час и не в нашу пользу.

Оппозиция оказывала сильное давление на правительство. Многие депутаты Кнессета считали, что с выдачей Советскому Союзу террористов не надо спешить, следует разобраться во всех обстоятельствах дела.

Это заставило спешить Мартиросова, Зайцева и других членов

делегации.

Зашевелились и американцы. У аэропорта уже находились американские представители. Пока их, правда, на территорию базы не пустили, но, судя по всему, это было делом времени.

Вскоре началась процедура передачи. Пока ждали доставки террористов на автобазу, израильтяне показали, как они празднуют Хануку — зажгли свечи, приготовили хрустящие булочки, угостили советских представителей. Словом, отнеслись тепло, по-доброму, гостеприимно. Пошутили, мол, ну надо же такому случиться, за 20 лет после разрыва дипломатических отношений между нашими странами первый прилетевший из Советского Союза самолет оказался с бандитами.

Геннадий Николаевич решил сделать комплимент второму секретарю МИДа Якову Кэдми и сказал, что тот здорово говорит по-русски.

— Господин Зайцев, — дипломатично усмехнулся Кэдми, — я родился в Советском Союзе и мой родной язык — русский, а иврит учил здесь.

Первыми на летное поле доставили Якшиянца и Вишнякова. Зайцеву понравилось, как их «упаковали» израильские полицейские — на глазах плотные, суконные повязки, непривычные для нас наручники с жестким креплением кистей рук.

Израильтяне только что закончили заправку нашего «Ил-76». Кстати, начальник авиабазы поверил на слово Зайцеву и залил в баки самолета 5 тонн горючего, да еще погрузил в салон несколько коробок с фруктами.

Во второй самолет посадили жену Якшиянца — Фотаки и оставшихся двух террористов, передали оружие, личные вещи, документы. Все с описями, по акту. Потом принесли деньги, предложили пересчитать их. Зайцев отказался сделать это, чем вызвал возмущение израильских чиновников.

Наконец все формальности были соблюдены, самолет заправлен, бандиты находились в салоне. Полковник Зайцев поблагодарил Кэдми, начальника полиции, командира авиабазы за содействие. И в четверть двенадцатого ночи самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы.

Через несколько часов авиалайнеры были на московской земле. Первым сел «Ил-76».

В холодной декабрьской ночи над козырьком аэропорта нестерпимо ярко горели страшные для Якшиянца слова: «Москва. Шереметьево».

Подкосились ноги, поплыли ненавистные неоновые буквы. Сознание отказывалось воспринимать реальность. Тело Якшиянца обмякло, повисло на чьих-то сильных руках.

Когда он пришел в себя, то спросил:

— Что со мной будет? Расстреляют?

— Пряников дадут, — сказал кто-то за спиной.

Суд приговорил Якшиянца к 15 годам лишения свободы, с отбыванием всего срока в тюрьме.

Это была последняя операция, которую провела «Альфа» под руководством полковника Зайцева. Теперь у него были другие заботы, другие хлопоты на посту заместителя начальника 7-го управления. На этой должности он стал генералом.

Президент принял решение

А в июле 1992 года его вновь вернули на прежнее место.

— Президент ознакомился с вашим личным делом, — сказали ему, — и принял решение назначить вас командиром спецподразделения «А». Каково ваше мнение?

— Если президент принял такое решение, то спрашивать мое мнение не имеет смысла. Я человек военный и обязан подчиниться воле президента.

После этого перед Зайцевым положили папку.

— Вынуждены были назначить комиссию. Она долго работала в подразделении. Здесь материалы комиссии. Можете ознакомиться с ними.

— Спасибо. Но я знакомиться с состоянием дел буду уже на месте.

Действительно, за те четыре года, что он отсутствовал, подразделение стало несколько иным.

В стране полным ходом шла приватизация, первичный этап накопления капитала. Зарождался новый класс богатых людей. Этот класс уже всю делил государственную собственность.

Все зарождающиеся богачи хотели иметь хорошую охрану, телохранителей. А где их было взять в ту пору? Охранное дело знали только профессионалы. К таким относились и бойцы «Альфы». Надо прямо сказать, спрос на них был велик. Разумеется, и оплата труда немалая.

Однако генерал Зайцев к тому времени прожил большую и далеко не простую жизнь. В 1992 году ему было уже 58 лет. Он видел всю опасность такого положения.

Как мог, боролся. Вскоре жизнь подтвердила правильность его опасений. Погиб, охраняя банкира, молодой сотрудник группы «А».

Однажды Зайцев скажет: «В те годы я немало нажил себе врагов». Однако через несколько лет, когда генерал Зайцев будет уходить в отставку,

многие скажут ему спасибо за то, что образумил, удержал.

Но это будет позже. А через три недели после его назначения подразделение посетит президент России Борис Ельцин. «Альфовцы» покажут ему преодоление штурмовой полосы, рукопашный бой, штурм здания, самолета и автобуса.

Президент останется доволен. Он вручит бойцам группы трое памятных часов, а для генерала Зайцева снимет часы с собственной руки.

Вместе со своим подразделением генерал-майор Геннадий Зайцев переживет трагические события октября 1993 года, когда группа «А» без сомнения совершит свой гражданский подвиг — удержит ситуацию в своих руках, спасет страну от развязывания гражданской войны.

Правда, за все это генерала Зайцева чуть не уволят в запас. Но справедливости ради надо сказать — не уволят.

В марте 1995 года он сам уйдет в отставку.

Наш командир боевой

За окном кабинета догорал августовский день. Начальник погранотряда раскрыл папку с документами. Сверху лежала телеграмма из штаба округа. Он пробежал ее глазами. Остановился. Прочел еще раз. «Что-то тут кадровики напутали...» В первый раз за службу читал такую телеграмму. Но внизу текста стояла подпись командующего округом. Это уже было серьезно.

Начальника политотдела отряда майора Бубенина вызывали в Москву, с полным расчетом, с вещами, с семьей. Стало быть, новое назначение получил. Но тогда почему не согласовали с ним? Собственно, он совсем не против служебного роста Виталия Дмитриевича. Мужик толковый, надежный, однако с командиром надо бы посоветоваться. Тем более что прослужил начальник политотдела в отряде всего ничего — три месяца. Сам Бубенин молчал, как партизан. Хотя это на него не похоже.

Начальник отряда нажал на селекторную кнопку.

— Виталий Дмитриевич, зайди ко мне.

Вскоре на пороге кабинета вырос начпо Бубенин. Подполковник кивнул, мол, присаживайся, и молча протянул телеграмму.

Майор прочел текст, удивленно взглянул на начальника отряда и опять уткнулся в бумажку. Когда он вновь поднял голову, подполковник прочел на его лице растерянность и удивление.

— Что?! И ты ничего не знал?

Бубенин виновато пожал плечами.

— Командир, за кого ты меня принимаешь?..

Начальник погранотряда забрал назад телеграмму и, похлопывая тыльной стороной ладони по листку бумаги, спросил:

— Понимаешь хоть что-то?

— В Москву срочно переводят, — заключил Бубенин, — с семьей...

— Вот то-то и оно. Ты когда с Дальнего Востока переводился, такое читал?

— Да не помню.

— А вот это уточнение: форма одежды — штатская. Для офицера-пограничника?

Бубенин вышел из кабинета начальника весь в догадках. Ясно было только одно: надо складывать чемоданы.

В тот день Виталий Дмитриевич пытался прояснить обстановку с его

переводом в Москву в политуправлении округа в Ленинграде, в отделе кадров. Звонил, выяснял. В результате добился разговора с генералом, который расставил все точки над «i».

— Бубенин, — сказал генерал, — ты не выпытывай. Никто ни хрена не знает. Собирайся шустрее.

Ну, как говорят, офицеру собраться — только подпоясаться. Так и Бубенин: передал дела заместителю, сложил пожитки, чемоданы в руки, жену, ребенка, — и в аэропорт.

В полете немного успокоился. В конце концов, в Москве должны были объяснить, что происходит.

Однако там произошли события, которые заставили еще больше задуматься. Когда самолет коснулся бетонки, зарулил на стоянку, и пассажиры стали собираться к выходу, прозвучал голос стюардессы:

— Товарищи пассажиры, прошу всех оставаться на своих местах.

Остаться так оставаться. Все успокоились, расселись в креслах. Бубенин особого внимания на объявление бортпроводницы не обратил, мало ли зачем просят задержаться. Надо, раз просят. И вдруг услышал:

— Бубенин Виталий Дмитриевич, вы где? Поднимите, пожалуйста, руку.

Жена толкнула его в бок: Виталий, тебя, кажется, спрашивают.

Он поднял руку. Стюардесса поспешила к нему. За ее спиной Бубенин увидел двух парней. Темные костюмы, белые рубашки, галстуки. Сомнений не было, это свои, кагэбэшники, разумеется, столичные сотрудники.

Один из них склонился к Бубенину.

— Виталий Дмитриевич, нам приказано вас встретить и сопровождать. Машины у трапа. — Он протянул серый плащ, темные очки.

Случись подобное сейчас, Бубенин улыбнулся бы: совсем как в детективном кино. Но тогда было не до шуток. В плаще с поднятым воротником, в темных очках, в сопровождении охраны он спустился с трапа. Здесь их ждали две черные «Волги». В первую сел он, во вторую — жена с сыном.

Машины рванули с места...

За окнами пролетала Москва — дома, улицы, прохожие. Автомобили свернули с Садового кольца, нырнули под виадук у Крымского моста и выехали на Фрунзенскую набережную. Поворот, еще один, въезд во двор какого-то дома. Первая «Волга» затормозила у подъезда.

Бубенин с семьей, двое в темных костюмах поднялись на последний этаж дома. Дверь отворилась, и они оказались в большой, светлой, меблированной квартире.

— Располагайтесь, — сказал один из сопровождающих, — здесь есть все необходимое. Просьба одна — из квартиры пока не выходить. Мы за вами заедем.

Когда «охрана» удалась, Бубенины огляделись. Действительно, здесь было все необходимое: мебель — стулья, кровать, столы, телевизор, телефон; на кухне — холодильник, набитый продуктами.

Бубенин понимал — это одна из оперативных квартир КГБ, но что делали здесь он и его семья, оставалось загадкой. И прежде всего для него самого — Героя Советского Союза, майора, еще вчера начальника политотдела погранотряда.

Он искал и не находил ответа. Понятно, произошло нечто неординарное, что не укладывалось в обычную схему жизни, служебной деятельности офицера погранвойск. Иначе зачем эта повышенная секретность, автомобили к трапу, плащ в августовскую жару, черные очки, галантные ребята справа и слева. Он не разведчик-нелегал, не резидент, даже не генерал КГБ, а простой майор, каких в погранвойсках пруд пруди.

Да, Герой Советского Союза. Но стал им не сегодня и не вчера, а пять лет назад. И даже тогда, после событий на Даманском, когда его имя не сходило со страниц газет, его не встречали у трапа, не сопровождали, не прятали, не запрещали выходить за порог.

Стоп! Даманский. Бубенин вдруг отчетливо понял: дело именно в Даманском. Все, что было с ним потом, никак не тянуло на подобный детектив. Учеба в академии, служба на границе... Буднично, обыденно, привычно.

Заныло под ложечкой. Неужто китайцы припомнили ему тот февральский день 1968 года? Тут есть о чем подумать. Кто знает, повсякому можно повернуть те события, и не дай Бог никому попасть в жернова большой политики.

А ведь он уже попадал. Ох, попадал.

Горький чай

Вечером, уложив спать уставших с дороги жену и сына, Бубенин долго пил чай на кухне. Это потом, через много лет, лидер группы «Машина времени» Андрей Макаревич напишет очень точные слова о страдающем, любящем человеке, романтическая женщина которого летала по ночам, а он пил на кухне «горький чай».

В тот вечер Бубенин понял, каков он — «горький чай», вне

зависимости от количества сахара в стакане. Его вновь догнал Даманский. Тот маленький заснеженный остров на границе с Китаем.

К февралю 1968 года провокации китайцев на участках 1-й и 2-й пограничных застав 57-го погранотряда стали почти регулярными.

Три месяца назад, накануне празднования 50-летия Октябрьской революции, радиоприемник, работающий на заставе, неожиданно «поперхнулся», и замполит услышал сначала мелодию песни «Русский с китайцем братья навек», а потом слова диктора. На весьма приличном русском языке он заявил: «Дорогие советские граждане, временно проживающие на китайской территории». Потом он будет так обращаться каждый день на протяжении нескольких месяцев.

Замполит лейтенант Кочкин сначала не поверил своим ушам, а потом, опомнившись, поспешил доложить о неизвестной радиостанции начальнику заставы.

— Стало быть, это мы с тобой, замполит, и есть те самые граждане, — резюмировал лейтенант Бубенин.

Теперь передачи радио станут регулярными. Китайские пропагандисты будут поливать грязью Советский Союз, коммунистическую партию, обвиняя их в сговоре с империализмом. Отныне международные договоры между Пекином и Москвой толковались как неравноправные, границы — как несправедливые. Хабаровский и Приморский край объявлялись территорией Китая.

Вслед за той передачей 6 ноября 1967 года группа китайцев вышла на лед реки Уссури, нарушив государственную границу. Оказавшись на советской территории, китайцы стали долбить лунки, деловито, словно у себя дома, устанавливали рыбацкие сети.

Тогда впервые перед лейтенантом Бубениным встал извечный русский вопрос: что делать? Оружие применять ни в коем случае нельзя, но нарушителей надо выдворять с советской территории. Из погранотряда получили указание: подойти на безопасное расстояние к китайцам и рукой дать отмашку. Это означало, что советская сторона требует покинуть территорию СССР.

Первый опыт оказался неудачным и смешным, несмотря на серьезность ситуации. Он махал, махал рукой, а китайцы не реагировали. Не произвело на них впечатления и требование вернуться к себе.

После доклада Бубенина в отряд стало ясно: там тоже, судя по всему, не знали, что делать. Китайцев задерживать не разрешили, приказали мирно выдавливать с нашей территории.

Однако возникал вопрос: мирно — это как, если в руках у китайцев

ломы, топоры, пешни?

Словом, решение надо было принимать самому. С одной стороны, не спровоцировать вооруженный конфликт, с другой — защитить границы, выдворить нарушителей восвояси.

Приказал: взявшись за руки, цепью, начать вытеснять китайцев. Однако китайцы мирно «вытесняться» не желали. В ход они пустили ломы и топоры. Завязалась драка.

Противостоять нашим крепким, хорошо подготовленным, закаленным парням малорослые нарушители не смогли. Пограничники пинками гнали их до самой границы.

Это было первое столкновение с китайцами. Утром 7 ноября они появились снова. А потом в течение ноября и декабря несколько раз нарушали границу, выходили на северную оконечность острова Киркинский. И снова пограничники 1-й заставы во главе с начальником лейтенантом Виталием Бубениным выдворяли нарушителей. Те оказывали сопротивление, дрались.

Однако, судя по всему, драк китайцам было мало. Они всеми силами пытались спровоцировать советских пограничников на вооруженный конфликт — высылали военные патрули, чтобы обойти наши острова Буян и Большой, выходили на лед с плакатами, портретами Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна, размахивали цитатниками Мао, громко кричали, скандировали. Всякий раз количество нарушителей увеличивалось. Если 6 ноября на лед вышло всего 12 человек, то потом число китайцев росло в геометрической прогрессии — 30, 70, 100 человек. Теперь это были уже не «мирные» рыбаки, которые при виде советских пограничников испуганно сбивались в кучу, а агрессивно настроенные молодые люди, привезенные на границу из центральных районов Китая. Лозунги и плакаты носили политическое содержание, а территориальные притязания становились все настойчивее и увереннее.

Провокации следовали одна за другой, порой по три-четыре раза в неделю. Тактика действий китайцев постоянно менялась. Чувствовалась рука хорошего закулисного режиссера.

Однажды они жестоко избили своего соотечественника и, неожиданно схватив за руки, бросили его безжизненное тело к ногам советских пограничников. Разумеется, сценарий был заранее известен китайским фотокорреспондентам и кинооператорам. Те быстро засняли избитого «мирного» рыбака, лежащего у шеренги пограничников. Назавтра этот снимок с подачи китайцев растиражируют многие мировые информационные агентства.

Советский Союз в очередной раз промолчит.

Костью в горле у китайских провокаторов стал он сам, начальник 1-ой погранзаставы. Китайцы чувствовали, что ребят-пограничников, готовых сорваться в горячей драке, сдерживает хоть и молодой, но уже достаточно опытный и расчетливый лейтенант. Это он всякий раз на хитроумные китайские провокации находил умелый, адекватный ответ.

Бубенин вспомнил, как однажды, после очередного «ледового побоища», оглядывая кровоподтеки, ссадины, раны подчиненных, он мучительно думал: что противопоставить китайцам? Оружие применять нельзя. Но тогда что? Ведь отражать натиск «китайских орд» становится все труднее и труднее. Они все больше нагнали. Теперь, как правило, на их стороне был и численный перевес.

Однажды его осенило. А если использовать старое, традиционное оружие сибирских охотников на медведя — рогатину? Попробовали. Оказалось, очень эффективная штука. Когда толпа китайцев пыталась сблизиться с пограничниками, те выставляли рогатины вперед. Использование «чудо-оружия» приводило нарушителей в замешательство. А для тех, кто все-таки лез на рожон, пограничники припасли еще одно действенное средство из арсенала древних сибиряков — увесистые дубины. Вот ими и охаживали наиболее агрессивных китайцев.

Кстати говоря, вскоре «бубенинские» рогатины и дубины получили свое распространение по всему погранотряду. Командир отряда полковник Леонов, ознакомившись с «чудо-оружием», одобрил его применение и издал специальный приказ, в который предписывал всем заставам внедрить в жизнь «рацпредложение» лейтенанта Бубенина.

Были у него и другие придумки для провокаторов. Как говорили на заставе, «на хитрую китайскую жопу мы всегда найдем член с винтом».

Вот за это и ненавидели его китайцы. Люто ненавидели. Даже устраивали охоту. Первыми это почувствовали подчиненные Бубенина.

А он, когда стал замечать, что во время «ледовых побоищ» всегда рядом с ним оказывается парочка самых крепких его пограничников, так прямо и спросил:

— Вы чего меня пасете, как красну девку?

Пограничники засмутились, но потом разъяснили: мол, подкарауливают вас, товарищ лейтенант. Сначала не поверил. Потом и вправду, когда напал на него огромный китаец, с кулаками размером почти с пудовые гири, понял: правы ребята. Они-то его и спасли от китайца, поскольку у нас был не только «винт», но и настоящие здоровяки, бойцы-сибиряки, которые могли уложить самого крупного и агрессивного китайца.

И все-таки хунвейбины подстерегли и выкрали нашего офицера. Но им оказался не Бубенин, а капитан Степонавичус из штаба отряда. Они уже затолкнули капитана в кузов машины, отобрали табельное оружие, но потом, разглядев, что это не Бубенин, выбросили его на лед.

В кулачных боях местного значения прошел почти весь декабрь. Но к новогодним праздникам китайцы неожиданно убрали с границы своих многочисленных провокаторов. Наступило тревожное затишье. Надолго ли? Такой вопрос задавали себе пограничники. Оказалось, ненадолго.

«Вы подписали себе приговор...»

Уже 3 января на участке его заставы государственную границу нарушили около 500 человек. Поначалу он не поверил этой цифре, поскольку сам находился в отрыве от заставы, уехал в Иман, чтобы зарегистрировать брак. Жене вскоре предстояло рожать, а жених все никак не мог выбрать время отвести любимую женщину под венец.

Когда после регистрации «молодые» возвратились в отрядную гостиницу, у дежурной Бубенина уже ждала записка — явиться к начальнику отряда полковнику Леонову. Вот он и обрадовал — краткосрочный отпуск у лейтенанта, не начавшись, закончился, а на Киркинский вышло 500 человек.

Вместе с резервом отряда — маневренной группой, забрав жену из гостиницы, он срочно двинул тогда на родную заставу.

Откровенно говоря, было не по себе. Полтысячи разъяренных китайцев — это уже не двенадцать «мирных» рыбаков и даже не пятьдесят. Вместе с отрядным резервом его застава сильно проигрывала китайцам в количественном отношении.

Через 35 лет в своей книге «Кровавый снег Даманского» он так опишет то страшное побоище.

«Несколько сот разъяренных провокаторов пытались с ходу атаковать нас еще при подходе к острову и не дать нам развернуться. Пользуясь многократным превосходством, они старались окружить нас. Но опытные офицеры и солдаты мангруппы не дали им этого сделать и продолжали теснить китайцев. Завязалась жестокая рукопашная схватка.

Мы выставили все автомобили посередине реки и включили все фары, ослепляя китайцев. Это здорово нам помогло.

До глубокой ночи шло ожесточенное сражение. Треск дубин и

прикладов, крики ярости и просьбы о помощи, стоны, мат — все слилось в сплошной рев.

Вскоре обе стороны стали вытаскивать из этой схватки раненых и изувеченных. Картина жуткая. И никто никого не мог выбить с острова. Мы просто дрались. Нападали и защищались, атаквали и отходили, падали и вновь поднимались. Порой было трудно разобрать, где свои, а где чужие. Далеко за полночь схватка стала потихоньку затухать.

...Китайцы целенаправленно поднимали уровень напряженности с каждым разом все выше и выше, стремясь спровоцировать нас на открытие огня».

И этот раз пришел, но, к счастью, применил он тогда не оружие, а бронетехнику. Иного выхода просто не было. Даже теперь, через пять лет, сидя на кухне в оперативной квартире в Москве, отхлебывая холодный, горький чай, он чувствовал, как возвращается к нему то состояние — дрожь во всем теле, тошнота, липкий пот, заливающий лицо.

Случилось это в феврале 1968 года. Один из секретов доложил на заставу, что огромная колонна китайцев с плакатами, лозунгами движется в сторону острова. Старший наряда терялся в примерном подсчете количества нарушителей, называл человек восемьсот. Позже выяснилось: в тот день на лед вышла тысяча китайцев.

Он как сейчас помнит эту темную, зловещую, повернутую к ним спинами людскую толпу, которая растеклась, словно черный дракон, по всему острову.

Помнит и горстку его пограничников, растянувшуюся в две шеренги, в две тонких ниточки.

От многотенной китайской толпы исходила зловещая опасность. Это чувствовал он, лейтенант Бубенин, это чувствовали его пограничники. Однако на их лицах не было испуга. Его ребята сосредоточены, собраны, готовы к бою.

А на импровизированной трибуне, которую соорудили китайцы, один оратор-горлопан сменял другого. Их криками приветствовала толпа. Звучали цитаты Мао, их хором повторяли китайцы. Гремели барабаны оркестра. Толпа ревела.

По команде они развернулись и бросились на шеренги советских пограничников.

«Тысяча отборных, крепких, здоровых, разъяренных бойцов, — расскажет он через десятилетия на страницах той же книги, — схватились в смертельной схватке. Мощный, дикий рев, стоны, вопли, крики о помощи далеко разносились над великой рекой Уссури.

Треск кольев, прикладов, черепов и костей дополнял картину боя. На многих автоматах уже не было прикладов. Солдаты, намотав ремни на руки, бились тем, что от них осталось.

А громкоговорители продолжали вдохновлять бандитов. Оркестр ни на минуту не умолкал.

Напряжение достигло предела. В какой-то момент я вдруг четко осознал, что может произойти что-то непоправимое. Решение пришло неожиданно...»

...Бубенин встал, подошел к окну. На набережной тускло светили фонари, отражаясь стальными бликами в водах Москвы-реки. Умолкли шумные аттракционы парка культуры и отдыха на противоположном берегу, погасило свою огромную гирлянду кольцо обозрения, оставив на самой верхушке мерцающие рубиновые сигнальные огоньки. Столица засыпала.

Он не раз возвращался в мыслях к тому, самому страшному побоищу и к своему неожиданному решению. Может, и неправ был, как считал кто-то в отряде. Может, и в самом деле не по чину-должности много взял на себя.

А если бы не взял? Если бы не вскочил в БТР и не приказал механику-водителю направить машину на толпу китайцев? Они просто смели бы его пограничников, раздавили, затоптали. Даже оставшись потом в живых, какими бы ушли они в последний свой бой 2 марта? Испуганными, морально надломленными или пусть и побитыми, но не побежденными?

Китайцы обвинили его тогда, что он задавил четырех человек. Четырех «мирных рыбаков». На своей стороне, на виду у советских пограничников, установили гробы, как всегда, повесили лозунги, плакаты, и начались бесконечные митинги. Днем и ночью грузовики подвозили свежие силы — молодых, разъяренных людей. Гремела радиоустановка.

В погранотряде его поступок тоже был воспринят неоднозначно. Оживились особисты, уголовное дело завела военная прокуратура. На заставу прилетел сам начальник разведки погранвойск генерал Киженцев с группой офицеров.

Бубенин до сих пор помнит, как по приказу генерала снарядили разведгруппу с ним во главе. Задача такова — скрытно ночью подобраться к китайцам, вскрыть гробы и определить, есть там трупы или нет.

Он взял в этот рейд самых опытных, проверенных подчиненных.

Подползли. Открыли гробы. В них действительно находились замерзшие трупы. Те ли, которых якобы он сбил, другие ли, — трудно сказать. Но трупы были, факт.

Так он и доложил генералу Киженцеву по прибытии, ничего не утаил.

Начальник разведки внимательно выслушал его, пограничников, задавал наводящие вопросы и все больше хмурился, мрачнел.

В конце беседы он долго молчал, потом глухо, тяжело спросил:

— Вы понимаете, лейтенант, что подписали себе приговор?

Да, он это прекрасно понимал. Там, на «ледовом побоище», у него не было выбора: не останови он китайцев, потеряй своих солдат, — приговор. Остановил нарушителей границы, сбил — не сбил, надо еще доказать, — опять приговор.

Трудно сказать, почему тогда закрыли уголовное дело, не состоялся «приговор», о котором говорил генерал. Ходили слухи, что, когда об этом происшествии доложили Генеральному секретарю Леониду Брежневу, он ответил: действия пограничников следует одобрить. А может, мартовские события 1969 года «помогли». Получилось, на войне как на войне — после Даманского, выходило, не под приговор подводить надо, а награждать. Наградили.

Но кто знает, что произошло в верхах за эти пять лет. Может, китайцы вновь вспомнили засевшего им в печенки начальника заставы. Иного объяснения Бубенин для себя не находил.

«Бракованный» парень

На следующее утро за ним приехали те же сотрудники, что встречали в аэропорту. Куда теперь лежал его путь? Может, в прокуратуру? Оказалось, на площадь Дзержинского, нынешнюю Лубянку, в управление пограничных войск КГБ СССР.

Началось хождение по высоким кабинетам. Сопровождающий провожал его в приемную какого-то начальника и докладывал дежурному офицеру:

— Майор Бубенин...

Офицер понимающе кивал и заходил к шефу. Через минуту-другую майора приглашали в кабинет. Виталий Дмитриевич чувствовал, что это какие-то большие начальники Комитета госбезопасности, но кто эти люди, оставалось загадкой.

Сами они не представлялись, одеты были не в форму, а в штатские костюмы, так что об их званиях можно было только догадываться. Майор с границы, для которого начальником является командир погранотряда, а командующий округом — заоблачная высота, разумеется, не знал и не мог знать высший эшелон руководителей Комитета госбезопасности. А это

были именно они. Позже Бубенин узнает, что водили его по кабинетам членов коллегии КГБ, и те самые штатские, интеллигентные, негромкие собеседники майора носили звания генерал-полковников и возглавляли ведущие Главные управления.

Но тогда лампасов он не видел, погон с большими звездами, перед которыми обычно теряется гарнизонный войсковой люд, — тоже, потому и не робел, отвечал прямо, честно, открыто — что знал, как думал.

Поразительно, но первый день собеседований для прояснения его судьбы ровным счетом ничего не дал. Высокие начальники, как казалось ему, говорили обо всем, только не о том, зачем его вызвали в Москву.

Первый из них, усадив Бубенина за приставной столик, в руководящем кресле не остался. Присел напротив. Седой, в очках, в легкой золоченой оправе, глаза с какой-то искринкой-усмешкой цепко перехватывают взгляд Бубенина и уже не отпускают. Вопрос — и цепкий взгляд глаза в глаза.

«Рентген какой-то, да и только», — мелькнуло в голове Виталия Дмитриевича. Казалось, сейчас он подкинет такой вопросик, что поплывешь ты, майор, большими гребками.

Но «Рентген» неожиданно спросил про место рождения, школу, в которой учился, про родителей.

«Родился в Николаевске-на-Амуре, — рассказал Бубенин, — в Хабаровском крае. С 1948 года жил с отцом и матерью в селе имени Полины Осипенко. Учился. Среднюю школу закончил в 1958 году. Поступил в техническое училище при заводе Дальэнергомаш. Оно готовило рабочие кадры для себя. После его окончания трудился на этом заводе слесарем по ремонту промышленного оборудования.

В 1961 году поступил в пограничное училище».

Виталий Дмитриевич задумался. Все было, конечно, не так быстро и не так складно как доложил он. Но зачем «Рентгену» эти подробности, например, о том, как еще в школе он серьезно заболел двусторонним воспалением легких. Болел долго. Много пропустил времени в школе, и в сентябре пришлось вернуться в тот же класс. А когда закончил школу, ему было уже восемнадцать. Как и положено, сразу после выпускного — в военкомат и на призывной пункт. Подстригли «под ноль», и на медкомиссию. А медкомиссия в области тогда была очень строгая. И вроде бы у него все хорошо, да придрался врач, как призывники его называли меж собой, «ухо-горло-нос». Разглядел, что перегородка в носу искривленная.

Откровенно говоря, такое могло случиться. В их поселковой школе была секция бокса. Бегал туда и Виталий, боксировал. Бил он, случалось,

били и его. В том числе и по носу. Каких-то болей не чувствовал, но, поди ж ты, доктор углядел искривление. От армии его отставили, не то чтобы насовсем, но дали отсрочку.

Вернулся он в родной поселок имени легендарной летчицы Полины Осипенко. Но лучше бы не возвращался. Экий позор — в армию не взяли, «бракованный», значит, парень. Разве каждому объяснишь: мол, искривление, отсрочка временная. Девчата нос воротят, на улице пусто, все его одногодки уже служат, а он «нулевой» прической отсвечивает.

Махнул тогда с досады в Хабаровск, поступил в техническое училище. Пока учился, осваивал слесарное дело, потом на заводе работал, не успел оглянуться, а ему уже двадцать второй годок. Ребята-одноклассники, друзья скоро из армии вернутся, а он еще и шинель не примерил. Непорядок.

Пошел в военкомат: заберите, пора отдать долг Родине. Там прикинули: у парня среднее образование, за плечами техническое училище, трудовой стаж, с завода отзывы хорошие, — и предложили пойти в Военно-морское училище, что во Владивостоке. Согласился, прошел военно-медицинскую комиссию. Странно, но на сей раз врачи состоянием его носа остались вполне довольны.

Стал ждать вызова. А вызова все нет. Опять — в военкомат. Там говорят: мол, нестыковочка вышла, не доглядели, не проходишь ты, Бубенин, по возрасту. Тебе на 1 сентября уже 22 года исполняется, а по закону гражданские кандидаты поступают только до 21 года. Опять незадача.

Видимо, офицеру военкомата, с которым беседовал Бубенин, стало жаль парня, и он предложил:

— В пограничное училище пойдешь?

— А возраст?

— Туда в самый раз...

Отказаться? Значит, возвращаться слесарить на завод или уезжать назад в поселок. Там семья немалая, без него пятеро детей — два брата и три сестры. А он хотел учиться, но понимал: в гражданский вуз ему дорога заказана, не смогут родители помогать, не вытянут. И Виталий дал согласие.

— Тогда вперед. Дело свое под мышку, и в управление КГБ.

Там «дело» приняли, но сказали, что на сборы всего сутки. Сказано — сделано. Через сутки он уже ехал в поезде, который шел на Запад, в Калининград. Так Бубенин оказался в Багратионовском пограничном училище. После первого курса их перевели в Алма-Ату, в высшее пограничное училище, которое в 1965 году он успешно окончил.

Но ничего этого майор Бубенин не сказал члену коллегии КГБ. Он говорил только самое, на его взгляд, важное, существенное.

— После окончания училища попал служить на Дальний Восток. Там события на Даманском. А это вы всё уже знаете...

«Рентген» улыбнулся.

— Это вы всё знаете, Виталий Дмитриевич. Вы воевали с китайцами. А мы. — и он окинул взором кабинет, — вот здесь отсиживались.

— У каждого свое место, — сказал Бубенин.

— Да уж, это правда.

«Рентген» встал и прошелся по кабинету, остановился напротив Бубенина. Майор поднялся.

— Сидите, сидите, — помахал ладонью, усаживая Виталия Дмитриевича на место.

— В общих чертах я знаю, как там все происходило. Насколько мне известно, исход боя предрешили два ваших рейда на бронетранспортерах — один в тыл китайцев, другой — во фланг.

Вопрос вернул его на заснеженный Даманский. Он словно со стороны, в какой-то кинохронике, увидел белый снег и свою распластанную фигуру в черном полушубке, как раз в тот момент, когда пуля китайского снайпера сбила с головы шапку, а пулеметная очередь прошила шубу, не задев спины.

Шел бой, гибли его ребята. Китайцы вели огонь из минометов. Мина взорвалась рядом, смертельно ранив пограничника, и зацепила его. Он потерял сознание. Когда пришел в себя, понял: надо выводить оставшихся в живых пограничников из-под минометного огня. Стал кричать, подавать команды на отход.

Бубенин очнулся. Москва. Кабинет. Ах, да, вопрос был, не его ли рейды предрешили исход боя?

— Знаете, исход боя предрешили мужество и героизм наших пограничников. Ведь у меня было 22 человека, а китайцев за триста человек. У нас по два магазина патронов. Больше — не положено. Самого вытащил из подбитого БТРа солдат Миша Путилов, когда меня расстреливали китайцы.

Он умолк. В кабинете повисла тишина. Трудно сказать, это ли хотел услышать член коллегии КГБ. «Рентген» так же безмолвно сидел, опустив седую голову.

— Да, конечно, — сказал он, то ли размышляя, то ли соглашаясь с мнением Бубенина. — Рад был с вами побеседовать.

«Рентген» встал, подал руку. Майор пожал крепкую, сухую ладонь

члена коллегии и вышел из кабинета.

Сопровождающий офицер уже ждал его. Предложил, глядя на часы:

— Виталий Дмитриевич, пойдёмте, пообедаем. А после обеда ещё одна беседа.

Бубенин шел длинным коридором, слушал разговоры офицера о достоинствах их столовой, а сам по-прежнему не мог взять в толк: зачем его притащили в Москву, водят по высоким кабинетам и ничего не объясняют. «Выходит, не время», — успокаивал себя Виталий Дмитриевич, надеясь, что в следующем кабинете ему точно скажут цель его пребывания в Большом здании на площади Дзержинского.

Однако и в следующем кабинете его мило встречал очередной член коллегии, расспрашивал о том, как он учился в академии, как служил на Севере в погранотряде, и, конечно же, о Даманском.

Так в беседах прошло несколько дней. Вечером он был у первого заместителя председателя КГБ Семена Кузьмича Цвигуна.

— Завтра идем к Юрию Владимировичу Андропову, — сказал Цвигун.

Когда Бубенин возвратился на квартиру, там ждали его жена и сын. Галина, тревожно заглядывая в глаза, спросила:

— Ну, что?

— Завтра иду к Андропову.

— А дальше...

— Галя, — улыбнулся он, — это у Юрия Владимировича надо спросить. Надеюсь, завтра все объяснят.

«Вы нам подходите...»

...Ровно в десять их пригласили к председателю КГБ. Первым вошел генерал Цвигун, за ним начальник Погранвойск генерал Матросов, потом руководитель 7-го управления генерал Бесчастнов и он, майор Бубенин.

Юрий Владимирович встал из-за стола, пожал всем руки, предложил сесть. Принесли чай с лимоном, стаканы в тяжелых, массивных подстаканниках.

Андропов все больше спрашивал, слушал. Вопросы были обращены чаще к Бубенину. Он вновь рассказывал о себе, о службе на границе, о Даманском.

В конце разговора председатель КГБ сказал:

— Вы нам подходите.

Пожал руку и пожелал удачи.

После этого Бесчастнова и Бубенина пригласил к себе начальник Пограничных войск генерал Матросов.

— Хочешь, расскажу, как я отдал тебя Алексею Дмитриевичу? — И он кивнул на Бесчастнова. — Непростая история. В общем, когда было принято решение о создании группы по борьбе с угонщиками самолетов, вызвал меня к себе Андропов.

«Вот оно в чем дело, — подумал Бубенин, глядя на Матросова. — Наконец-то услышал, ради чего притащили в Москву и держали уже неделю взаперти».

— Так, мол, и так, представь три кандидатуры на должность командира группы. Ну, я, разумеется, представил.

Генерал Матросов улыбнулся:

— Но твоей фамилии, Виталий Дмитриевич, там не было. Не хотел я отдавать тебя, признаюсь. У нас свои виды на тебя были. Юрий Владимирович прочел данные по офицерам и листки отложил в сторону. «Командиром группы „А“ назначим Бубенина», — вот это его слова.

Начальник Погранвойск только развел руками:

— Что мне оставалось? Сказать «есть». Служи, Бубенин, верой и правдой и не забывай, что ты пограничник.

— Не забуду, — сказал он в ответ.

Так генерал Матросов, что называется, из рук в руки передал его шефу «семерки» Бесчастнову. А тот, уже на правах начальника, растолковал, что по приказу Андропова создается группа для борьбы с угонщиками самолетов. Она будет подчиняться непосредственно председателю КГБ.

Положение о группе «А», определяющее статус подразделения, его цели, задачи и принципы функционирования, было уже готово. В нем говорилось, что группа выполняет специальные задания председателя КГБ или лица, его замещающего, по пресечению террористических, диверсионных и иных особо опасных преступных акций, совершаемых враждебными экстремистскими элементами из числа иностранцев и советских граждан с целью захвата иностранных представительств, их сотрудников, особо важных и других важных объектов, а также членов экипажей и пассажиров транспортных средств на аэродромах, вокзалах, в морских и речных портах на территории СССР.

Начальник 7-го управления пристально посмотрел на Бубенина.

— Хочу, чтобы вы поняли: это дело государственной важности. Юрий Владимирович придает ему первостепенное значение.

Генерал выдержал паузу, чтобы подчеркнуть значимость сказанного.

— Вы назначаетесь командиром группы «А».

Так неожиданно для себя Герой Советского Союза майор погранвойск Виталий Бубенин возглавил легендарную ныне «Альфу».

Это теперь она такая известная и легендарная. А тогда никто бы и не взялся предположить, что из всего этого получится.

Когда будущий начальник штаба «Альфы» полковник Анатолий Савельев еще молодым прапорщиком уходил в группу из своего подразделения, ему говорили: «Зачем это тебе нужно? Сколько таких групп создавалось под конкретные задачи... И где они теперь?».

Говорившие были по-своему правы. Действительно, в КГБ нередко формировались временные подразделения для выполнения конкретных задач. Но после решения задач они распадались, расформировывались. Кто о них знал, помнил? Многие считали, что и «Альфу» постигнет подобная судьба.

Однако был человек, который думал иначе. Не знаю, обладал ли он даром предвидения, но даром мудрого руководителя владел точно. Речь идет, конечно же, о председателе КГБ Юрии Владимировиче Андропове.

Этот человек не сомневался: путь «Альфы» окажется длинным и трудным. У нее будет много работы. И потому даже самые безумные руководители в самое безумное время не посмеют поднять руку на это подразделение. Хотя, как известно, подобные желания у некоторых кремлевских властителей были.

В 1974 году, когда Юрий Владимирович собственной рукой написал приказ о создании группы «А» № 0089/ОВ (что означает «совершенно секретно» и «особой важности»), американец Чарльз Беквит, ветеран войны во Вьетнаме, еще ходил по кабинетам Пентагона и доказывал, что такое подразделение очень нужно. Однако его никто не хотел слушать. В бесплодной борьбе прошло несколько лет.

«Я пришел к выводу, — признался Беквит, — что армия США не считает иметь нужным подобное подразделение. У меня голова шла кругом от тирании бюрократов».

Майор Виталий Бубенин, к счастью, был избавлен от необходимости кому-либо что-то доказывать. Все, кто занимался созданием группы, думается, осознали государственную важность этого предприятия. Для тех, кто не осознал, добрым стимулом в работе стал андроповский приказ.

Однако на этом преимущества Бубенина перед Беквитом, пожалуй, и заканчивались.

В чем была главная сложность? Прежде всего, в том, что в нашей стране, как, впрочем, и во всем остальном мире, не существовало опыта создания подобных подразделений.

Несмотря на тысячелетнюю историю, терроризм в нынешнем, современном облике в 70-е годы прошлого века только вступал в свою разрушительную фазу. Произошли первые, ставшие вскоре регулярными захваты самолетов, и пришло осознание бандитами того, каким мощным террористическим оружием они могут стать. Словом, как только пассажирский самолет утверждается в качестве суперсовременного средства передвижения, он тут же становится жертвой и одновременно орудием терроризма.

Но человечество еще не готово противостоять «чуме XX века». Оно только учится бороться с ней, судорожно, через ошибки, просчеты, кровь, человеческие жертвы обретает нелегкий опыт противостояния.

Поэтому и происходит трагедия Мюнхенской Олимпиады-72, когда власти в растерянности, а полиция бессильна.

Однако именно после Мюнхена правительство Западной Германии создает специальное подразделение по борьбе с терроризмом, названное ГСГ-9. В эти же годы сформированы подобные подразделения во Франции — группа вмешательства национальной жандармерии (ГИГН), у нас в Советском Союзе — группа «А».

Позже на три года, в 1977-м, США в Форт-Брагге, в штате Северная Каролина, развернут группу «Дельта».

Первая «бубенинская» тридцатка

Как только эти спецподразделения появятся на свет, они обратятся за помощью к израильтянам. К середине 70-х годов спецназ Израиля накопит достаточно знаний и опыта в борьбе с террористами.

В Израиле пройдут стажировку бойцы британской САС, западногерманской ГСГ-9, позже американской «Дельты».

Однако ни о чем подобном не мог мечтать только что назначенный командир советской группы «А» майор Бубенин. Да он, собственно, и не мечтал. У него были другие заботы. Для начала надо было просто собрать воедино подразделение из отдельных личностей. В том, что они должны быть личностями, командир группы не сомневался. Только не такими личностями, которые кичатся своими достоинствами, а такими, которые дополняют друг друга, помогают, создают единое, крепкое, слаженное подразделение.

Тот, кто служил в войсках, знает, как непросто создать такое подразделение. Порою годы надо потратить.

Однако на годы рассчитывать не приходилось, ибо со дня полного укомплектования группы бойцы сразу заступали на боевое дежурство — круглосуточное, непрерывное. То есть, если случается захват террористами объекта, самолета, судна, с ними, этими ребятами, которых он подберет и зачислит в группу, идти под пули, освобождать заложников.

Сложность была еще в одном — легче набирать бойцов под определенные, ясные задачи. Нельзя сказать, что Бубенин не помнил приказа Андропова. Он выучил его наизусть: пресекать преступные акции на аэродромах, вокзалах, в морских и речных портах. Все вроде предельно ясно. Однако неясно главное: как это делать? Какие бойцы для этого нужны, какими качествами: физическими, психологическими, моральными — они должны обладать?

Если нужно вышибить дверь или вступить в рукопашную схватку, для этого лучше всего подойдет двухметровый здоровяк. Но как ему проскочить в маленькое окно автобуса или в узкую форточку кабины авиалайнера?

А кто нужнее в группе антитеррора — снайпер или подрывник, парашютист или подводный пловец, водитель или альпинист?

Ответов на эти вопросы у нас в стране не знал никто. Не знал их и Виталий Бубенин. Однако критерии все-таки были нужны. Поэтому решили формировать группу только на добровольной основе. Это первых.

Во-вторых, попасть в «Альфу» могли офицеры, прослужившие в КГБ не менее двух лет.

В-третьих, кандидаты должны были иметь высшее образование или учиться в вузе.

В-четвертых, выдерживать большие физические и психологические нагрузки. Требования предъявлялись самые жесткие. Поэтому в первой тридцатке группы «А» оказались в основном спортсмены — чемпионы страны, республики, общества «Динамо» Комитета госбезопасности.

Самое пристальное внимание — моральным и деловым качествам, умению работать в единой команде, одним коллективом.

Изучали кандидата, его наклонности, способности, коммуникабельность, реакцию, умение думать и принимать самостоятельные решения, идти на разумный риск. Излишне эмоциональных, взрывных, конфликтных старались не брать.

Словом, шли опытным путем. Ведь каких-то научных разработок в ту пору не было. Зато было большое желание создать крепкий, сплоченный коллектив единомышленников. И, как показала последующая жизнь, не

ошиблись.

Были, конечно, и объективные положительные условия. В ту пору в КГБ из трудовых, воинских, студенческих коллективов рекомендовали и отбирали только лучших. А Юрий Владимирович Андропов разрешил Бубенину выбирать свою «тридцатку» из всего Комитета госбезопасности, из тысяч сотрудников, то есть лучших из лучших.

Формируя американскую «Дельту», ее создатель напишет объявление: «Требуются добровольцы в „Дельту“. Гарантируется медаль, гроб или то и другое». Бубенин таких объявлений не писал, но мог предложить нечто подобное. Ведь никаких привилегий или денежных добавок служба в группе антитеррора не предполагала. Единственное, что удалось выбить, — это так называемый зачет «год за полтора».

Поэтому сюда шли бессребреники, люди смелые и мужественные, готовые не за деньги, а ради спасения других пожертвовать собой. Потом с годами мысль о самопожертвовании при спасении заложников станет одной из основных, главных. Примером тому многие спецоперации «Альфы» и, в первую очередь, освобождение захваченной школы в г. Беслане в сентябре 2004 года.

Однако когда Беквит обещал добровольцам, вступающим в «Дельту», гроб, он знал: случись подобное несчастье, семья погибшего будет хорошо обеспечена, а при ранении или увечье сам сотрудник получит пенсию, которая обеспечит ему достойную жизнь.

А что же у нас? Что делать с бойцом подразделения антитеррора, если он останется инвалидом? Только одно: отправить на мизерную пенсию и обречь его и семью на жалкое существование.

И группа реально столкнулась с этими проблемами уже в 1979 году, когда в ходе штурма дворца Амина несколько бойцов получили тяжелые ранения.

Им тогда просто повезло, что начальником 7-го управления был генерал Алексей Дмитриевич Бесчастнов, фронтовик, человек большой души, который заступился за инвалидов, пошел просить за них к Андропову и отстоял. Они остались на службе, в кадрах КГБ. Их опыт пришелся очень кстати, когда группа стала разрастаться и в ее ряды влились молодые сотрудники.

Однако надо признаться, что эта проблема существует и доныне. И, разумеется, в ту пору майору Бубенину решить ее было не под силу.

Но он решал другие. Прежде всего, как из тысячи кандидатов выбрать самых достойных. С тех пор прошло уже три десятка лет, но первая «бубенинская» тридцатка и поныне считается лучшей. Почему?

Возможно, на этот вопрос ответят сами сотрудники группы «А». И в первую очередь — из того первого набора.

Вот мнение полковника Анатолия Савельева, погибшего при освобождении заложников у шведского посольства 20 декабря 1997 года. Интервью у меня с ним состоялось в марте 1992 года.

«Корреспондент:

— Как вы думаете, первый набор группы „А“ первая тридцатка, был удачным?

Савельев:

— Да, очень удачным. Этот первый призыв и еще набор 1978 года — самые лучшие. Без сомнения. Хотя и позже выбор был большой...

Корреспондент:

— А почему так? От чего зависит?

Савельев:

— Мне кажется, это было совсем другое поколение людей. Иное отношение к делу. Ведь многое из того, что мы делали, нам никто не говорил, в шею не гнал, мол, делай добросовестно. Это как разумеющееся само собой.

Вот Сергей Александрович Голов. Он был уже майор, а я — лейтенант. Но если надо мыть туалет, никто не возражал. У нас ведь в ту пору уборщиц не было. Сейчас чуть что, слышишь от молодежи: „Давай уборщицу, мы — офицеры. Почему мы должны этим заниматься?“.

Когда надо попахать немножко, сразу вспоминают: они офицеры. А когда речь идет о чести, достоинстве, других профессиональных качествах, нередко забывают, что они офицеры.

А в первой тридцатке ребята были здоровые от природы, занимались спортом, имели голову на плечах.

Очень важно, что большинство сотрудников первого набора пришли из „наружки“. Там работа очень самостоятельная. Ты остаешься один на один. Надо думать».

Такой видел «бубенинскую» тридцатку изнутри Савельев, которому было посмертно присвоено звание Героя России.

А вот полковник Валерий Емышев, участник штурма дворца Амина, тяжело раненный в ходе этого боя, вспоминает о первом наборе:

«Я активно занимался спортом, был чемпионом управления.

О группе мы тогда практически ничего не знали, секретность полнейшая. Даже при зачислении в ее состав все беседы тет-а-тет, шептали на ухо. Мне, например, сказали, что будущая работа будет

связана с риском для жизни. И только. Ну, что ж, с риском, так с риском».

Валентин Шергин, начальник охраны Бабрака Кармаля, не раз закрывавший собой афганского руководителя, по поводу бубенинской тридцатки имеет следующее мнение:

«Первый набор — 30 человек — оказался на редкость сильным во всех отношениях.

Работали за идею, никаких дополнительных выплат. Часто сидели „на казарме“, разъезды, выезды. Бывали моменты, когда ко мне гости в дом, а я — из дому. На службу. Хорош хозяин...»

Интересную историю о том, как муж Геннадий Зудин попал в первый состав группы «А», поведала мне Нина Зудина. Сам же капитан Зудин погиб при штурме дворца Амина.

«Геннадий рассказывал, что их было несколько кандидатов. Собеседование проводил какой-то генерал и заместитель командира Ивон.

Генерал и спрашивает: „Водку пьешь?“ — „Пью, по праздникам, в гостях“ — „Ну, а норма какая?“ — „Не знаю, по обстоятельствам, как пойдет“. — „Бутылку выпьешь?“ — „Выпью“. — „А больше?“ — „И больше выпью“.

Засмеялся генерал и отпустил. А следом зам. командира группы выскочил, стал стыдить: „Ну, как же ты, Зудин, с этой водкой!“ — „Так я же правду сказал, как есть“.

Геннадий потом крепко переживал, думал, в группу не зачислят. Зачислили».

Бывали на беседах и такие курьезные случаи.

Особая ответственность в деле подбора возлагалась, разумеется, на командира группы «А» майора Бубенина и его заместителя майора Ивона.

Они перелопачивали сотни личных дел, потом отобранных приглашали на беседу. Порою Бубенин и сам себе не мог объяснить, почему он отклонил ту или иную кандидатуру. Казалось бы, только вчера читал прекрасные характеристики в личном деле сотрудника, а сегодня он вошел, доложил, сел напротив, и Виталий Дмитриевич понимал: не подходит.

Спроси его потом кто-либо из старших начальников, почему, не ответил бы. Но на уровне интуиции, подсознания, если хотите, чувствовал — не годится парень.

Случалось, уже зачисленные сотрудники приводили с собой своих знакомых, товарищей, друзей. Рекомендовали, просили: возьмите, стоящий мужик. Бубенин внимательно относился к таким рекомендациям. Ведь каждый, кто желал «порадеть родному человечку», как выражался

известный литературный герой, понимал, что ему лично придется идти под пули террористов, плечом к плечу с тем самым «родным человечком». А кому не дорога собственная жизнь?

Да и к тому же группу антитеррора вряд ли можно назвать теплым местечком. Огромные физические нагрузки, постоянный тяжкий труд, мобилизация всех сил организма. Так что порочный метод протезирования в данном случае пришелся как нельзя кстати.

Интересно, что этот метод комплектования прижился в «Альфе». И сегодня, через 30 лет после того, как Бубенин принимал в свои ряды первых «протезе», в подразделения приходят по рекомендации действующих сотрудников их друзья, сыновья друзей, братья, зятья. Разумеется, они подвергаются строгой проверке. И тут уж никакие рекомендации не помогут. Но если ребята выдерживают экзамен, как говорится, милости просим к нашему шалашу.

Конечно, речь не идет о том, что по такому принципу формируется вся группа, однако и этот подход опробован практикой и вполне применим.

А тогда, в период набора первой тридцатки, таким образом в группу попал Александр Лопанов. Его представили Бубенину на «семейном празднике» — дне рождения одного из сотрудников группы, сказали добрые слова. Виталий Дмитриевич обещал подумать, присмотреться. Присмотрелся. И Лопанов был зачислен в подразделение.

Он прошел в группе большой и трудный путь. В числе первых для выполнения ответственного задания вылетал в Афганистан еще весной 1979 года. Когда было принято решение создать в Минске региональное подразделение группы «А», Александр Михайлович разворачивал филиал «Альфы» в столице Белоруссии и стал его первым командиром.

После возвращения из Минска возглавил отдел группы «А». Стал полковником. Ныне руководит крупной охранной структурой.

Нет сомнения, что тогда, в 1974 году, Бубенин сделал правильный выбор.

И таких в первом призыве «Альфы» немало. Сергей Голов, проявивший героизм при штурме дворца Амина, получивший в этом бою девять ранений и награжденный орденом Ленина, после службы в «Альфе» возглавил знаменитые курсы усовершенствования офицерского состава — КУОС. При нем курсы стали настоящей школой для спецназа КГБ.

Валерий Емышев, смелый, мужественный человек, в бою во дворце Амина был тяжело ранен, потерял правую руку, но остался служить в подразделении. Стал заместителем командира группы, полковником.

Геннадий Кузнецов — участник того памятного боя за дворец Амина.

Создатель и первый командир Краснодарского регионального подразделения «Альфы».

Дмитрий Леденев, полковник. После службы в группе «А» был назначен начальником отделения боевой подготовки 7-го управления КГБ.

Так можно рассказывать практически о каждом из бойцов первой тридцатки.

Словом, примерно через месяц проблема комплектования подразделения была решена. Группа создана, укомплектована в соответствии со штатом — командир, заместитель и 28 сотрудников. Теперь не только Бубенин, Ивон, но и все бойцы задавались вопросом — что делать дальше? Там, на прежних местах службы, они были лучшими, передовыми и о службе знали все или почти все. Здесь они о службе не знали ровным счетом ничего.

Однако неспроста говорят: командир всему голова. Потому все смотрели на командира.

«Сколотить» воинский коллектив

Майор Бубенин помнил о задаче, поставленной председателем КГБ: создать подразделение антитеррора, способное защитить наших граждан от особо опасных преступных акций на аэродромах, вокзалах, морских портах. Первое, что подсказывало, — приказали идти на аэродром. Иди и учись. Начальству виднее. Но командир группы понимал: аэродромы, вокзалы, порты — это его конечная цель. С кем и с чем он придет туда, случись захват? С тремя десятками хороших спортсменов, смелых ребят... И только. Что они умели, эти спортсмены, что могли?

Прежде чем создать специальное подразделение для выполнения таких сложных задач, как освобождение самолетов, кораблей, иностранных представительств, надо было, как говорят в войсках, «сколотить» обычный воинский коллектив, решить проблему слаженности боевого подразделения. Чтобы они чувствовали себя единой семьей не только за праздничным столом, но прежде всего на поле боя. А для этого следовало отработать тактику, организовать взаимодействие, связь.

Начались выезды в учебные центры Тульской воздушно-десантной дивизии и Московского высшего военного пограничного училища в Ярославскую область.

Почти одновременно с боевым слаживанием возникла проблема вооружения и снаряжения группы. Какое оружие, бронежилеты должны

быть у подразделения антитеррора? Им первоначально, как и положено, выдали автоматы Калашникова, пистолеты Макарова, обычные армейские бронежилеты.

Тогда они свято верили, что наше советское оружие — лучшее, и все-таки кому-то в головы пришла мысль, а не сравнить ли его с иностранными образцами. Обратились к руководству. К их предложению отнеслись с пониманием. Вскоре в группу доставили оружие и бронежилеты иностранного производства. Это были образцы английских, немецких фирм.

Первым делом опробовали бронежилеты. Западные фирмы делали их, конечно, изящнее, легче, но наш АКМ пробивал их влегкую. Отечественные «броники» хоть и тяжелее, но надежнее.

Испытывали бронежилеты в тире, надевая на деревянные чурки. Но чурки и есть чурки. Им не больно. «А что, если?..» — задумался Бубенин. И договорился с подсобным хозяйством, предложил услуги — пристрелить хряка, готового для убоя, а заодно и бронежилет проверить на живом, так сказать, материале.

Выехали они на комитетскую ферму, натянули на большого хряка бронежилет и сделали выстрел-другой из автомата. Поросенок орет, как резаный, но бежит, живой. Бронежилет неплохо держал даже автоматный выстрел.

И только когда Бубенин применил снайперскую винтовку Драгунова, хряк погиб.

На том и порешили: оружие и бронежилеты использовать отечественные.

Не последнее дело — экипировка. Она должна быть удобной, функциональной, не стеснять движения. Пересмотрели всё, во что одеты военнослужащие Министерства обороны, Внутренних войск, Комитета госбезопасности. Лучше других показалась форма ВВС — кожаные куртки, сапоги, комбинезоны летных техников. Ее и приняли.

В 1975 году Бубенин почувствовал — пора начинать тренировки на самолетах. Но чему учить людей? Сначала надо бы понять: как будут действовать террористы.

Не забудем, что в ту пору террористические акты в нашей стране были крайне редки. А уж захваты самолетов и тем более.

Бубенин с Ивоном перелопатили кагэбэшные архивы. Оказалось, первая попытка угона самолета за границу в послевоенный период (в довоенный их вообще не было) пришлось на далекий 1954 год. Самолет «Ли-2» угоняли из Эстонии. Попытку сорвал бортмеханик Тимофеев

Ромашкин, вступивший в борьбу с бандитами. Он погиб. Посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

С тех пор прошло 16 лет.

В 1970 году отец и сын Бразинскасы захватили самолет «Ан-24», убили бортпроводницу Надежду Курченко и приказали лететь в Турцию. Самолет совершил посадку на аэродроме турецкого города Трабзон. С тех пор об угонщиках ничего не слышно. МИД СССР потребовал выдачи убийц. Только кто же их выдаст. Им теперь предоставят политическое убежище и сделают из них борцов с коммунистическим режимом.

И наконец, в 1973 году четверо вооруженных преступников захватили самолет «Як-40», следовавший по маршруту Москва — Минск, и потребовали вылета за рубеж. Спецоперацию по освобождению заложников проводили московские милиционеры и сотрудники УКГБ по Москве и Московской области.

Если первые два захвата, в 1954 и 1970 годах, мало что могли дать Бубенину и его бойцам, то операцию 1973 года они разобрали по косточкам.

А дело происходило так. После захвата экипажу удалось убедить бандитов сделать посадку в Москве, якобы для дозаправки топливом. Посадку сделали во «Внуково-2».

Первыми в переговоры с бандитами вступили министр внутренних дел Николай Щелоков и первый заместитель председателя КГБ Семен Цвигун. Они оказались в аэропорту после завершения межгосударственного визита. А тут и «Як-40» с террористами подрулил.

Высокие начальники начали переговоры. Вскоре в аэропорт прибыл шеф управления КГБ по Москве и Московской области генерал Виктор Алидин.

Террористы требовали дозаправку самолета, передачу 1,5 миллионов долларов и вылет в Швецию. Если их требования не будут выполнены, угрожали взорвать самолет с пассажирами и экипажем.

Щелоков и Цвигун решили удовлетворить требования угонщиков и выпустить самолет за границу, но поставили условие — вылет только после передачи раненых. Террористы приняли условие.

К самолету был направлен запращик и машины «скорой помощи». Когда машины возвратились, сотрудникам КГБ удалось узнать со слов эвакуированных пассажиров, что в салоне находятся четверо захватчиков, вооруженных ружьями.

Относительно взрывного устройства раненые отвечали отрицательно. Никто из них не видел у террористов бомбы, взрывчатки или чего-нибудь

подобного.

Обстановку доложили Андропову. Цвигун высказал мнение, что отпускать угонщиков нельзя.

— Засмеют же нас за рубежом, если бандитов с обрезамн отпустим.

Председатель КГБ согласился со своим заместителем. Было принято решение провести спецоперацию по нейтрализации террористов и освобождению заложников.

Группу захвата возглавил начальник Московского уголовного розыска. Штурмующих одели в бронежилеты, вооружили табельными Макаровыми, и они, выстроившись в цепочку, незаметно для террористов расположились под фюзеляжем самолета.

Когда сотрудник с чемоданом в руке, в котором были приготовлены деньги для передачи, подошел к лайнеру, бандиты открыли двери. Прозвучали выстрелы. Двое террористов упали замертво у двери, а группа захвата быстро проникла в самолет и арестовала угонщиков.

Никто из пассажиров во время штурма не пострадал. Старший лейтенант милиции Попрядухин за умелые действия в ходе операции был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

На первый взгляд, спецоперация прошла успешно. Однако когда Бубенин и его сотрудники стали тщательно анализировать все этапы, оказалось, что успеха добиться помогла цепь счастливых случайностей. Но полагаться только на удачу, везение в борьбе с террористами нельзя.

Первый срыв мог произойти, когда чекисты не смогли собрать нужной суммы долларов. Тогда генерал Алидин приказал сделать куклу.

Следующая задача — отсутствие у группы захвата багра и штурмовой лестницы. К счастью, рядом оказалось пожарное депо, а штурмовую лестницу нашел сам опытный шеф Московского КГБ — он вырвал несколько звеньев из металлической ограды аэродрома.

А если бы ограда была деревянная или бетонная, а пожарных не оказалось поблизости? Что тогда? Вот об этом и размышлял командир группы «А».

«Газовый багор»

И все-таки он кое-что взял из опыта «алидинской» штурмовой группы. Посадив напротив заместителя Ивона, он начинал странную игру. Ставили себя на место террористов.

Захват. Что дальше? Бандиты должны выдвинуть требования. Каким

образом? Варианта три. По радио с самолета, в форточку кабины, в открытую дверь, как летом 1973-го во «Внуково-2».

Аккумуляторные батареи быстро сядут, а дверь в кабину заблокирована и пилоты ее не откроют, значит, остается дверь лайнера. Использовать тот же багор или нечто подобное, чтобы угонщики не могли ее захлопнуть. Использовали. Что дальше?

А если это будет не просто багор, а своего рода газовое оружие? Одним ударом двух зайцев — и дверь блокируется, и террористы падают, сраженные струей газа.

Что ж, обратились в техническое управление КГБ, в один из научно-исследовательских институтов. Через несколько дней в распоряжение группы доставили это «чудооружие», как шутили бойцы, «газовый багор».

Возможно, сегодня, с высоты 30-летнего опыта борьбы с терроризмом, «газовый багор» кажется смешным и наивным приспособлением, но без него не было бы многого, чем владеет ныне и гордится легендарная «Альфа».

А начинался этот длинный и трудный путь тогда, в семьдесят четвертом — семьдесят пятом годах.

Однако багры баграми, а самолеты, которые предстояло штурмовать, бойцы первой тридцатки излазали «от» и «до» на собственном пузе: где какие люки, лючки, двери, как они открываются, закрываются, куда падают, в проход или на кресла. Изучали и наиболее уязвимые места воздушных лайнеров, ознакомились с порядком заправки горючим, смены экипажей, загрузки и выгрузки багажа, посадки пассажиров.

Словом, работали, готовили первые учения на самолете, на которых должен был присутствовать заместитель председателя КГБ.

А тут неожиданное приглашение из МВД. Их звали побывать на учениях по освобождению заложников из захваченного диппредставительства. Ну что ж, дело нужное, почему не перенять опыт у коллег.

Приехали в Балашиху. Там, по замыслу организаторов учений, террористы осуществили захват иностранного посольства.

Вскоре началось освобождение. В мгновение ока «вышколенные» солдаты Внутренних войск окружили тройным кольцом условное диппредставительство. Вооружены они были автоматами, пулеметами, гранатометами. Пожалуй, только артиллерии не хватало.

Вокруг неистово стреляли, в доме вышибали двери, внутрь врывались штурмующие. И все это под канонаду автоматного-пулеметного огня.

По самым скромным подсчетам, в учениях принял участие полк

Внутренних войск.

Бубенин со своими сотрудниками возвращались с показательных учений притихшими: там полк, а их всего 30 человек. Наутро собрались, обсудили и пришли к выводу — учения коллег из МВД удались. «Альфовцы» четко поняли: так поступать нельзя.

А вскоре провели и свои первые учения по освобождению захваченного «террористами» самолета. Посмотреть, чему научились сотрудники группы «А», приехал заместитель председателя КГБ.

Противостояли «альфовцам» опытные оперативники Комитета. Им была поставлена задача обнаружить бойцов штурмовой группы еще на подходе, до проникновения в самолет.

Оперативники глядели во все глаза в иллюминаторы. Они понимали: «альфовцы» где-то здесь, рядом. Чувствовали даже покачивание самолета, какие-то едва различимые шорохи, но ничего не видели. Вокруг лайнера никаких людей, плоскости крыльев пусты.

И вдруг, в мгновение ока, в полупустом самолете — толпа людей. В униформе, в касках, с пистолетами. Ослепляющий взрыв, резкие крики: «Руки за голову! Голову на колени!».

Оперативников, которые «играли» за террористов, быстро скрутили, спустили вниз, положили носом на бетонку у самолета.

Зампред КГБ остался доволен.

Но чего это стоило «альфовцам»? Например, найти «мертвое» пространство на крыле самолета — считай, целое открытие. Оказывается, есть такое, и бойцы группы антитеррора вполне успешно используют его для скрытного выдвижения к люку лайнера.

Тогда же, в ходе тренировок на самолете, сотрудники подразделения поняли, что при проникновении в салон главное — скорость, быстрота броска. Неожиданное появление бойцов с применением светошумовых гранат и других спецсредств парализует волю захватчиков, дает выигрыш во времени, а значит, возможность завершить операцию успешно.

Через два года, в 1977-м, жизнь подтвердит правильность теории быстрого штурма. Самолет «Боинг» немецкой авиакомпании «Люфтганза», совершавший рейс из аэропорта Пальма на острове Майорка во Франкфурт-на-Майне, был захвачен группой террористов во главе с Захиром Юссефом Апаче. Бандиты приказали лететь на Кипр. Потом самолет делал перелеты и посадки в Бахрейне, Дубае, Южном Йемене.

Наконец, 17 октября авиалайнер совершил посадку в столичном аэропорту Сомали — Могадишо.

В этот же день в Могадишо спецрейсом из Германии прибыли бойцы

подразделения ГСГ-9 во главе со своим командиром Ульрихом Вегенером. Вместе с германскими спецназовцами прилетели два офицера английской антитеррористической группы САС. Они, кстати, привезли с собой светошумовые гранаты, которые при штурме сыграют важную роль.

На проникновение в самолет и уничтожение первых террористов ушло всего семь секунд. Это сыграло решающую роль в успешном исходе операции. Несмотря на ожесточенное сопротивление, террористы были ликвидированы, заложники — освобождены.

Однако до 1977 года было еще далеко, и Бубенин со своими бойцами не ждал практического подтверждения правильности отработанных приемов. Он шел вперед. Кстати говоря, приемы эти в работе до сих пор. Разумеется, они совершенствуются, но основы, разработанные первой тридцаткой, остаются прежними.

Что характерно, они универсальны и применяются подразделениями антитеррора во всем мире. Забвение их грозит катастрофой. Примером тому провальная операция египетских командос, проведенная на Мальте. Тогда при освобождении самолета авиакомпании «Египет Эрлайнс» погибло 2 террориста и 57 заложников из 97.

Спецназовцы отряда Саака («Молния») проявили максимум непрофессионализма — они за полчаса до штурма прервали все контакты с бортом, что, естественно, насторожило террористов; перед началом атаки на аэродроме установилась тишина, и было слышно, как бойцы монтируют штурмовые лестницы, забираются на крылья самолета. При выходе к лайнеру они шли не с хвоста, находясь в «мертвой» зоне, а с двух сторон и хорошо просматривались в иллюминаторы. Неверно штурмующие распределились и у дверей авиалайнера. Их было по 8-10 человек на каждую дверь, и они мешали друг другу.

Позже выяснилось, что египетские командос не имели на своей базе для тренировки не только настоящего самолета, но даже его макета.

Надо отдать должное — бойцы группы «А» всегда тренировались на реальных самолетах, более того, на разных типах, марках.

Отработав самолет, Бубенин, Ивон и их подчиненные шли дальше. Они понимали, что захват самолета — лишь одно из звеньев террористического акта. В любом случае при поездке в аэропорт или обратно террористы потребуют транспорт. При этом скорее всего у них будет свой водитель. Значит, вставала проблема — как нейтрализовать террористов на маршруте движения.

Это потом, позже, «альфовцы» придут к мнению, что штурм транспортного средства во время движения по маршруту и есть самый

действенный прием. А пока творческая мысль работала в другом направлении. Например, создать специальный автобус, автомашину, сев в который, террористы просто засыпали бы. И их, «тепленьких», после этого бери хоть голыми руками.

Бубенин опять встретился с учеными. Можно ли создать автомобиль, в котором террористы усыпляются газом? В принципе, можно, ответили ему. Но что станет с пассажирами этого автомобиля, среди которых будут не только бандиты, но и заложники? Ведь уснет и водитель, а машина просто разобьется. А надо сделать так, чтобы не разбилась.

Задача ясна — ученые стали думать. Вскоре у командира группы «А» прозвучал телефонный звонок из НИИ КГБ: забирайте «изделие» и вперед — испытывайте. «Рафик» был полностью готов к испытаниям, в кузове машины даже сидели подопытные кролики.

Что ж, выехали на полигон. За руль сел сам Бубенин. По ходу движения оглянулся через плексигласовую прозрачную перегородку: кролики, уже опустив уши, засыпали. Вскоре и сам он не заметил, как «вырубился», и ткнулся лицом в баранку. Автомобиль в ту же секунду резко затормозил. Ехавшие сзади ученые, его сотрудники подбежали, вытащили командира, привели в чувство.

Оказывается, из второй машины, идущей следом за его «Рафиком», была подана команда на специальное устройство, пускающее газ, а также включался тормоз.

Впоследствии эта идея не прижилась. Возникло много проблем, как технического свойства, так и медицинского, биологического. Усыпить удавалось кроликов, а впоследствии котов и даже обезьян на 5–7 минут. А если группа захвата застрянет, остановится по каким-либо причинам и не успеет арестовать террористов? Что сделают они с заложниками, когда очухаются и поймут, в чем дело?

А если бандиты заподозрят что-то неладное и просто отвергнут предложенное транспортное средство? Что тогда? Значит, это ложный путь. Предстояло найти другой. И он был найден и в будущем показал свою эффективность. Таким способом «взяли» захваченный террористом автобус с корейскими туристами в Москве на Васильевском спуске в 1995 году. Бандит был уничтожен, заложники — освобождены.

Конечно, в развитии технических средств борьбы с террористами, тактики действий, приемов Бубенин и его подчиненные делали лишь первые шаги. Но тем труднее они были. Ведь начинать, закладывая основы дела всегда тяжело. Особенно такого дела, как борьба с терроризмом.

«Хочу вернуться в погранвойска...»

Годы с 1974 по 1977-й, когда майор Виталий Бубенин возглавлял группу «А», выдались достаточно спокойными для нашей страны. Террористических актов, захватов самолетов, поездов, судов не было. Судьба словно отвела время для подготовки подразделения антитеррора.

Разумеется, группа напряженно обучалась, выполняла некоторые поручения руководства КГБ.

Так, в декабре 1976 года Бубенин получил приказ — выделить из состава подразделения группу сотрудников, на которую возлагалась задача обмена диссидента Владимира Буковского на Генерального секретаря коммунистической партии Чили Луиса Корвалана.

Следовало доставить за границу Буковского в целости и сохранности, в добром здравии, исключив возможные провокации. То же проделать и с Корваланом. Сложность состояла в том, что обмен должен был состояться не в родном Подмоскowie, а в Цюрихе. Разумеется, никто из бойцов Бубенина до этого случая за границу не выезжал.

Возглавил группу заместитель командира Роберт Ивон. 17 декабря сотрудники, переодевшись в милицейскую форму, забрали Буковского из следственного изолятора в Лефортово, заехали на квартиру, проводили в машину мать и сестру диссидента и двинули в Чкаловское. Там ждал их личный самолет Андропова.

Полет прошел нормально, а вот в Цюрихе вышла неувязка. Корвалан с женой уже поднялись на борт, а Буковский отказался покинуть лайнер. Он только нервно повторял, что не хочет в Америку, он желает в Швейцарию, а там, мол, у трапа, американцы.

А внизу, у самолета, возникла нервная обстановка. Американцы выхватили автоматы и окружили сотрудника «Альфы» Дмитрия Леденева, принимая его за диссидента, кричали: «Господин Буковский! Господин Буковский!».

Леденев пытается вырваться из кольца вооруженных людей, а то ведь и вправду за Буковского отдуваться придется. Затолкнут в лимузин да увезут.

Пришлось связываться с центром, докладывать обстановку, мол, Буковский не желает выходить. Центр ответил — уговорить, успокоить и передать американцам.

Буковский долго не соглашался, наконец покинул борт самолета. «Альфавцы» с облегчением вздохнули.

Лайнер получил команду «На взлет!». Вскоре они были в воздухе.

Откровенно говоря, подобные задания не радовали. Никто, разумеется, не возмущался. Приказ есть приказ, но при случае начальнику 7-го управления генералу Бесчастнову жаловались: нет настоящего дела, боевой работы. Только стрельбы, кроссы, вождение, учения...

Мудрый, опытный шеф «семерки» успокаивал горячую молодежь. Не спешите, ребята, хватит и на ваш век боев, походов, терактов. Но тогда мало кто верил генералу.

А ведь он был прав: уже через несколько лет, в декабре 1979-го, придет Афганистан, долгая девятилетняя война. Начать эту войну предстояло им. И никто еще не знает, что в том страшном бою у дворца Амина погибнет их товарищ из «бубенинской» тридцатки — капитан Геннадий Зудин. А еще Дмитрий Волков из второго набора, ребята из «Зенита», из «мусульманского батальона», из роты десантников.

Бубенину тоже хотелось боевой работы. Только виделась она ему по-иному, чем подчиненным. Да, командир группы антитеррора добросовестно и честно нес свой крест, но душе-то не прикажешь. А душа его была далеко от Москвы, на границе.

Управление погранвойск располагалось по соседству, и нередко он встречался то с прежним сослуживцем, то с сокурсником по училищу, то с товарищем по академии. Те с удовольствием рассказывали Виталию Дмитриевичу, как там, на границе, не осознавая, что сыпят соль на раны.

...В апреле 1977 года командир группы «А» Виталий Бубенин был на докладе у председателя КГБ Андропова. Каждые полгода вызывал его к себе Юрий Владимирович. Внимательно слушал, задавал вопросы, спрашивал о проблемах, о нуждах. Так было и в этот раз. Судя по всему, руководитель Комитета госбезопасности остался доволен докладом командира группы антитеррора, поблагодарил за службу.

Тут Бубенин преподнес ему сюрприз.

— Юрий Владимирович, хочу вернуться в пограничные войска.

Андропов внимательно посмотрел на майора, снял очки, отложил их в сторону:

— Ну что ж, дело вы свое сделали, группу на ноги поставили, — сказал он. — В конце концов, вы не в тыл проситесь, а на передовую. Пишите рапорт, найдем вам достойную должность в погранвойсках.

И Бубенин написал. Председатель КГБ наложил резолюцию: *«Тов. Матросов-В. А. Прошу очень внимательно отнестись к просьбе тов. Бубенина и, по возможности, положительно ее решить. Андропов».*

В погранвойсках «внимательно отнеслись, решили». В конце апреля вышел приказ — назначить майора Бубенина на должность начальника

политотдела погранотряда на Камчатку. Словно и не было этих двух с лишним лет службы в центральном аппарате КГБ. Его вновь вернули на прежнюю должность, только отправили еще дальше — на край земли советской.

Вроде он и ни в чем не провинился перед начальством погранвойск, но, судя по всему, кому-то не понравился то ли его уход в 1974-м, то ли его возвращение в 1977-м.

Как складывалась дальше судьба первого командира группы «А»?

Он воевал в Афганистане, в 1981 году был назначен заместителем начальника оперативно-войскового отдела Среднеазиатского пограничного округа.

Учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС, закончил ее, служил в Политуправлении погранвойск. С 1987 года — начальник Политического управления, член Военного Совета Прибалтийского пограничного округа, позже — заместитель командующего Северо-Восточным пограничным округом.

После развала Советского Союза направляется в г. Хабаровск на должность заместителя командующего Дальневосточным пограничным округом.

В 1993 году ему предлагают сформировать Хабаровский военный пограничный институт. Он создает это учебное заведение и становится его первым начальником.

Примеру Бубенина-пограничника последовали его два сына, три племянника. Они все стали офицерами погранвойск.